

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. И. НОВИКОВ
И
ОБЩЕСТВЕННО-
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
ЕГО
ВРЕМЕНИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

В Е К

СБОРНИК

11

Н. И. НОВИКОВ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
ЕГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1976

Под редакцией
доктора филол. наук Г. П. МАКОГОНЕНКО

Н $\frac{70202-538}{042 (02)-76}$ 292-76

© Издательство «Наука», 1976

П. Н. БЕРКОВ

**НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ
ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ
Н. И. НОВИКОВА**

Три четверти века без нескольких месяцев прожил этот замечательный деятель русской культуры, и как раз такие три четверти века, на одном конце которых стоят первые значительные литературно-общественные выступления Ломоносова и Сумарокова и на другом — первые политические организации будущих декабристов. Указанные хронологические даты не простое, или, как принято говорить, «случайное» совпадение фактов. В историко-философском смысле жизненный путь Новикова есть соединительное звено между ранним русским просветительством XVIII в. и дворянскими революционерами XIX столетия; это мост между сторонниками и пропагандистами идей просвещенного абсолютизма, с одной стороны, и более или менее полными и последовательными отрицателями русского абсолютизма, с другой.

Конечно, было бы неверно понимать сказанное в том смысле, что именно Новиков и только он один представлял собой соединительное звено и мост между поколением ранних просветителей 40-х годов XVIII в. и поколением участников «Союза благоденствия» и «Союза спасения».

По времени рождения и по своим нравственным и политическим убеждениям Новиков принадлежал к той группе наших выдающихся писателей, которая увидела свет в 1740-х годах. Это были Я. Б. Княжнин (1740), Г. Р. Державин, Е. Р. Дашкова и И. Ф. Богданович (1743), Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков (1744), И. И. Хемницер (1745), наконец, А. Н. Радищев (1749). В то же десятилетие родились также С. Башилов (1740), С. А. Порошин (1741), С. Г. Домашнев (1743), гр. А. И. Мусин-Пушкин (1744), А. В. Храповицкий (1749). Иными словами, сверстниками Новикова были по существу наиболее крупные литературные и общественные деятели России последней трети XVIII в.

Как ни различны были по своим позициям такие люди этого десятилетия, как Радищев и Фонвизин, с одной стороны, и Мусин-Пушкин и Храповицкий, с другой, всех их сближает, всех их роднит то, что они вырастали тогда, когда по-настоящему стали ощущаться следствия того исторического процесса, который принято называть «реформами Петра Великого». Поразительно точная характеристика этих десятилетий находится в «Исторических замечаниях» А. С. Пушкина: «Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножались; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе».¹

В этой часто приводимой цитате важна идея, обычно не обращающая на себя внимания: в результате петровских реформ возникает просвещенное общество, возникает общественная инициатива, и это все противостоит невежеству правительства, его безынициативности, его инертности.

В самом деле, чем меньше в государстве в определенные моменты его истории высших и даже средних учебных заведений, тем большую роль играют они в культурной жизни народа, тем большее значение приобретают их питомцы в истории страны. Не все писатели, родившиеся в одно десятилетие с Новиковым, учились в гимназиях при Московском университете и в самом университете, но тем большую роль сыграло университетское и гимназическое образование в судьбе Фонвизина, Новикова, а также С. Г. Домашнева, И. Ф. Богдановича, кп. Ф. А. Козловского, П. И. Фонвизина, С. Башилова, В. Г. Рубана и др. Участие студентов в университетских журналах, журналах Хераскова и Рейхеля, в любительском театре при университете, посещение открытой при университете публичной библиотеки и, главное, товарищеская атмосфера, установившаяся в отношениях между учащимися, — все это способствовало созреванию и укреплению в сознании сверстников Новикова идеи общественной инициативы. Очень существенно было также усвоение глубокого уважения студентов к личности и творчеству Ломоносова и Сумарокова и, может быть, еще более — молодого Хераскова.

Мы сравнительно мало знаем внутреннюю, идейную жизнь по-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XI. [Л.], 1949, с. 14.

коления Новикова в годы пребывания в университете, но дошедшие до нас сатирические произведения тех же лет свидетельствуют о том, что вопросы общественно-политической жизни страны привлекали внимание сверстников Новикова. Другим подтверждением этого являются переводы Фонвизина студенческих лет — политического романа «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» Террассона и трагедии Вольтера «Альзира».

Нет необходимости подробно проследивать дальнейшую биографию Новикова и его сверстников, тем более что монографий о Новикове имеется едва ли не больше, чем о каком-либо другом русском писателе XVIII г. Для нас важно было установить, в какой психологической и политической атмосфере протекали юношеские годы Новикова, как уже в этот период складывались его просветительские и политические интересы, первым осязательным свидетельством которых является его издательская деятельность в 1766 г.

Все же на некоторых моментах раннего периода биографии Новикова мы должны остановиться; это будут как раз такие факты его жизни, которые представляются обычно неясными, которые воспринимаются нами как поступки немотивированные или такие, мотивировка которых до нас не дошла. Такими фактами прежде всего являются увольнение Новикова из гимназии «за леность и нехождение в классы» и его уход в двадцатичетырехлетнем возрасте в отставку. Я не буду подробно останавливаться на первом пункте, так как у нас нет никаких документальных материалов для аргументации. Но обращу внимание на то, что в 1758 г. Новиков назван одним из «ближайших к награждению» учеников Благородной гимназии, «оказавшим успехи во втором французском классе у г. Николая Билона».²

Г. П. Макогоненко, остановившийся на втором вопросе в своей превосходной монографии, видит в поступке писателя результат определенной точки зрения: «Подать в отставку в двадцать четыре года, после работы в Комиссии, — писал Г. П. Макогоненко, — было актом большой принципиальности, было своего рода общественной демонстрацией».³ Вполне естественно, что в этой связи Г. П. Макогоненко вспоминает знаменитый второй вопрос из «Вопросов сочинителю Былей и небылиц» Фонвизина: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?». Мне кажется, с еще большим основанием следовало бы при обсуждении причин, заставивших Новикова уйти в отставку, вспомнить то место в действии третьем «Недоросля», где Стародум на вопрос Правдина: «Разве дворянину не позволено взять отставки ни в каком уже случае?» — отвечает: «В одном только: когда он внутренно удо-

² Московские ведомости, 1758, 12 мая, № 38, прибавление, с. 8.

³ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 107.

стоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди».⁴

То, что писал Фонвизин в «Недоросле» и в «Вопросах сочинителю Былей и небылиц» о праве дворянина уходить в отставку, было связано не только с массовым уходом ряда лиц со службы в 1781—1783 гг., но и с общим вопросом об отношении передовых дворян к службе в государственном аппарате тогдашней России. Можно не сомневаться, что Новиков был одним из первых русских дворян, которые «внутренно удостоверились», что их служба в екатерининском государственном аппарате «отечеству прямой пользы не приносит». И уход его в отставку в начале 1769 г. вполне объясняется тем, что он именно так решил этот вопрос и нашел уже для себя подлинную сферу деятельности — а именно журналистику как форму служения обществу. В предисловии к первой части «Трутня» сквозь шуточные фразы, говорящие о якобы присущей издателю журнала лениности, Новиков проводит серьезную, важную для него мысль: ни одна форма службы в государственном аппарате — ни военная, ни приказная, ни придворная — «не по его склонностям». «К чему ж потребен я в обществе?», — задает он себе вопрос и отвечает словами Сумарокова: «Без пользы в свете жить — тягчить лишь только землю». И продолжает: «Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству». Он решает заняться журналистикой и печатать произведения, «особливо сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие, ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу», «а сие то и есть, — завершает свою мысль Новиков, — мое намерение».⁵

Если расшифровать это сатирическое предисловие, то вывод будет только один: «оказать услугу отечеству», по мнению Новикова, на государственной службе нельзя, а общественной деятельностью, деятельностью журналиста-сатирика можно принести «великую пользу».

Принятие подобного решения означало, что Новиков разуверился в способности государственной власти исправлять отрицательные явления в жизни народа и что за это должно взяться само общество. Этой идее Новиков остался верен до конца своих дней, и именно этой верности сложившемуся у него убеждению никак не хотела и не могла простить ему Екатерина.

Здесь целесообразно остановиться еще на одном месте в предисловии к «Трутню». В примечании Новиков перечисляет сочинения, которые он не станет печатать в своем журнале. Это произведения, «кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения». «Я надеюсь, — продолжает он, — что

⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1959, с. 131.

⁵ Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 46—47.

таковых и не будет, ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет, против последних же двух без сомнения благопристойность писать запретит».⁶

Однако эти словесные защитные сооружения не обманули Екатерину: она скоро поняла, что если против бога, благопристойности и здравого рассуждения «Трутень» не выступает, то с «правлением» Новиков ведет настойчивую и продуманную борьбу. Какие меры самозащиты приняла Екатерина, в основных чертах известно, и нет необходимости повторять это. Одно только надо указать. То труднопонимаемое произведение, которое безусловно принадлежит Новикову и напечатано во второй части «Живописца» (листы 8 и 9) под названием «Перевод»,⁷ несомненно представляет собой одно из наиболее резких выступлений Новикова против Екатерины. Повторяющееся в этой статье несколько раз выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятели», которое «обгрызает» Новиков, может быть понято только как намеренный дословный и потому неуклюжий и не совсем ясный перевод с немецкого. По намекам, рассеянным в статье, можно предположить, что слова «Неудобо-разумо-и-духодеятели» были сказаны Екатериной и представляли ее отзыв о Новикове, каким-то образом дошедший до него. Так, прежде всего обращает на себя внимание заглавие «Перевод», — ни разу ни ранее, ни позже не встречающееся у Новикова. Далее — построение первой фразы: «Я теперь Неудобо-разумо-и-духодеятели». Это выражение характеризуется как «новое и высокое изобретение осьмагонадесять столетия». Затем среди «ипохондриков» он изображает человека, в котором можно узнать отставного фаворита Екатерины; он стал «ипохондриком», «ибо обожаемая им повелительница — повелительница, которая по искусству своему... преобратила его своим непостоянством в дурака». Ограничимся только этими «наводками» Новикова. Если наше предположение правильно, то громоздкое и не сразу понятное в переводе выражение «Неудобо-разумо-и-духодеятели» может означать, что уже в это время, в начале 1770-х годов, умственная и духовная деятельность Новикова стала для Екатерины неудобной. Злопамятная императрица оставила еще несколько одинаково враждебных отзывов о Новикове. Так, через 15 лет, в октябре 1788 г., А. В. Храповицкий занес в свой дневник слова Екатерины «C'est un fanatique».⁸ Еще через пять лет Храповицкий со слов Державина записывает отзыв Екатерины о Новикове — «умный и опасный человек».⁹ Есть еще один, как нам представляется, особенно замечательный отзыв Екатерины о Новикове, затерянный в дневнике московского про-

⁶ Там же, с. 47.

⁷ Там же, с. 405—410.

⁸ Храповицкий А. В. Дневник с января 1782 по 17 сентября 1793 г. Под ред. Н. П. Барсукова. М., 1901, с. 100.

⁹ Там же, с. 251.

фессора первой половины XIX в. И. М. Снегирева: «Екатерина II говаривала, что легче ей сладить с шведами и турками, чем с поручиком Новиковым».¹⁰

Что же делало Новикова столь опасным в глазах могущественнейшей в Европе императрицы?

Чтобы дать по возможности точный ответ на этот вопрос, мы должны вспомнить, какие исторические задачи русской жизни решало поколение, к которому принадлежал Новиков, а до этого необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Употребляя термин «поколение», Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, В. И. Ленин всегда имели в виду передовых людей приблизительно одного возраста, деятельность которых была ответом на исторические потребности народа в определенный момент его развития.

Конечно, понятие «поколение» не означает, что все эти молодые люди — сверстники имели совершенно одинаковые взгляды и действовали совершенно одинаково. Естественно, что сознание каждого из них формировалось под воздействием ряда факторов: национальных, классовых, семейных и, конечно, индивидуальных. Исходя из такого понимания этого термина, мы видим в истории России XVIII в. ряд поколений. Первое поколение — это современники Петра Великого, историческая задача которых состояла в том, что они способствовали, с одной стороны, появлению «петровских» реформ,¹¹ а с другой — их реализации. В этот период просвещенный абсолютизм играл положительную роль в русской жизни, и поэтому поколение первой четверти XVIII в. состояло из искренних последователей теории просвещенного абсолютизма и столь же искренно прославляло Петра.

Второе поколение передовых людей XVIII в. — Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, — при всем различии их философских и социально-политических убеждений, также решало одну общую задачу: продолжать прогрессивную линию просвещенного абсолютизма, по крайней мере в плане теоретическом, несмотря на неспособность «ничтожных наследников северного исполина» (Пушкин) осуществлять эту линию. В этот период создается культ Петра как средство заменять реальную программу конкретных действий. Получилось так, что это поколение, защищая в теории просвещенный абсолютизм, самим созданием культа «идеального монарха» исподволь воспитывало в своих читателях, способных размышлять и сопоставлять, критическое отношение к царствовавшим императрицам и императорам.

¹⁰ Снегирев И. М. *Дневник*, ч. I. 1822—1852. С предисл. А. А. Титова. М., 1904, с. 359.

¹¹ О своем понимании «петровских» реформ я говорю в статье «Понятие „европеизация“ в истолковании В. И. Ленина и спорные вопросы истории русской литературы конца XVII—начала XVIII в.» — В кн.: *Наследие Ленина и наука о литературе*. Л., 1969, с. 300—312.

Перед третьим поколением передовых людей России XVIII в. — поколением Новикова, Фонвизина, Державина, Княжнина — стояла еще более сложная задача: после крушения идей просвещенного абсолютизма, сразу обнаружившегося в первые же годы царствования Екатерины II, найти замену этим идеям, не производя ни политической, ни тем более социальной революции. По-разному решали этот вопрос разные люди этого поколения. Так, Фонвизин, с одной стороны, считал «двор», то есть верховную власть, Екатерину, «неисцельно больным», а с другой, все же полагал, что писатель может быть в тиши своего кабинета «полезным советодателем своему государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества». И Державин, считавший своей заслугой, что «истину царям с улыбкой говорил», но забывший при этом свои поразительные стихотворения «Властителям и судиям» и «Храповицкий! Дружбы знаки...», и Княжнин, смело сказавший, что «самодержавие повсюду бед содетель», и многие другие люди их поколения, утратив веру в благодетельность просвещенного абсолютизма, в той или иной форме высказывались за компромисс с самодержавием, которое надеялись исправить своими советами, своей помощью.

Новиков не ставил вопроса о компромиссе, так как не питал надежд на способность российских монархов следовать благим советам писателей и философов. В противоположность некоторым своим сверстникам он поставил своей главной задачей пробудить в русском обществе инициативу, создать влиятельное общественное мнение, воспитать сознательных патриотов, способных сочетать здравые национальные традиции и достижения новейших поколений русских людей с лучшими, оправдавшими себя на деле достижениями европейской культуры.

Сила Новикова и в то же время его слабость проистекали из его главного просветительского убеждения, что «мнения правят миром», из его веры в то, что распространение здравых воззрений, то есть подлинной нравственности среди людей, является основным, если не единственным средством уничтожения зла на земле. Утратив веру в то, что Екатерина и ее правительство способны и, главное, желают «исправлять нравы», Новиков всю свою жизнь посвятил борьбе со злом, как оно ему представлялось. Менялись только формы борьбы: сатирическая журналистика уступала место обширной и разнообразной книгоиздательской деятельности, параллельно вновь возникала журналистика, на этот раз философская, эстетическая, историческая, критическая. Даже после освобождения из крепости Новиков не успокоился, только ограничился пропагандой своих любимых идей в кругу единомышленников, — но борьба со злом оставалась у Новикова на всем протяжении его жизни единственным делом, и при этом источником зла представлялись ему прежде всего безнравственность, отсутствие прочных моральных убеждений и проистекающая отсюда, как он говорил, «развратность действий».

В этой верности борьбе со злом Новиков был непоколебим, и Екатерина в известном смысле была права, назвав его фанатиком.

Если попытаться охарактеризовать жизненный подвиг Новикова одной краткой формулой, то больше всего подошло бы определение «общественная педагогика, общественное воспитание в широком смысле слова». В это понятие вполне законно входят все разнообразные формы деятельности Новикова.

При изучении литературы XVIII в. нам часто приходится сталкиваться с тем, что проблема воспитания играла у многих тогдашних писателей исключительно важную роль. Обычно этот факт рассматривается исследователями только в качестве одной из сторон — и отнюдь не главной или хотя бы существенной — мировоззрения того или иного писателя. Между тем в условиях екатерининского режима проблема воспитания приобретала остро политический характер. Литература, продуманное издательство книг прогрессивного содержания, частные школы с передовыми программами обучения и умными педагогами, домашнее воспитание с помощью специально подготовленных русских гувернеров, или гофмейстеров, как называл их Новиков, издание особо подобранных театральных произведений — вот те первые области деятельности, в которых общество могло противопоставить Екатерине свое понимание «благополучия человеческого».

Проблему общественного воспитания Новиков понимал широко, и поэтому ни в коем случае нельзя реконструировать его педагогическую систему только на основании трактата «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия»,¹² а также других его специальных статей на ту же тему. В крепостнической России второй половины XVIII в. Новиков был в подлинном смысле слова воспитателем общества; это понимали тогда многие, и поэтому понятно, почему Екатерина считала его умным и опасным. Она понимала, что главная опасность Новикова заключалась в том, что он будил, организовывал общество, наглядно показывал обществу его силы и в то же время направлял эти силы на преодоление отрицательных явлений русской жизни, — по крайней мере тех, которые представлялись ему важнейшими.

В педагогических произведениях Новикова обращает на себя внимание одно существенное обстоятельство: он неоднократно говорит об обязанностях или, пользуясь его выражением, «должностях» людей по отношению к государству, но ни разу не говорит о «должностях» по отношению к государю, тем более к Екатерине. Если предшественники Новикова прославляли Петра и при его жизни, и потом, то у Новикова, за исключением стандартных для той эпохи комплиментов «великой монархине нашей»,

¹² Новиков Н. И. Избр. соч. Подгот. текста, вступ. статья и комментарии Г. П. Макогоненко. М.—Л., 1951, с. 417—506.

«достопавному ее правлению», «ее неутомимому попечению» и т. д., мы не найдем ни одного открытого посвящения своих произведений Екатерине. За исключением посвящения первой части «Живописца» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“», которое было необходимо Новикову для иронически-разоблачительного «приписания», все остальные свои журналы и прочие издания Новиков посвящал либо тем лицам, которых уважал за их безупречную правственность, хотя бы это были и находившиеся в опале сановники, либо, что особенно существенно, — «любезному Отечеству».

Так в сознании передовых людей России XVIII в. произошло важнейшее идеологическое изменение: прежнее нераздельно существовавшее понятие «государь—государство» разделилось, и вторая часть «государство—отечество» отодвинула назад первую.

Быше было сказано, что просветительская вера Новикова в решающую роль идей в общественной жизни была одновременно и его силой, и его слабостью. Что составляло сильную сторону Новикова, мы видим; это было воспитание общества в сознании того, что оно может способствовать благополучию людей, не только не рассчитывая на помощь екатерининского правительства, но и вопреки ему. Но в чем же состояла слабость позиции Новикова? В том, что он не видел и не мог видеть непосредственные результаты своей воспитательской деятельности? Но ведь В. И. Ленин, говоря о роли революционной пропаганды Герцена, отмечал, что «целые десятилетия отделяют посев от жатвы».¹³ И если это было сказано о Герцене, деятельность которого началась по крайней мере через 75 лет после выхода в свет новиковского «Трутня», то тем более справедливо это в отношении Новикова, выступившего в еще более трудное историческое время.

Слабость Новикова состояла также и не в том, что он обращался к поневоле узкому в ту эпоху слою образованных и стремившихся к образованию читателей. Она заключалась и не в том, что, сводя все бедствия людей к их безнравственности, источник последней Новиков видел в утрате почтения к религии. Дело в том, что «религия и христианство» (обычно Новиков ставил эти два понятия рядом) он считал «за самое лучшее и надежнее средство быть добродетельным и благополучным»;¹⁴ он утверждал, что «христианское учение есть учение практическое, учение истины, ведущее к блаженству». Однако в то же время Новиков говорил, что «дела важнее знания», «жизнь важнее веры».¹⁵ Но при этом Новиков полагал, что «самый лучший есть христианин» тот, «кто далее успел в смирении, кротости, в люблении бога и ближнего, в благодетельности, в терпении, в отвержении от са-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21. М., 1961, с. 261.

¹⁴ Новиков Н. И. Избр. соч., с. 488.

¹⁵ Там же, с. 495.

мого себя и от света». ¹⁶ Этот аскетический идеал христианина, смиренного, кроткого, терпеливого, отрекающегося от света и от самого себя, был вполне приемлем для Екатерины, которая говорила об образцовом послушании и страхе Божиим как основных чертах русского национального характера.

Таким образом, слабость идейной позиции Новикова заключалась в том, что, ставя знак равенства между нравственностью и религией, он неизбежно приходил к противоречию с самим собой: вместе с призывами к общественной, коллективной борьбе со злом, с Екатериной, с развращенностью государственного аппарата, с невежеством и грубостью всех слоев общества он утверждал прямо противоположное, утверждал отказ от этой борьбы во имя смирения и терпения.

На пять лет более молодой, чем он, Радищев преодолел это противоречие; он понял, что

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.¹⁷

И, поняв это, Радищев стал революционером.

Мы не станем повторять обычную формулу «классовая ограниченность помешала Новикову преодолеть противоречия его мировоззрения». Не станем повторять эту формулу, потому что не убеждены в ее спасительности и правильности. Если Радищев преодолел противоречия своего классового мировоззрения, то, очевидно, классовая ограниченность ему не помешала и, значит, она не всеильна и не фатальна. Очевидно, дело заключается не в ней. И если Радищев мог стать революционером и стал им, а Новиков был просветителем и мог стать революционером, но не стал им, то, по-видимому, причина лежала в них самих, в их личном идейном развитии.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения».¹⁸

¹⁶ Там же.

¹⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. 4.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4. М., 1955, с. 433—434.

Таким образом, для того чтобы отдельные представители господствующего класса могли «отречься от своего класса» и «прикнуть к революционному классу», должно наличествовать несколько условий: классовая борьба в данном обществе должна приближаться к развязке; процесс разложения внутри господствующего класса должен принять бурный, резкий характер; наконец, идеологи, переходящие из господствующего класса к классу, которому принадлежит будущее, должны уметь возвыситься до теоретического понимания всего хода исторического процесса.

В России конца XVIII в. не было налицо всех тех условий, о которых говорили Маркс и Энгельс, но кое-что было: было движение Пугачева, была реакция Екатерины, было известно о революциях в североамериканских колониях Англии и во Франции. Были исторические события, которые можно и должно было теоретически осмыслить.

Радищев сумел возвыситься до теоретического понимания исторического процесса и написал революционную книгу. Новиков этого не сделал. Станем ли мы упрекать его за это? Думаю, что мы будем справедливы, если вместо порицаний или даже сожалений принесем дань нашей благоговейной благодарности тому, кто был мостом между просветителями 40-х годов XVIII в. и декабристами, тому, кто собственным примером подтвердил свои слова: «Жизнь важнее веры».

Л. И. КУЛАКОВА

Н. И. НОВИКОВ В ПИСЬМАХ М. Н. МУРАВЬЕВА

Жизнь и творчество Н. И. Новикова еще долгие годы будет привлекать внимание ученых. Но чтобы фундаментальные исследования были полнее и точнее, не стоит оставлять в тени свидетельства современников, дополняющие хотя бы несколькими штрихами образ этого замечательного человека.

Мне уже доводилось писать о влиянии Новикова на молодого М. Н. Муравьева.¹ В данном сообщении хотелось бы остановиться на касающихся Новикова материалах, которые содержатся в уникальном памятнике русской культуры XVIII в. — письмах М. Н. Муравьева. Подготовленные мною к печати в 1949 г., они двадцать лет хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР, доступные лишь узкому кругу людей. А между тем бумаги почти двухсотлетней давности передают атмосферу литературной жизни эпохи, воссоздают ряд литературных портретов; с их страниц встает образ Н. И. Новикова — издателя, организатора, живого человека — такой, каким он представлялся молодому человеку.

30 июля 1777 г. сержант Измайловского полка и молодой поэт Михайла Муравьев вернулся в Петербург из отпуска, проведенного в Твери, где жил его отец Никита Артамонович Муравьев (в ту пору председатель Палаты гражданского суда) с семнадцатилетней дочерью Федосьей Никитичной — Фешинькой, как ласково именуется ее брат. Любящий сын и брат дважды в неделю пишет родным письма. Из них мы узнаем, что через несколько дней после приезда М. Муравьев получил приглашение Н. И. Новикова зайти к нему.² «Не знаю для чего», — недоумевает Муравьев, но посылает узнать, «где стоит» Новиков, и на следующий

¹ См.: Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 6—7.

² ГИМ, Отдел письменных источников, Собрание Черткова. Письмо М. Н. Муравьева к Н. А. Муравьеву от 7 августа 1777 г. В дальнейшем цитирую письма данного фонда без ссылок, указывая в тексте даты.

день едет к нему. Первый же визит затянулся: «То утро просидел я у Новикова». Еще через день, 10 августа, Муравьев навещает своего давнего знакомого и наставника — маститого поэта М. М. Хераскова.

Новиков и Херасков приглашают молодого человека принять участие в деятельности «некоторого собрания», которое «издавать будет Ежемесячное сочинение, состоящее из переводов, которых вообще материя должна принадлежать или к морали или к истории». Новиков делает конкретное предложение: перевести с латинского «Бозэция, консула римского, о утешении философии, сочинение, смешанное со стихами и прозою» (10 августа 1777 г.).

Любопытно, что у Хераскова завязывается разговор о регулярном выходе в свет «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», в которых Муравьев напечатал анонимно несколько стихотворений, и об издателе их: «Издатели их неизвестны и не хотят открыться. Я не спрашивал Новикова, но Херасков говорит, что он отпирается».

Через неделю разговор возвращается к тому же вопросу: «Ученые ведомости все еще не выходят и сим полгодом кончатся. Издатели не сдержали своего слова Миллеру» (17 августа 1777 г.).

Более о «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» ничего не говорится. В центре внимания Муравьева и его старших друзей новое издание — «наш журнал», как не без гордости называет его молодой поэт. Круг сотрудников расширяется. «Княжна (Е. В. Урусова, — Л. К.) хочет переводить в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии. Михайла Матвеевич хочет видеть в них некоторые и моего перевода. В сей журнал я уже зачал первую книгу Бозэция о утешении философии по предложению Николая Иван(овича) Новикова» (25 августа 1777 г.).

Муравьев несколько оптимистически повествует о своих делах. Ни Бозций, ни Оссиан в данный момент его не заинтересовали, ибо, помимо службы, он занят подготовкой сочинения по механике («Письмо о теории движения») и переработкой начатого в 1776 г. сборника стихотворений «Новые лирические опыты».

В октябре таинственный «наш журнал» вышел из печати. «Общество, которое выдает „Утренний свет“, есть то самое, которое меня пригласило, но я немножко залепился. И перевод моей „Первой книги“ не совсем готов», — кается Муравьев (16 октября 1777 г.).

Зато в этот период налаживается интимное общение с Новиковым, к которому Муравьев заходит при первой возможности, иногда обедает, встречается с другими писателями, в частности с Я. Б. Княжниным. Последнее особенно интересно, так как других свидетельств о связи между только что «прощенным» Княжниным и Новиковым нет. 25 октября 1777 г. Новиков, Княжнин и Муравьев вместе едут на ужин к Хераскову. По случаю дня рождения хозяина дома собралось человек двадцать пять гостей.

Было весело. Заодно собравшиеся подняли бокалы в честь двадцатилетия Муравьева, также родившегося 25 октября: «Михайло Матвеев <ич> всем рассказывал, что наши вместе и рождение и именины и оба, говорит, стихотворцы».

Не оставляя мысли о переводе Боэция, Новиков, превосходный организатор, решает использовать родственные связи и знакомства Муравьева (как, по-видимому, и других лиц) для распространения «Утреннего света».

«Также, милостивый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании „Утреннего света“, ежемесячного издания, для подписки. Нижайше прошу взять на себя сие попечение, раздать кое-кому, а кто изволит подписаться, собрать. Я думаю, будут иные охотники. Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих. А для вас уже подписался я за три рубля, и дядюшка подписался» (26 октября 1777 г.).

Муравьев редко просил отца о чем-нибудь, тем более так упорно и настойчиво. Только убежденность, рожденная влиянием и обаянием Новикова, заставила его в следующем письме повторить просьбу, а привычное уважение к отцу побудило охарактеризовать ставшего близким человека: «На прошедшей почте послал я к вам объявление о подписке на нынешний журнал. Если вам не трудно, нижайше прошу потрудиться разослать между тверских охотников. Это просьба Николая Ивановича, которым я очень доволен. Он еще более честный и постоянный человек, нежели хороший писатель. И вы отдадите ему справедливость, когда изволите разобрать намерение трудов его. Он ко мне ласков и, ежели долго не побываю, неотменно пришлет к себе звать. Молодой человек, который сурьезно старается знать самого себя и основанием сего почитает христианство, которого он ревностный защитник» (30 октября 1777 г.).

Повторяя просьбу, Муравьев сообщает об успехе журнала, издающегося с благотворительной целью, и создает колоритную сценку соревнования петербуржцев: «Здесь в городе все подписываются, и Тверь, я думаю, захочет подражать Петербургу. Благо, что дано средство. Хорошо добро делать из какой бы причины ни было. Хоть для того, что так водится. Некто неизвестный, думают, что Иван Ив<анович> Шувалов, подписал в октябре за один экземпляр 100 руб. Многие по 25. Одному вельможе сказали про подписку этого журнала: „Все подписываются-де“.

— Ну, так и я, да сколько надобно?

— Цена три рубля, но иные подписали из благотворительности пять и десять.

— Ну, так я двадцать пять!

Это Брюс» (2 ноября 1777 г.).

Хорошо знал Новиков нравы современников, объявляя в журнале сумму, заплаченную каждым подписчиком.

В результате деятельности Н. А. Муравьева в «Утреннем свете» поименовано немало тверских подписчиков. Сын вербовал их среди петербургских знакомых (А. А. Муравьева, М. А. Муравьев и др.).

Затем для Новикова начались волнения в связи с неисправной работой почты: посланные в Тверь экземпляры журнала попали в Москву, а за ненахождением адресата вернулись в Петербург. Новиков старается все уладить, хлопочет, а наладив сносную связь, едет в Тверь, чтобы лично поблагодарить Н. А. Муравьева, выяснить степень аккуратности доставки, заодно организовать подписку на следующий год.

«Вы изволили видеть Новикова. По крайней мере он мне кланяется от вас. Я бы хотел знать, понравился ли он вам», — тревожился Муравьев в письме от 21 августа 1778 г.

«Я был сегодня и у Новикова. Ты ко мне не пишешь, как он тебе кажется», — повторяет он тот же вопрос сестре.

Ответ, видимо, успокоил Муравьева: Новиков сумел произвести хорошее впечатление, да и «Утренний свет» полюбился тверитянам. Вскоре пришел список подписчиков на следующий год, а еще через несколько дней Муравьев вручил издателю 75 рублей и «прибавление подписавшихся» (16 октября 1778 г.).

Мнение отца и сестры, которых Муравьев безгранично любил и уважал, было важно для него, потому что в 1778 г., как и в предыдущем, он продолжал тянуться к Новикову, часто заходил к нему и по приглашению и по собственному почину, в будни и праздник. И если науке известен Новиков-сатирик, просветитель, издатель, боец, масон, страдалец, то в письмах простушает еще и облик веселого обаятельного человека.

Свое двадцатилетие, как уже говорилось, Муравьев отпраздновал в доме Херасковых, где был вместе с Новиковым. В октябре 1778 г. Херасков был уже в Москве, но «двадцать второй год начал <я> столько же весело, как двадцать первый. И мечта этого первого дни продолжается еще и теперь. Я его провел у Н. И. Новикова. Мы праздновали рождение Михайла Матвеевича» (30 октября 1778 г.).

Смешно и трогательно кается Муравьев 8 ноября 1778 г. в вине, которая «выходит из обыкновенного»: перекутал вторник с четвергом, он не отправил очередного письма родным. «Чем же я заслужил тогда сие несчастье? Я был столько употреблением дня того доволен». Отказавшись от посещения театра ради того, чтобы повестить большого товарища, он поехал с Васильевского острова на Литейную. Надеясь все-таки поцасть на урок танцев, которым их учил известный танцмейстер Т. С. Бубликов, Муравьев торопился домой, да встретившаяся «барыня» задержала, пригласив к себе. «Вот уж сколько потерял я времени. От ней поспешаю на Васильевский остров. Но мимо дому Н. И. Новикова. Не знаю, что побуждает меня к нему зайти. Минута, которую думал я провести у него, нечувствительно задлилась. Я взял

у него свой месяц „Утрен⟨него⟩ св⟨ета⟩“ и, вспомнив, что Микулина просила меня достать ей „Вечера“, прекрасное еженедельное сочинение 1772 году, выпросил их. К дядюшке вхожу тогда, когда выходит Бубликов. Вечер весь занимался чтением „Вечеров“. Те же „Вечера“ все утро» (8 ноября 1778 г.).

Любопытно, конечно, что «Вечера» пользуются успехом через шесть лет после издания, что достать этот анонимный журнал можно у Новикова. Но главное: «Не знаю, что побуждает меня к нему зайти» — явный или скрытый рефрен писем, показывающий чисто человеческое обаяние Новикова. Встречи продолжаются до самого отъезда Новикова в Москву. Муравьев помогает распространять «Утренний свет», заходит просто побеседовать.

В конце 1779 г., когда Новиков уже жил в Москве, Муравьев советовал своему новому знакомому Д. И. Хвостову напечатать комедию «Легковерный» в московской типографии. «Содержатель ее, один из лучших наших писателей и страстный любитель письма Н. И. Новиков, и здесь будучи, печатал несколько комедий на своем иждивении. Кольми паче теперь?»³

Нельзя не заметить, однако, что при всем уважении к Новикову, готовности выполнить его поручения, Муравьев так и не перевел книги Бюэция и в общем не нашел себе места в «Утреннем свете». Нельзя же считать серьезным сотрудничеством публикацию стилизованных под общий тон журнала «Дщиц для записывания» — имитацию действительных записей Муравьева в дневнике — и стихотворения «Учение природы», которое автор затем переделал, заменив правоучительную концовку иронической.⁴

А между тем в 1777—1780-х гг. Муравьев много писал, именно в этот период нашел свою тропу в поэзии. Но большая часть стихотворений, являвшихся действительно новым словом в русской литературе, осталась в рукописях, известных друзьям поэта: П. А. Львову, И. И. Хемницеру, В. В. Ханыкову и др. Одно из наиболее оригинальных созданий Муравьева «Роща» напечатана в «Опыте трудов Вольного Российского собрания», кое-что попадает в «Академические известия» или «Санкт-Петербургский вестник», в числе издателей которого Муравьев, не обинуясь, называет Я. Б. Княжнина. Из новиковских журналов он явно предпочитает «Утреннему свету» «Модное ежемесячное издание», где помещена одна из первых *pièces fugitives* Муравьева «О милое мечтанье» и посвященный сестре перевод стихотворения Леоара «Буря». Как все это объяснить?

Загадка эта решается в общем без особого труда. Мягкий добросердечный Муравьев всегда оказывал вроде бы пассивное, но упорное сопротивление тому, что не приходилось ему по душе. Близость к Хераскову и Новикову сказалась в постановке Муравьевым морально-этических проблем, и только. Первые беседы

³ ИРЛИ, Рукописный отдел, Архив Д. И. Хвостова, ф. 322, № 59.

⁴ См.: Муравьев М. Н. Стихотворения, с. 185—186 и 313—314.

Новикова, как можно судить по их сердечному тону, по разговорам о самопознании, об истинном христианстве, имели целью, видимо, послужить основанием для еще более откровенных бесед, которые должны были привести Муравьева к тайпам масонства. Но рационалистическая, в первую очередь «лomonосовская» закваска оказалась в Муравьеве сильнее, и Новиков, сохраняя дружеские отношения с молодым человеком, отступил от задуманного. Масоном Муравьев так и не стал, несмотря на близость к В. И. Майкову, М. М. Хераскову, Н. И. Новикову, прошедшую через всю жизнь дружбу с И. П. Тургеневым. Говорю об этом не в похвалу или порицание, а во имя сохранения исторической истины, которая подчас нарушается исследователями, бездоказательно называющими Муравьева масоном.

Расхождения между Муравьевым и Новиковым намечаются и по собственно литературным вопросам. Как мне уже приходилось говорить, Муравьев написал в 1777 г. стихи на смерть Сумарокова. Одобренные Херасковым, они должны были быть напечатаны в типографии Кадетского корпуса при помощи Новикова: «Ему Тейльс друг».

Новиков действительно хотел помочь автору, но во время чтения стихов, рассказывал Муравьев, «припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. В самом деле дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж<е> их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны, а жизнь полна соблазнов. Мих<айла> Мат<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой...» (30 октября 1777 г.).

Неожиданный переход и выразительное многоточие, которым обрывается рассказ, подчеркивают различие в отношении и к стихотворению, и к самому Сумарокову двух издателей «Утреннего света». Этот эпизод доказывает, что общеизвестное уважение Новикова к Сумарокову сохраняется и в 1777 г., несмотря ни на какие перипетии частной жизни автора «Димитрия Самозванца».

Еще более интересно расхождение писателей различных поколений в отношении к поэзии. Новиков, вслед за Сумароковым, требует точности. Молодой поэт, переходящий в это время на позиции преромантизма, скептически замечает: «... может быть, ее (точности, — Л. К.) требовать строго в стихотворстве и невозможно».

И наконец, возникает вопрос: откуда берется в науке версия, что Новиков передал литературный отдел «Утреннего света» на откуп Хераскову, если он сам продолжал горячо интересоваться литературой?

Тот факт, что Муравьев не стал масоном и не принял поэтических принципов Новикова, не умаляет меры восхищения юноши нравственным обликом издателя «Утреннего света», что находит отражение не только в письмах, но и в дневниковых записях.⁵

В отрывках из дневников, вошедших в трехтомное собрание сочинений Муравьева, неизвестно почему названное полным, имя Новикова сохранено лишь в одной из записей: «Вчера рассматривал я свои старые бумаги...». «Если я знаю, что такое остроумие, возвышенные понятия, благородство чувствований, твердость рассуждения, то все это не из себя извлекаю. Зрелище мира доставляет мне сие счастье. Все сии качества известны мне потому, что я знал батюшку, сестру, несколько писателей, в моей молодости прочтенных, Майкова, Львова, Ханыкова, Хераскова, Дьякова, Новикова, Муравьева».⁶

Эти имена повторяются, но при подготовке тома к печати имя Новикова тщательно вычеркивалось, хотя оно встречается часто, в том числе на той же странице.

Оно вычеркнуто из отрывка 1779 г. «О юноша! ты устремляешься всечасно за удовольствием», напечатанном на 287 странице. Здесь из людей, благотворивших молодому поэту, остались отец и сестра, Майков, Херасков, Львов, но исключены названные ниже Барсов и Новиков.

В отрывке «Кто у меня отнимет чувствования любви...»⁷ названы Херасков, Львов, Ханыков, Майков, Барсов, но изъят такой характерный пассаж: «Почитать своего командира есть страх, есть рабство, по большей части принужденное исполнение обязанности, соглашения между людьми. Но почитать доброго мудрого Новикова, Хераскова, чувствительного моего родителя, мою сестру есть свидетельство доброты моего сердца».⁸

Данный отрывок мог показаться крамольным вообще, но кому мешало имя Новикова в XIX в., когда подготавливались к печати сочинения Муравьева, не знаю. Только количество аналогичных примеров можно увеличить.

В бумагах Муравьева сохранились перечни созданных им стихотворений, сделанные, видимо, тогда, когда он думал об их издании. Датированное 1783 г. «Послание» к Новик(ову)» исчезло из архива.

Последняя известная мне запись с упоминанием Новикова сделана в 1803 г. и связана с размышлениями о деятельности Московского университета: «Изыскания древностей российских привлекали к себе некоторое время внимание публики. Можно после Миллера с честью упомянуть Шлецера, Стриттера и Нови-

⁵ Дневники М. Н. Муравьева хранятся в Рукописном отделении ГПБ, фонд 499.

⁶ Полн. собр. соч. Михаила Никитича Муравьева. СПб., 1820, ч. 3, с. 285.

⁷ Там же, с. 304—305.

⁸ ГПБ, ф. 499, ед. хр. XXII.

кова, который послужил бы более отечеству, оставшись в пределах учения древностей его. „Вивлиофика“ есть национальное сокровище, из которого любопытные немцы будут когда-нибудь черпать».⁹

Со времени, когда Новиков впервые пригласил к себе Муравьева, прошло двадцать шесть лет. Юный восторженный поэт, сержант Измайловского полка, стал умудренным мужем, попечителем Московского университета. И запись эта готовилась если не для печати, то для речи. Теперь уже Муравьев откровенно противопоставляет Новикова-издателя Новикову-масону. Но едва ли в начале XIX в. было много людей, относившихся к «Древней российской вивлиофике» как национальному сокровищу.

Данная статья посвящена Н. И. Новикову. Но в заключение следует сказать, что письма Муравьева позволяют увидеть быт, литературную и театральную жизнь конца 1770-х—начала 1780-х годов, уточняют ряд фактов, касающихся многих и многих писателей XVIII в., воссоздают культурную атмосферу эпохи. Они интересны для историков, литературоведов, театроведов. Их нужно печатать, и печатать вместе с выдержками из дневников. Слово за Академией наук.

⁹ ГПБ, ф. 489, ед. хр. XXI, л. 1.

Г. Н. МОИСЕЕВА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. НОВИКОВА

Приступив к изданию древнерусских литературных, исторических и документальных памятников, Н. И. Новиков, несомненно, располагал сведениями о рукописях, которые он предполагал публиковать в «Древней российской вивлиофике». Очевидно, что это многотомное издание, включившее разнохарактерные материалы, должно было быть, хотя в самых общих чертах, продумано задолго до того, когда в январе 1773 г. вышел из печати его первый том.

Издатель передовых остропублицистических журналов «Трутенъ» и «Живописецъ», Н. И. Новиков лично сам не занимался историческими трудами. Естественно поэтому, что при издании памятников посредствующим звеном должны были быть люди, связанные с Новиковым личными или деловыми контактами, которые в то же время были хранителями, собирателями или исследователями рукописного наследия Древней Руси.

Обзор археографической деятельности Новикова мы начинаем поэтому с выяснения круга лиц, давших возможность ознакомиться с древними памятниками. О некоторых из них Новиков сообщил сведения сам, о других мы сделали вывод на основе анализа печатных работ Новикова.

В 1773 г. одновременно с выходом первого тома «Древней российской вивлиофики» Новиков выпустил книгу под названием «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города, и на каком оные расстоянии». В предисловии к этой книге Новиков подробно рассказал о приемах своей работы по подготовке издания.

Первый список «Древней российской гидрографии» был получен Новиковым «от коллежского ассесора Петра Кирилловича Хлебникова». Новиков «нашел его (список, — Г. М.) весьма достойным напечатания, как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов,

урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг кроме церковных, да и то будто только служебных». ¹ Не ограничиваясь списком Хлебникова, Новиков «старался отыскивать другие, и нашел в Библиотеке Императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные». Также были им получены три списка из Москвы, в числе их «список со списка, находящегося в Патриаршей ризнице».

В предисловии к «Древней российской гидрографии» Новиков объяснил и принцип отбора списка, по которому была произведена публикация: «Прочитав все списки, нашел я, что полученный мною от г. Хлебникова список старее всех и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности». ²

Итак, приступая к изданию древнерусского памятника, Новиков, как это видно из его «Предисловия от издателя», получал известия о рукописных списках, хранящихся в государственных и частных собраниях. Затем он сверял все списки и выбирал для публикации тот, который представлялся наиболее древним («старее всех»). При наличии нескольких списков «описки и погрешности» основного списка исправлялись.

Кто же были те люди, при помощи которых Новиков осуществлял свою археографическую деятельность?

В 1772 г. в Петербурге вышла из печати книга «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков». Этот труд Новикова позволяет представить степень его осведомленности о рукописном наследии, хранящемся в Библиотеке Петербургской академии наук, и сделать вывод о возможном знакомстве его с А. И. Богдановым, тридцать лет (с 1736 по 1766 г.) прослужившим в этой Библиотеке и прекрасно знавшим ее рукописные и книжные фонды.

Как установлено советскими исследователями, ³ А. И. Богданов был составителем первого печатного описания русских рукописей и книг, хранившихся в Академической библиотеке —

¹ Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города, и на каком оныя расстоянии. СПб., 1773, с. 5 (Предисловие от издателя).

² Там же, с. 5 об. (Разрядка наша, — Г. М.)

³ Петров В. А. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. М.—Л., 1956, с. 235—252; Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М.—Л., 1958, с. 89—101.

так называемого «Камерного каталога», изданного в Петербурге в 1742 г.

В печатном «Камерном каталоге» книги и рукописи описаны по их расположению в комнате («камере», отсюда — «Камерный каталог») и по размерам: «в десть», «в полдесть», «в четверть десть». Рукописи размещены по отделам: «Разделение I. Книги рукописные церковные», «Разделение II. Книги гражданские рукописные различного содержания», «Разделение III. Книги рукописные до российской истории надлежащие».

«Камерный каталог» давал достаточно полное описание книг и рукописей, хранившихся в Библиотеке Петербургской академии наук, но представлял известную трудность для воссоздания репертуара книг и рукописей определенного автора. Чтобы составить представление о книгах и рукописях одного писателя, было необходимо прочесть подряд весь «Камерный каталог», так как алфавитный указатель, помещенный в конце его, был очень не полон.

Н. И. Новиков, несомненно, внимательно изучил «Камерный каталог». Но кроме «Каталога» в его распоряжении находился рукописный труд «Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов, которыми ныне весь свет пишет и ими всякое книжное сочинение составляется купно же при том со внесением истории и о наших российских азбучных словах. Описание, сочиненное чрез Андрея Богданова. В Санкт-Петербурге 1755 года».

В 1757 г. эта работа была предложена А. И. Богдановым для публикации, но после отрицательного отзыва В. К. Тредиаковского, поддержанного Г. Ф. Миллером,⁴ отослана в Историческое собрание. Между тем «Краткое ведение» Богданова представляет собой известный интерес для истории книговедения. Особое значение имеют ее IV и V части — «Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы, и к тому следующее известие» (ч. IV); «Обстоятельное ведение в России печатание книг типографским искусством» (ч. V).⁵

«Краткое ведение» явилось одним из непосредственных источников «Опыта исторического словаря» Н. И. Новикова, особенно в части, касающейся известий о рукописях, хранящихся в императорской библиотеке.

Приведем некоторые примеры.

⁴ В Архиве АН СССР сохранилось «Мнение о книге Андрея Богданова» В. К. Тредиаковского и Г. Ф. Миллера (Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 220, л. 445—449). См.: Моисеева Г. Н. Об Андрее Богданове, первом русском книговеде. — В кн.: Сборник статей и материалов по книговедению, т. III. Л., 1973, с. 273—298.

⁵ Впервые опубликовано в Приложении к книге И. Н. Кобленца «Андрей Иванович Богданов», с. 153—176. При дальнейшем цитировании страницы указываются в тексте.

А. И. Богданов. Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы. 1755.

8. Адриана, святейшего патриарха, книга разных его сочинительных грамат.

2) Книга Щит веры против раскольников.

3) О целости домов божиих и прочия духовные правила (с. 155).

6. Иоакима, святейшаго патриарха, книга Увет духовный.

2) Слово благодарственное ко господу богу о избавлении церкви от злых наветников. 1684.

3) Слово на Никиту Пустосвята. 1684.

4) Книга извещение чудес о сложении трех первых перстов. 1677.

5) Книга Икона, написание всех его патриаршеских грамат (с. 155).

Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

Адриан, Патриарх Московский и всея России. Из сочинений его остались известные две только рукописные книги: первая Щит веры, содержащая в себе разные нравоучительные рассуждения, возражения против еретиков и другие наставления; вторая содержит в себе грамоты, или послания сего патриарха, в разные времена писанные, и указы духовные. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 2—3).

Иоаким, Патриарх Московский и всея России, сочинил книгу Увет духовный, которая и напечатана в Москве 1682 года; также остались из сочинений его рукописными две книги: 1) Остец, или собрание духовещаний 1668 года, 2) Икона, содержащая в себе все грамоты и разные послания сего Патриарха. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 72).

Очевидно, что А. И. Богданов в «Кратком ведении» более полно представил репертуар рукописной книги, так как в эту работу он включил сведения о книгах, поступивших в Академическую библиотеку значительно позднее выхода из печати «Камерного каталога» (1742). В качестве примера можно привести известие о «Книге о скудости и богатстве» Ивана Посошкова, переписанной «при Академии наук» в 1756 г. с книги, принадлежавшей М. В. Ломоносову. Об этом сохранилась запись на последнем листе списка, сделанная рукою А. И. Богданова.⁶

В «Кратком ведении» А. И. Богданов написал только об одном сочинении Ивана Посошкова — «Книге о скудости и богатстве». Позднее в Академическую библиотеку поступило еще одно сочинение И. Посошкова — «Проект о школах для обучения юношества» из книг «бывшего обер-прокурора Я. Г. Левонидова».⁷ Но Н. И. Новиков, пользовавшийся «Кратким ведением»

⁶ БАН. 16.3.15.

⁷ БАН. 1.5.57. В Библиотеке АН СССР имеется второй экземпляр рукописи «Проекта о школах для обучения юношества» (БАН. 17.16.31). По мнению О. П. Лихачевой, специально занимавшейся изучением обоих списков, второй список является копией с копии, списанной с книги Я. Г. Левонидова, с некоторыми поправками, внесенными в явно ошибочные чтения первой копии. Я. Г. Левонидов умер в 1756 г., следовательно, его рукописи поступили в Академию наук позднее этого года.

А. И. Богданова, поместил в «Опыте исторического словаря о российских писателях» известие только об одном произведении И. Посошкова:

4. Посошкова Ивана Книга о скудости и богатстве. 1724 (с. 160).

Посошков, Иван. Из сочинений его осталась одна только книга: О Скудости и Богатстве, хранящаяся рукописною в Императорской библиотеке (с. 172).

Показав, что Н. И. Новиков использовал для составления «Опыта исторического словаря» рукописное сочинение А. И. Богданова «Краткое ведение о авторах российских», мы тем самым не исключаем обращения Н. И. Новикова к печатному «Камерному каталогу».

В первых выпусках «Древней российской вивлиофики» были опубликованы рукописи, хранившиеся в Библиотеке Петербургской академии наук, сведения о которых Н. И. Новиков мог почерпнуть в «Камерном каталоге».

Рукопись под заглавием «Ведение о строении первом в России карабле, именуемом Орел, каков построен во дни великого государя царя и великого князя Алексия Михайловича»⁸ числится в «Камерном каталоге» в «Разделении II. Книги гражданские рукописные различного содержания» под № 16 «в полдесть».⁹

По своему происхождению рукопись связана с библиотекой Петра I.¹⁰ Как указано в самом сочинении, это отрывок из книги Иоанна Стрюса «Вояж в Москву и Персиду и в прочия страны», изданной в Лионе в 1684 г. Новиков опубликовал «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орел...» в 1-м январском выпуске «Древней российской вивлиофики» за 1773 г.¹¹ Еще раз «Ведение о строении первого в России корабля» было напечатано в 3-й части второго издания «Древней российской вивлиофики» за 1788 г.

Под № 2 в «Разделении II» «Камерного каталога» в числе книг «в четверть десть» названа «Книга Урядник, или Новое уложение и устройство чину сокольничья при державе царя Алексия Михайловича».

«Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» также была дважды издана Новиковым: в ч. 1, июнь 1773 г. первого издания «Древней российской вивлиофики» и в ч. 3 за 1788 г. второго издания.

⁸ Рукопись сохранилась: БАН. 1.4.16.

⁹ Российские печатные книги, находящиеся в императорской библиотеке. Камера W. Шкап 1, 2, 3. СПб., 1742, с. 72—73.

¹⁰ См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. М.—Л., 1956, с. 73.

¹¹ Древняя российская вивлиофика, вып. I, январь 1773 г. СПб., с. 40—58. (Далее сокращенно — ДРВ).

По рукописям Академической библиотеки в «Древней российской вивлиофике» были опубликованы «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану королю свейскому в 7080 (1572) год»,¹² «Перевод с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей хан посланникам стольнику Василью Тяткину, да дьяку Никите Зотову»¹³ и сочинение монаха Александро-Невского монастыря Бурхарда-Адама (Никодима) Селлия «Зерцало историческое государей российских»,¹⁴ переведенное с латинского языка на русский архиепископом Амвросием. Им же написана и краткая биография Селлия.

Значительную роль в археографической работе Н. И. Новикова играл его творческий контакт с историком М. М. Щербатовым. Нам неизвестно, когда началось их знакомство. Но можно полагать, что в 1766 г. они знали друг друга по совместной работе в Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, созванной Екатериной II. Русская императрица поддерживала интерес М. М. Щербатова к социально-политической истории древнейшего периода и выразила пожелание видеть написанную им «Российскую историю». В 1767 г. Екатерина II «соизволила разрешить» Щербатову «из собранных книгохранилищ Патриаршей и Типографской <...> потребные книги брать». В январе 1770 г. почти накануне выхода I тома «Истории российской от древнейших времен» Щербатов получил письменный указ Екатерины II о праве пользоваться документами Московского архива Коллегии иностранных дел, где хранились духовные и договорные грамоты князей начиная с середины XIII в. и памятники дипломатических сношений России с иностранными державами. До этого решения Екатерины II такие документальные источники были недоступны историкам: обнаружение этих материалов рассматривалось как разглашение государственной тайны.

В 1770 г. для М. М. Щербатова были сняты копии с 218 номеров грамот великих князей, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел. В предисловии к III тому «Истории российской» Щербатов сообщил об этих источниках, полученных им через Г. Ф. Миллера: «... древнейшие из оных суть грамоты новгородские, которые начинаются с 1240 года при княжении великого князя Ярослава Всеволодовича; грамоты же московских великих князей начинаются со времен великого князя Иоанна Даниловича, еще прежде возшествия его на престол великого княжения,

¹² ДРВ, ч. I, с. 52—58. Рукопись сохранилась: БАН. 32.4.29.

¹³ ДРВ, ч. I, с. 59—65. Рукопись не сохранилась.

¹⁴ В настоящее время в Отделе рукописей БАН АН СССР не имеется рукописи сочинения Селлия о родословии российский государей, равно как и его перевода на немецкий язык «Летописца российского с 860 по 1462 год», о котором упоминается в доношении И. Тауберта (Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 93, л. 192). Новейшее исследование об Адаме Селлии написано П. Н. Берковым, см.: Берков П. Н. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.). — Вестн. Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы, 1966, № 20, вып. 4, с. 98—109.

т. е. до 1328 года. Многие из сих грамот писаны на пергаменте, а большая часть на бумаге, без подписания тех, которые оные заключали, но с приложением их печатей; а на иных токмо, яко духовного посредника приложено подписание, тогда бывшего митрополита российского». ¹⁵

В конце 1772 г. Щербатов запросил копии дипломатических документов и статейных списков посольств, но ему удалось получить сами оригиналы посольских списков при условии их возвращения после использования. Щербатов имел в своем распоряжении «разные посольские дела с дворами Цесарским, Аглинским, Дацким, Шведским, Польским, Прусским, с Греческими духовными особами, с Турецким, Крымским, Нагайским и Персидским». ¹⁶

С получением копий из московского архива Коллегии иностранных дел, по-видимому, происходили какие-то затруднения, и в 1775 г. Щербатов добился от Екатерины нового указа о праве пользоваться «на дому подлинными актами архива».

Как можно видеть из анализа опубликованных в «Древней российской вивлиофике» документальных памятников, хранившихся в московских «книгохранилищах» (Патриаршей библиотеке, архиве Коллегии иностранных дел, в московских соборах и церквях и в частных собраниях), Новиков начинал подготовку издания по копиям, но при окончательной доработке текста обращался к подлинным рукописям. Счастлирое стечение обстоятельств — в Эрмитажном собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранились копии московских рукописей, ¹⁷ присланных Щербатову, — позволило прийти к этому выводу.

Анализ приемов передачи текста, выбора списков и комментирования древнерусских памятников, изданных в «Древней российской вивлиофике», не является предметом настоящей статьи: этому посвящены другие мои работы. ¹⁸ Задача настоящей статьи — рассмотрение источников археографических разысканий Н. И. Новикова. Поэтому важным представляется выяснить, какие рукописи из каких «книгохранилищ» и при посредничестве кого получал Новиков для издания.

С мартовского выпуска 1-й части «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. Новиков начал публиковать материалы Патриаршей (Синодальной) библиотеки по спискам, полученным Щербатовым из Москвы. Благодаря Щербатову Новиков смог

¹⁵ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1774. Предисловие, с. 10.

¹⁶ Там же, Предисловие, с. 11.

¹⁷ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

¹⁸ См.: Моисеева Г. Н. 1) Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 276—293; 2) Пергаменный Синодик Государственного исторического музея в издании Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 100—108.

за короткий промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников, имеющих важное значение для судеб русской культуры конца XVIII—начала XIX в. По спискам Патриаршей (Синодальной) библиотеки Новиковым были изданы следующие памятники: Синодик XV в. с вставками и исправлениями XVI и XVII вв., Устав патриарха Иоакима, Собрание жалованных грамот, касающихся города Полоцка, Духовные патриарха Адриана и патриарха Иоакима, Житие боярина Ртищева, Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор, Сказание действительных чинов церкви Успения богородицы, Чин пещного действия, Изложение патриаршее о обряде в Вербную неделю, Церемониал при погребении царевича Алексея Алексеевича, Сказание како состави Кирилл Философ азбуку, Чин бываемый как государю служить, Записки некоторым обрядам, бывшим между государем и патриархом, Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари ординские и сущие по них вси святейшим преосвященным митрополитам Киевским и всея России, легость церковным домом и людем православным.

Начиная с июльского выпуска 2-й части за 1773 г. Новиков приступил к публикации договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIII—XV вв. по копиям списков Московского архива Коллегии иностранных дел. Из этого же архива были получены и многочисленные «Посольские дела».

Большое участие в археографической деятельности Новикова принимал историк Г. Ф. Миллер, уехавший в марте 1765 г. из Петербурга в Москву и занимавший с 1766 г. должность директора Московского архива Коллегии иностранных дел. Помимо копий, присланных Щербатову (неоднократно выправленных рукою Г. Ф. Миллера), Г. Ф. Миллер снабжал Новикова разнообразными материалами. Так, при посредстве Миллера в «Древней российской вивлиофике» были напечатаны драматические произведения XVII—начала XVIII в.: «Комедия, притча о блудном сыне» и «Комедия о Навуходоносоре» С. Полоцкого, комедия «Ужасная измена сластолюбивого жития», комедия «Навуходоносор, Мемухан, Моав» (эта пьеса более известна под названием «Юдифь», данным Н. С. Тихонравовым). Миллером же были даны и другие памятники: Известие об Антоне Поссевино, Грамота Д. М. Пожарского митрополиту Казанскому Ефрему, Грамота от российских бояр к Якову Мирку, Грамота Ивана IV, Сказка о Стеньке Разине.

Сохранилась собственноручная «Записка для припоминания для написания в письме к г. Миллеру», в которой Новиков просит Миллера дать ему:

1. Копии с грамот.
2. — с трактатов.
3. — с посольских наказов и описаний посольств.
4. — с церемониалов в Архиве находящихся и других

достопамятных вещей, по рассмотрению г. Миллера, к печатанию годных». ¹⁹

Екатерина II, показывая «благоволение» к публикации древнерусских литературных и исторических памятников, не препятствовала передаче Щербатовым Новикову копий, полученных из московских собраний, и дала для «Древней российской вивлиофики» некоторые материалы из своей библиотеки. Первая часть «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. открывалась публикацией «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Феодоровича лета 7134 (1626 г.)», полученного из «комнатной библиотеки ея высочества». В XVIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики» было напечатано «Краткое топографическое описание Синбирской губернии, составленное советником Маленицким». Из переписки Новикова с секретарем Екатерины II Г. В. Козицким от 30 октября 1773 г. видно, что императрица обещала дать для издания в «Древней российской вивлиофике» «известия о родах княжеских и дворянских» для «Собрания полной книги родословной». ²⁰ Но так как подобные материалы, опубликованные в «Вивлиофике», получены от других лиц, можно думать, что Екатерина II по каким-то причинам изменила свое первоначальное решение.

Н. И. Новиков получал рукописи от уже упоминавшегося выше П. К. Хлебникова, славившегося замечательным собранием древностей.

Квартирмейстер лейб-гвардии Измайловского полка Василий Петрович Ознобишин отдал Новикову для публикации шесть подлинных грамот 1486—1539 гг.

Протоиерей Успенского собора Александр Егорович Левшин снабдил Новикова рукописным «Уставом московских патриархов», напечатанным в X выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики», а Василий Алексеевич Левшин — «Грамотой о избрании на царство царевичей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича», опубликованной в XI выпуске 2-го издания.

Из личного собрания М. М. Щербатова было получено «Родословие Щербатовых, Мосальских, Солнцевых, Одоевских, Шаховских», опубликованное в VIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Интерес Новикова к подлинным родословным известиям дал ему возможность напечатать «Список наказа о фамилии князей Волхонских», лично принадлежащий князю Павлу Михайловичу Волхонскому.

Из собрания графов Шереметьевых (от Владимира Федоровича Шереметьева) был получен «Послужной список старинных

¹⁹ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. IV. М., 1862, с. 42.

²⁰ Там же, с. 43.

бойр», опубликованный в XX выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Из собрания протоиерея Петра Алексеевича Алексеева получен рукописный «Чин поставления на царство Феодора Алексеевича» (вып. VII 2-го изд.).

Из «книгохранительницы князя Сергея Дмитриевича Кантемира» получена «Грамота в Путивль из Ярославля от Д. М. Пожарского» (II вып. 1-го изд.) и рукописи Д. Кантемира.

Антоний, архиепископ Архангелогородский и Холмогорский, «сообщил» Новикову «Летописец Двинской», опубликованный в XVIII вып. 2-го изд.

Н. Н. Бантыш-Каменский, принимавший самое деятельное участие в правке копий с грамот Московского архива Коллегии иностранных дел и этим оказавший большую помощь изданию «Древней российской вивлиофики», передал Новикову для публикации большое количество ценных грамот и бумаг, найденных им в библиотеке Иосифова монастыря (XIV вып. 2-го изд.).

Из личного собрания самого Новикова в «Древней российской вивлиофике» были опубликованы следующие памятники: Путешествие Федора Исааковича Байкова в Китай (IV вып. 2-го изд.), Статейный список посольства Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию (VIII вып. 1-го изд.; IX вып. 1-го изд.; IV вып. 2-го изд.), Наказ до градского благочиния и Наказ Андрею Новикову о бытности его в Свяжске (VII вып. 1-го изд., XIX вып. 2-го изд.).

В 1775 г. Н. И. Новиков представил Екатерине II через ее секретаря Г. В. Козицкого «Объявление» о новом подготавливаемом им издании — «Сокровище российских древностей».²¹ В настоящее время С. Р. Долговой найден сигнальный экземпляр первого выпуска «Сокровища российских древностей», в котором было помещено описание Архангельского, Успенского и Благовещенского соборов московского кремля — «всех достопамятностей, в оном находящихся». Описание было составлено московским архиепископом Амвросием (Андреем Зертис-Каменским) и подготовлено к печати Н. Н. Бантышем-Каменским.²² Однако издание это не было осуществлено. С. Р. Долгова полагает, что причиной этого могли быть обстоятельства, связанные с восстанием Пугачева. Это весьма вероятно, так как в 1775 г. прервалось и 1-е издание «Древней российской вивлиофики».

Не следует думать, что в настоящее время мы располагаем сведениями о всех источниках археографической деятельности Н. И. Новикова. В 1-м издании «Древней российской вивлиофики» Новиков чрезвычайно редко снабжал публикацию памятника «известиями» о месте его хранения или принадлежности.

²¹ Там же, с. 45—47.

²² Долгова С. Р. «Продолжать печатанием запрещено». Неосуществленное издание Н. И. Новикова. — Литературная газета, 1973, № 9, 28 февраля.

1-е издание «Древней российской вивлиофики» прервалось в 1775 г. на X выпуске; 2-е издание выходило с 1788 по 1791 г. В промежутках между обоими изданиями (с марта по август 1777 г.) Новиков выпустил 22 номера «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», целью которых, как полагал издатель, было «уведомление о напечатанных книгах с присовокуплением критических оных рассмотрений».

27 января 1777 г. в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» была опубликована анонимная рецензия на «Древнюю российскую вивлиофику». П. Н. Берков предполагает, что автором ее мог быть сам Н. И. Новиков.²³

В отзыве об издании говорилось о его полезности для «Истории российской» и высказывался ряд пожеланий, реализация которых, по мысли автора статьи, должна была содействовать лучшему изданию отечественных древностей. Автор предлагал, «чтобы приложены были ко всякой части алфавитные росписи находящимися во оной части материями <...>, чтобы сколько возможно делаемы были примечания на темные и невразумительные места и слова <...>, чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо, или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике <...>, чтобы означемо было точно, откуда получен список, где находится подлинник, и каким почерком писан, старинным или новым».²⁴

В этой рецепции указывалось в ряде случаев, из каких источников черпал рукописи Новиков для 1-го издания «Древней российской вивлиофики». Во 2-м издании Новиков чаще снабжал публикацию кратким указанием на место хранения источника (например, «Сия пиеса взята в Патриаршей книгохранительнице», «Статья сия взята из Императорской библиотеки при Академии наук»). Но вместе с тем Новиков почти никогда не указывал номеров, под которыми числились рукописи в государственных книгохранилищах. А если даже и называл номера, как например при публикации Синодика: «Синодик, или Поминанье, подлинное писано на пергамене старинным почерком и хранится в Книгохранительнице Патриаршей под номером 465 рукописных Российских книг»,²⁵ — то разыскать рукопись под этим шифром в настоящее время не представляется возможным, так как в течение XIX—XX вв. несколько раз происходила перешифровка рукописных собраний.

Поэтому для установления источников публикаций приходилось всякий раз производить исследование для каждого отдель-

²³ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 394.

²⁴ Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год Н. И. Новикова. Изд. 2-е, А. Н. Неустроева. СПб., 1873, с. 27—28.

²⁵ ДРВ, вып. VIII. Изд. 1-е. СПб., 1775, с. 125; вып. VI. Изд. 2-е. М., 1788, с. 506.

ного памятника, то есть изучать все списки произведения, хранившиеся в данном собрании (если место хранения было названо Новиковым), сверять их с публикацией в «Древней российской вивлиофике» и по совокупности отдельных наблюдений над текстом (учитывая при этом историю данного собрания) устанавливать, какая именно рукопись была издана Новиковым. Без решения этой задачи невозможно ставить проблемы анализа текстологических приемов Новикова — проблемы, имеющей важное значение для понимания места «Древней российской вивлиофики» в истории книговедения второй половины XVIII в.

* * *

Издание «Древней российской вивлиофики» оказало громадное влияние на судьбу русской культуры конца XVIII—начала XIX в.²⁶ Это было первое издание литературных, исторических и документальных памятников.

Размах археографической деятельности Н. И. Новикова, осуществившего в небольшой промежуток (с 1773 по 1791 г.) два издания «Древней российской вивлиофики», огромен. Новиков впервые привлек к изданию большое количество неизданных и неизвестных рукописей и ввел в науку пласт новых материалов. В этом он видел не только «ученый труд», необходимый для будущих исследователей «русских древностей», но и высокий патриотический долг.

Новиков не скрывал своего замысла и в «Предисловии» к 1-му выпуску «Древностей российской вивлиофики» ясно определял направленность своего издания: «Не все у нас еще, слава богу, заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев, и с восхищением познают великость духа укращенного простотою».²⁷ Обращаясь к «любителям российских древностей», Новиков сообщал, что его издательская деятельность направлена для «удовольствия и познания», и предупреждал: «Не зриай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество, они и самые добродетели предков наших пересмежают и презирают».²⁸

Н. И. Новиков был не только талантливым издателем, но и хорошим организатором. Задумав публикацию корпуса древнерусских литературных и исторических памятников, он сумел сплотить вокруг этого большого дела ученых, энтузиастов, хранителей и собирателей «русских древностей». В процессе подго-

²⁶ См.: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974, с. 295—319.

²⁷ ДРВ, вып. I, январь 1773 г. СПб., с. 2 (Предисловие).

²⁸ Там же.

товки издания под влиянием Новикова формировались их взгляды, вырабатывались приемы издания и комментирования памятников. Из молодого окружения Новикова вышли выдающиеся археографы конца XVIII—начала XIX в., хранители и знатоки древнерусской литературы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, причастные к первому изданию «Слова о полку Игореве», и автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, оказавший большое влияние на формирование исторических взглядов Пушкина.

В. А. ЗАПАДОВ

**К ИСТОРИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ
Н. И. НОВИКОВА**

В литературоведении давно уже стало аксиомой положение, гласящее, что издательская деятельность Н. И. Новикова и возглавлявшейся им Типографической компании встречала активное противодействие правительства и навлекала гонения. Однако в разное время разные литературоведы и историки развивали эту аксиому различным образом. Одни исследователи полагали, что гонениям подвергалось масонство в целом и Новиков в частности за распространение религиозно-мистической литературы. Другие ученые считали, что правительственные преследования навлекала просветительская деятельность Новикова, а масонство как таковое правительство и Екатерину II не волновало.

Возможность выведения столь полярных заключений из одной аксиомы, очевидно, обуславливается двумя причинами. Во-первых, здесь сказывается разницей в оценках одного и того же литературного явления (ср., например, суждения по поводу «Хризомандера» в работах Г. В. Вернадского, Л. Б. Светлова, Г. П. Макогоненко, Ю. М. Лотмана, А. В. Западова и других исследователей). Во-вторых, — и эта причина главная, — недостаточно изучен вопрос о том, какие именно издания Новикова и почему навлекали преследования.

В научной литературе можно найти данные о конфискации и уничтожении почти двухсот новиковских изданий. Однако данные эти существуют лишь в самом номинальном, скорее «номинативном», виде: в подавляющем большинстве случаев наука располагает только названием книги и сведениями о конфискации. Но до сих пор остается неизвестным главное: чем данная книга навлекла на себя гонения, т. е. мотивы конфискации.

А поскольку в современном нам литературоведении мы сталкиваемся со случаями прямо противоположного истолкования одного и того же произведения, решить дилемму может лишь выяснение того, что видело в нем русское правительство. Выявление мотивов конфискации настоятельно необходимо еще по од-

ной причине: списки подвергавшихся гонениям изданий чрезвычайно пестры, разнохарактерны. Тут можно найти что угодно: от «Гражданской азбуки» до «Церковного словаря», от стихов Ломоносова и Сумарокова до сочинений Иоанна Златоуста и Августина Блаженного.

Итак, уточнение состава новиковских книг, подвергавшихся преследованиям, и выяснение мотивов, вызывавших цензурные гонения, — вот две стороны проблемы, ставящейся в данной работе.

История русской цензуры XVIII в. разработана вообще мало. Собственно говоря, после дореволюционных трудов В. П. Семенникова в печати не появлялось ни одной серьезной обобщающей работы по этому вопросу.¹ В результате мы зачастую вынуждены принимать за истину легенды столетней давности. А доверяясь легендам и мифам, мы сталкиваемся с колоссальным количеством необъяснимых загадок, неразрешимых проблем.

В самом деле, если поверить бытующим в научном обиходе сведениям, поэма Битобе «Иосиф» в переводе Д. И. Фонвизина была в 1786 г. признана «сумнительной» и Новикову запретили продавать и перепечатывать ее. Но каким же образом в 1787 г. Новиков сумел выпустить следующее издание поэмы? Это новое издание тоже, согласно печатным источникам, было конфисковано и опять-таки был наложен запрет на дальнейшие перепечатки, причем о запрете 1786 г. почему-то никто не вспомнил. А в 1790 г. Петр Богданович снова издает поэму «Иосиф», будто бы уже дважды запрещенную, — и цензура совершенно спокойно взирает на эту операцию.

Подобных фактов множество, но как их объяснить? Что это — поразительная смелость издателей либо ротозейство цензоров? Или беспрецедентный цензурный либерализм? А может быть, гораздо проще: никто и никогда эту книгу вообще не запрещал ни продавать, ни печатать? Известные материалы не дают ответа на подобные вопросы. Но обращение к архивам позволяет восстановить историю взаимоотношений Новикова с цензурой в новом виде, отличном от столетней традиции.

Обследование архивов сразу же позволяет сделать вывод принципиального характера: сосредоточив внимание лишь на одном вопросе — «Новиков и цензура» и игнорируя материалы, связанные с другими содержателями типографий, дореволюционные исследователи невольно исказили историческую ретроспективу. А это привело к ошибочному определению момента, когда начинается цензурная борьба с Новиковым и масонским книгоиздательским делом.

Иногда начало преследований Новикова и масонства относят к 1784 г. — к конфискации новиковских перепечаток учебных

¹ См.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. М.—Л., 1968, с. 104.

книг, иногда к январю 1785 г., когда Синод начал расследование о книге Иоанна Арндта «Об истинном христианстве». По-видимому, и то и другое неверно.

В первом случае имела место обычная контрафакция — незаконная перепечатка книг, право на издание которых принадлежит другому владельцу. Такого рода контрафакции бывали и у Вейтбрехта и Шнора («Гражданская азбука», 1777), и у типографии Артиллерийского и инженерного корпуса («Месяцеслов на 1780 год»), и у других типографий — и никаких особенных последствий для нарушителей конфискация незаконной перепечатки не влекла.²

Начиная же следствие о книге Арндта, Синод не имел ни малейшего представления о том, кто в Москве издал ее. Следствие было направлено не против книгоиздательского предприятия, а против самой книги, и началось потому, что сочинение Арндта было запрещено Синодом еще в 1743 г. А такого рода истории разыгрывались довольно часто: подобным же образом, например, были конфискованы, а затем в 1799 г. уничтожены сочинения Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского.

Но о книгах, конфискованных у Вейтбрехта, Шнора, Клеэна и других издателей, в научной литературе сведений нет. А об изданиях, конфискованных у Новикова, известно хорошо со времени Лонгинова. Так возникает иллюзия, что уже в 1784—начале 1785 г. цензура борется с Новиковым, что уже в это время начинаются гонения на московских мартинистов.

На самом деле первый указ, направленный против Новикова и масонского книгоиздательского предприятия в целом, — это указ от 23 декабря 1785 г. Выполняя распоряжение императрицы, московский архиепископ Платон осматривает издания, обнаруженные в типографии и книжной лавке Новикова. В результате проверки Платон полагает, что «сомнительными» следует признать 23 книги. Список этих книг опубликован уже более ста лет,³ но до сих пор не были известны основания, которые побудили архиепископа выбрать данные 23 издания из 458 осмотренных. Поэтому представляется небезынтересным хотя бы вкратце изложить «примечания» Платона.⁴

Первым в списке значится произведение Сен-Мартена «О заблуждениях и истине». Примечание Платона гласит: «Книга странная, в некоторых местах для закона и правления предосудительная, и яко исполненная по-видимому нарочной темноты,

² Подробнее см.: Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х гг. XVIII века. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Учен. зап. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 414, Л., 1971.

³ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 465—467, а также: Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 036.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 67, № 110/47, л. 11—13.

могущая служить к разным вольных людей мудрованиям: а потому к заблуждениям и к разгорячению энтузиазма».

Еще более развернутой рецензией архиепископ сопровождает книгу Штарка «Апология, или Защищение вольных каменщиков». В этой книге Платон нашел «некоторые крайне сумнительные намерения», свидетельствующие о «дальновидных, но предосудительных предприятях» масонов. «Подобного же вкуса и предприятя» — «Братские увещания» Станислава Эли, повесть «Хризомандер» и «Карманная книжка для вольных каменщиков».

Такова первая группа книг, в которой Платон усмотрел не только мысли, противные «закону» (то есть религии), но и для «правления» «предосудительные намерения». Примыкает к этой группе «Новая Киропедия» Рамзая.

Вторая группа книг — издания, оскорбительные для религии, но не для «правления». Так, например, поэма Битобе «Иосиф», по мнению архиепископа, «несходственно с Священным писанием, Иосифову целомудрия добродетель <...> унижает и опровергает». «Человек в 40 талеров» Вольтера, утверждает Платон, «мало содержит полезного, а более колобродного».

Особый гнев архиепископа вызывает «Древняя и новая история» Милло: «Во многих местах находятся выражения, для истинной религии оскорбительные и соблазнительные: и кажется вся история одушевлена духом, христианству мало приятствующим, — все же тому противное выхваляющим и возвышающим».

Впрочем, некоторые издания масонов устаиваются даже похвалы Платона, смущает его лишь расхождение со Священным писанием: «Книжки хорошие и полезные, только в приложенных к тому таблицах в человеке полагается три части: тело, душа и дух», а это противоречит «здравой философии и Священному писанию».

Наконец, третья группа — это произведения, «могущие превращать благонравие» (то есть развратные), и светская беллетристика, в которой, по мнению Платона, «ничего полезного не заключается». Последнее относится к «Русским сказкам» В. А. Левшина, «Библиотеке немецких романов» в переводе Левшина, «Сказкам духов» Джеймса Ридли и «Песеннику» Чулкова.

Отправив в Синод и Екатерине ведомость, куда вошли 22 издания, Платон спустя некоторое время спохватился, что в список «сумнительных» книг не внесено сочинение Штарка «О древних мистериях, или О таинствах, бывших у всех народов», и счел нужным не только сообщить о книге Синоду, но и написать графу Безбородко «для донесения ее императорскому величеству».

Несмотря на усердие Платона, большая часть книг не была запрещена. В указе Екатерины II от 27 марта 1786 г. перечислено лишь шесть из 23 книг, признанных Платоном «сумнительными»: пять книг первой группы и «Парацельса химическая псалтирь» Б. Ж. Пено. Указ московскому главнокомандующему Я. А. Брюсу

гласил: книги шести наименований «оставить за печатью и в продажу выпускать запретить», «а прочие книги распечатать и продажу их дозволить». Шесть изданий были опечатаны прямо в лавке Новикова «в коробах» и хранились там до 1793 г., когда их было велено уничтожить. Семнадцать же остальных — произведения Вольтера, Битобе, Левшина, Ридли, сборник Чулкова и т. д. — никакому запрету не подверглись.

Последнее необходимо подчеркнуть потому, что до сего дня в научной литературе бытует утверждение, будто бы шесть книг конфисковали, «а семнадцать, в числе которых попались произведения Вольтера, сборники сказок и песен, лишь запретили продавать».⁵ Иногда пишут даже о конфискации двадцати трех изданий. Эти версии, восходящие в конечном счете к Лонгинову, ошибочны.

Распорядившись распечатать лавку Новикова, в соответствии с указом императрицы Брюс приказал взять с Новикова подписку в том, что, кроме сложенных в коробах экземпляров книг шести названий, «сих от него объявленных и запечатанных, других такового содержания <...> более у него не имеется, а буде впредь окажутся, подвергает себя строжайшему по законам взысканию».⁶ Содержание указа было объявлено не только самому Новикову, но и всем владельцам московских вольных типографий (а также книгопродавцам), и они также дали подписку «о неиздании книг, наполненных странными мудрованиями и заблуждениями».⁷

Тем не менее «подписка» не устрасила ни самого Новикова, ни других типографчиков — и через полтора года последовал новый указ, против масонов направленный уже косвенно. 27 июля 1787 г. императрица запретила печатать и продавать вообще всякого рода «молитвенники», «книги церковные или к Священному писанию, вере либо толкованию закона и святости относящиеся». Запрет не распространялся лишь на продукцию синодальных типографий и издания Комиссии народных училищ.

Поначалу указ этот имел грандиозные, может быть, даже неожиданные по размаху результаты. В одной только Москве было обнаружено 313 изданий, напечатанных в университетской, московских вольных типографиях Лопухина, Компании типографической, Гиппиуса, Пономарева, Клаудия, Мейера, петербургских — Шнора, Галченкова, Геннинга, Овчинникова, Вейтбрехта,

⁵ Западов А. В. Новиков. М., 1968, с. 146; см. также: Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. [Б. м.], 1946, с. 68 и т. д. Устойчивость этой версии тем удивительнее, что документы об опечатании только шести изданий публиковались многократно, см., например: Бантыш-Камениский Д. Н. Словарь достопамятных людей, ч. IV. М., 1836, с. 28; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 467—469; Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 587—588, и т. д.

⁶ ГИАМО, ф. 46, оп. 7, св. 422, № 5324, л. 4—4 об.

⁷ Там же, л. 4 об.

Академии наук, Сухопутного, Морского, Артиллерийского и инженерного кадетских корпусов, сенатских типографиях.

Петербургских данных у нас пока нет, но зато есть рапорты духовных властей о просмотре и опечатании книг в провинции. Там также было заподозрено относительно большое количество изданий: в Архангельске опечатано 300 экз. книг различных наименований, в Нижнем Новгороде — 86, в Казани — 124, в Симбирске — около 150 и т. д.

Какова была дальнейшая судьба этих книг — прежде всего книг, опечатанных в Москве?

В русском литературоведении была принята точка зрения М. Н. Лонгинова, который утверждал: «Нет сомнения, что множество их было потом сожжено. Поэтому существующие теперь экземпляры их можно считать теми, которые успели быть проданы до августа 1787 г.»⁸ Версия Лонгинова бытует и в советской науке. «Духовная цензура изъяла из книжных лавок в Москве огромное множество книг, которые были, по-видимому, уничтожены», — писал в 1946 г. Л. Б. Светлов.⁹ «Летом 1787 года <...> отобрали в книжных лавках и в типографии Новикова десятки тысяч книг, и не только духовных, но и учебных. Это уже был открытый поход против просветительских намерений Новикова», — указывал в 1951 г. Г. П. Макогоненко.¹⁰ Столь же безоговорочно пишут о «конфискации» в 1787 г. ряда изданий составители «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века», печатавшегося в 1962—1967 гг. (см., например, аннотации к № 23, 24, 27, 29, 32, 33, 34, 38 и мн. др.). Наиболее решительно и безапелляционно «расправился» с этими изданиями (попутно увеличив их число с 313 до 330) уже в 1968 г. А. В. Западов: «Книги отобрали и сожгли».¹¹

Таким образом, нет исследователя, который не писал бы о 313 изданиях, конфискованных вследствие указа 1787 г. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что, более или менее подробно повествуя о горестной судьбе этих книг, все литературоведы в равной мере обходят вопрос о том, какие именно издания, книги каких авторов подвергались конфискации и сожжению.

Подобная «фигура умолчания» вряд ли случайна, ибо при ближайшем рассмотрении в списке 313 изданий можно обнаружить сочинения, переводы, проповеди, поучительные слова следующих небезызвестных лиц:

⁸ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты, с. 286. Ср.: Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916, с. 396; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 125.

⁹ Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова, с. 69.

¹⁰ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 517.

¹¹ Западов А. В. Новиков, с. 154.

Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, «первенствующего святейшего правительствующего Синода члена»;

членов Синода — Платона, митрополита Московского и Калужского;

Самуила, митрополита Киевского и Галицкого;

Иоасафа, архиепископа Тверского и Кашинского;

Арсения, архиепископа Ростовского и Ярославского;

Симона, епископа Рязанского и Шацкого;

Феофилакта, епископа Переяславского и Дмитровского;

Дамаскина, епископа Нижегородского и Алатурского;

Антония, архиепископа Астраханского, и многих других иерархов православной церкви.

Я уж не говорю о мелкой церковной сошке вроде Аполлоса Байбакова, ректора Московской духовной академии, чьих изданий в одном только московском списке полтора десятка. Но любопытно, что цензор Моисей Гумилевский, один из составителей московского списка, не пощадил и самого себя, включив в число 313 изданий четыре собственных сочинения и перевода, а за компанию и две книги Иринейя, духовного цензора в Ярославле.

Но какие же причины могли подвигнуть духовных цензоров и членов святейшего Синода на столь жестокую расправу над своими собственными произведениями?

Уже сам факт включения в список 313 изданий тех сочинений и переводов, которые принадлежат перу духовного цензора Моисея Гумилевского, наличие в списке всех имевшихся в продаже сочинений членов Синода заставляет задать вопрос: не являются ли наши представления о десятках тысяч книг, которые «отобрали и сожгли», легендой, восходящей к временам давно минувшим? Не повторяем ли мы ошибку Лонгинова, говоря о конфискации полутора десятка тысяч книг?

Так возникает гипотеза, что список 313 книг — это вообще не реестр конфискованных изданий, а просто исчерпывающий список духовной и мистической литературы, находившейся в продаже и обнаруженной во всех московских книжных лавках осенью 1787 г., — то есть список литературы, подлежащей освидетельствованию.

Обращение к документам подтверждает справедливость этого предположения. Как показывают архивные материалы, в действительности ход дела был совершенно иным, чем принято считать, и судьба опечатанных книг может быть полностью восстановлена в другом виде.

При осмотре книжных лавок все книги, касающиеся духовных вопросов, молитвенники, наконец, содержащие только какие-нибудь упоминания о религии и напечатанные не в синодальных типографиях, были опечатаны частью тут же в лавках, частью свезены в Московскую синодальную контору. Но, поскольку духовные цензоры составляли список по формальным признакам

(тематика и типография), изъятыми из продажи оказались в подавляющем большинстве издания, ничего «сумнительного» в себе не заключавшие.

Как и во время расследования Платона, императрица и Синод сочли возможным и нужным запретить лишь малую толику из громадного списка. 30 сентября 1788 г. Екатерина направила московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину (преемнику Я. А. Брюса) указ, которым предписывалось изъять 14 изданий из 313, а все остальные 299 изданий, «распечатав, отдать хозяевам их и продажу оных дозволить; с таким, однако ж, подтверждением, чтоб других изданий без цензуры Синода делано не было». При указе приложен список 14 книг, которые следовало «оставить под сохранением синодальной конторы за печатью впредь до указа».

11 октября 1788 г. Синод вслед за императрицей издал указ о возвращении владельцам книг, не означенных в списке. Они и были возвращены хозяевам «по реэстрам с распискою».

Книги же 14 наименований, перечисленные в реестре, который подписал митрополит Гавриил, оставались на хранении в Московской синодальной конторе вплоть до 1793 г., когда их было велено «предать огню все без изъятия».

Какие книги вошли в число 14 запрещенных в 1788 г. изданий?¹²

Одна из них — «Священная сатира на суету мира, или Екклезиаст премудрого пророка Соломона» (СК, 6387) — была издана типографией Мейера еще в 1783 г., и в 1786 г. рассматривавший ее Платон не нашел в ней ничего «сумнительного». На сей раз, в 1788 г., примечание Синода гласило: «Истолкователь не только отстает от намерения богодухновенного писателя, не выражая прямо мыслей его, но и от себя много непристойного прибавляет».

Сходная причина вызвала изъятие из продажи книги, вышедшей из вольной типографии Пономарева в 1787 г., — «Одиннадцать утренних евангелий, древле истолкованные премудрейшим Григорием архиепископом Тавроминийским» (СК, 1631). Резолюция Синода на это издание такова: «Толкование, наполненное вымыслами подлыми, несогласное во многих местах с текстами».

Первая часть перевода А. М. Кутузова поэмы Клопштока «Мессия» печаталась в типографии Лопухина в 1785 г., вторая — в типографии Компании типографической в 1787 г. (СК, 2938). Причина запрета: «Имеет выражения, противные Священному писанию и низкие по отношению к божеству».

Одиннадцать остальных запрещенных изданий напечатаны повиковскими типографиями с 1780 по 1787 г.

¹² Далее в тексте указанный в скобках номер с пометкой «СК» означает ссылку на соответствующий номер «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (т. I—V, М., 1962—1967); номер с пометкой «Соп.» — то же по «Опыту российской библиографии» В. С. Сошкова (т. I—V, СПб., 1904—1906).

Три книги из их числа — это сочинения немасонско-религиозного характера. Изъятию подвергалась третья часть «Собрания поучительных слов» греческого епископа Илии Минятия (СК, 2484), поскольку «в сей части напечатаны проповеди, которые, яко содержащие суеверные выражения, не дозволены Синодом». Изъят был из продажи «Евдомадевхаридион, или Молитвы на каждый день седмицы» Афанасия, иеромонаха Критского (СК, 348), потому что «сей молитвенник местами содержит выражения суеверные». Причина запрета переведенной с латинского книги «Опыт подвига в благочестии» (СК, 5016) изложена одним словом: «Молитвенник».

Наконец, восемь изданий изымались ввиду несоответствия Священному писанию, «странных умствований».

Так, например, о «Новой Киропедии» Рамзая (СК, 5835) сказано: «Противна во многих местах Священному писанию и содержит странные умствования». «Российское сочинение» поэма «Истинный свет» (СК, 2684) — «сочинение нескладное, наполненное вымыслами, противными Евангелию». По сходным мотивам запрещены были книги «Наука обращаться с богом» (СК, 4497), «Исследование философских и нравственных проповедей» (СК, 2675), «Истинные правила христианского воспитания детей» (СК, 2682).

Анонимная брошюра масонского характера «О поклонении духом и истинною» (СК, 4752) и сочинение Франкепберга «О тройственном пути души» (Соп., 12030; в СК отдельное издание не зарегистрировано) изымались потому, что «могут подать случай к странным умствованиям». То же самое сказано о предисловии к книге епископа Оксфордского Джозефа Холла «Образ жития Енохова» (СК, 8049) — и это предисловие было вырвано, а сама книга пущена в продажу (Соп., 6972).¹³

Таким образом, среди 14 запрещенных книг находятся издания исключительно религиозного и мистического характера. Ни учебных книг, ни произведений просветителей, ни сочинений исторического содержания в списке 14 изданий нет.

Следует подчеркнуть, что все книги, вышедшие до 1785 г. включительно, в свое время попали в «Роспись» Тейльса, были освидетельствованы Платоном и в большинстве признаны им безвредными. А названные Платоном «сомнительными» «Новая Киропедия» и «Избранная библиотека для христианского чтения» безвредными признали в 1786 г. императрица и Синод. В 1788 г. «Новую Киропедию» подвергают запрету, однако среди 150 новиковских изданий, не подвергнувшихся изъятию, был не один десяток книг, развивавших те же идеи, что и запрещенные издания, — но они не привлекли внимания Синода.

Больше того: к продаже были разрешены все издания «Избранной библиотеки для христианского чтения» (СК, 2426, 2427,

¹³ Судьба 313 изданий и примечания Синода воспроизведены по делу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 796, оп. 68, № 290).

2428), первое из которых еще Платон предлагал запретить. А ведь в этих сборниках напечатаны и «О тройственном пути души» Франкенберга, и «О поклонении духом и истинною», запрещенные в отдельных изданиях.

Этот случайный выбор запрещаемых в 1788 г. книг резко бросается в глаза. Но сам случайный выбор далеко не случаен.

Сопоставление двух указов 1785 и 1787 гг. и результатов, к которым привела реализация этих указов в 1786 и 1788 гг., создает вполне определенную и достаточно выразительную картину.

Указ 1785 г. направлен лично против Новикова и новиковской типографии. Проведя испытание Новикова в догматах православной церкви, архиепископ Платон донес императрице, что молит бога, дабы «во всем мире были христиане таковые, как Новиков».¹⁴ А в результате цензурного расследования карательные меры принимаются не против книжной продукции новиковской типографии, а против типографии Лопухина. Из шести книг, запрещенных в 1786 г., пять были напечатаны Лопухиным и лишь одна — Новиковым.

Распорядившись конфисковать книги, в которых развивались государственные и социально-политические идеи масонов, и дозволить продажу нравственно-религиозных сочинений, Екатерина II весьма недвусмысленно указала на запретную для мартинистов область — государственные проблемы, проблемы власти.

В отличие от предыдущего указ 1787 г. внешне направлен не против Новикова и даже не против масонства, а против издания духовно-религиозной литературы вообще. Но явившийся его результатом указ 30 сентября 1788 г. направлен именно против новиковских типографий. Из 14 запрещенных книг лишь три напечатаны Мейером, Пономаревым и Лопухиным, а 11 — в новиковской университетской и возглавлявшейся Новиковым Типографической компании. И «случайность» отбора запрещенных книг связана с тем, что удар предназначен не масонской идеологии, а лично Новикову: это подготовка следующего указа.

Ровно через три недели, 22 октября 1788 г., Екатерина приказывает не сдавать ему более в аренду университетскую типографию.

Это нарастание преследований именно Новикова совершенно правильно подметил и подчеркнул Г. П. Макогоненко.¹⁵ Однако широкий список 313 будто бы конфискованных изданий привел исследователя к ошибочному тезису об открытом походе против просветительских намерений Новикова.

Думается, что приведенные здесь факты не оставляют ни малейшей возможности для подобного заключения. Новиков преследуется не как просветитель, а именно как масон.

¹⁴ См.: Новиков Н. И. Избр. соч., с. 579.

¹⁵ См.: там же, с. 742.

Борьба с просветительством и революционной идеологией примет более острые формы позднее. Новый этап цензурной и судебно-административной политики русского правительства открывается в октябре 1789 г. указом Екатерины о непечатании без цензуры Синода собрания сочинений Вольтера, и на этом этапе возникают «дела» Радищева, Княжнина, Рахманинова, Петра Богдановича и мн. др. На этом же этапе Новиков и другие масоны впервые допрашиваются по поводу книги в известной мере просветительского характера — «О народной гордости» Циммермана, той самой книги, отрывок из которой был издан Фонвизинным под заглавием «Рассуждения о национальном любочестии».

В чем же причина преследований Новикова во второй половине 80-х годов? Ответ подсказывается самими датами трех главных ударов: 1785, 1787 и 1792 годы. Каждый из них наносится в ответ на очередную попытку Новикова связаться через зодчего Баженова с наследником престола Павлом Петровичем.

Вслед за первой поездкой Баженова,¹⁶ когда он передал Павлу присланные московскими мартинистами масонские книги, Екатерина конфискацией шести книг строго определенного содержания запрещает масонам вмешиваться в область государственной политики.

Вслед за второй поездкой Баженова, когда он передает книги, присланные уже одним Новиковым, императрица фактически ликвидирует книгоиздательское предприятие Новикова.

В ответ на третью поездку Баженова следует арест Новикова и разгром московской розенкрейцерской организации. При этом мера постигшей розенкрейцеров кары полностью определяется степенью их участия в «уловлении известной особы» (то есть Павла) и в связи с немецкими масонами.

Никаким особым репрессиям не подвергаются те розенкрейцеры, кого интересовали лишь нравственно-религиозные искания (например, М. М. Херасков).

Сосланы те, кто только ведал об «уловлении известной особы» (И. П. Тургенев) или «соглашался» с этим на первом этапе (Н. Н. Трубецкой). И. В. Лопухину, об осведомленности которого говорил в своих показаниях Новиков, но который сам решительно отрицал какое бы то ни было участие в «уловлении», первоначальный приговор был смягчен.

¹⁶ В показаниях Новикова, данных в июне 1792 г., в результате оговорки или описки указана ошибочная дата — конец 1775 или начало 1776 г. (см., например, в кн.: Новиков Н. И. Избр. соч., с. 698). Так же датирует первую поездку Баженова и А. В. Западов («Новиков», с. 168—169), не обращая внимания на то, что Новиков говорит о книгах, вышедших из печати только в 1784 г. Новейшее воспроизведение старой ошибки см. в статье С. Р. Долговой «Каржавин и Баженов» (Рус. лит., 1976, № 1, с. 111).

В тюрьме или в сумасшедшем доме оказались те, кто подозревался в осуществлении связей Новикова с границей: М. И. Багрянский, М. И. Невзоров, В. Я. Колокольников. Находившегося в Берлине А. М. Кутузова было велено арестовать, как только он окажется на территории России.

На тюремное заключение был осужден и Н. И. Новиков — наиболее активный деятель из числа московских розенкрейцеров и, что было особенно страшно для Екатерины II, единственный из них организатор-практик.

В. П. СТЕПАНОВ

НОВИКОВ И ЧУЛКОВ

(Литературные взаимоотношения)

В биографиях Чулкова и Новикова много внешних совпадений. Они были ровесниками и в немногочисленном кругу литераторов XVIII в. их пути неоднократно перекрещивались, сходились и расходились. И тем не менее их литературная и общественная судьба оказалась очень различной.

И Чулков, и Новиков одновременно учились в гимназии при Московском университете. Солдатский сын Чулков получал начатки знаний в разночинной «латинской» школе; столбовой дворянин Новиков слушал лекции профессоров университета в «дворянской» гимназии. Чулков из учеников «по указу вместе с прочими» был взят на службу, чтобы сначала стать актером, затем придворным лакеем, квартирмейстером, чиновником Сената и, наконец, достичь предела мечтаний — потомственного дворянства. В это же время Новиков был отчислен из университета за «леность и нехождение в классы» и удалился в свое поместье для приведения в порядок семейных дел.

Казалось бы, их пути окончательно разошлись. Тем не менее первый шаг на литературном поприще Чулков сделал именно с помощью Новикова. В 1766 г. Новиков, решившись заняться книжной торговлей, взял на комиссию (т. е. в счет будущей выручки выкупил из типографии) 1-й том чулковского «Пересмешника». В том же году он напечатал на свой счет также и первый перевод М. И. Попова «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение людей Промифеевых». Деньги для этих операций (120 руб. серебром) Новиков занял у московского книгопродавца Вевера.¹

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1954, с. 55—57; Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, с. 74—75. Первая из повестей сборника Попова ранее уже была издана в переводе А. В. Храповицкого.

Попова и Чулкова в 60-е годы связывали тесные дружеские отношения. Оба они были актерами русской придворной труппы. Они совместно работали над словарем русского языка.² Попов написал стихотворные куплеты к пьесе Чулкова «Как хочешь назови», был постоянным сотрудником «И то и сьо» в первые месяцы его издания. Из почтительного письма Попова, которое было помещено при издании перевода «Двух повестей», видно, что Новиков давно был знаком с трудами переводчика. Таким образом, очевидно, что во время службы в Измайловском полку Новиков патронировал начинающих «мелкотравчатых» литераторов. Впрочем, книготорговый эпизод 1766 г. был мимолетным в деятельности Новикова. Остальные части «Пересмешника» печатались на кошт самых различных лиц, что свидетельствует как о существовании спроса на сборник, так и о незавидных финансовых обстоятельствах его автора. Тираж «Краткого мифологического лексикона» (1766) Чулков не смог выкупить из типографии, и книга была за долги продана через Академическую книжную лавку в 1770 г.³

В конце 1767 г. Чулков и Новиков почти одновременно уехали в Москву: первый вместе с двором по обязанности придворного квартирмейстера, второй для «исполнения письменных дел у сочинения проекта нового Уложения».⁴ Об их отношениях в это время сведений не имеется.

В печати они встретились в 1769 г. на поприще сатирической журналистики уже не как литературные соратники, а как соперники.

Центральным литературно-общественным вопросом, вокруг которого разгорелся спор в 1769 г., был вопрос о характере и формах сатиры. Две точки зрения на нее, сформулированные в процессе полемики, определяли два противостоящих друг другу лагеря.

Главными участниками полемики были «Всякая всячина», за издателями которой анонимно стояла Екатерина II, и «Трутень» Новикова.

Издатели «Всякой всячины» хотя и объявили главной своей целью подавать «полезные наставления», не отказывались полностью от сатиры. Однако вскоре выяснилось, что они заключают ее в очень узкие рамки обличения общечеловеческих недостатков и слабостей. Такое толкование не было чем-то оригинальным. Еще академические «Ежемесячные сочинения», ссылаясь на Гольберга, пропагандировали сатиру, которая лично

² Чулков М. Д. «Известие» (1790 г.). Цит. по перепечатке Н. С. Тихонравова: *Летописи истории русской литературы и древности*, 1859, т. 1, кн. 2, отд. III, с. 198.

³ Семенов В. П. *Материалы...*, с. 133; Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 323, л. 244—249; № 537, л. 56, 247.

⁴ О пребывании Чулкова в Москве см. примечания к его «Оде», с. 168 настоящего сборника.

не задевает порочного человека: в противном случае сатира, вместо того чтобы исправлять людей, превращается в орудие личной мести и оскорбления. Такую же точку зрения излагал в «Эпистоле о стихотворстве» Сумароков, ее придерживались и журналы херасковского кружка.⁵

Реально памфлетная сатира (в творчестве того же Сумарокова) существовала в России несмотря на теоретические запреты. Но в 1769 г. изменилось ее понимание. «За видимой полемикой о допустимости сатиры „на лицо“, — пишет П. Н. Берков, — шла борьба за право писателя критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, выражать свободно и открыто свое возмущение поступками „знатных особ“, не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение».⁶ Отразив возникновение оппозиционного общественного мнения, полемика о сатире усилила и ускорила размежевание в литературе.

Наблюдения П. Н. Беркова над участием Чулкова в журнальных стычках как будто подводят к мысли (хотя автор ее и не формулирует), что Чулков равно враждовал со всеми издателями. Это же видимое многообразие полемики заставило в свое время В. Шкловского назвать Чулкова «писателем вне группировок».⁷ Однако, как кажется, при всей активности Чулкова-полемиста, у него были в современной литературе свои симпатии и антипатии.

Чулков был первым, кто откликнулся на опубликованный во «Всякой всячине» призыв Екатерины II к писателям последовать ее примеру и приступить к изданию сатирических журналов. «И то и сьо» начал выходить еженедельно по вторникам с 13 января. Чулков уже знал о намерении «Всякой всячины» исправлять нравы и о ее желании видеть, как «добрый вкус и здравое рассуждение <...> одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другою доброе поколение всякия всячины за руку ведут».⁸

Между тем кое-что в новом журнале не понравилось «родоначальнице» сатирической журналистики. В третьем листе «И то и сьо» появилась статья, в которой издатель извинялся, что вовремя не обратился с приветствием к предшественнице. Он просил не истолковать его забывчивость в дурную сторону и подчеркнул, что вовсе не принадлежит к тем людям, «у которых шапки прибиты к голове алтынными гвоздями, которые обходят по три улицы, лишь бы не встретиться с человеком почтенным и достойным всякой чести и не помять головной своей по-

⁵ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 98—101.

⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 173. Далее: Берков. История журналистики.

⁷ Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933, с. 79.

⁸ Всякая всячина, 1769, л. 1, с. 3 (нenum.). Далее при ссылках в тексте сокращенно — ВВ (с указанием страниц).

крышки».⁹ Таким образом, он сразу отмежевался от «хулителей», о которых «Всякая всячина» упомянула в статье «Неблагодарность вреднейший есть порок» (ВВ, с. 6). Заодно Чулков, с оглядкой на заявленную «Всякой всячиной» программу, определил границы своих намерений в качестве журналиста. Если там было заявлено, что читатели получают полезные наставления, увеселительные сочинения и сатиру («Ко читателю», ВВ, с. 4), то Чулков представился как человек смиренный и снисходительный. Исправлять он никого не собирался, «титул народного учителя» на себя не принимал, а писать собирался о том, что ему «возможно и о чем имеет действительное сведение <...>; вначале о хорошем, потом о посредственном, а наконец и о худом». Под «именем худа» он «разумел малые вещи».

Подробность объяснений и вежливый тон статьи создают впечатление, что если Чулков и не знал, кто конкретно издает журнал, то во всяком случае был осведомлен о влиятельности кружка издателей. С другой стороны, создается впечатление, что он как будто намекал на какую-то связь между организацией «Всякой всячины» и началом своего журнала. Он шутил, что мог бы написать целую родословную, по которой «Всякая всячина» приходится ему старшей сестрой. «Причитаясь» в столь близкую и равную родню, Чулков, как вскоре выяснилось, допустил серьезную бестактность, тем более что и в литературном отношении он поставил свою музу рядом с музой Козицкого и Екатерины II. «Всякая всячина» родилась на Парнасе, рассуждал он, «да и я неподалеку оттуда», «тебя производила муза, да и меня, я думаю, та же», «близки мы друг другу, как солнце к огню». Разница между тем была большая. С одной стороны, выступали писатели со сложившейся репутацией, вроде Козицкого и Елагина, с намерением пропагандировать серьезную политическую программу. С другой — за издание журнала взялся автор развлекательного сборника повестей «Пересмешник», педоучившийся гимназист Московского университета, придворный квартирмейстер, преследовавший при этом чуть ли не меркантильные соображения.

Первый лист «Всякой всячины» раздавался бесплатно. Чулков на титуле своего рекламного листа приписал: «Строками служу, бумагой бью челом, а обое вообще извольте покупать, купив же считайте за подарок, для того, что небольшого оно стоит». А далее, хотя и в шуточной форме, призывал читателей, не скупясь, оплачивать его труды не столько похвалой, сколько деньгами: «Я, право, не отрекись». «Всякая всячина» ожидала серьезной поддержки своим взглядам. Чулков же собирался «смешить людей благоразумных» (л. 1), «угождать тем людям, которые всеми силами стараются убраться от дела, а упражняются в бездельи» (л. 2).

⁹ И то и сьо, 1769, л. 3. Далее ссылки на это издание в тексте (с указанием номера недели-листа).

Кроме того, Чулков широко предоставил страницы «И то и сь» крупнейшему из писателей-современников Сумарокову, который сначала собирался сотрудничать во «Всякой всячине».¹⁰ 13 февраля А. В. Храповицкий «под именем девицы», корреспондентки «Всякой всячины», раскритиковал на ее страницах комедию Лукина «Зять и тесть» (ВВ, с. 43—46). Напечатав письмо Храповицкого, редакция тем не менее выступила в защиту драматурга, расценив замечания критика как мелочные придирки. По мнению издателей, для процветания литературы нужно не столько критиковать, сколько поощрять писателей. Сумароков ответил в «И то и сь» «Письмом к г. А. В. о его письме во „Всякую всячину“ под именем девицы» (л. 5), отстаивая пользу литературных споров, а в следующем номере поместил «Противуречие г. Примечаеву». Данная статья была особенно неприятна Екатерине II. Совместно с Козицким и А. П. Шуваловым она в это время работала над известным «Антидотом», возражением на книгу Шаппа д'Отероша о России. Разделение всех русских обычаев на «природные» (хорошие) и «дурные», перешедшие от татар, которое делал безвестный корреспондент «Евдоким Примечаев», было ей очень на руку, и редакция «Всякой всячины» полностью одобрила мысли своего корреспондента: «Принимаем их за законнорожденные наши» (ВВ, с. 36). Сумароков обратился не к древности, а к современности, заявив, что «худые нравы от худых сердец и от малого просвещения происходят» (л. 6). «Всякая всячина» сделала вид, что не заметила возражения Сумарокова, а шутки над татарскими обычаями продолжали печататься в журнале.

Таковы были ранние трения и расхождения между Чулковым и «Всякой всячиной», которые закончились печатным обоюдным объяснением. Выговор Чулкову содержался в номере от 13 марта, посвященном развертывавшейся журнальной полемике. К этому времени помимо «И то и сь» начали выходить еще два журнала: «Полезное с приятным» и «Ни то, ни се». В первом 7 марта появилось письмо «О ревности» против Лукина.¹¹ «Всякая всячина» напечатала статьи, направленные против «Ни то, ни се», поступившие в редакцию за подписями «Ибрагима Курмамета» и «Фалалея, который много написал, а толку мало» (ВВ, с. 75—79). Смысл ее выступления заключался не в осуждении журнала В. Рубана и С. Башилова; напротив, это издание «Всякая всячина» называла «почтительным и ласковым внуком», «утвердившим искреннюю любовь к нему прародительницы» (ВВ, с. 74). Подлинные причины недовольства «внуками» выясняются из редакционной статьи. Весь этот пассаж, обращенный как к Ру-

¹⁰ Его притчи были напечатаны в номере от 6 февраля (с. 33).

¹¹ Полезное с приятным, 1769, полумесяц 4, с. 13—16. Далее при ссылках в тексте сокращенно — ПП (с указанием номера-полумесяца и страниц). О дате выхода см.: Берков. История журналистики, с. 232.

бану, так и к Чулкову, имел целью показать им выгоды объединения вокруг «Всякой всячины». «Бабушка» призывала издателей критически относиться к сотрудникам, часто анонимным, стремящимся использовать журналы в своих целях. Публикуя два грубых письма об «Ни то, ни се», «Всякая всячина» как бы говорила, что полемика угрожает не только ей. «Для пользы племени есть средство, — поучала она. — Незамай они пишут, а мы браниться не станем. Итак, пусть будут без удачи те, кои по французской пословице между коркою и деревом пальцы положили» (ВВ, с. 79). Именно так понял этот дипломатический ход некто Неспускалов, предположив, что письма Курмамента и Фалалея сочинены специально для данного случая самими издателями и что эти корреспонденты журнала «не гораздо надежны».¹²

Все эти наставления относились в первую очередь к Чулкову, так как журнал «Ни то, ни се», начавшийся только 21 февраля, к ссорам еще не был причастен. Сравнивая журналы Рубана и Чулкова, «Всякая всячина» ясно выразила свое отношение к «И то и сьо». «Первороденный сын» оказался так мало благодарен родительнице своей, что «называл ее безо всякого почтения большою сестрицею»; разочарованно было упомянуто «о многих прочих его проступках противу матери», из-за которых «смолода он не обещал много соответствовать надежде об нем родительской» (ВВ, с. 74). Главным «проступком» были, очевидно, упоминавшиеся статьи Сумарокова.

На выступление «Всякой всячины» откликнулись оба журнала. Рубан и Башилов вступили в перебранку с Курмаментам и Фалалеем, а «бабушке» заявили, что они «хотя и внучки, но на возраст» и не нуждаются в поучениях (ТС, № 5, с. 37).

Чулков также не пропустил замечаний журнала Екатерины II, однакоотреагировал на них не прямо, а косвенно. Около этого времени (л. 8) он начал свою полемику с «Поденьщиной», которую продолжил и закончил в девятой неделе (17 марта). Статья о В. Тузове завершалась общими рассуждениями о журнальных спорах, причем Чулков полностью согласился с осуждением журнальной войны. «Почти все наши записки наполнены ссорой, которая нимало не приличествует журналам, ибо не на том они должны иметь свое основание, а должны содержать важное с полезным», — писал он. Ранее напечатав письмо Сумарокова в защиту литературной критики, теперь он уклончиво заявляет, что «здесь таких людей весьма мало, которые бы со вкусом критиковать могли». Кроме того, в статье содержатся объяснения насчет каких-то «невольных проступков» самого Чулкова, каких-то высказываний, неправильно истолкованных. Чулков объясняет свои «проступки» непривычкой к светской дипломатии и даже намекает, что отчасти они не от него зависели.

¹² Ни то, ни се, 1769, № 5, 21 марта, с 33. Далее при ссылках в тексте сокращенно — ТС (с указанием номера и страниц).

«Кто не умеет танцевать, тот еще чаще делает проступки в своей жизни. Я тот, который говорю и что говорю, не знаю <...> как уже могу без ошибки выступать по целому свету, следовательно и винить меня не должно, ежели я в чем проступился, а разве укорять только тем, для чего я, пропустив молодые мои лета, хотя и теперь не стар, не учился танцевать... Чувствую я по планете моей, что моралистом быть не способен и не к тому родился, да и при рождении моем за то не брался, хотя и попове желают сделать меня важным. Я пишу единственно для одного увеселения и другого намерения не имею» (л. 9).

Таким образом, «И то и сьо» занял в данном случае позицию более умеренную и примирительную, чем журнал Рубана. Характерно, что за кулисами журналистики Чулкова, вероятно, упрекали за эту уступчивость, так как в десятой неделе он вновь вернулся к теме полемики и подтвердил, что «по слову своему» примиряется со всем светом, «не опасаяся имени труса и не бояся названия быть кому-нибудь подобным».

Этот момент был переломным для журнала. Правда, в одиннадцатой неделе еще печатается письмо Незнаева о «Поденьщине», но Чулков отмежевался от полемики стихами «К чему меня, к чему Н...<езнаев?> принуждаешь...». Затем в «И то и сьо» начинается печататься сказка о Нетоне (пересказ-переделка «Золотого осла» Апулея), нейтральные стихи М. Попова и бытовые зарисовки городских нравов самого Чулкова. В шестнадцатой неделе Чулков поместил стихи «Молодому рифмачу» в защиту Ибрагима Курмамета (т. е. Лукина),¹³ а в двадцать третьей (конец июня) — новое письмо ко «Всякой всячине».

К этому времени начали выходить «Трутень» и «Смесь», бескомпромиссно и смело вступившие в спор о сатире «на лицо». Письмо Правдолюбова в защиту А.<блесимова>, послужившее началом основной полемики 1769 г., появилось в «Трутне» от 26 мая, а 5 июня «Всякая всячина» ответила на него редакционной статьей. Тон ее был гневным. Правдолюбоб-Новиков обвинялся в меланхолии, от которой «ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь» (ВВ, с. 174—175). Неделю спустя «Всякая всячина» публично назвала его лжецом, а обличительные статьи «Трутня» — ложью, придуманной «для делания зла» (ВВ, с. 181—183). Екатерина желала ввести сатиру и критику в границы умеренности, предотвратить борьбу за радикальные перемены. Она преподнесла читателям свою концепцию преобразований, построенную на житейской философии, что никто не без слабостей, един бог совершенен и никому из смертных не дано права

¹³ Берков. История журналистики, с. 238—239. К аргументации Беркова, основанной на наблюдениях над журнальной полемикой, добавим следующее. Во «Всякой величине» Ибрагим Курмамет подчеркивает, что он по происхождению не русский, а из сибирских татар. В одном из прощаний Екатерине II Лукин называет себя «бедным чужестранцем» (ЦГАДА, ф. 10, д. 602, л. 141).

судить ближнего; нужно иметь человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям (ВВ, с. 141, 150, 174).

С началом полемики между Екатериной и Новиковым размежевание в журналистике достигло кульминации. Чулков полностью оказался на стороне «Всякой всячины». «Разумные и беспристрастные ваши рассуждения о человеческих свойствах, — обращается он к ней в письме, — усугубляют к вам мое усердное и искреннее высокопочитание и принуждают меня непременно им следовать; может быть, через сие воздвигну я на себя ненависть некоторых людей, но мне рассудилось лучше угодить вам, как добродетелию преисполненной особе, нежели опасаться таких людей, которые подвержены не надлежащему самолюбию» (л. 23). Хотя имена не названы, общая расстановка сил показывает, что обвинение в «самолюбии», которое журнал Екатерины уже выдвигал против Сумарокова,¹⁴ в данном случае относилось к изданиям, оппозиционным «Всякой всячине», а персонально — к Новикову и Эмину.

Чулков завершил свое обращение выражением надежды, что в силу своей «неограниченной преданности» он будет «иметь особое счастье» называться покорным и преданным слугой «Всякой всячины». Чулков также предложил свои услуги в качестве защитника «Всякой всячины», поместив вслед за письмом сатиру на петиметров «по причине той», что они «много касались» до ее «уборов» (л. 23).

В своих портретах петиметров Чулков явно ориентируется на переводы из Гольберга, появившиеся в «Трудолюбивой пчеле» и «Ежемесячных сочинениях»,¹⁵ оставаясь бесконечно далеким от социальных мотивов, которые позднее вводит в свою борьбу с галломанией Новиков.

После появления письма Чулкова Новиков стал рассматривать «И то и сьо» в качестве журнала екатерининского лагеря. Сначала «Трутень» косвенно задел «И то и сьо» в письме Чистосердова. Здесь описывается некий придворный господчик, который хвалит журналы, «обирающие около себя» и пишущие «сказочки».¹⁶ В тринадцатом листе «Трутня» (14 июля) Чулков уже фигурирует в одном ряду с В. Петровым, Ф. Козельским и «Всякой всячиной». Ему приписано желание монополизировать журналистику — «когда его и матери его журналы явились в свет, то другим оных издавать не надлежало» (СЖ, с. 91). Однако прямая и открытая полемика началась в связи с появлением в двадцать восьмой неделе «И то и сьо» письма Д. П. и стихов «Аз не без глаз», направленных главным образом против Эмина. Этот эпизод полемики осве-

¹⁴ Кулакова Л. И. Очерки истории... , с. 106; ВВ, с. 141.

¹⁵ Ежемесячные сочинения, 1755, октябрь, с. 354; Трудолюбивая пчела, 1759, с. 748.

¹⁶ Сатирические журналы Новикова. М.—Л., 1951, с. 71. Далее при ссылках в тексте сокращенно — СЖ (с указанием страниц).

щался неоднократно и подробно.¹⁷ Нападки на Новикова в письме Д. П. делаются в исключительно резком тоне. «Сей человек, — говорится об издателе «Трутня», — объявил себя неприятелем всего рода человеческого. Тут кроме язвительных браней и ругательств не нашел я ничего доброго. Тут грубость и злонаравие в высочайшем блистали совершенстве; его ведомости соплетены были из ругательств и поношения ближним, и если бы ему верить, то бы надлежало возыметь совершенно от всех людей отращение». Оценка новиковской сатиры дается здесь в полном соответствии с ее оценкой на страницах «Всякой всячины».

Выступление Д. П. совпало с выходом первого номера «Адской почты». Не делая решительных заключений о «еще невразумительных намерениях нового журнала», автор замечает только, что его отпугнула форма «адской переписки». Такая же шутка («от страха многие не купят, боясь одного имени») насчет заглавия журнал Эмина встречается и во «Всякой всячине».

Стихи «Аз не без глаз» были напечатаны сразу вслед за письмом Д. П. Автором их является сам Чулков, что устанавливается по совпадению отдельных строк с поэмой «Плачевное падение стихотворцев». Они содержат насмешки над «Российской историей» Эмина, его романами, стремлением в «Российской истории» подражать Вольтеру, рисуют его всесветным зоилом и ругателем. Чулков явно восполняет письмо Д. П., не уделившего Эмину достаточного внимания.

Эмин в своем ответе Д. П., напечатанном в «Трутне», называет его письмо нападением «какой-то неизвестной партии». Новиков в свою очередь также отличает издателя «И то и сьо» от его поклонника и корреспондента Д. П. Что же касается стихов, то авторство Чулкова Эмину было хорошо известно, и свой ответ «Задачу», перифраз стихотворения «Аз не без глаз», он адресовал прямо ему.¹⁸ Далее, говоря об издателе «И то и сьо», Эмин сообщает любопытную подробность: кроме стихов «Аз не без глаз» Чулков прислал ему для напечатания в «Адской почте» (или в «Смеси») еще одно сочинение, которое являлось не более и не менее как «пасквилем» на самого Эмина. Однако ловкий ход был разгадан, «пасквиль» отослан назад сочинителю и носитя теперь по рукам. В нем содержалась критика какого-то серьезного сочинения Эмина, скорее всего «Российской истории». Возможно, Чулков попытался подsunуть Эмину для напечатания свой «Разговор в царстве мертвых», позднее помещенный в «И то и сьо».

Для характеристики Чулкова, литератора и полемиста, Эмин прибегает к злой литературной аллюзии, процитировав взятый из Рамсея отзыв о критиках Фенелона: «Ты новый Ерострат. Бесчестием своим быть хочешь всем известным». «Сочинителя Теле-

¹⁷ Ирон-комическая поэма. Л., 1933, с. 716—718; СЖ, с. 531—535.

¹⁸ «Задача» была напечатана в «Трутне», см.: СЖ, с. 99—100; здесь же приведены стихи Чулкова (с. 532—534).

мака, — комментирует Эмин, — критиковал Фаидит, который был у Собиса лакеем» (СЖ, с. 98). По-видимому, это не только намек на придворную службу Чулкова, но и на его зависимое литературное положение.

Кое-какой свет на эпизод с публикацией письма Д. П. могут пролить материалы дальнейшей полемики. Новиков в «Трутне» 1770 г., вспоминая о нападках Д. П., писал об этом хотя и зашифровано, но так, как если бы ему было известно имя автора: «... в „И то и сьо“, без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и не походит на П..., но я...» (СЖ, с. 237). Наряду с этим в октябрьском номере «Адской почты» фигурирует некий Злоумов, который про некоторого известного человека рассказывает повсюду, что он глуп, никому не дает покоя, хвастает ученостью, пишет язвительные сатиры, а также клеветает на род этого человека, «называя его в Украине от подлых родителей рожденным... Видел ли он Украину от роду?».¹⁹ Это описание — довольно точный пересказ «разговора» о злоязычнике, в котором Чулков вывел Эмина. Далее Эмин дает объяснение поведению Злоумова. Он подчеркивает, что Злоумов-Чулков нападает на таких людей, «которые не только его не трогали, но и помыслить о таком человеке не имели времени... Сказывали, что некоторый здесь известный человек, нашего знакомца (т. е. Эмина, издателя переписки бесов, — В. С.) ненавидящий, побудил Злоумова к сей несправедливой брани... Сей Злоумов милостивец, человек доброго нрава... Злоумова заставила так ругаться некоторая женщина, мужа своего оставившая и теперь любовным промыслом промышленяющая, которая сего бедняка крепко держит в своем покровительстве... У такого и такую жизнь ведущего мещената, какой может быть писец? Такие люди за 20 копеек весь свет выругать готовы» (АП, с. 235). Определить по общим характеристикам действующих лиц этой закулисной истории не просто. Укажем, однако, что издания Чулкова 1760—1770-х годов посвящены таким петербургским вельможам, как директор придворного театра В. И. Бибииков, гофмаршал двора граф К. Е. Сиверс, Е. П. Трубецкая, с июля 1769 г. жена графа А. С. Строганова, настаивавшего в 1762 г. на увольнении Эмина из Коллегии иностранных дел.²⁰ Из них Строганов был участником «Всякой всячины», а Сиверс, по предположению П. Н. Беркова, был осмеян в «Адской почте».

Другим документом полемики конца года является письмо Правдолюбова, полученное одновременно «Трутнем» и «Адской почтой». Новиков отказался его печатать, объяснив это тем, что оно задевает «Всякую всячину» и содержит рассуждение о всех

¹⁹ Адская почта, 1769, октябрь, с. 234. Далее при ссылках сокращенно — АП (с указанием страниц).

²⁰ Арзуманова М. А. Новое об Ф. Эмине. — Русская литература, 1961, № 1, с. 183—184.

еженедельных сочинениях минувшего года (СЖ, с. 204). Эмин опубликовал это письмо, но лишь частично, отбросив конец, потому что «оный зацепил почти все журналы, которые, может статься, почли бы это за обиду» (АП, с. 324). Ответ на это письмо появился лишь в номере за декабрь, вышедшем через четыре месяца после смерти Эмина; возможно, он готовился людьми, близкими покойному писателю. Большой хронологический разрыв между получением письма и ответом (с января по август) привел к тому, что в ответе не сохранилась точная временная приуроченность и в него попали факты более позднего времени. Так, автору ответа уже известно предисловие В. Петрова к первой песне «Энея».²¹ Значительная часть ответной статьи посвящена защите принципов сатиры «на лицо». Что касается личности Правдолюбова, то выясняется, что автору он известен и является лицом достаточно влиятельным.

«Мне сказывали, что вы давно уже тем тщеславитесь, что письмо ваше Адскую почту устрашило, когда она вдруг после одного пресекалась. Думайте, что хотите; уверьте себя, что важность вашей особы произвела во мне робость. Я вам говорю, что в одном и в другом ошибиться можно, и я вам в последний раз так смело скажу, что робости во всем моем сложении нет, ласкательствовать не умею и на следующую вашу речь негде сказанную — таких дерзких писцов надобно выгнать из города — отвечаю, что для меня лучше за городом, хотя и в бедности, ходить, нежели в городе ползать, а часто и у таких ног, которые по свету ходить недостойны» (АП, с. 343). Вопреки мнению П. Н. Беркова, отсюда еще не следует, что сам Правдолюбов — это «ласкатель» в больших чинах;²² скорее у Правдолюбова есть «ласкатели», примеру которых автор следовать не намерен. Это уточнение, однако, не лишает силы утверждение П. Н. Беркова, что псевдоним «Правдолюбов» в конце года был использован каким-то сотрудником «Всякой всячины», чтобы спровоцировать Эмина и Новикова на резкую полемику. Каким-нибудь из неосторожных выступлений затем можно было воспользоваться для обоснованного запрещения оппозиционных журналов. Резкий тон письма Д. П. вполне мог инспирировать полемику более широкую, чем ответ Эмина. П. Н. Берков допускал, что Д. П. могло означать — «Другой Правдолюбов», отличный от Правдолюбова из «Трутня».²³ Возможно, действительно существует связь между Д. П., начавшим литературную войну, приведшую к цензурным строгостям («Трутень», например, не выходил весь ноябрь), и Правдолюбо-

²¹ См.: Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. СПб., 1914, с. 32—34. В примечании на с. 333 «Адской почты» Эмин замечает, что один из стихотворцев, браня его, назвал «янычаром». Это прямое указание на предисловие В. Петрова к изданию 1770 г.

²² Берков В. История журналистики, с. 263—265.

²³ Там же, с. 232.

вым, вызывавшим издателей журналов на критику «Всякой всячины» за то, «что от критики свободно».

В связи с полемикой вокруг письма Д. П. важно отметить, что в ней совсем не касались собственно программных заявлений Чулкова о сатире и об отношении ко «Всякой всячине». Напротив, упоминаются случайные мотивы — торговая конкуренция журналов, ненависть к более удачливым издателям, угодливость к значительным лицам. Эмин и Новиков намекают, что «И то и сьо» нравится «придворным господчикам», что издатель желает угодить своим покровителям. Чулкова ругают, но не принимают всерьез как силу в идейной борьбе. Между тем отсутствие принципиальной позиции и резкие нападки на лучших журналистов оказались для Чулкова источником многих неприятностей. По свидетельству Новикова, уже в середине года журнал стал терять подписчиков.²⁴

Из интереснейшей по содержанию сорок восьмой недели, которая обычно цитируется, чтобы проиллюстрировать тяжелое положение писателя-разночинца, пытавшегося жить литературными заработками, можно извлечь сведения о причинах неуспеха журнала. Помимо жалоб на бедность и новых повторений своего кредо мирного писателя, Чулков останавливается на взаимоотношениях сочинителя с обществом: «Изрядный сочинитель! Лестное и ушам приятное название. Общество бывает к нам благосклонно, но если сочинитель, хотя неведением, погрешит к несчастью своему против желания и охоты читателей, тогда малое сие облако похвалы превратится в огромную тучу хулы, поношения и презрения к сочинителю... Не увидит он ниоткуда помощи, следовательно из бедного сделается еще беднее». Еще раньше Чулков сообщил, что еженедельник не будет продолжен в 1770 г.; за этим следовала сентенция явно биографического характера: «Если небо на кого свой гнев попустит, то тот не токмо человеку, но и скоту игрушкою бывает» (л. 46).

Судя по этой исповеди, падение своей авторской репутации Чулков ставил в зависимость от неудачных выступлений в литературной полемике. Объективно же оно было следствием поражения журнала с общественно нейтральной программой. Журнал, отказавшийся от постановки злободневных и тем самым спорных проблем, неизбежно должен был проиграть соревнование с «Трутнем». Полноценным сотрудником «Всякой всячины» Чулков также не мог сделаться. Установка на развлекательность, балагурный стиль компрометировали вполне серьезную программу Екатерины. «Всякая всячина», несмотря на все лойяльные заявления Чулкова, не захотела причесть его в свою родню. На ее страницах за вторую половину года не удастся обнаружить каких-либо упоми-

²⁴ Письмо за подписью N.N. в 12 листе «Трутня»: «Наши журналы сделали то, что его листочков почти никто не покупает» (СЖ, с. 90).

ний об «И то и сь», и это молчание свидетельствует по крайней мере о ее незаинтересованности в союзе с Чулковым.

Высказывалось мнение о том, что к концу издания «И то и сь» журнал стал более радикальным (хотя очевидно, что на тематике его это никак не отразилось). Оно подкреплялось иногда указанием на будто бы цензурный выпуск в последнем листе. Оставшееся пустым место, как полагал А. В. Западов, должен был занимать перечень тем, которых Чулков не смог коснуться в своем журнале.²⁵ От внимания исследователя ускользнуло, что изъятый текст должен был находиться в той части обращенного к читателям авторского монолога, где перечисляются достоинства журнала и которая заключается фразой: «Что до меня не принадлежит, до того коснуться не намерен». Это не более как развитие многократно повторяющихся у Чулкова рассуждений о нежелании касаться высоких материй. Как уже указывалось, этот принцип был сформулирован еще в третьей неделе «И то и сь». Кроме того, у нас нет никаких данных, чтобы делать вывод о повышенном интересе цензуры к журналу Чулкова. Очевидно, он цензуровался наравне с журналами Новикова и Эмина. «Адская почта», например, печаталась в одной типографии с журналом Чулкова. Тем не менее автор ее сумел сказать значительно больше и смелее, чем Чулков.

На основе заключительного листа «И то и сь», аллегорически толкуя опубликованные здесь анекдоты, А. В. Западов высказал предположение, что к концу года Чулков выступил, хотя и запоздало, инициатором объединения журналов для борьбы со «Всякой всячиной». «Мысль о возникновении такого союза, — писал он, — очень любопытна и показывает попытку составить некий альянс журналов, направленный против правительственного органа». Однако этому остроумно обоснованному тезису противоречит направление следующего издания Чулкова, ежемесячника «Парнасский щепетильник», где не только излагаются те же умеренные взгляды на сатиру, но и продолжается полемика с Новиковым.

Первый номер «Парнасского щепетильника» помечен маем месяцем и вышел 15 мая.²⁶ По традиции Чулков открыл его обращением к читателям. Эта программная по заданию статья вновь содержит выпады против только что сошедшего с издательской арены Новикова.

Еще в «И то и сь» Чулков называл себя с псевдосмирением «авторской тенью» (л. 48). Теперь, делаясь издателем вторично, он подчеркнул свою скромность с иными намерениями. «Многие люди, — пишет он, — дают мне имя автора, не осведомясь о том,

²⁵ Западов А. В. Журнал Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение. — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 141.

²⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., т. IV, М., 1966, с. 161, № 200.

желаю ли я сим названием величаться <...> Отрекаюсь от сего почтенного наименования, уступаю место тем высокоименитым людям, которые вдруг берутся за все и по великости знания своего никакого дела к концу не приводят».²⁷

Издание «Трутня», как известно, было рассчитано на весь 1770 г. Но в конце апреля Новиков объявил о прекращении издания и возвратил подписчикам деньги за невышедшие номера, а статья «Расставание или последнее прощание с читателями» недвусмысленно объясняла, что причиной ликвидации журнала является как охлаждение интереса читателей, так и «обстоятельства». Чулков делает вид, что смысл новиковского прощания с читателями ему непонятен. Бросая Новикову упрек, что обещанный журнал не доведен до конца, он косвенно обвинял его в небрежении интересами читателя, подчеркивая одновременно собственную коммерческую честность. Этому противопоставлению он пытается придать и более широкое значение, не брезгуя личными намеками. «Некоторым сочинителям, — продолжает он, — не знание и не науки (что Новиков не кончил гимназии Московского университета, было известно современникам, — В. С.), но одно только слепое счастье доставило титул людей разумных и ученых... Всякое их сочинение и выдумка похваляемы бывали всем городом публично; а мы, убогая братия, со страхом и трепетом взирали на дела сих преузорочных и высокосмысленных особ и не осмеливались находить в них погрешности и наедине иметь о них столь злое помышление». Чтобы еще точнее указать адресата и не дать повода заподозрить, что предисловие задевает также недавно прекратившуюся «Всякую всячину», в подстрочном примечании Чулков указал на характерную черту тематики «Трутня»: «Речь моя касается прямо весьма малоученым стихомазом. Я не берусь выхвалять больше г-на Сумарокова, нежели покойного Ломоносова, зная, что они великой похвалы достойны оба» (ПЩ, с. 5). Новиков действительно был активным защитником сумароковской сатиры. Борьба с неприятелями поэта в 1769 г. велась в основном на страницах «Трутня».

Таким образом, Чулков как бы делил всю сатирическую журналистику на три не равные по значению части — «Всякую всячину»; Новикова, Эмина и «Смесь», связанных взаимной солидарностью, и, отдельно, — издания мелкотравчатых сочинителей, «убогой братии». Новикова и Эмина Чулков не считает авторитетными писателями. Он измеряет достоинство издания не серьезностью программы или общественным признанием. Здесь действуют другие категории, и не случайно «Парнасский щепетильник» продолжает начатый «Всякой всячиной» разговор о самолюбии стихотворцев. Мишенью и в том и в другом случае был Новиков, продолживший в «Пустомеле» борьбу за общественную

²⁷ Парнасский щепетильник, 1770, с. 3. Далее при ссылках сокращенно — ПЩ (с указанием страниц).

сатиру и выступивший против того типа журналиста, развлекающего публику, который олицетворял Чулков. Весь начальный пассаж предисловия к «Пустомеле» имеет в виду прежде всего Чулкова. «Мне <...> несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадет; спорят, критикуют, решат и, запустившись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя; но если сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; итак останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать <...> мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях <...> Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко <...> Кто пишет, не имея дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель» (СЖ, с. 252).

Упоминание о «щепетильнике» прямо указывало на «Парнасский щепетильник» Чулкова. Остальные замечания продолжали насмешки над мелкотемьем «И то и сьо» в «Трутне», где Чулков характеризовался как писатель, забавляющий малосмысленных людей рассказыванием сказок. Его балагурный стиль, заявления о себе самом, что хотя он «разумен и политичен», но это не правда, «а походит на очевидную ложь», «прилежит к словесным наукам, но только к тем, которых не понимает», иносказания и прямые загадки, ходячие анекдоты, оформленные как повестушки, перебранка с современниками — все это вместе взятое и определяющее внешнее лицо журнала давало основание для определения Новикова. «И то и сьо» ввиду установки на развлекательность было в большей степени собранием «всякой всячины», чем одноименный журнал. В качестве примера нарочито темных мест можно привести «Выдумку» (л. 2), смутное иносказание о том, «что бы ни я, ни читатель понять не могли», или заключительный анекдот журнала о «переводчике» слепых (л. 51—52).

Собственно, сатирическое описание «перестроенного» Парнаса в «Пустомеле» является пародийным переосмыслением объявленной в «Щепетильнике» торговли стихотворцами. В соответствии с тем, как у Чулкова Аполлон определяет стихотворцев дьячками, старостами и выборными, «автор» Новикова называет бога поэзии «парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых стихотворцев», говорит о назначении Пегаса «щепетильником», которому поручает продавать по деревням «билетцы, эпитагмы, загадки, песенки, эпитафии и прочие мелочные стихотвореньица» (СЖ, с. 254—256). Кстати, в «Стихах на семик» Чулков от собственного лица писал о такой же мелочной распродаже:

Известие сие во-первых я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
Три денежки рондо, а пять копеек драма,
Елегия алтын, пять денежек сонет.
Идиллия хоть грош, полушка за билет.

(л 22)

Выступление Новикова не осталось не замеченным Чулковым. Ответом явилось письмо корреспондента «Парнасского щепетильника», некоего И. Л. Этот автор, поклонник и подписчик чулковских изданий, живущий на берегах Днепра, неожиданно проявил хорошее знакомство с сатирической журналистикой и литературными распрями. Письмо наполнено похвалами как в адрес «И то и сьо», так и «Щепетильника», где «все исполнено хорошим, разумным, полезным и замысловатым». И. Л. уверен в действенной силе сатирических нападок Чулкова на дурных стихотворцев, уверен, что они «пообсекут крылья» стихосбордам, которые «не смысла ни уха, ни рыла и намаравши несколько, хуже еще сочиненных королем Нумою и певаемых салических жрецами стихов, стремясь вскарабкаться на Парнас и самовластно обладать оным, называя все правила совершенного стихотворения ученым вздором, пустотою и враками, причиняющими излишнее лишь и совсем не надобное затруднение» (ПЩ, с. 275).

Сообщив об успехе журнала в провинции, автор письма советует Чулкову не обращать внимания на «зоилов»: «Что же принадлежит до глухих ругателей, то советую вам больше презирать их, нежели не щадя мстить, как таких тварей, которых ученый в Европе муж называет челядью, роющей в ученом обществе навоз» (ПЩ, с. 277). Далее, касаясь своих песен, которые он пересылает для помещения в чулковском песеннике, И.Л. просит поправить их «где надобно», так как не претендует на совершенство своих сочинений: «Не шутка быть совершенным писателем; к тому, как сказывают, потребно довольное учение, острый разум, обильное воображение, здравое рассуждение, хороший вкус, прямое о вещах понятие, а при том и совершенное знание природного языка с нужными правилами грамматики». Подразумевая за Чулковым подобные достоинства и поручая ему редакционную правку, автор добавляет: «Я уже вас обнадеживаю, что не взбешусь» (ПЩ, с. 278).

Чулков вежливо отклонил преувеличенные, почти одические похвалы. Однако за этим обменом любезностями скрывались хорошо понятные современникам злободневные темы.

Перечень качеств, потребных сочинителю, является текстуальным заимствованием соответствующего места из «Пустомели», направленного против сочинителей типа Чулкова. Упомянутый «ученый муж» — это не кто иной, как Вольтер, а афоризм, ему приписанный, был в самом начале 1770 г. процитирован в предисловии к «Энею» В. Петрова. Обрушиваясь здесь на «напоесп-

ные ядом лоскутки бумаги», которые рассеиваются по свету во вред ближнему, на «нескромных сатириков», которые употребляют на зло свои таланты и драгоценную вольность, «дарованную умом от Екатерины Премудрой», В. Петров имел в виду прежде всего сатиру «Трутня», «Адской почты» и «Смеси», то есть Новикова и Эмина. К Эмину, называя его Алжирцем и Янычаром, он и применил фразу из Вольтера: «Вольтер малой руки критиков, которые цепляются за слова, называет челядинцами, кои в ученом обществе навоз роют».²⁸

Особенно информированным оказывается И. Л. по части «слухов». Он «слышал», что Чулков занимается изданием песенника и будто бы уже появилась первая часть. Действительно, объявление о продаже «Собрания разных песен» появилось в «Трутне» от 2 марта. Вторая часть, как следует из ответа Чулкова своему украинскому доброжелателю, в ноябре либо еще печаталась, либо только что появилась. В данном случае интерес представляет именно первая часть, так как она послужила поводом для литературного скандала. Как известно, здесь с незначительной правкой были перепечатаны песни Сумарокова. Эта вторая (после сборника Г. Н. Теплова) контрафакция вызвала сильное раздражение автора. Печатно Сумароков высказался против самоуправства «придворного лакея» в предисловии к «Дмитрию Самозванцу», начатому печатанием не ранее февраля 1771 г.²⁹ Следовательно, о «бешенстве» патриарха русских писателей И. Л. мог узнать лишь из устных источников и отнесся к нему явно насмешливо. По-видимому, этот не природный украинец, а «частный только пришлец земли чужой» (ПШ, с. 276), не более как литературная мистификация.³⁰ Однако независимо от того, кто был действительным автором письма, публикация его Чулковым свидетельствует об общности позиции корреспондента и издателя, одинаково противостоящих независимо настроенным группировкам дворянских писателей.

²⁸ «Еней», героическая поэма Публия Виргилия Марона. СПб., 1770, предисловие, с. 15 (ненум.). Невозможно определенно сказать, имело ли совпадение взглядов, отразившихся на страницах журнала Чулкова, и высказываний В. Петрова о сатирической журналистике какую-либо основу в виде личных отношений писателей. П. Н. Сакулин ссылается на известие, что Чулков, Петров и некоторые другие составили литературный кружок, но не указывает источник (Сакулин П. Н. Русская литература, ч. 2. М., 1929, с. 133).

²⁹ Семенников В. П. Материалы... с. 101.

³⁰ Вместе с тем на основании содержания статьи нельзя с уверенностью утверждать, что автором ее был сам Чулков. Подпись И. Л. встречается также в «Вечерах» (1772) под письмом из города К*, очевидно Киева. Оно, подобно письму в «Парнасском щепетильнике», касается каких-то литературных отношений и ссоры, вызванной «посредством криво-толка некоторой епистолы» (Вечера, 1772, ч. II, вечер 4, с. 25—26). Из украинских литераторов инициалы И. Л. могли бы соответствовать Иоанну Леванде. Но Новиков в «Словаре» не упоминает, что он участвовал в изданиях 1769 г.

В связи с полемическим подтекстом письма И. Л. нужно отметить, что это не единственный резкий отзыв о сатириках в «Парнасском щепетильнике», этом по замыслу литературно-сатирическом журнале. Помимо персональной полемики с Новиковым, здесь содержатся общие замечания о сатире, позволяющие судить, насколько менее чем за год поправел Чулков. Совпадения в принятом Чулковым к печати письме И. Л. и филиппиках В. Петрова являются лишь конечным результатом этой эволюции.

С самого начала Чулков-журналист ограничивал свою деятельность скорее юмористикой, намереваясь поучиться «смешить людей благоразумных» (л. 1). Для оценки направления «И то и сьо» характерны опубликованные здесь письма к издателю. Елисей Прямыков находит журнал «полезным и увеселительным» (л. 8); Незнаев хвалит его за те же качества (л. 11); Д. П. называет «самым невинным упражнением, приносящим иногда пользу, иногда увеселение», лишенным грубости, невежества и язвительной критики (л. 28). Впрочем, первоначально Чулков допускал какой-то элемент сатиры, собираясь «расчесывать волосы целому городу» (л. 4). Правда, при этом он уточнял, что будет писать, о чем ему «возможно» и о чем он имеет «действительное понятие» (л. 3). Сюжеты свои весьма туманно подразделял на «хорошие», «посредственные» и «худые». Можно лишь догадываться, что это деление произведено по степени «высокости» темы с точки зрения автора, так как под именем «худая» он разумел «малые вещи». Введение низкой тематики потребовало оправдания — «и из худа иногда выходит изрядное дело» (л. 3). Эта программа первоначально и осуществлялась Чулковым в «И то и сьо». Чулков упоминает в качестве образцовых журналов «Трудолюбивую пчелу» и «Ежемесячные сочинения». Если обратиться к статьям о сатире в «Ежемесячных сочинениях», то видно, что здесь на основе теории сатиры Гольберга были сформулированы основные аргументы в защиту сатиры «на порок» и против сатиры с конкретным адресатом. Такое же изложение «правильной» сатиры дал Чулков в «разговоре» «Меркурий, Харон и Злоязычник».

«В сатире описываются такие пороки, которые сродни по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтобы, делая тому примеры, не указать на того человека, которого вознамерился описать пороки. Слог ее должен быть прост, краток, волен и язвителен, и больше всего сочинитель оной должен показать в ней свою кротость, иметь совершенное познание человеческих свойств, играть приятно словами, исправлять человеческие нравы и научать доброду в шутках» (л. 36).

Почтение, преподанное Злоязычнику Эмину, одновременно совпадает с позитивной программой «Всякой всячины». По мере развития полемики на протяжении 1769 г. Чулков постепенно смыкался с самыми резкими из статей, помещенных на ее страницах.

Следует отметить, что при всей резкости полемики 1769 г. только во «Всякой всячине» были произнесены слова о наказании за сатиру. В этом отношении наиболее ярким и известным примером является статья «противу лжи и лгунов», где вспоминалось о законе, по которому в древности лжецам прокалывали язык каленым железом (ВВ, с. 180—181). Аналогичное рассуждение о необходимости наказывать дерзких сатириков встречается позднее в «Парнасском щепетильнике». Оно включено в комический рассказ о порке, которой был подвергнут один из «лирических стихотворцев», написавший «ювеналову сатиру» на неверную возлюбленную. Однако звучит эта рекомендация вполне серьезно: «Желательно было бы для общей тишины и спокойствия, чтоб все сатирические писатели, те, которых единственное упражнение состоит в том, чтобы честных граждан и полезных обществу людей затмевать славу, чтоб такие то все попадались в руки новейшей Кандии (мнимой волшебницы, — В. С.); по правам некоторых государств ссылали их и на галерную работу» (ПЩ, с. 118).

Ссылка на «некоторые государства» не маскирует личного отношения Чулкова. В другом месте он еще откровеннее заявляет о своем желании напустить на «распустных (sic!) людей, которые всякий день ушиваются дурацкою досадою, то есть некоторых господ стихотворцев, пагубных роду человеческому» (ПЩ, с. 99). Во «Всякой всячине» такие люди получили прозвище «меланхоликов». Чулков добавляет: «Их должно истреблять так, как человекоубийц, а особливо сатириков неискusstных (т. е. не знающих правил истинной сатиры, — В. С.) по причине, что они целое общество заразить в состоянии». Ситуация изменилась, и Чулков полностью примкнул к победившей стороне. «И на „Всякую всячину“ сыскиваются критики, и ничего без похуления не оставляют», — заявлял он теперь (ПЩ, с. 99).

Чулков не отрицает сатиру вообще. Его нападки, например, не распространяются на литературную сатиру. Он полемизирует сам и не отнимает этой возможности у других, сохраняя за собой право «отшучиваться». Что касается сатиры общественной, сатиры нравов, то в его изданиях постоянно аргументируются преимущества «высокой» сатиры «на порок» перед «низким» памфлетом. С художественной точки зрения памфлетность была самым уязвимым местом сатиры «на лицо». Поэтому, например, Новиков счел нужным специально доказывать, что памфлетность не противоречит типологии характеров. Однако его тезис: «Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок» (СЖ, с. 138) — прозвучал не вполне убедительно. Позднее в «Живописце» Новиков от сатиры «на лицо» перешел к иным, более емким и художественным литературным формам. В предпочтении, которое Чулков отдает характерологической сатире, отражались, по-видимому, те же сомнения.

«Щепетильник», кажется, не испытывал цензурных затруднений, но и успеха не имел. Такой вывод можно сделать из предисловия Рубана к «Трудолюбивому муравью» (1771), где речь идет об общем упадке сатирической журналистики. «Один только Щепетильник, — пишет Рубан, — начавшись с мая совершил свое течение постоянно до окончания года, не выдерживая карантина в типографии, но, будучи одержим подагрой, не много расхаживал по свету и теперь еще отдыхает на одре у книгопродавцев». Сам Чулков тоже отмечал падение читательского интереса к журналу (ПЩ, с. 264). Это заставило его завершить издание «с великим убытком». Тем не менее, заключая декабрьский номер, заполненный историческими публикациями, он с особой гордостью подчеркнул, что выполнил свои издательские обязательства, не «солгал» перед публикою: «Не хотел я последовать тем премудрым авторам, кои напечатав первый лист роздали билет и обобрали с желающих деньги; на втором листе прервали свое сочинение, прервали охоту читателей, пропали билеты, погибли деньги, а те издатели остались в той надежде, что все оное со временем предастся забвению» (ПЩ, с. 325).

Это было последнее обвинение, брошенное Новикову, «Пустомеля» которого неожиданно и без объяснений прекратился на втором номере. Чулкову нечего было противопоставить своему старому противнику, кроме намека на коммерческую несостоятельность издателя. Деятельность Чулкова-журналиста завершалась «Парнасским щепетильником». Новиков же через год приступил к изданию «Живописца», журнала более совершенного типа и пользовавшегося еще большим успехом, чем «Трутень». Читателю XVIII в., как и в любое другое время, не столь важно было постоянное «течение» журнала, как его проблематика.

В «Живописце» в предисловии «Автор к самому себе» Новиков оценил результаты журнальной борьбы 1769—1770 гг. и суммировал свои мнения о сложившихся в это время направлениях и точках зрения. В одном из типов писателей, деятельность которых никак не была приемлема для Новикова, узнается Чулков. Это автор, старающийся забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях». Но «бедный автор! — восклицает Новиков. — Он больше досаждаёт и производит скуку, а смеется только сам» (СЖ, с. 285). К 1772 г. Чулков уже перестал быть деятельной литературной фигурой, и Новиков мог уверенно произнести окончательный приговор журналисту подобного типа с точки зрения стоявших перед публицистикой новых задач.

Все же по окончании журнальных битв 1769—1770 гг. между Чулковым и Новиковым не установилось резко враждебных личных отношений. Об этом свидетельствует эпизод с изданием альманаха «Российский Парнас», который был отпечатан в 1771 г. по заказу Чулкова в типографии Морского шляхетского корпуса. С новым титульным листом и допечаткой десяти страниц текста издание вновь поступило в продажу в 1773 г.

«Некоторое собрание, — говорилось в предисловии, — имея в своем хранении разные стихотворные и прозаические сочинения, вознамерилось издавать оные в свет... Для первого опыта выдаются здесь два сочинения, подраженные французским».³¹

Автором поэмы «Селим и Селима», так же как и других стихотворений, напечатанных в сборнике, был М. М. Херасков.³² Приехавший из Москвы Херасков стоял во главе литературного кружка, участниками которого являлись, в частности, В. И. Майков и И. Ф. Богданович; к салону Херасковых был близок и Новиков. Д. И. Хвостов, например, в рукописной заметке к биографии Ф. Г. Карина сообщает, что «редактором» (т. е. издателем) журнала «Вечера», органа херасковского кружка, в 1772 г. был именно Новиков.³³ Напомним также, что «Собрание разных песен» (1770—1774) Чулков посвятил Е. П. Строгановой (Трубецкой), дочери князя П. Н. Трубецкого, сводного брата Хераскова, а в 1775 г. И. Ф. Богданович с похвалой отозвался о вышедших отдельным изданием бурлескных стихотворениях Чулкова.³⁴ Возможно, связи Чулкова с кружком Хераскова послужили причиной того, что и он, и Новиков подверглись одновременному нападению со стороны В. П. Петрова.

Хотя в полемике о сатире и совпали мнения «Всякой всячины», В. Петрова и Чулкова, идейному единомыслию Петров, как и издатели «Всякой всячины», не придавал существенного значения. Спустя несколько лет он объединял Чулкова со всеми прочими писателями сумароковской партии, которых считал своими врагами. «Послание к Екатерине II», которое мы имеем в виду, было написано не ранее 1772 г., так как в нем упоминается «Опыт словаря» Новикова.³⁵ Следовательно, сочиняя свою сатиру, Петров знал ту краткую, сухую заметку о Чулкове, которая была здесь помещена и в которой сообщалось, что Чулков был издателем «И то и сьо», автором «Плачевного падения стихотворцев». Петров должен был заметить, что Чулков не попал в число писа-

³¹ Сводный каталог..., т. III, № 6072; Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные сборники и альманахи XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 35—36.

³² Указание на французский источник поэмы «Селим и Селима» — ошибка не только издателей, но и самого Хераскова. На самом деле она является подражанием Виланду. Херасков, видимо, пользовался французским переводом. См.: Данилевский Р. Ю. Виланд в русской литературе. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 303.

³³ ИРЛИ, ф. 322, № 75, л. 66. О связях Хераскова с Новиковым см. также в статье Л. И. Кулаковой в настоящем сборнике.

³⁴ Серман И. З. И. Ф. Богданович — журналист и критик. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 101.

³⁵ Опубликовано с рукописи (не всегда исправной) в «Сочинениях» В. Петрова (ч. III, СПб., 1814). Далее ссылки на это издание в тексте (с указанием страниц). «Опыт словаря» вышел в свет не ранее апреля 1772 г. (Семенников В. П. Материалы..., с. 75). С полемикой вокруг «Словаря» связана также другая сатира Петрова — послание «К... из Лондона» (1772—1774 гг.).

телей, расхваленных Новиковым. Тем не менее, обрушившись на «героев словаря», он включил сюда и Чулкова. Чулков и Майков объединены в послании под одной маской бездарного поэта, во что бы то ни стало снискивающего себе популярность. На Чулкова Петров обрушивается в связи со стихами «На семик» и «На качели». Они не содержали прямых намеков на Петрова, но, вполне возможно, он принял на свой счет общие замечания о высоком одическом стиле. Во всяком случае, строка «Притом из ничего он делал сѣю и то» указывает, что сотня стихов длиннейшей сатиры (всего около 850 стихов) посвящена именно Чулкову, так как считать Майкова причастным к изданию журнала «И то и сѣю» у Петрова не было никаких оснований.

Общий замысел «Послания к Екатерине» состоял в том, чтобы показать неприглядную картину литературной грезни и соперничества среди сумароковцев, которые при всем том вкупе дрожат под ферулой учителя.

Поскольку речь шла о дискредитации противников, об истолковании их сочинений как сущей бессмыслицы, то именно Чулков давал для этого большие возможности: стоило только сместить акценты и рассказать его поэмы как вполне серьезные произведения, не считаясь с их действительным замыслом, пренебрегая юмористическим и сатирическим тоном.

Как и другие участники литературных стычек, Петров не считает Чулкова серьезным литературным противником, с которым нужно спорить по существу. Он неопределенно упоминает о каких-то былых нападках критики на Чулкова. Что бы ни имелось в виду, важно, что, как и в полемике 1769 г., в сатире Петрова подчеркнута беспочвенность притязаний Чулкова на место в литературе, а его попытки утвердиться в ней рассматриваются как необоснованная наглость:

Коль нет стекла, окно бумагой залепляют;
Притом из ничего он делал сѣю и то,
Так здесь уж (в поэмах, — В. С.) вопреки из многого ничто.
Ан все-таки видна в нем творческая сила,
Чтоб критика на то проклята ни гласила!
Сей Рифмоборнице вмиг можно рот зажать.
Как! Вдохновенника, Пророка обижать,
Что от Кастальских вод пьян ходит без просьпу,
Юродствует, блажит и мелет без посьпу.

(с. 139)

Последние стихи являются откровенной перефразировкой обращения к Музе в «Плачевном падении стихотворцев».

К этому времени Чулков практически уже ушел из литературы, полностью отдавшись служебным делам (в 1770 г. он поступил на службу в Сенат) и работе над «Историей российской коммерции».

В связи с «Историей коммерции» находится рассказ А. М. Тургенева о придворных отношениях Чулкова в 1780-е годы. Исто-

рия издания этой книги, по утверждению автора «Записок», послужила истинной причиной гонения на мартинистов. Вкратце она сводится к следующему.

Дашкова, директор Академии наук, долго убеждала Чулкова уступить ей сочиненный им «Географический словарь государства российского о внутренней торговле», чтобы от своего имени (т. е. как труд Академии наук) посвятить его государыне. Чулков отверг все предложения и поднес рукопись самостоятельно. Раздраженная Дашкова, которой было поручено поскорее отпечатать этот труд, принялась чинить препятствия и в течение трех лет задерживала его в типографии. Чулков обратился к Новикову: книга была готова в шесть недель и представлена Екатерине. Наградой Чулкову была брильянтовая табакерка с червонцами, а Дашкова как бы в укор за нерасторопность получила от Екатерины в подарок экземпляр московского издания «Словаря». Чтобы отомстить Новикову (именно Новикову, а не Чулкову), поставившему ее в глупое положение, Дашкова будто бы подговорила Прозоровского возвести на него обвинение в связях с якобинцами, замышлявшими на жизнь государыни.

Чтобы понять, как прихотливо переплетаются здесь правда и вымысел, следует немного остановиться на истории текста воспоминаний Тургенева.

«Записки» Тургенева — не мемуары в точном смысле этого слова. Это блестящий памятник публицистики, в высокой степени подвергшийся литературной обработке. Ради того чтобы передать дух эпохи, как он ее понимал, мемуарист пренебрегал фактической точностью и не стеснялся противоречивости своего повествования. Достаточно сравнить краткое замечание о том, как Дашкова ввела Новикова в дело француза-кондитера, «подкупленного революционной партией в Париже», и сцену допроса этого самого «m-g de Vergenne, chef de cuisine du ministre disgracié» его русским нанимателем графом Брюсом и петербургским обер-полицмейстером Рылеевым, чтобы увидеть, как много значил для Тургенева анекдот в сравнении с фактом.³⁶

«Записки» создавались в 1827—1834 гг. По крайней мере так они датированы издателями «Русской старины».³⁷ История о Чулкове и Дашковой сохранилась и в более раннем варианте. Тургенев включил ее (под датой 28 июля) в «Ермолафию» о встречах с В. А. Жуковским в Москве во время пребывания там наслед-

³⁶ Русская старина, 1887, № 1, с. 84—92, 104; Былое, 1918, № 13, с. 153; 1919, № 14, с. 65—68.

³⁷ Русская старина, 1885—1887, 1895, 1897. В журнале была напечатана поздняя редакция 1840-х годов с большими цензурными купюрами, которые, впрочем, не коснулись интересующего нас отрывка. Полностью — по другой рукописи — «Записки» перепечатаны Я. Барсковым в «Былом» (1918, № 13, с. 148—177; 1919, № 14, с. 58—88); здесь же помещены краткие сведения о рукописях «Записок».

ника престола. Этот род дневника относится к 1837 г. Он написан для Жуковского и был ему впоследствии подарен.³⁸

«Кому не известны гонения на Н. И. Новикова. Князь Прозоровский угрожал Катерине Романовне Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что он в типографии своей напечатал в 6 недель словарь Чулкова о внутренней в России торговле, где, чем и в которое время существуют ярмарки, бывают съезжие торги, дневные, недельные и т. д. (книга и поныне еще полезная, а тогда единственная), которую Чулков поднес императрице. Государыня милостиво удостоила принять посвящение ей книги, тотчас наградила сочинителя собственно из своих рук золотую большую табакеркою, наполненною червонцами, и повелела президенту Российской Академии наук немедленно напечатать книгу за счет казны в пользу сочинителя. Чулков был в это время придворным актером. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила к Чулкову, мне неизвестно, но три года книга его валялась в Академии и напечатать ее не было соизволения Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулков сочинение свое осмелился помимо ее представить государыне. La cronique scandaleuse en parle autrement, что Чулков не пошел к Романовне ее утешить. Я знал Чулкова, когда он был уже обер-секретарем Сената в Московских департаментах... Вы спросите — да Новиков как замешался? Чулков, видев сочинение свое, обреченное Романовною валяться в прахе на полу, быть съеденным крысами, взял из театра отпуск, приехал в Москву. Новиков напечатал ему сочинение его; Чулков схватил 5—6 экземпляров, поспекал в Петербург и поднес напечатанное сочинение императрице. Государыня, приняв книгу, изволила сказать: „Ну, насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочинения“. Чулков упал на колени: „Виноват, всемилостивейшая государыня, я напечатал книгу на свой счет в вольной типографии“. — „Где?“ — спросила Екатерина. — „В Москве, в типографии Новикова“. — „В какое время?“ — „В 6 недель, ваше величество; я для этого отпуск испросил“. — „Спасибо тебе, Чулков, — ты меня утешил“, — изволила сказать государыня. Еще пожаловала ему награждение и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: „Чулков, ты годишься и на лучшее дело, нежели быть скomorохом. Ты бы вступил в службу гражданскую“, Чулков, ободренный милостивым ласковым словом государыни, не замедлил расстаться с театром и из гистриона превратился в преполезного и почтенного обер-секретаря Сената.

По сравнению с этой ранней, окончательная версия рассказа А. М. Тургенева, напечатанная в «Русской старине» и пересказанная выше, отличается некоторым количеством «правдоподобных» уточнений: пазваны имя и отчество Чулкова (ошибочно — Михаил Петрович), объяснена однозначно причина недоброжелательства Дашковой и т. п. Сравнение редакций показывает, что Тургенев нечетко представлял разницу между «Историей коммерции», «Словарем учрежденных в России ярмарок» и «Новым и полным словарем Российского государства...» Л. М. Максимовича, куда «Словарь» Чулкова попал в порядке контрафакции. Из этих книг только «Словарь» Максимовича полностью печатался у Новикова в годы, близкие к процессу мартинистов.³⁹

³⁸ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907, отд. II, с. 8—37; приводимый ниже отрывок — на с. 24—25; сведения об истории текста в предисловии К. Я. Грота «В. А. Жуковский в Москве в 1837 году».

³⁹ Новый и полный словарь Российского государства... Ч. 1—6, М., Унив. типогр., у Н. Новикова, 1788—1789. «Словарь ярмарок» напечатан в 4-й и 6-й частях с отдельной пагинацией.

Рассказ Тургенева не соответствует реальной картине преследования масонов и Новикова. Но он подводит нас к истории издания многотомной «Истории российской коммерции».

Ее начали печатать с 1781 г. при Академии наук «на счет Кабинета е. и. в.». Вопреки обычному порядку, распоряжение об этом типография получила не через статс-секретарей, а от генерал-прокурора А. А. Вяземского. Поэтому С. Г. Домашнев был вынужден лично обратиться к А. В. Олсуфьеву с просьбой, ввиду огромного объема труда (7 частей) и значительного тиража (1500 экземпляров), субсидировать Академию «для приступления к делу». К 15 февраля 1783 г. были отпечатаны 2 книги 1-го тома. Дальнейшее печатание пошло значительно медленнее. С момента назначения Дашковой директором Академии наук (24 января 1783 г.) по 30 января 1786 г. типография отпечатала лишь первую половину 2-го тома, деньги за которую были исправно внесены из Кабинета.⁴⁰ Но Чулков печатание остальных томов уже в 1785 г. перенес в Москву.

Что касается задержек с печатанием книги и недоброжелательного отношения к Чулкову, то можно напомнить, что он был протее А. Вяземского, с которым Дашкова, как и прочие Воронцовы, находилась в натянутых отношениях. Но основные причины переноса печатания в Москву были, по-видимому, еще более прозаическими.

В 1783 г. Чулков покупает в Дмитровском уезде деревни Коквино, Бутово, Поповку и, очевидно, обосновывается в своих поместьях, переведшись в московские департаменты Сената. Известно, что в декабре 1783 г. он посетил Москву; сохранилась автоэпитафия, сочиненная им в Вышнем Волочке во время этой поездки.⁴¹ В том же году в Москве у Гиппиуса переиздаются 1-я и 3-я части «Собрания разных песен», и остальные свои издания с этого времени Чулков печатает только в Москве. Остатки тиража 1-го тома «Истории коммерции» в августе 1783 г. по приказу автора получил его поверенный, петербургский купец Петр Мертенс, а авторские экземпляры 2-го тома были выданы сыну Чулкова, «канцеляристу Владимиру Чулкову».⁴² О переезде Чулкова из Петербурга свидетельствует и дата «9 мая 1785 года, в сельце Коквине» под «Наставлением сыну».⁴³

⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 62/3, л. 1—8. Здесь находятся документы, связанные с печатанием книги в 1781—1783 гг., т. е. во время директорства Домашнева.

⁴¹ С таблички, приготовленной для надгробия. (Иронико-мическая поэма, с. 181).

⁴² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 62/3, л. 8. Рапорт фактора М. Григорьева от 21 августа 1783 г.; ф. 3, оп. 1, д. 530, л. 550. Рапорт фактора М. Григорьева от 22 января 1786 г.

⁴³ Приложено к 1-му изданию «Экономических записок...» (М., 1788, с. 88). Сохранено в титульном издании 1789 г. и во 2-м, дополненном издании (М., 1790, с. 171) этой книги.

«История коммерции» была самым крупным коммерческим предприятием Чулкова. Благодаря ей он стал не только дворянином, но и помещиком, владельцем крепостных душ. Возможно, он действительно получил высочайшую награду за полезный для отечества труд, хотя в описаниях мемуаристов этот факт очень напоминает награждение «певца Фелицы». Но самым большим подарком была сама книга, которая принесла автору немалый доход. По подсчетам типографии 1-й том обошелся ей (округленно) в 5000 рублей, 1-я книга 2-го тома — в 3000 рублей. Тираж Чулков полностью получил в свою собственность.

Остальные тома, возможно, были запроданы Типографической компании; она, как выяснилось, была единственной, которая могла осуществить такой объем работы. На мысль о продаже рукописи наводит перепечатка «Словаря ярмарок» в книге Л. М. Максимовича. Вместе с тем, поскольку практика коммерческих сделок авторов с владельцами частных типографий до сих пор не изучена и не систематизирована, не вполне ясна самая возможность такого акта. В данном случае вопрос осложняется прямым утверждением самого Чулкова в «Известии» 1790 г., что все семь томов «Истории коммерции» были «напечатаны по высочайшему повелению на счет Кабинета». Не означает ли это, что стоимость печатания была оплачена Чулкову вперед? В этом случае он мог получить двойной гонорар за книгу — от императрицы и от издателя. Однако случаи финансирования изданий вне государственных типографий нам неизвестны.⁴⁴

Сам Чулков был очень осторожен в изложении финансовых отношений со своим издателем — Новиковым. Из объявления об условиях продажи «Истории коммерции» можно понять, что печатание не стоило автору ни гроша.⁴⁵ Говоря о себе в третьем лице, Чулков здесь подчеркивал дешевизну многотомного издания и ссылаясь при этом на «щедроты Великия Екатерины», благодаря которым он «приведен был в состояние напечатать обширное сие сочинение». Далее он говорит несколько яснее и определеннее: «Как он (Чулков, — В. С.) на печатание сей книги не употреблял своего капитала, то и поставляет себе за долг продавать ее столь дешевою ценою, какою еще ни одна книга, сколько ему известно, не продавалась, да и продаваться не может, то есть дешевле трех денег печатный лист». Для сравнения укажем, что столько же стоила одна «неделя» журнала «И то и сь» объемом в пол-листа.

Издание предполагалось кончить к середине 1787 г. Чулков был заинтересован в скорейшей продаже тиража. Поэтому назначалась большая разница между стоимостью подписки и розничной

⁴⁴ Несколько позднее практиковалась покупка на счет Кабинета уже изданных книг. О покупке 1150 экземпляров «Полевой карманной книжки» у ротмистра Басова см.: ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 32, д. 68 (3).

⁴⁵ Московские ведомости, 1786, № 100, 16 октября, с. 877—879.

изданий Новикова. Вместе с тем 5-я и 6-я части повторяют заданный Чулковым тип издания: в каждой из них содержится по 200 песен, и даже, несмотря на изменение титульного заглавия, название чулковского сборника «Собрание разных песен» сохранилось в виде подзаголовка, открывающего непосредственную публикацию текстов.

Создается впечатление, что первоначальный план издания, предпринятого Новиковым, был в процессе работы изменен, чтобы сгладить впечатление прямой книгоиздательской контрафакции.

Сведением книгоиздательских счетов завершается история взаимоотношений двух писателей. Этот факт весьма знаменателен. Чулков к этому времени практически уходит из живой литературы. Новиков, напротив, именно в 1780-е годы расширяет деятельность Типографической компании, продолжая работу по воспитанию и просвещению общества.

М. В. ИВАНОВ

ДЕРЖАВИН И НОВИКОВ

Место Новикова в истории русской литературы далеко не выяснено. Объективной оценке деятельности этого крупного просветителя долгое время мешало то, что его не считали писателем, а говорили о нем только как о педагоге, журналисте, книгоиздателе. Художественную прозу Новикова «распределяли» между его современниками (Фонвизинным, Радищевым), исходя именно из такой посылки. Следствием подобного подхода было то, что Новиков исключался из литературного движения, темы «Новиков и...» (Карамзин, Фонвизин и пр.) никем не рассматривались; устанавливались лишь деловые и биографические связи.

Однако отзывы известных литераторов, современников Новикова, свидетельствуют, что его считали писателем, причем крупным писателем. Вот как пишет о нем в своих воспоминаниях И. И. Дмитриев: Новиков «не имел, как и многие из наших писателей, классического образования. Имя его стало известно с семидесятых годов, по изданию им <...> двух еженедельников: „Трутня“ и „Живописца“ <...> Они отличались от сборников чужой и домашней всякой всячины и более отзывались народностию, хотя и менее об ней твердили, нежели нынешние наши журналы».¹ Так же высоко оценивает писательский талант Новикова и Карамзин. «Записка о Н. И. Новикове» (1818 г.) Карамзина начинается словами: «Господин Новиков в самых молодых годах сделался известен публике своим отличным *авторским дарованием*: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целью нравственною».²

Одним из первых в советском литературоведении оценил Новикова как писателя Г. А. Гукровский.³ Но наиболее полно эта

¹ Сочинения И. И. Дмитриева, т. II. СПб., 1893, с. 27. Все выделения курсивом, кроме специально оговоренных, принадлежат автору настоящей статьи.

² Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1964, с. 231.

³ Гукровский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 252—282.

проблема разработана в книге Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», изданной в 1952 г. Доказав, что «Письма к Фалалее» и «Путешествие в*** И*** Т***» принадлежат перу Новикова, а не Фонвизина и Радищева, Г. П. Макогоненко тем самым установил некоторые связи творчества Новикова с творчеством двух гениальных его современников. В этой же книге впервые отмечаются и некоторые общие черты мировоззрения Новикова и Державина (с. 332—338). Цель настоящей статьи — более подробно рассмотреть личные взаимоотношения и общность идей этих двух писателей.

С 1779 по 1792 г. Новиков издал около 900 книг. Как истинный просветитель он стремился познакомить русского читателя с самыми крупными достижениями западноевропейской культуры. Новиков печатает труды знаменитых философов-просветителей (Дидро, Вольтера, Даламбера, Локка), книги известных сентименталистов (Стерна, Голдсмита, Юнга, Руссо). Однако по своему художественному методу Новиков был близок к просветительскому реализму, поэтому он особенно пропагандировал произведения своих «единомышленников»: мещанские драмы Лессинга, Дидро, Бомарше; романы Филдинга, Смоллетта и пр. И здесь уже приходится говорить не о чисто издательской деятельности, а об утверждении русским писателем новой социальной, этической и эстетической программы, которая воплотилась в творчестве как западноевропейских просветителей, так и русских, в том числе в творчестве самого Новикова. И писательский и издательский труд Новикова способствовал созданию в России «просветительской атмосферы», и равного Новикову на этом поприще не было. Державин, знавший лишь немецкий язык, с большинством произведений мировой литературы мог познакомиться только в русских переводах; неудивительно, что библиотека поэта в основном состояла из новиковских изданий. Только за 3 года (1784—1786) Державин приобрел в лавках Новикова около 300 книг на сумму 555 рублей. Среди них сочинения Свифта, Дефо, Локка, Бюффона, Ломоносова и др. В «щёте», присланном Державину для оплаты покупок, Новиков называет книги, которые служили чтением просветителей Европы и России: «Жизнь Бэкона», «Наказ» Екатерины II, «Юлий Цезарь» Шекспира, «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» Мильтона, «Живописец» самого Новикова, «Древняя российская вивлиофика», сочинения Платона, Вергилия, Апулея, Корнелия и др. (письмо к Державину от 11 декабря 1786 г.).⁴

Книгоиздательская деятельность Новикова была тесно связана с филантропической — в лучшем смысле этого слова. По его инициативе и частично на его деньги открывались библиотеки,

⁴ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. 5. СПб., 1868—1883, с. 645—651. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц.

приюты для сирот, аптеки с бесплатными лекарствами; Новиков организовал помощь голодающим и проч. Особую известность приобрело издание им в 1777 г. журнала «Утренний свет». В первом же номере было объявлено, что все средства, полученные от продажи журнала, пойдут на устройство училищ для бедных детей. Поэтому подписчики и пожертвователи, имена которых печатались в конце журнала, выступали как бы компаньонами Новикова, открыто заявляли о своей поддержке его благородного начинания. Среди подписчиков был и Державин. Организация этих пансионов имела такой большой успех, что Екатерина испугалась, как бы Новиков не стал главой школьного дела в России. Императрица поспешила учредить государственные училища, запретив Новикову расширять сеть частных учебных заведений. В 1780-е годы царица начинает открыто преследовать Новикова: в 1785 г. она назначает следствие по его делу, которое ведут гражданские и духовные власти. И в это время Державин просит Новикова помочь ему в организации типографии в Тамбове и получает от него поддержку и советом и делом. Установление деловых связей с Новиковым в обстановке, когда Екатерина высказывает тому свое неблаговоление, является выражением сочувствия и признания деятельности опального просветителя. Арест и тюремное заключение Новикова Державин считал делом несправедливым. Поэт ставил в заслугу Павлу то, что он освободил и даже сперва приблизил к себе этого гуманного, высоко нравственного человека. Впрочем, как с грустью замечает Державин, при дворе восторжествовала партия, «державшаяся эпикуреизма», которая «скоро свернула голову господам мартинистам» (III, 658).

Перечисленные факты почти исчерпывают то, что нам известно о «внешней» связи Новикова и Державина (деловые отношения, отзывы одного о другом). Но в творчестве этих писателей можно различить и более глубокие, внутренние, мировоззренческие связи.

Коренной вопрос, в решении которого разошлись Державин и Новиков, — это вопрос о крепостном праве. Для Новикова как истинного просветителя крепостное право — страшное зло. Основная идея новиковских журналов — «Трутня», «Живописца» — идея борьбы с безнравственностью, бесчеловечностью крепостничества («Письма к Фалалею», «Отписки крестьянские», «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» и пр.), хотя исправить это зло можно, по Новикову, только мирным путем: просвещением нравов. Для Державина крепостное право свято; он выступил даже против такой ничтожно либеральной меры Александра I, как «указ о вольных хлебопашцах». Да, Державин иногда говорил об излишней жестокости обращения с крепостными: в идеальном государстве Державина помещики не должны «выжимать из своих подданных последней крохи, как из лимонов сок» (III, 607). Но речь идет только о злоупотреблениях. И вообще для Державина вопрос о крепостном праве не очень существен (вопрос об

упорядочении, скажем, административной системы для него намного важнее). В своих же произведениях — от ранних опытов и до «Жизни званской» — поэт изображает отношения барина и мужика идиллически.

Однако в сознании человека эпохи Просвещения не социально-политические вопросы стояли в центре: они осознавались как следствие проблемы личности.⁵ И критика существующего положения, и общественные идеалы основывались на принципе жизни свободного, разумного, «естественного» человека. Человек — центр мира, человек — высшее существо, высшая ценность. И такое понимание личности было общим и для Новикова и для Державина. Их человек богоподобен, ближе всех существ к богу.⁶ В своей статье «О достоинствах человека в отношении к богу и к миру» (1777) Новиков писал: «Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих вешеств <...> Бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити».⁷ Почти подобное, а возможно, и перелагая стихами мысль Новикова, писал Державин в оде «Бог» (1784):

... Ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод...
Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вешества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог.

(I, 200)

Утверждая великие возможности, заложенные в каждом человеке, и Новиков и Державин признают внесловную ценность личности как самую важную. И дело не только в том, что в оде «Бог» Державин провозглашает «библейское» равенство людей: перед богом все равны; внесловный принцип подхода к личности проявляется у Державина в изображении всех сторон человеческого бытия.⁸ Приведем только один пример. В оде «На

⁵ Объективно идея отрицания крепостного права является основной идеей учения просветителей, но субъективно она не осознавалась как главная.

⁶ Подробнее на эту тему см.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1952, с. 332—339.

⁷ Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 388, 390.

⁸ Эта тема подробно разработана в советском литературоведении. См.: Гуковский Г. А. Вступительная статья. — В кн.: Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1947, с. V—VI; Макогоненко Г. П. От Фонвизина

знатность» (1774) говорится о чести и добродетели как о достоинствах дворян, т. е. выдвигается сословный принцип. Перерабатывая оду в 1794 г., поэт заменяет слово «дворянство» словом «вельможа»: породу заменяют личные заслуги человека, отличившегося на государственном поприще.

Однако жизнь человека просветителями понималась как удовлетворение исконных, «естественных», от рождения данных потребностей. Этим утверждалась законность требований личности на счастье и свободу. Так, в произведениях Державина воссоздается яркий, вещный, сияющий мир; поэт прославляет жизнь плотскую, радостную и индивидуальную. Но в таком случае противоречиво решался вопрос: а что же определяет общественное поведение индивида? Коль скоро личная жизнь понималась как семейно-бытовая, а не социальная, то из нее не могла быть выведена гражданская деятельность. И Новиков выдвигает теорию человека как средства (статья «О достоинствах человека. . .»), утверждает, что внушенный богом нравственный долг повелевает человеку трудиться на благо общества. И у Державина, и у Новикова в принципе и личная жизнь, и общественная деятельность представляются как «естественная» функция человека, но они никак не связаны между собой, не определяют друг друга, а разве что соседствуют и ограничивают друг друга. Поэтому в стихотворении «К первому соседу» (1780) Державин пишет:

Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

(I, 106)

Вот почему пышно описанные в «Вельможе» пиры и празднества не содержат обвинения плохим сановникам: по тишине они близки к описаниям в стихотворении «Приглашение к обеду» и даже могли бы быть туда вставлены. Державин порицает недостойного вельможу не за роскошную жизнь, а за то, что тот за пирами забыл о вдовах и инвалидах, которые ждут в приемной его помощи. Для примера сравним «Вельможу» с «Размышлениями у парадного подъезда» Некрасова. Ситуации сходны. Но у Некрасова мотив социальной сатиры и обличения проникает в описание быта министра, его личная жизнь является объяснением общественной позиции, и наоборот, — это две стороны одного явления («Но счастливые глухи к добру»).

У Державина, как видим, эти две стороны (быт и социальное бытие) распадаются на две обособленные сферы. И синтезировать их поэту не удастся: общественная жизнь даже не описывается, а декларируется — патетично, абстрактно, риторично; быт же изображается эмпирически. Самое же большее, что мог сде-

до Пушкина. М., 1969, с. 367—432; Серман И. З. Г. Р. Державин. Л., 1967; Запатов А. В. Мастерство Державина. М., 1958.

лать Державин, это показать, что истинный государственный муж и в простой жизни добродетелен («Фелица», например). Интересно отметить, что себя поэт никогда не изображает сразу как бытового человека и государственного деятеля. К исключениям, подтверждающим правило, относится «Мой истукан» (1794), где Державин сперва говорит о своей общественной деятельности («отер сиротски, вдовьи слезы», воспел Фелицу), но, не находя ее достойной славы, предлагает супруге убрать свой бюст «в серпяный ... диван». Однако и здесь быт и гражданские дела не находятся в синтезе, а рядопологаются.

Державин и Новиков были людьми долга. Общественная деятельность являлась для них «естественной», разумной потребностью, причем эта деятельность была направлена не на удовлетворение нужд дворянства, а имела общенациональные, патриотические, общечеловеческие цели; на смену сумароковскому принципу сословной морали приходит принцип общечеловеческой нравственности: представитель любого сословия может совершить подвиг на благо родины. В 1777 г. Новиков издал книгу «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», в предисловии к которой писал: «Сей (Матвеев, — *М. И.*) неутомимыми услугами, верностью и преданностью государю, беспредельной любовью к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа».⁹ В подтверждение сказанного приводится такой факт: когда Матвеев собрался строить себе дом, то оказалось, что в Москве нет камня. И народ в знак благодарности боярину привез к месту строительства надгробные плиты. Державин прочел эту книгу и впоследствии, в 1791 г., в стихотворении «Ко второму соседу» так откликнулся на описанное событие:

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны дома;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес.

(I, 442—443)

Утверждение высоких гражданских идеалов осуществлялось и негативным путем, через отрицание. Новиков был первым автором и издателем сатирических журналов, где принципиальная критика выражалась в форме сатиры «на лицо». Когда же Екатерина сумела расправиться с русскими сатириками (изоляция

⁹ Новиков Н. И. Избр. соч., с. 378.

Фонвизина, арест Новикова, закрытие журналов Крылова), их дело продолжил Державин: в 1794 г. он переделывает оду «На знатность» (1777), намного усилив ее критическую направленность.

Решение политических и социальных проблем и у Новикова и у Державина основывалось на разуме и нравственности как «естественных» проявлениях личности, — подход явно просветительский. Следствиями его были нравственное обоснование законов, идеал просвещения как способа обновления наций¹⁰ и идеал просвещенного монарха — человека на троне. (Державин, обращаясь к Екатерине и Александру, так и писал: «Будь на троне человек»). Безусловно, в таком случае возникал вопрос о том, как оценивать не человека, но просвещенного монарха. Державин давал такой ответ:

Нерон, Калигула, Коммоды
Когда на тронах где сидят,
Хоть поздние их помнят роды,
Но помнят так, как мор и глад.

(«Монумент Петра Великого»,
1766—I, 38)

Проблема просвещенного монарха в России стала особенно сложной и запутанной потому, что на русском троне была Екатерина II — женщина энергичная, талантливая, сделавшая много полезного для русского государства. Екатерина хотела слыть просвещенной монархиней, да и была ею с точки зрения науки XX в.¹¹ Но нынешнее понимание просвещенного абсолютизма далеко не совпадает с тем, каким оно было в XVIII в. Если просветители считали обязательным для просвещенного государя управлять на основе разума, гуманности и нравственности, то сейчас ясно: социальная демагогия была необходимой частью новой политики, которую осуществляла Екатерина II; расхождение слова и дела было неизбежным.

Деятельность Екатерины для представителей русской культуры была не просто фактом, а проблемой. И внешняя и внутренняя политика, и идеология Екатерины II оказали огромное влияние на развитие русской общественной мысли. Но Екатерина пожинала горькие плоды; к концу жизни она поняла, что ее стараниями развивались противоположные ей начала (отсюда и реакция в 90-е годы: арест Радищева и Новикова, преследования Фонвизина, сожжение «Вадима Новгородского» Княжнина). Дела

¹⁰ Мы указываем на общие черты общественной позиции этих писателей, хотя и различия могут быть существенными. Так, Державин изредка декларирует необходимость распространения научных знаний. Для Новикова же, человека более образованного, это стало делом жизни. Он считал, что наука положительно влияет даже на нравственность.

¹¹ Федосов А. И. Просвещенный абсолютизм в России. — Вопросы истории, 1970, № 9, с. 34—56.

русской просвещенной монархии серьезно подорвали веру в самый принцип просвещенного монарха — и не только у просветителей типа Фонвизина, но даже у Княжнина.

Отношение Новикова к Екатерине II изучено достаточно подробно. Если до закрытия Комиссии в 1767 г. Новиков и питал какие-то надежды на царицу, то дальнейшая его деятельность направлена против нее. Еще до восстания Пугачева Новиков писал в «Трутне», что эта «пожилая дама» нерусского происхождения проводит политику «кнута и виселицы». В 1782 г. Новиков издал «Пословицы российские». Помимо нападок на личность императрицы (сатира «Седина в бороду, а бес в ребро») Новиков подвергает сомнению и идеал просвещенного правителя (статьи «Близ царя, близ смерти», «Сиди у моря, жди погоды»).

Державин был знаком с Екатериной, и его отношения с ней имели для него важное личное значение. Он был чиновником, придворным, приближенным императрицы. Он чувствовал ее ум, обаяние, личную терпимость; он часто требовал от нее восстановления справедливости, и она часто восстанавливала ее, т. е. принимала сторону Державина, а не Сената. Державин никогда не был ее врагом, а в начале 80-х годов даже создал образ мудрого, просвещенного человека на троне — образ Фелицы. Для Новикова Екатерина олицетворяла весь государственный механизм, все преступления бюрократии он относил на ее, Екатерины, счет. Державин же лучше знал этот механизм и в ряде вопросов отделял Екатерину от него: видел, что и ее возможности ограничены, умел ценить ее добрые дела. Новиков смотрел «снаружи», поэтому, меньше зная дело в подробностях, шире обобщал. Державин же оценивал все изнутри, ему часто не хватало широты подхода Новикова, но он лучше и точнее мог оценить личность Екатерины и степень ее участия в государственных делах. Находясь под обаянием Екатерины, Державин некоторое время отделял ее от «вельмож», видя в ней борца против чиновных корыстолюбцев и ослов со звездами. Немалую роль в положительной оценке императрицы Державиным сыграл и ее «Наказ» 1767 г.

«Наказ» Екатерины, безусловно, не нес в себе никаких конструктивных идей для изменения жизни общества. Все конкретные предложения Монтескье и Беккариа, из трудов которых заимствованы многие положения, Екатерина выбросила. Вместо руководства к действию получился сборник либеральных фраз и моральных сентенций. И все же не следует преуменьшать значение этого государственного документа, в котором впервые в России дается обещание править по законам сердца и разума. К тому же в «Наказе» было изложено столько просветительских идей, что он не только обманул просветителей, но и «просветил» некоторых «непросвещенных». Видимо, «Наказ» сыграл немалую роль в приобщении Державина к идеям Просвещения. Если Новиков пошел дальше «Наказа» (как противник крепостного права, сторонник новой системы воспитания и пр.), то Державин — нет.

Если сравнить «Наказ» с государственно-политической программой Державина, то станет ясно, что в основных положениях она опирается на принципы «Наказа» (см. план к «Видению Мурзы»: III, 606—608).

В теории Державин мало чему мог научить Екатерину, скорее уж он был учеником. Но в том-то и дело, что теория Екатерины так и осталась благим пожеланием (в 1770 г. было вообще запрещено ссылаться на «Наказ»). Дела же творились иные. Уже в плане к «Видению Мурзы», говоря о плотах с виселицами, поэт делал косвенный упрек императрице: по ее приказу так жестоко расправлялись с пугачевцами. В письме к начальнику секретной комиссии Брандту (от 4 июня 1774 г.) Державин писал, что лихоимство и грабительство чиновников являются главной причиной восстания Пугачева. Поэтому свою задачу поэт видел не в выработке новой теории, а в том, чтобы открыть правду монархине, которая своей монаршей властью восстановит справедливость. Но уже в 1782 г. Державину дали понять, что учить царей и открывать им глаза на несправедливости не его дело. А потом, видя, как ведутся дела в государстве и что совершает сама императрица, Державин начинает осознавать, что нет четкой границы между ней и ее «вельможным» окружением. Державин все больше и больше разочаровывается в Екатерине. Вот что писал поэт о ней уже в начале XIX в.: «Коротко сказать, сия мудрая и сильная государыня, ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче <...> любимцам, как бы боясь раздражить их; и потому добродетель не могла так сказать сквозь сей чесночник (частокол, — *М. И.*) пробиться и вознестись до настоящего величия» (VI, 700); «Под конец царствования так послаблено было сие злоупотребление (взятки, — *М. И.*), что можно сказать, на словах запрещалось, а на деле одобрялось» (III, 670).

Именно несоответствие идеала и действительности породило кризис мировоззрения Державина. Так, в 90-е годы он обращается к разработке анакреонтических и гораццианских мотивов,¹² восхваляя добродетель сельской жизни и противопоставляя ей зло города и двора — обиталищ черни (поляризация сторон, абсолютизация отрицательного отношения ко двору здесь, конечно, вызваны законами жанра анакреонтики). Державин уже «не мог так воспламенить своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческого с великими слабостями» (VI, 693). Под давлением сверху, как вспоминает поэт, ему приходилось воспевать Екатерину, но все написанное «было холодное, натянутое и обыкновенное» (VI, 693).

¹² Подробнее см.: Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина. — В кн.: XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 169—178.

Как видим, отношение к Екатерине II, а значит, и к государственному устройству России и у Новикова, и у Державина изменялось в одном и том же направлении. Этот процесс является отражением общей эволюции оценки деятельности императрицы русскими просветителями. Различие только в том, что Новиков, Фонвизин, Княжнин разочаровались в Екатерине еще в конце 60-х—начале 70-х годов XVIII в., Державин же — в начале 80-х годов.

Настоящая статья отнюдь не полностью решает проблему «Державин и Новиков» — это скорее заявка на решение. Но определенные выводы можно сделать. Личные связи этих писателей не были очень тесными, но Державин и Новиков относились друг к другу с большим уважением. Державин сочувствовал общественной деятельности Новикова, а иногда и следовал его начинаниям (открытие типографии в Тамбове). В Новикове пост видел замечательного, гуманного, высоко нравственного человека («показывает великое о себе мнение относительно христианства», — III, 658). Писательская и книгоиздательская деятельность Новикова способствовала приобщению Державина к идеям Просвещения, давала возможность познакомиться с памятниками мировой культуры. Близки были Державину и философские (особенно этические) взгляды Новикова: о богоподобности человека, о ценности его внутренней свободы и красоте гражданского подвига. Хотя Новиков и Державин занимали противоположные позиции по отношению к крепостному праву, они были страстными защитниками просвещения и законности. Поэтому они и выступили с критикой современного положения в России; иногда это приводило к очень резким выпадам против русского самодержавия («Близ царя, близ смерти» Новикова, «Властителям и судиям» Державина).

А. Г. ТАТАРИНЦЕВ

**ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА
«ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И *** Т ***»**

«Отрывку путешествия в*** И*** Т***», этому выдающемуся обличительному произведению второй половины XVIII в., посвящена обширная литература. Но, по верному замечанию Ю. М. Лотмана, большинство писавших о нем «сосредоточивали свое внимание на вопросах атрибуции, ограничиваясь самой общей характеристикой идейного содержания <...> Художественной природой „Отрывка“ почти никто не занимался».¹ Самого Ю. М. Лотмана интересовал, в связи с изучением путей развития русской просветительской прозы XVIII в., вопрос о художественных средствах реализации антикрепостнической позиции автора этого произведения. Однако конкретное содержание понятия антикрепостнической направленности «Отрывка» исследователем не раскрывается. Упоминается, правда, известное высказывание Н. А. Добролюбова о том, что мысль о крепостном праве как источнике зол в народе слышится здесь ясно. Сама же беспрецедентная по длительности история споров об авторстве и идейном содержании «Отрывка» обнаруживает недостаточность подобных ссылок на общую характеристику его, данную революционером-демократом. Это обязывает внимательнее проследить художественную логику «Отрывка», выявить пределы критики, которыми удовлетворялся автор, раскрыть идеал, с позиции которого эта критика велась, установить соотношение идейной позиции писателя с его литературно-эстетической устремленностью и манерой повествования.

Эти обусловившие идейно-эстетическую природу произведения моменты должны, очевидно, выступать в некоем гармоническом единстве, выражающем творческую индивидуальность автора.

¹ Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века. — В кн.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.—Л., 1961, с. 92.

«Отрывок» представляет интерес и в том отношении, что в нем зафиксирован определенный этап развития русской социально-философской прозы. Именно в этом своем качестве он привлек внимание Ю. М. Лотмана, отметившего стремление автора высказаться в «теоретическом», «философском» плане о «человечности» и «человечестве», а не только о положении крестьян в деревне Разоренной. Сообразуясь с задачами своей статьи, исследователь ограничился рассмотрением одного лишь образа — образа ребенка, выступающего в произведении «в качестве критерия справедливости». Предлагаемая же работа возникла как итог осмысления типологии и структуры сатирического повествования в этот момент развития русской прозы.

«Отрывок путешествия в*** И*** Т***» — одно из тех произведений второй половины XVIII в., в котором наряду с отчетливо выявившейся реалистической тенденцией изображения действительности весьма ощутимо сказалась и авторская приверженность к традиционным классицистическим приемам творчества. Смешение разных стилевых стихий в творчестве одного и того же писателя — явление не только не случайное, но вполне закономерное для данного периода развития литературы. На примере «Отрывка» и представляется возможным раскрыть эстетический «механизм» сцепления, соприкосновения реалистических и классицистических элементов, уяснить, как они сосуществуют, как осуществляется переход от одного к другому. Сама эта неоднородность, разностильность в ее причинной обусловленности и качественной соотнесенности, в ее типологической сущности и представляет собой интерес как для понимания общих закономерностей развития сатирического прозаического стиля в русской литературе, так и для решения проблемы авторства «Отрывка».

1

«Отрывок путешествия в*** И*** Т***» принято называть реалистическим произведением. Почему реалистическим, нам понятно, хотя ни Новиков, ни его современники такого определения не давали: в нем заявляется и реализуется принцип правдивого («истинного») изображения жизни. Ясно, что понятие реализма может быть приложено к «Отрывку» с некоей «поправкой на историзм». Но почему Н. И. Новиков назвал это сочинение сатирическим («Сие сатирическое сочинение, — писал издатель „Живописца“, — получил я от г. И. Т.»)?² Строго говоря, ничего сатирического в первой части (л. 5) «Отрывка» нет. Из второй его половины (л. 14) под это определение могло бы подойти лишь начало, выписанное совершенно в духе сатиры классицизма

² Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 298. В дальнейшем текст цитируется по этому изданию.

«на общий порок». Вся остальная (большая) часть — это правдоподобное описание жизни крепостных, сопровождаемое несколькими упрекающими либо осуждающими выпадами против помещиков-тиранов. Никаких бросающихся в глаза заострений и преувеличений, никаких «деформаций» отдельных деталей в рисуемой картине нет. Тем не менее современники восприняли ее как сатирическую. С точки зрения тогдашних понятий о сатире это вполне объяснимо. Порою писателю достаточно было сказать правду о том, к чему не принято было привлекать внимания, как он уже получал наименование сатирика, а его произведение — сатирического. Первым и самым необходимым качеством в обличителе пороков считалась готовность смело говорить «истину», причем это не обязательно связывалось с какими-то особыми, присущими только сатире приемами изображения. Рисуя то или иное порочное явление, не согласующееся с его политическими, этическими, эстетическими идеалами, и одушевленный стремлением пробудить созвучное отрицающее либо порицающее чувство, писатель считал своей главной задачей отчетливо обозначить несообразности, назвав их своим именем (сатира «на лицо»). Оставаясь в рамках эмпирического правдоподобия, он становился обличителем именно в силу узкой сосредоточенности на данном факте, в силу присущего ему стремления приковать внимание читателя к данному конкретному явлению. Он как бы открывал что-то, с его точки зрения до сего времени неизвестное читателю либо неправильно (не «истинно») понимаемое. Все это мы и наблюдаем в «Отрывке». Фактическое содержание его общеизвестно. Попытаемся воспроизвести ход авторской мысли и способ ее художественной реализации.

Вначале здесь заявляется тезис, определяющий общую, сквозную логику рассуждений, определяющий задание — доказать виновность помещиков в нищете крестьян. Автор исходит из убеждения, что это может быть осуществлено только благодаря нелицеприятному, правдивому описанию положения крепостных в одной из посещенных им деревень. «Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие <...> Истина пером моим руководствует!» (с. 295) — заявляет он. Однако путешественник хотел бы не только сообщить о виденном, но и вызвать отклик у читателя, побудить его к выводу, согласующемуся с заключением самого автора. Это достигается тем, что рассказчик не ограничивается показом какой-то одной ситуации, аргументирующей первоначально заявленный тезис, а вводит все новые и новые, оказывающиеся по существу однозначными картины. Однозначными в том смысле, что каждая последующая не столько разнообразит, сколько лишь усиливает первое впечатление. Автор многократно воздействует на сознание читателя фактами одного и того же смыслового наполнения. Отрицательное чувство по отношению к виновнику нищеты крестьян все более и более обостряется, но вместе с тем усиливается и впечатление какой-то рассудочности

и искусственной патетичности обличения. Впечатление это возникает оттого, что писатель не столько размышляет по поводу виденного, не столько уясняет для себя причины нищеты крестьян, сколько стремится убедить читателя в истинности того, что он видел. Это обусловило единообразие приема введения фактов и сентенций по их поводу, фактов, строго «обдуманых» именно с точки зрения их пригодности для выражения той или иной сентенции.

Общая мрачная картина деревни Разоренной, данная щедрыми мазками в самом начале, дополняется описанием кошмарного вида двора и внутренней обстановки крестьянской избы. Автор здесь хочет быть предельно точным в передаче деталей: в деревне «около двадцати» тесно сгрудившихся развалившихся хижин, огороженных «иссохшими плетнями» и покрытых «от одного конца до другого сплошь соломою»; безлюдная улица «покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою»; «заразительный дух от всякой нечистоты» и «жужжание бесчисленного множества мух» в самих избах — такова приуготовляющая читателя к восприятию последующих авторских заключений картина, призванная с самого начала уверить его в истинности повествования. Затем следует рассказ о брошенных на произвол судьбы трех грудных младенцах одного возраста в одной и той же избе — «случай редкий и маловероятный с точки зрения житейского правдоподобия». По глубоко верному замечанию Ю. М. Лотмана, эти младенцы «представляют теоретический» план отрывка. Они призваны нести «философскую правду о природе человека».³ Вместе с тем рассказ о младенцах служит для автора поводом высказать имеющую конкретного адресата страстную резюмирующую тираду: «Жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойствие! посмотри, чего требуют сии младенцы!» (с. 296).

Автор и далее продолжает нагнетать доводы в обоснование тезиса о нерадивости помещиков, видя именно в этом свою главную задачу. Путешественник, «оказав услугу человечеству» (то есть поступив по-человечески с младенцами, оказав им помощь и удовлетворив их естественные потребности), с трудом добирается до своей коляски и падает в нее «без чувства». Барину ищут чистой холодной воды и, разумеется, не находят. Ситуация явно надуманная и смысл ее очевиден: она служит поводом высказаться о «пакостной» воде, которой вынуждены пользоваться крестьяне у бесчеловечного хозяина деревни. И вновь перед автором открывается возможность (как видим, заранее обеспеченная введением эпизода о случившемся с путешественником обмороке) бросить еще раз помещикам обвинение: «...вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!». Далее обна-

³ Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века, с. 95.

руживается, сколь «были дики и застращены именем барина» крестьянские дети. Из их поведения, из их судорожных реплик читатель должен был получить яркое представление о Григории Терентьевиче, упоминаемом крестьянами во второй части «Отрывка». Одно только появление «красного кафтана» (то есть барина) вызывало ужас, ибо за этим следовало, как можно без труда понять рассказчика, повальное избиение и грабеж крестьян. Именно такой вывод напрашивается сам собой из фразы, вложенной в уста одного из крестьянских мальчиков: «... ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!». Искусственности такого приема разоблачения нельзя не заметить. Понадобился же автору этот эпизод, понятно, для того, чтобы выразить очередную осуждающую сентенцию: «Вот плоды жестокости и страха, о вы худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей». В этих словах видно, однако, не только осуждение, а и горькое сожаление автора по поводу того, что господа «дожили» до такого «несчастья».

Собственно, весь рассказ построен в намерении сделать по ходу повествования ряд укоризненных или угрожающих выпадов против помещиков. Настойчиво акцентируя внимание на фактах, долженствующих доказать виновность помещиков, рассказчик не заботится о логическом перерастании, естественной сменяемости ситуаций. Переходы здесь явно искусственны, хотя каждая в отдельности деталь, картина, ситуация внешне правдоподобны, открывая читателю в авторе знатока крестьянской жизни. Но автор не просто бытописал, не бесстрастно «фотографировал», а «сочинял» и для вящей убедительности присочинял, домысливал ситуации. Того, что само собой сказалось бы читателю из сообщения о виденном (первые же строки рассказа говорили именно о таком намерении автора — просто описать виденное), автору представляется недостаточным. Ему важно сказать нечто сверх того, что могло дать действительное реально совершенное путешествие. Это «нечто» и выразилось в том, что рассказчик располагает целую серию микроситуаций без необходимой внутренней мотивировки. Иначе говоря, это произведение могло быть, и скорее всего было, написано без совершения путешествия в деревню Разоренную. Полагаем, именно потому автор и озабочен стремлением доказать истинность рассказа. «Истина», которая «руководствовала» пером автора, словно бы не говорила сама за себя. Отсюда понуждающая читателя к вере в истинность описываемого, патетическая декларация принципа повествования. Ясно, что если бы рассказ писался по непосредственным впечатлениям от реально совершенного путешествия в деревню Разоренную, то автору важнее было бы доказать то, что он действительно совершил его, а не то, что он повествует о нем истинно. Ясно и другое: «Отрывок» создавался на основе фактов, имевших место в действительности и наблюдавшихся ав-

тором, вероятно, не раз и не в одном месте. Он объединяет их и, отдаваясь стихии сочинительства, подчиняет своему замыслу, доказательству общего тезиса о виновности помещиков. Одним словом, в данном случае описывается умозрительно совершенное путешествие. Весьма характерно, что в «Отрывке» нет ни одного прямого или скрытого указания на то, где именно находится описываемая деревня и кто ее конкретный владелец. Григорий Терентьевич, упоминаемый в рассказе, это, конечно, вымышленное лицо, выведенное под определенным (не «говорящим») именем для того, чтобы вызвать впечатление истинности повествования. Показательно и то, что ни в одном из читательских отзывов не прозвучало вопроса о конкретном местонахождении деревни и имени ее владельца. Суть возникшего затем обсуждения сводилась к тому, есть ли такие помещики, как Григорий Терентьевич.

Уже одно то, что автор свободно «встраивает» вымышленные ситуации в общую логическую схему рассказа, свидетельствует о его вполне сложившейся литературной манере. Элемент «сочинительства» еще более усилен во второй части «Отрывка». Здесь налицо сатира в ее чисто классицистской форме, сатира на праздных богачей, «худых» судей и подьячих, щеголей, игроков, мотов. Композиционно-художественное значение всей второй части отрывка заключается в том, чтобы осуществить контрастное противопоставление жизни праздных господ и тружеников крестьян. Использование сатиры «на общий порок» усиливало обличительную направленность произведения. Взаимоотношения крестьян деревни Разоренной и их помещика Григория Терентьевича как бы включались в более широкий, обобщающий контекст: противопоставляются теперь уже господствующее и крестьянское сословия вообще.

Формальное использование сатиры «на общий порок» придавало изображению обобщенное значение. Однако социально-политическая сущность крепостничества и в этом случае оставалась не вскрытой. Напротив, устами крепостных во второй части «Отрывка» вдруг во весь голос заговорит смиренность, какая-то фатальная безысходность и очень робко прозвучит мечта о «перевоспещении» Григория Терентьевича в доброго барина.

Подытожим наблюдения о принципах изображения действительности в «Отрывке». Живописуя положение крепостных и стремясь к правдивости, автор строит повествование на верности деталям быта, обстановки, подчеркивает характерные особенности в поведении, разговоре крестьян. Из самой этой детализации читатель должен был заключить, что сочинение правдиво. Автор считает необходимым сказать к тому же, что им руководствовала «истина». Этой же цели служит индивидуализация речи крестьян. Однако сочинитель еще не порывает с классицистской манерой повествования. Это проявляется в том, что изображаемые детали располагаются в рассказе односторонне схематически. Одна смысловая ситуация сменяется другой без достаточно убе-

дательной логической мотивировки. В конечном счете общая картина также получается односторонней, поскольку составляющие ее фрагменты несут исключительно доказательную функцию, перегружены в этом своем задании — в ущерб художественной и жизненной правде. Они, как и вся таким образом сконструированная картина, строго ориентированы в заданном направлении, служат прямолинейному доказательству общего тезиса, заявленного в самом начале. Выбор ситуаций определяется тем, насколько они, с точки зрения автора, эффективны, пригодны для доказательства этого тезиса. Рассказчик ни на миг не теряет из виду своей цели, не отступает от намеченной линии. Здесь нет «безотчетного» акта творчества, нет свободного и всестороннего охвата действительности и осмысления факта. Свобода вымысла, о которой говорилось выше, есть свобода «присочинения» ситуаций одного и того же смыслового ряда, выстроенных на одной и той же линии, заранее заданной. Под дисциплинирующим воздействием рационалистических установок, требовавших предельной четкости и ясности общих положений и аргументов в их пользу, автор строит повествование в форме доказательного трактата. Сами эмоциональные «взрывы»-сентенции вводятся в повествование рационально. Мысль автора не уходит в подтекст, не нуждается в иносказательной форме. Писатель обращается к сатире «на общий порок», но использует ее не с целью замаскировать свои подлинные мысли, а с целью реализовать и в данном случае известную уже читателям по журналу «Труть» формулу: «Они работают, а вы их труд ядите». В стилистическом отношении эта «общая» сатира выглядит в «Отрывке» инородным включением. Автору еще не удается органически слить, спаять реалистические и классицистские элементы. Но тенденция к такому слиянию проявилась здесь довольно отчетливо. Стремление живописать конкретную действительность обусловило реалистические элементы повествования, намерение же поставить описываемые явления, факты, детали в какую-то общую связь продиктовало обращение к сатире «на общий порок». Наиболее реалистично, как было отмечено, в «Отрывке» выписаны детали, автор сознательно акцентировал внимание на них: расположение деревни, общий вид ее и внутренняя обстановка крестьянской избы, состояние оставленных без присмотра младенцев и поведение запуганных детей, качество питьевой воды и проч. Ему важно убедить читателя в невымысленности всего этого, что и могло быть достигнуто, по мысли автора, только через описание деталей. Именно знание деталей должно было убедить читателя в том, что автор — очевидец описываемого. Деталь — это рационально взвешенный аргумент в пользу истинности сообщаемого. Она в этом смысле имеет самодовлеющее значение. Автор не анализирует факты, а констатирует их наличие. Последовательно подстраивая все новые и новые факты, ситуации, автор словно исходил из убеждения, что единичный факт не содержит в себе необходимого для воздей-

ствия на читателя содержания, что требуется некоторая сумма их. В этой перечислительности, в этом стремлении аргументировать тезис однозначной множественностью фактов, количеством их, в этой устойчивости, повторяемости структурной модели повествования (ситуация—сентенция) и состоит одна из особенностей «Отрывка», не позволяющая отнести его безоговорочно к реалистическим в нашем понимании произведениям. Реализм «Отрывка» — это, так сказать, рационально-эмпирический реализм. Конкретности натуралистически выписанных деталей, эмпиризму противостоит здесь традиционное классицистское обобщение — «общая сатира». Органичных переходов от частного к общему пока еще нет, поскольку частное еще не рассматривается как проявление общей закономерности. Автору пока не удастся высвободить содержащуюся в каждом отдельном факте социальную сущность. Диалектика индивидуального, отдельного и общего, типичного ему еще не открылась. Он стоит на пути уяснения этой диалектики, но, упрощая для ясности, скажем, что частное здесь представлено им в реалистическом, а общее — в классицистском выражении. Связь частной детали и общего заключения в художественном плане еще механистична, что обусловлено, конечно, мировоззренческой позицией автора, метафизичностью его взглядов. Но важно отметить именно тенденцию, поиск связей частного с общим, формы выражения этих связей. Эта тенденция осуществляется, как видим, через сатиру. Сатирические приемы повествования, сатирические принципы изображения действительности несли в себе эстетические возможности выхода к реалистической типизации.

2

Эстетической природе произведения, если она верно понята, должна соответствовать, быть ей эквивалентна его идеологическая сущность. Какова же идейная позиция автора «Отрывка»? В каком смысле следует говорить об антикрепостнической направленности его? По этому вопросу исследователи до сих пор не пришли к единому мнению и в зависимости от того, как трактуется идейное содержание произведения, приписывают его либо Радищеву, либо Новикову. Возникает вопрос, содержатся ли в нем такие противоречивые моменты, которые давали бы основание для разных заключений? Или же следует безоговорочно считать одну из точек зрения надуманной, нисколько не отражающей идейно-эстетической сущности «Отрывка»? Такой подход нельзя признать верным потому, что он заранее предопределяет конечные результаты: в «Отрывке» ищется либо «чисто» радищевское, либо «чисто» новиковское как моменты взаимоисключающие, несовместимые. Г. П. Макогоненко, например, обращает внимание на то, что в «Отрывке» идет речь лишь о «некоторых» деревнях, из чего как будто следует, что не во всех посещенных

путешественником селениях царят «бедность и рабство», что автор имеет в виду рассказать еще и об образцовой («Благополучной») деревне. Это, по мнению исследователя, является аргументом в пользу авторства Новикова.⁴ Н. В. Баранская,⁵ однако, верно замечает, что автор за три дня пути «всюду» видел «бедность и рабство», но описал только одну деревню. Отсюда делается вывод: путешественник выступал не только против «Григория Терентьевича», но и против крепостного права вообще. А это мог сделать только Радищев. Уязвимы оба толкования. Безосновательно отрицается возможность изображения Радищевым в 1772 г. вместе с деревней «Разоренной» и «злым» помещиком еще и «Благополучной» деревни с ее «добрым» владельцем. Да и изображение «доброго» помещика само по себе еще не является оправданием крепостничества. Разве, упоминая в «Путешествии» (даже в «Путешествии»!) иной раз «добрых» господ, Радищев проводил идею урегулирования взаимоотношений между крепостными и их господами по принципу отношения «отцов и детей»? С другой стороны, о Новикове нередко говорится, что он приближался к осознанию социальной природы порочных явлений, что уже само по себе делает допустимой возможность изображения им только «разоренных» деревень — если помнить при этом, что в «Отрывке» идет речь не вообще о российских деревнях, а лишь о тех селениях и помещиках «тех мест», где автор побывал «в три дни пути»?

Антикрепостническая направленность «Отрывка» в существующих работах понимается, таким образом, в весьма неопределенном смысле. Специфические оттенки повествования, выявляющие идейный контекст этой направленности, остаются невыясненными. Разноречивые оценки идейного содержания произведения обязывают внимательнее проанализировать идейную логику рассказа, определить, так сказать, идеологический контекст, в который оказываются включенными размышления путешественника о крестьянах и помещиках. При этом должна быть принята во внимание выявленная определенность эстетической структуры и стиля произведения. Такой путь анализа — от эстетического к идеологическому (а не наоборот) — в данном случае представляется методологически наиболее целесообразным, поскольку речь идет о произведении, в котором идейное содержание поддается и тому и другому толкованию. Именно эстетическая структура произведения в ее бесспорной определенности и есть, очевидно, то труднее всего поддающееся субъективно-полюемическому искажению начало, от которого можно было бы идти к более верному положению идейного смысла, трактуемого до сих пор раз-

⁴ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 242.

⁵ Баранская Н. В. Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***». — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 230.

лично. Иначе говоря, для того чтобы определить, что хотел сказать автор, надо иметь в виду, как он выражает свои мысли.

Пораженный бедностью тех сел, которые ему встретились в трехдневном пути, и убежденный, что именно крестьяне «богатство и величество целого государства составлять должны», путешественник задается вопросом, кто же виноват в этой бедности. Из ответов крестьян автор, «к великому огорчению» своему, заключает, что «помещики их сами тому были виною». В сущности, как мы видели, все содержание произведения и направлено на то, чтобы доказать, что помещики сами виноваты. Автор как бы заставляет читателя пересмотреть прежние убеждения, по которым в этой бедности были виновны не помещики, а (скорее всего) сами крестьяне. Итак, виноваты помещики. Но что ставится им в вину? То ли, что они не осознают несправедливости, бесчеловечности такого общественного устройства, при котором крестьяне должны составлять собственность барина и работать на него? Или то, что они, осознавая, может быть, это, не хотят все же отказаться от своих прав на крепостных? Нет, не это. Помещики повинны в том, что они не радеют о крестьянах, не проявляют человеколюбия. Конкретный пример тому, по мысли автора, деревня Разоренная и ее владелец Григорий Терентьевич. Он осуждается не за то, что присваивает результаты труда «подобных себе», не за то, что владеет ими, а за то, что он — тиран. Автор не занимает вопрос, почему тирания становится возможной. Ему важно доказать, что тирания существует, — и этого достаточно, чтобы заключить о виновности помещика. В чем именно состоит эта вина — не указывается, если не считать общих заявлений автора о «нерадении» помещиков, о том, что они не имеют никакого «попечения о сохранении здоровья своих кормильцев» и т. п., то есть заявлений, из которых мог следовать только один вывод: помещики должны «радеть» о крестьянах и земледелии, иметь «попечение» о здоровье своих кормильцев. Права помещиков в отношении крепостных под сомнение не ставятся, речь идет о том, какими должны быть помещики. Писатель не анализирует, не исследует факты, а просто констатирует их как исчерпывающие аргументы для доказательства своего тезиса о нерадении помещиков, о существовании тирании. Мы уже видели, рассматривая эстетическую структуру произведения, как стремление быть доказательным диктует автору нагнетение однозначных в их смысловом наполнении деталей, ситуаций. Автор, приводя это множество фактов, словно бы полемизировал с теми, кто утверждал, что не помещики повинны в нищете крестьян, что они — не тираны. Он настойчиво возвращает мысль читателя к положению о виновности помещиков путем неоднократного резюмирования (в форме сентенций) вводимых ситуаций, исходя из убеждений, что читателю неизвестно не то, что крестьяне бедствуют (об этом читатель знал давно, еще со времен «Трутня»), а то, по чьей вине это происходит. И пафос обличения вызван,

конечно, не мыслью о незаконности, несправедливости разделения общества на сословия, а кричаще резким, недопустимым, с точки зрения гуманного человека, контрастом между положением крепостных и господ. Именно этой цели — показу такого контраста — и служит «общая сатира» во второй части «Отрывка». Автор за то, чтоб «господство» не тиранствовало, не употреблялась «во зло», чтоб крестьяне тоже считались «человеками». Не задаваясь вопросом о социально-политических причинах тираннии, он и не ставит ее в связь с общим правопорядком. На краеугольные основы он не посягает.

Каков же тот идеал, с позиций которого и во имя которого ведется критика? Этот идеал писатель предоставляет возможность выразить самим же крестьянам: «Бог и государь до нас милостливы, а кабы да Григорей Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили, как в раю» (с. 332). Порою в этих словах видят какую-то иронию. С этим нельзя согласиться. В противном случае мы должны заключить, что автор с иронией пипет не только о государе, но и о самом боге — явно абсурдное (кого бы мы ни называли автором «Отрывка») толкование. Смысл реплики в том, что все зависит в данном случае от помещика. Помещик — вот то звено в общей цепи государственного механизма, от которого зависит благосостояние крестьян. А от их положения зависит и процветание всего государства. «Радение» помещиков о земледелии и земледельцах — вот условие этого процветания. Такова логика рассуждений и исходная просветительская позиция сатирика.

Высказаться так, поставить в прямую связь нищету крестьян с отношением к ним помещиков, обвинить помещиков в этом (а не обвинить самих крестьян в лени, пьянстве, распущенности, невежестве — как это нередко делалось) было необычайно смелым актом для того времени, актом высокой гражданственности писателя. И это не могло не вызвать возмущения определенной части «дворянского корпуса». Упреки и угрозы в адрес издателя журнала раздались как раз потому, что дворяне не хотели признать себя виновными в бедствиях крестьян, а не потому, что автор имел в виду институт крепостничества в целом. У него не было такого намерения, и понят он был правильно. Иначе Новиков в «Английской прогулке» должен был давать иные разъяснения и уточнения, а именно: он должен был заявить, что автор «Отрывка» не имеет ничего против самого разделения общества на «состояния», против «господства» вообще. Уточнялось же, как известно, другое — на кого и сколь широко может быть распространен вывод о виновниках нищеты крестьян и название «тирана»: «...я совсем не понимаю, <...> почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан <...> дворянин, власть свою и преимущество во зло употребляющий» (с. 327).

К каким же заключениям побуждает автор читателя? В самом начале рассказа он заявляет, что признает вину помещиков вынужденно, как бы против своей воли, столкнувшись с реальной действительностью, и не может скрыть «великого огорчения» от того, что не признать этого нельзя. «С великим содроганием чувствительного сердца» приступает он к повествованию. Эти оговорочные, «личные» моменты призваны пробудить в сознании читателя представление о самом рассказчике, показать, с точки зрения каких положительных понятий будет дана критическая оценка явлений. Перед нами образованный, гуманный, отзывчивый человек, искренне сожалеющий о судьбе крестьянина и озабоченный его положением. Автору важно представиться этими своими качествами, завоевать расположение, чтобы не быть заподозренным в пристрастии, а еще более — для того чтобы показать, как должно сожалеть о судьбе крестьянина. Путешественник, как выявляется, тоже барин, но в отличие от Григория Терентьевича «добрый барин». Поэтому-то ни словом, ни намеком не обозначена природа вины помещиков, ни в какие более общие и глубокие связи с существующим социально-политическим устройством она не ставится. Само это устройство молчаливо признается законным. Суть дела для автора предельно ясна: крестьяне разорены — и должен быть назван виновник их нищеты. Критический пафос рассказа обусловлен стремлением доказать эту вину. Однако автор этим не ограничивается. Он идет дальше. Убедив читателя в виновности помещиков, автор показывает и путь искупления этой вины. Всем содержанием произведения заявлена и некая положительная программа разрешения вопроса о судьбе крестьян. Встречающиеся в некоторых работах утверждения, будто писатель не верил в «добрых» помещиков, не совсем верны. В противоположность плохим, нерадивым, «глупым» помещикам (глупым — потому, что они не понимают зависимости благосостояния государства от положения крестьян) дается идеал помещика доброго, заботливого, человеколюбивого — такого, как сам путешественник. Не важно, собственно, как мыслится этот идеал — в реальной ли действительности (в деревне Благополучной) или умозрительно, как нечто желаемое, но пока не имеющее места. Важно то, что именно этот, а не какой-нибудь другой идеал мыслится и автором, и крестьянами. Критика существующих взаимоотношений между помещиками и крепостными ведется не только с целью вызвать осуждение Григория Терентьевича (и подобных ему) и жалость, сочувствие к крестьянам, но и (главным образом) в намерении заставить читателя задуматься о практических путях улучшения этих отношений. И автор дает практический урок подлинно гуманного, не тиранского отношения к крепостным. Так, убедив читателя в запуганности крестьянских детей «красным кафтаном», он тут же вносит существенный корректив: оказывается, дети легко преодолевают страх, как только узнают, что приехал не их барин. Дело, следовательно,

не в «красном кафтане» вообще (то есть не в помещиках вообще), а в его конкретном владельце — такова прямо не высказанная, но всем содержанием рассказа утверждаемая мысль: есть баре злые, а есть добрые. Добрыми должны быть все. Крестьянские дети и их родители, в описании автора, очень отзывчивы на доброту. В любовном описании этой отзывчивости нельзя не видеть выражения сокровенной мысли рассказчика. Введя эпизод моментального перерождения ребят под воздействием барской доброты (эпизод, который никак не может быть объяснен исследователями, видящими в «Отрывке» выступление против крепостничества вообще), автор наглядно демонстрирует возможный и реальный путь разрешения коллизии, вызвавшей поначалу у него столь тягостное чувство. Положительный идеал доброго, заботливого помещика уравнивает критическую часть рассказа и в известной степени нейтрализует ее. Григорию Терентьевичу (и подобным ему) логикой повествования отказано в праве распоряжаться судьбой «подобных себе» как раз с точки зрения высоких понятий справедливости, человеколюбия, любви к ближнему, связываемых с этим идеалом. Заметим кстати, что своеобразные дополнения к «Отрывку», в какой-то мере восполняющие сделанные в нем исключения (оговоренные издателем в примечаниях), содержатся в «Письме уездного дворянина к его сыну», опубликованном сразу же после появления «Отрывка». Устами Трифона Панкратьевича автор повествует как раз о тех конкретных злоупотреблениях, которые в «Отрывке» характеризовались одним словом «тиранство». Здесь же автор счел необходимым противопоставить жестокому помещику Г. Г. Орлова, крестьяне которого живут «богаче инова дворянина». Не отрицая комплиментарного характера этой характеристики, мы все же не можем объяснить ссылку на Г. Г. Орлова лишь цензурными соображениями. Говоря о том, что тот берет со своих крестьян, «стыдно и сказать, по полтора рубли с души», что они обеспечены угодами, сообщая о «немецкой манере» ведения хозяйства, автор и здесь стремится быть конкретным, верным «истине».

Суть, однако, не в этом. Автору «Писем к Фалалею», как и автору «Отрывка», виделся некий идеал доброго, рачительного помещика и «Благополучная» деревня, что утверждало его в критической позиции по отношению к тиранам.

Выступая с моральным, философским осуждением тирании, автор, видимо, сознавал, что увещевания и даже резкая критика не исправляют тиранов. Этим объясняется скорбно пессимистический тон его обращения к крестьянским детям. Автор «Отрывка» должен был неоднократно убедиться в тщетности обличений, прежде чем сделать этот безрадостный вывод. Однако иного выхода, кроме противопоставления злым помещикам добрых, он не видел. Первых он критиковал, на вторых уповал.

В заключение по вопросу об идейно-эстетической позиции автора «Отрывка» следует сказать, что «общие» обличения, к ко-

торым он прибегает как к средству воздействия на «злых» помещиков, и наставления «дворянскому корпусу» вообще стоят в прямой связи с социально-философской концепцией разумного общественного устройства. Рассказчик принимает на себя роль защитника бедных на том основании, что ему открылись истинные причины этой бедности. Вот этот урок познания истинных причин нищеты крестьян и дает автор читателю на правах «учителя жизни». Общефилософская, социально-политическая позиция определила и прием сатирического повествования. Обличение дается исключительно от лица путешественника. Крестьяне вызывают жалость, сочувствие, пробуждают своим забитым видом у читателя гнев на помещика. Но в восприятии и изображении автора сами они лишены стремления к протесту, к утверждению своего человеческого достоинства. Сострадание автора к ним потому почти идилично. Оно и вызвано-то как раз созерцанием их покорности, беззащитности. Крестьяне же, доверчиво изливая душу «доброму» барину, словно бы побуждают его быть их ходатаем перед «дворянским корпусом», их защитником. Так в изображении крестьян раскрывается авторское видение, восприятие мира.

Спустя восемнадцать лет радищевский путешественник точно так же встречается, и не раз, с крестьянами. Но ему не так-то просто удавалось установить с ними контакт, вызвать на откровенность, расположить к себе. Всякий раз преодолевается какое-то отчуждение, возникавшее у крестьян при одном виде барина. Радищев даже особо и настойчиво подчеркивал это, словно бы полемизируя со своими предшественниками. И если подойти к проблеме авторства с этой стороны, то вывод напрашивается явно не в пользу Радищева. В самом деле, как у него мог нарушиться контакт с крестьянами в 1790 г., если в 1772 г. они так охотно, с таким расположением отзывались на участливое слово «доброе» барина? Не говоря уж о главах «Любани» и «Едрово» (где путешественник выглядит в глазах крестьян просто любопытствующим господином), даже в «Пешках» (главе, в которой В. П. Семепников усматривал некое сходство с «Отрывком») крестьянка безбоязненно и с явной неохотой входит в пространные рассуждения заявляет, что «все господа дворяне» — мучители. В том числе и он, путешественник: «Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?». Если и можно объяснить эту странную эволюцию в творческой манере изображения крепостных, то разве только тем, что с годами Радищев стал все менее и менее понимать язык своих собратьев, все дальше и дальше отходил от народа. Но все творчество писателя восстает против такого неправомерного заключения.

Или, быть может, такое изменение в видении действительности и в изображении взаимоотношений путешественника с крестьянами объясняется тем, что в «Отрывке» описано не реальное, а вымышленное путешествие, что Радищев в 1772 г. просто вооб-

разил себе таких крестьян, а позже убедился, что был не прав? Но если и мог бы он тогда написать такое произведение, то только (говорят сами сторонники его авторства — и здесь они глубоко правы) по непосредственным впечатлениям.

Ни в том, ни в другом случае не объяснить и того, как мог Радищев «забыть» свое первое произведение и никому и нигде о нем ничего не сказать. Сторонники его авторства ссылаются на П. А. Радищева. Есть смысл обратиться к свидетельству последнего и выяснить, содержит ли оно в себе достаточно оснований для категорических утверждений.

Более ста лет назад семидесятилетний сын автора «Путешествия из Петербурга в Москву» П. А. Радищев в примечаниях на статью А. С. Пушкина «Александр Радищев» писал: «Другие статьи „Путешествия“ напечатаны в „Живописце“ Новикова в 1776 году и в „Северном вестнике“ Мартынова (ч. 5, январь, 1805, стр. 61. Смесь, «Отрывок из бумаг одного россиянина»). Это глава из „Путешествия“ под заглавием „Клин“, которую привел и Пушкин в своей статье о Радищеве».⁶ В цитированном высказывании не содержится, как видим, прямого указания на «Отрывок». Вообще П. А. Радищев никогда и нигде не называл ни «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», ни его точных выходных данных, как это сделано, скажем, в отношении главы «Клин». Известно, что 9 августа 1860 г. он обратился к царю, прося разрешения на издание сочинений А. Н. Радищева, в том числе и «Путешествия». Об этой книге П. А. Радищев в прошении замечал: «Многие из нее отрывки и целая глава „Клин“ уже появились в России в разных повременных изданиях». Опять названа глава «Клин», но ничего не говорится об «Отрывке». 24 ноября 1860 г. П. А. Радищев пишет министру народного просвещения по тому же вопросу и вновь указывает ту же главу как «неоднократно напечатанную». Здесь проситель обращал внимание на то, что глава «Медное» была напечатана будто бы «в одном журнале» в 1858 или 1859 г.⁷ (до сих пор не проверенное известие). Об «Отрывке» же — ни слова. Известно, далее, что тогда же П. А. Радищев представил в цензурный комитет сочинения своего отца на предмет разрешения их к печати. Как можно заключить из отзыва цензора Ф. Ф. Веселаго, в числе этих произведений «Отрывка» не значилось. Между тем он непременно должен был быть там, если согласиться, что он был известен П. А. Радищеву как сочинение отца и что именно о нем шла речь в примечаниях на статью А. С. Пушкина. Известно и то, что в первоначальном варианте биографии отца,⁸ составленной П. А. Радищевым,

⁶ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.—Л., 1959, с. 105.

⁷ Цит. по: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.—Л., 1935, с. 326.

⁸ Этот вариант опубликован В. П. Семенниковым в 1923 г. в его книге «Радищев» (М.—Пг., с. 215—240).

не только не содержалось никаких указаний на «Отрывок», но не упоминался и журнал «Живописец». Лишь при последующей переработке, пройдя стадию редакционных и корректурных правок, биография дополнилась примечанием (принадлежавшим А. А. Корсунову), прямо приписавшим «Отрывок» А. Н. Радищеву. Однако здесь же другой знаток литературной старины М. Н. Лонгинов, редактировавший и исправлявший очерк, скептически отметил сомнительность этой догадки Корсунова. Последний, между прочим, близко познакомился с П. А. Радищевым еще в 1852 г. в Таганроге, часто навещал его и много беседовал с ним. Предположение Корсунова об авторстве «Отрывка» и было, вероятно, принято П. А. Радищевым, что и нашло свое отражение в замечаниях на статью А. С. Пушкина. Однако узнав мнение М. Н. Лонгинова (с ним П. А. Радищев переписывался и даже получал от него во временное пользование в 1861 г. список «Путешествия», известный теперь под названием «лонгиновского»), биограф А. Н. Радищева в окончательном варианте очерка упомянул только главу «Клин», приведя уточненные выходные данные ее. Об «Отрывке» он не обмолвился ни словом. И, наконец, последний факт, относящийся к вопросу об истоках полемики, известный давно, но почему-то никем не учитываемый. В письме к А. И. Герцену, отправленном в этот же период цензурных мытарств, П. А. Радищев напоминал о каких-то двух статьях из «Живописца» как о приписывавшихся А. Н. Радищеву.⁹ Следовательно, высказывание П. А. Радищева о «других статьях» из «Живописца», даже если бы здесь имелся в виду «Отрывок», было повторением чьих-то предположений, не более. Есть все основания считать, что П. А. Радищев вообще не знал о существовании «Отрывка» — до тех пор, пока кто-то из знатоков литературы (скорее всего А. А. Корсунов) не высказал заманчивого предположения о принадлежности его автору «Путешествия». Как бы то ни было, такую информацию П. А. Радищев получил не от своего отца. В противном случае — если бы мы даже не располагали письмом его к А. И. Герцену — совершенно необъяснимо умолчание о выходных данных, путаница с годом третьего издания «Живописца» (1776 вместо 1775), вообще неопределенность свидетельства, говорящая о неуверенности П. А. Радищева. Кстати, сыновья А. Н. Радищева — его первые биографы — ничего не знали как о «Беседе о том, что есть сын отечества» (помещенной в «Беседующем гражданине» в 1789 г.), так и о «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» (вышедшем отдельным изданием в 1790 г.). В предпринятое в 1806—1811 гг. издание сочинений А. Н. Радищева «Отрывок» не был включен, а издатели прямо и недвусмысленно сообщили читателям, что «почли <бы> преступлением, имея оставшиеся г-на Радищева бумаги в руках своих предать их забвению и не издать в свет». Заметим, никаких

⁹ Литературное наследство, т. 67. М., 1959, с. 404—405.

препятствий цензурного порядка публикация «Отрывка» и «Беседы» в это время не вызвала бы. Предположение, что «Отрывок» мог быть запрещен потому, что напоминал о «Путешествии», не выдерживает критики: шесть томов радищевских сочинений напоминали о том же. А между тем «Отрывок» перепечатывался в изданиях «Живописца» 1773, 1775, 1781, 1787, 1792 гг. Буквально накануне выхода первого тома сочинений Радищева «Отрывок» вновь появился в «Московском собеседнике» (1806). Так обстоит дело с источниковедческой стороной проблемы. Если П. А. Радищев и имел в виду «Отрывок», то это было просто предположение, в истинности которого он не был уверен сам.

Для окончательного решения вопроса об авторстве «Отрывка» необходимо тщательное систематическое изучение журналистики 1770—1780 гг., необходим глубокий идейно-эстетический, стилистический анализ прозаических произведений этой поры. Если в результате такого анализа из числа возможных авторов будет исключен некий «И. Т.», публиковавший свои оригинальные и переводные сочинения (с немецкого, французского, английского; видимо, не случайно Новиков говорил, что «Отрывок» написан в английском вкусе) в «Московском ежемесячном издании» (1781, ч. 2, с. 294—312; ч. 3, с. 26—47) и в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780, ч. 5, с. 340—354; ч. 6, с. 3—17); если окажется, что таким автором не мог быть ни один из сотрудников и подписчиков этих и других журналов (например, Иван Тарханский, Иван Титов, Иван Трефурт, Иван Теселкин, Иван Тургенев и др.), то авторство Новикова будет доказано окончательно. Что касается А. Н. Радищева, то за его авторство могло бы говорить только указание П. А. Радищева, если бы оно не носило предположительного характера.

Изложенные в данной статье наблюдения и соображения окажутся, может быть, не бесполезными и в этом плане, и в плане уяснения особенностей сатирического прозаического повествования в указанный период развития русской литературы.

Е. П. ПРИВАЛОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА НОВИКОВА
«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА»**

Социальная проблема — одна из основных на страницах новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума». С особой уверенностью это можно сказать о первых годах выхода журнала — 1785—1786, когда сотрудниками «Детского чтения» были молодые писатели, тесно связанные с Н. И. Новиковым и его окружением: А. А. Петров, Н. М. Карамзин, А. А. Прокопович-Антопский, В. С. Подшивалов. Интерес редакции к социальной теме во многом поддерживается идейным родством журнала с новиковской педагогикой. И в статье «О воспитании и наставлении детей», и в предисловии к «Детскому чтению для сердца и разума» придавалось большое значение воспитанию «добрых граждан», а «благополучие человека» не мыслилось без выполнения им «должностей ко всем людям».

Изучение социальной проблемы в новиковском журнале связано с некоторыми трудностями. Причина их лежит в противоречивости напечатанного в нем материала. Некоторые из произведений по своей идейной направленности могут показаться исключаящими друг друга. По-видимому, это дало повод Г. А. Гуковскому вскользь охарактеризовать журнал как «апологию эксплуатации человека человеком».¹

Действительно, в журнале встречается немало произведений, проповедующих идеологию правящих кругов. Они проводили мысль о мудрости и неизбежности человеческого неравенства и сословного расчленения общества, а также требования безропотного подчинения власти.

К произведениям подобного типа относится «Разговор между отцом и сыном о том, для чего в свете одни бедны, а другие богаты» Кампе.² Сама постановка темы кажется необычной.

¹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли в России XVIII века. Л., 1938, с. 305.

² Детское чтение для сердца и разума, 1785, ч. III, № 35, с. 129—137

Даже многие писатели XIX в. предпочитали в беседах с детьми рассматривать классовое неравенство людей как данность, как факт, не углубляясь в корень вещей и не ставя вопроса о происхождении этого явления.

Как же отвечал отец на вопрос любознательного сына о том, «для чего иные люди бывают очень бедны?». Ответ отца на первый взгляд кажется очень неожиданным: «Для того, чтобы другие были богаты».

Тезис этот раскрывается в следующем любопытном диалоге:
«Сын: Для чего ж другие лишнее имеют?»

Отец: Отвечай мне сперва на мои вопросы: сожаление и щедрость не прекрасные ли добродетели?»

Сын: Конечно, делать добро очень приятно.

Отец: Не жалко ли бы было, если б люди не имели этих добродетелей?»

Сын: Очень жалко.

Отец: Но могли бы люди быть милосердными и щедрыми, если бы все они были в равном состоянии, если бы одни не были в худых обстоятельствах, а другие в лучших?».

Так рядом наводящих вопросов, логически развивая свою мысль, отец приводит сына к следующему убеждению: «Для того-то и бывают в свете бедные и богатые люди, чтобы могли в нем быть щедрость и милосердие».

Однако подобными доводами редакция не ограничивалась. В журнале мы встречаем ряд произведений, авторы которых доказывают целесообразность неравенства людей другим путем.

Алексей, юный собеседник Добросерда в повести о Селеме и Ксамире, приходит к заключению, что равенство людей привело бы к печальным последствиям:

«Тогда никто бы не стал обрабатывать поля, никто не стал бы делать для других то, что им необходимо».³

В рассказе же «Общежитие» отец говорит сыну-барчуку о том, что «провидение для общего благополучия всех людей учредило разные состояния», ибо «богатые без бедных и знатные без низких прожить не могут».⁴

Из всех этих рассуждений юный читатель должен был вынести убеждение в необходимости подчиниться судьбе, довольствоваться посланной ему долей, не выходить за рамки, в которые он поставлен.

Особенно ярко выражена эта идея нерушимости социальных перегородок в сказке «Недовольный своим состоянием».⁵

Душу бедного крестьянина Фомы разъедают сомнения: «Другие такие ж люди, как я, для чего ж они меньше меня работают, а больше имеют достатка?».

³ Там же, ч. I, № 3, с. 40.

⁴ Там же, ч. IV, № 41, с. 18.

⁵ Там же, ч. III, № 38, с. 183—191.

Психология Фомы полностью раскрывается в сцене встречи его с волшебницей. Все раздражает его в ней: и ее красивое лицо, и ее наряд, и золотая карета, и даже ее восхищение природой. Ведь ему, бедняку, не до природы, хотя он и трудится в поле весь день. Волшебница упрекает Фому за то, что он недоволен своим состоянием. Фома обвиняет богачей в тунеядстве и незаслуженной роскоши.

Волшебница решает дать непокорному бедняку суровый урок. Она ведет его во дворец и предлагает выбрать любой из многочисленных мешков, в которых спрятана человеческая судьба. Фома должен признать свою неправоту: самым тяжелым оказывается мешок государя. Не под силу крестьянину и ноша богача. Мешок кажется легким как перо, но на нем надпись: «Состояние бедного — состояние человека, который ничего не имеет, кроме самого необходимого. Несчастен он, если не будет доволен сею участью».

В тесной связи с подобными рассуждениями стояли рассказы, проповедующие безропотное подчинение властям и хозяевам.

Брат и сестра, герои робинзонады «Достопамятная повесть о некотором купце», попадают к дикарям и безропотно несут порученную им тяжелую работу. «Мы должны,— говорят они,— служить верно нашему господину. Он наш владетель».⁶

Герои «Повести о двух верных друзьях», посаженные певинно в тюрьму, отказываются тем не менее бежать из нее. Свое решение они мотивировали следующими доводами: «Религия наша повелевает нам повиноваться начальникам, хотя бы они и несправедливо с нами поступали. А для того захотели мы лучше умереть, нежели спасти жизнь нашу непозволенным способом».⁷

Оправдывая и узаконивая устои существующего строя, редакция тем не менее была далека от желания идеализировать окружающую действительность. На страницах журнала встречается немало произведений, знакомящих юного читателя с теневыми сторонами и пороками общественной жизни.

«Детское чтение для сердца и разума» читалось широким кругом детей, по основным его адресатом был, без сомнения, читатель из дворянской среды. Этим объяснялось заостренное внимание журнала к проблемам дворянской чести и дворянского долга. Дворянин не тот, кто получил звание дворянина по наследству, а тот, кто благородно мыслит, чувствует и действует. Эта мысль проходила красной нитью через весь повиковский журнал. В ряде произведений мы сталкиваемся с теми коллизиями, которые возникали вокруг этих высоких понятий в дворянской среде.

Очень характерна в этом отношении пьеса «Великодушие в низком состоянии».⁸ Несмотря на иностранный источник пьесы,

⁶ Там же, ч. II, № 14, с. 11.

⁷ Там же, № 20, с. 112.

⁸ Там же, 1786, ч. VI, № 20—21, с. 97—127. Источник: *Paysans Généreux. Entretiens. Drames, et Contes Moraux à L'usage des enfants par m-me De la Fite*. Писательница взяла сюжет из журнала Вейсе «Kinderfreund».

ситуация, о которой идет речь, и в особенности мысли и речи действующих лиц, легко переносят нас в обстановку русской дворянской семьи XVIII в.

Содержание произведения следующее. Семья Добромысловых приезжает в деревню. Между родителями возникает спор. Отец хочет, чтобы дети играли и учились вместе с сыном садовника Петром. Мать не допускает и мысли о дружбе маленьких дворян с мальчиком «низкого состояния». Супруги заключают условие: Петру разрешено общаться с барчуками до первого его проступка. Маленькие Добромыслы по-разному встречают нового товарища. Федя привязывается к нему. Лизанька его презирает. Нарастает коллизия. Федя совершает проступок и боится сознаться в нем. Сестра по наущению матери уговаривает брата свалить вину на Петра. Петр, жалея барчонка, мужественно переносит порку. Соблюдая условие, Добромыслы лишают любознательного мальчика права учиться вместе с барчуками. Случай раскрывает великодушие сына садовника. Рискаю жизнью, он спасает упавших в пруд маленьких Добромысловых. Отец горд, что мальчик «низкого» происхождения оправдал его доверие. Мать все прощает спасителю своих детей. Дворяне берут Петра на воспитание.

В пьесе интересен не сюжет, который неоднократно встречался в детских книгах того времени, и не образ маленького героя, хотя, если судить по названию произведения, именно он важен для автора. Для современного читателя приобретают особое значение образы супругов Добромысловых. Перед нами встают представители двух разных дворянских идеологий. Добромыслова — женщина, проникнутая сословными предрассудками и дворянской спесью. Автор тем не менее идеализирует свою героиню. Она как-то уж слишком скоро сдается и берет назад свои суровые обвинения против черни. Добромыслов — дворянин-либерал, культурный барин, гуманист, хотя его заботы о Петре не идут дальше желания вырастить из него образованного, но послушного слугу. Супруги четко формулируют свои идейные позиции: «Я думаю, что весь свет знает, какая разность во нравах между благородными людьми и между чернью», — говорит мать; «Все мы по природе равны, а знатность тогда только отличает нас, когда мы заслуживаем ее добрыми свойствами и похвальными делами»,⁹ — такова точка зрения отца.

На страницах новиковского журнала мы найдем немало произведений, обличающих чванство, закладывающих первоосновы демократизма и гуманного отношения к нижестоящим людям.

К такого типа произведениям относится, например, «замечательная», по словам В. Г. Белинского, «Переписка отца с сыном о деревенской жизни».¹⁰ В ней рассказывалась правдивая, психо-

⁹ Детское чтение. . . , 1786, ч. VI, № 20, с. 100—101.

¹⁰ Там же, 1785, ч. II, № 21—24; Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1954, с. 106.

логически убедительная история духовного перерождения спесивого белоручки. Посланный отцом в деревню мальчик не умеет натянуть чулка на ногу без помощи слуги, не знает, где растет картошка, не представляет себе, с какого конца следует брать в руки топор и грабли. Здоровая среда, прекрасная природа, труд делают из него человека.

В рассказе «Общежитие» отец отправляет сына, злой и гордый нрав которого известен всей округе, в деревню, удалив из нее всех слуг. Мальчику предоставляется на горьком опыте почувствовать всю силу своей зависимости от других и понять несправедливость своего презрения к слугам.¹¹

Было бы наивно искать в номерах детского журнала таких острых сатирических обличений правящего сословия, которыми так богаты были новиковские «Трутень» и «Живописец». Тем не менее отрицательные стороны быта и нравов знати не скрывались от читателя и здесь. Во многих произведениях, большей частью переводных, откровенно говорилось о духовной нищете дворянства, о его погоне за модой, роскошью, о пренебрежении семейными обязанностями, о неумеренном увлечении балами и маскарадами, о страсти к азартным играм, ведущим часто к пагубным последствиям.

Развращенному барину нередко противопоставлялся честный, деятельный купец и скромный, трудолюбивый ремесленник. Вообще интерес и уважение к третьему сословию проходит красной нитью через все номера «Детского чтения» этих лет. В этом сказалось повышенное внимание сотрудников журнала к новым веяниям жизни. Большой материал для этой темы давал редакции популярный немецкий писатель Кампе, который в своей оригинальной переработке классического романа Дефо сумел даже мятежного Робинзона превратить в добродетельного столяра.

В этом отношении очень показательное появление в журнале для детей рассказа Вольтера «Жанно и Колин». Правда, он проник сюда в пересказе французского детского писателя Беркени,¹² в силу чего острая сатира Вольтера оказалась значительно смягченной. Так, пропущена была сцена встречи разорившегося маркиза с монахом, то есть одна из самых злых страниц вольтеровского произведения. Ни слова не говорилось о том, каким путем отец Жанно приобрел состояние. Сокращенными оказались знаменитые рассуждения о курсе наук, необходимом для молодого маркиза. И тем не менее даже при этих условиях Вольтер оставался Вольтером. Одиозная фигура выскочки Жанно, этого мещанина во дворянстве, суетность и моральное ничтожество аристократической среды резко контрастировали с душевным здоровьем предприимчивого, скромного и трудолюбивого дельца Колина.

¹¹ Детское чтение. . . , 1785, ч. IV, № 41, с. 17—25.

¹² Жаннот и Колин. — Детское чтение. . . , 1786, ч. VIII, № 50, с. 197—205.

Но наиболее ярко и четко выразились общественные позиции «Детского чтения для сердца и разума» в постановке крестьянской темы. Обычно детские книги того времени не решались касаться этого опасного вопроса. Во многих произведениях преобладала точка зрения официального оптимизма. Авторы восторгались благополучием деревни, доказывали преимущество хлеба перед паштетом и соусами, рассказывали чувствительные сказки о том, что русский крестьянин ежедневно на обед ест курицу. Когда дело переходило от общих рассуждений к конкретным фактам, «Детское чтение» не боялось поведать читателю правду о тяжелой жизни в деревне.

Наиболее ярким примером идейного направления журнала может служить «Разговор», одно из произведений добросердовского цикла.¹³ Напомним, что беседы Добросерда с детьми по серьезности содержания и разнообразию тем занимали в «Детском чтении» ведущее место.

Показав воспитанникам радостное зрелище сельскохозяйственных работ на покрытом обильными хлебами поле, Добросерд произносит следующий монолог: «Приятно, весьма приятно видеть земледельца при этой работе: теперь надежда его отчасти уже исполнилась. Какое несчастье, когда град, сильные дожди или другие тому подобные печальные случаи делают тщетными все его тягостные труды, и он видит в несколько минут погибшим то, над чем почти год работал, зима наступает; дети его кричат: хлеба, а житница его пуста; притом же жестокосердный помещик, живучи в изобилии и роскоши, хочет жестокостью вымучить у него то, что градом побито или от сильных дождей погибло».

Свою беседу о бедственном положении земледельца резонер заканчивает следующим обращением к слушателям, а тем самым и к читателям: «Дети мои, имейте всегда уважение к тем людям, сколько они заслуживают. Если со временем бог даст вам владеть ими, облегчайте их труд и заботы, пекитесь о воспитании детей их, старайтесь, чтобы знакомые ваши, которые имеют к тому случай, также вам подражали. Будьте уверены, что получите за это неоцененную награду».

Таким образом, идеалом Добросерда является гуманный и просвещенный помещик в стиле уже знакомого нам Добромыслова.

Остановимся еще на одной характерной детали. Журнал не только учит уважать крестьянина, но и показывает, как трудовой человек умеет сам себя уважать.

В рассказе «Крестьянское состояние» падменный дворянчик грубит крестьянину. Потом, осознав свою вину, он приходит к нему извиняться. Ответ простого мужика Памфила полон чувства собственного достоинства и той мудрой снисходительности, которая характерна для обращения взрослого с ребенком: «Для

¹³ Там же, ч. III, № 34.

меня все равно, как бы ты со мной ни поступил, но для тебя же лучше, что ты стал поумнее».¹⁴

Иначе поступает в аналогичном случае рыбак Фома, герой рассказа А. Шишкова «Разговор в саду». На извинения своего оскорбителя, маленького графа Николая, он с подобострастием отвечает: «Дай тебе господь много лет здравствовать, кормилец мой».¹⁵

Мы приводили уже примеры статей из «Детского чтения», в которых утверждалась авторитарность и незыблемость власти. Это не мешало редакции печатать произведения, ставящие своей целью воспитать у будущих граждан критическое отношение к действиям и поведению правителей. Кого пазываем мы плохим царем? Каковы свойства хорошего государя? В чем заключается роль советников, окружающих трон? Кто из политических деятелей прошлого достоин уважения и подражания? Эти вопросы постоянно ставились на страницах новиковского журнала. И это естественно для тех лет, когда еще жива была память о Пугачевском восстании, когда близилась французская революция, когда в русском обществе, в частности в масонских кругах, обсуждались мероприятия Екатерины II и зрели надежды на «хорошего царя» в лице наследника Павла.

Тирания — худший вид власти, рассадник интриганства, клеветы и лжи. Этой теме посвящена драма «Дамон и Пифиас», заимствованная переводчиком из книги Беркея «Друг детей».¹⁶ Перед читателем встает образ сиракузского тирана Дионисия, известного своей беспринципностью и жестокостью. Для нас интересно здесь не столько само произведение, сколько подстрочное примечание, которое во французском тексте отсутствует. Вот что говорится в нем о Дионисии: «Он присвоил себе власть незаконным образом и употребил ее весьма худо. Чрезмерная его жестокость сделала его столь ненавистным своим подданным, что он беспрепятственно должен был опасаться, чтоб его не губили, и для того послал он под платьем железный панцирь и говорил с народом своим не иначе, как с высокой башни».

Ничто, даже высокий подвиг, совершенный двумя друзьями на глазах Дионисия, не могли излечить жестокое сердце тирана: «Он не перестал быть тираном и правительствовал с прежней жестокостью, пока наконец сиракузцы нашли случай уничтожить всю его предосторожность и убить его».

Если жестокость часто приводила к гибели, то добродетель правителя обеспечивала ему любовь и преданность подданных. Понятие добродетели включало в себя высокий и просвещенный ум, чувство справедливости и гуманности. Все эти высокие качества приписывались Филиппу Македонскому, имя которого не-

¹⁴ Там же, 1785, ч. IV, № 41, с. 27.

¹⁵ А. Ш. Собрание повестей. СПб., 1816, с. 299.

¹⁶ Детское чтение. . ., 1786, ч. IV, № 45, с. 81—95.

редко встречалось на страницах «Детского чтения для сердца и разума». Это он заменил принцип «царю пристойно делать друзьям своим добро, а врагам зло» другим, более высоким — «еще пристойнее делать врагов своих друзьями».¹⁷

Особое значение придавала редакция «Детского чтения» вопросу о моральном облике придворной среды и гражданском долге царских советников. Во всяком случае, мудрый царедворец, оклеветанный и удаленный от государственных дел, — нередкий персонаж на страницах журнала. Редакция ставила своей целью внушить российскому юношеству мысль о том, что главным качеством приближенного к царю человека должна быть честность, то есть мужественная решимость высказывать всесильному повелителю правду в глаза. Думается, что не случайно первый номер первого русского периодического издания для детей открывался «Повестью о Селеме и Ксамире», в которой речь шла об остром конфликте между королевскими советниками. Полный гражданского пафоса образ Селема открывал галерею доблестных служителей отечества, пострадавших за правду и справедливость.

Из числа исторических деятелей в этот почетный список вошли Томас Мор и Фенелон. Знаменитому английскому капцлеру был посвящен рассказ «Томас Морус», переведенный из «Детской библиотеки» Кампе. Автора меньше всего интересовала бессмертная книга великого англичанина. О ней он даже не упомянул. Целью Кампе было создать высокий моральный образ неподкупного политического борца, человека необыкновенного мужества. Героическому поведению Мора во время казни немецкий писатель посвятил волнующие страницы.¹⁸

В «Разговоре о простоте» Добросерд горячо рекомендовал читателям «Приключение Телемака» и подробно рассказывал о жизни и деятельности Фенелона.¹⁹ Знаменитый воспитатель французского наследника был в глазах Добросерда эталоном «простоты сердца», то есть честности, доброты и скромности. Показательна горячая рекомендация «Телемака» в новиковском журнале. Знаменитое произведение Фенелона, яркий памятник дворянской оппозиции и умеренного просветительства, заслужило, как известно, широкое признание в русском обществе, в частности в масонских кругах, вызвав критику со стороны Екатерины II.

По своему содержанию «Детское чтение для сердца и разума» резко отличалось от той аполитичной литературы для детей, которая сознательно отгораживала читателя от социальной тематики и была широко распространена в царской России. Новиковский журнал придавал большое значение воспитанию будущего гражданина. В этом была его сильная сторона. На его страницах уви-

¹⁷ Как должно поступать со своими врагами. — Детское чтение... 1786, ч. VI, № 21, с. 128.

¹⁸ Томас Морус. — Детское чтение... 1786, ч. VIII, № 47, с. 149—155.

¹⁹ Разговор о простоте. — Детское чтение... 1786, ч. VI, № 25, с. 177—190.

дело свет большое количество произведений на политические и обществоведческие темы. Не достигнув высот антифеодального и антикрепостнического мышления, редакция «Детского чтения» видела, в сущности, один путь для внесения коррективов в мир насилия и жестокости. Он заключался в духовном совершенствовании и гражданской ответственности каждого отдельного человека — участника государственной жизни. Журнал Новикова делал многое для пропаганды среди благородного российского юношества таких высоких нравственных черт, как гуманность, демократизм, честность, принципиальность, мужество. В широком привлечении читателя к социальной теме и в привитии ему высоких гражданских свойств была прогрессивная сила «Детского чтения для сердца и разума». Здесь проходила черта между первым русским детским журналом и официальной литературой для детей, не говоря уже о литературе крепостнической. В этих же прогрессивных тенденциях заключалась одна из тех причин, которые обеспечили новиковскому журналу почетное место в истории русской детской литературы.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ
В ЖУРНАЛЕ НОВИКОВА «УТРЕННИЙ СВЕТ»**

До сих пор остаются во многом не исследованными переводные произведения, появившиеся в русских изданиях XVIII в. Между тем их изучение может дать много полезного для понимания характера того или иного журнала.

В «Утреннем свете» (1777—1780) Н. И. Новикова переводы с немецкого занимают большое место. Это свидетельствует об определенной философской и литературной ориентации журнала. Поддерживая постоянные связи с немецкими масонами, члены новиковского кружка хорошо знали и крупных и второстепенных авторов Германии.

Не имея возможности дать подробный анализ всех многочисленных произведений, переведенных с немецкого и напечатанных в «Утреннем свете», остановимся лишь на двух наиболее значительных по объему и по содержанию — «Федоне» и «Путешествии добродетели».

С большим интересом современники отнеслись к сочинению Мозеса Мендельсона «Федон, или О бессмертии души». Вслед за первым немецким изданием 1767 г. последовало еще несколько; «Федон» был переведен на французский, латинский, а затем голландский, итальянский, венгерский, датский, английский языки.¹

М. Мендельсон, дед композитора Феликса Мендельсона-Бартольди, был одним из замечательных деятелей немецкого Просвещения: талантливый самоучка, он оказался достойным другом и сподвижником Лессинга, его сочинения привлекали внимание не только многих выдающихся современников, но и людей более поздних поколений.² Так, называя М. Мендельсона «одним из

¹ См.: Friedländer D. Einleitung. — In: Mendelssohn M. Phädon oder über die Unsterblichkeit der Seele. Berlin, 1856, S. XXI.

² См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 327—329; Berwin B. Moses Mendelssohn im Urteil seiner Zeitgenossen. Berlin, 1919; Erläuterungen zur deutschen Literatur. Aufklärung. Berlin, 1963, S. 486—496.

лучших и благороднейших людей своего времени», Н. Г. Чернышевский писал о новом издании «Федона» на русском языке: «Мы радуемся успеху „Федона“ не потому, чтоб он мог в наше время считаться основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких честных и благородных душою, возвышенных по уму и по образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели».³

Первый русский перевод «Федона» появился на страницах «Утреннего света». Есть основание полагать, что это произведение рассматривалось издателями в какой-то степени как программное. В первой части журнала, непосредственно после «Предупреждения», была напечатана статья «Житие и свойства Сократовы».⁴ Эта статья, открывающая первую сентябрьскую книжку журнала, представляет собой не что иное, как перевод из предпосланного «Федону» жизнеописания Сократа — «Leben und Charakter des Sokrates». В предисловии к «Федону» Мендельсон писал: «Я считаю полезным предпослать описание характера Сократа, чтобы освежить у моих читателей воспоминание о всемирно известном мудреце, который в разговорах выступает как главное лицо. При этом „Жизнь Сократа“ Купера (Лондон, 1750) служила для меня путеводной нитью; однако использованы были также первоисточники».⁵ Сопоставление русского и немецкого текстов обнаруживает, что «Житие и свойства Сократовы» — это довольно точный перевод из Мендельсона.

В самом начале октябрьской книжки был помещен «Разговор первый» из «Федона», а в ноябрьской — «Разговор второй» и «Разговор третий». Таким образом был напечатан перевод всего сочинения Мендельсона, осуществленный, по всей вероятности, кем-то из основных участников издания.

Исследователи справедливо указывали на эклектический характер журнала «Утренний свет». П. Н. Берков писал об этом издании: «...если Новиков печатает отрывки из книги Бэкона и помещает свои собственные статьи, посвященные проблемам этики, разрабатываемым в прогрессивном духе, то тут же — и, конечно, не против его воли (раз на нем был отдел философии) — находит место „настойчивая проповедь «уединения» как единственно великой цели человеческого существования“».⁶

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 343.

⁴ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 1—44.

⁵ «Den Charakter des Sokrates habe ich für dienlich erachtet voraus zu schicken, um bei meinen Lesern das Andenken des Weltweisen aufzufrischen, der in den Gesprächen die Hauptperson ausmacht. Cooper's Life of Socrates (London, 1750) hat mir dabei zum Leitfaden gedient; jedoch sind auch die Quellen zu Rathe gezogen worden» (Mendelssohn M. Phädon... S. XXXVI).

⁶ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 399—400.

Сочинению, которым открывались три первые книжки журнала, издатели, конечно, придавали большое значение и потому оно заслуживает особого внимания.

По своему содержанию «Федон» — это произведение сложное, имеющее много разнообразных аспектов. Центральная идея Мендельсона — обоснование бессмертия человеческой души. Многие соображения, высказанные немецким философом в связи с развитием этой идеи, оказались близки и созвучны А. Н. Радищеву в период его работы над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», сочинением, которое «подводило итог философским спорам 80-х годов, помогало формированию новой морали».⁷ Исследователь Х. Грасхоф (ГДР) недавно убедительно показал, что «Радищев при доказательстве бессмертия человеческой души в важнейших пунктах использовал аргументацию Мендельсона, сочинению которого, известному во всей Европе, — „Федон, или О бессмертии души“ (1767), — он следовал в важнейших частях, но обогатил примерами, взятыми из современности и русской жизни».⁸

В связи с изучением формирования литературно-философских взглядов Карамзина немецкий ученый Х. Роте довольно подробно охарактеризовал произведение Мендельсона и развернувшуюся вокруг него полемику в Германии.⁹ Исследователь заметил, что многие идеи «Федона» были близки русским масонам-литераторам, членам новиковского кружка. Однако на русский перевод «Федона» в «Утреннем свете» Х. Роте не обратил внимания.

Высокое представление о человеке и его нравственных возможностях — вот что в первую очередь привлекало издателей «Утреннего света» в сочинении Мендельсона. Здесь развивалась мысль о том, что вся природа, все животные должны быть полезны человеку, который занимает «в великом мире первейшее место».¹⁰

Представление о человеке как о «совершеннейшем творении бога» было очень существенно для Новикова. В «Предупреждении» к «Утреннему свету», статье программного характера, говорилось: «Все три царства природы были бы для нас немногоченны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего одного сотворен владыкою. <...> Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего презыщнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим».¹¹ Эта же идея под-

⁷ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 508.

⁸ Grasshoff H. A. N. Radiščev und Moses Mendelssohn. — In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin, 1969, S. 338.

⁹ См.: Rothe H. 1) Karamzinstudien II. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, B. XXX, H. 2, S. 275—288; 2) N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Berlin—Zürich, 1968, S. 66—69.

¹⁰ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 228.

¹¹ Там же, с. X—XI.

робно развивалась в статье «О достоинстве человека в отношениях к богу и к миру»,¹² содержащей прямое указание на то, что она написана самими издателями. Сходство с приведенным местом «Федона» обнаруживается здесь в целом ряде случаев. Так, в издательской статье говорится, что «человеки» — это «цель всего мира», «Владыки мира», «божества, для коих солнце сияет, звезды блистают, которым звери служат, для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят».¹³

Статья «О достоинстве человека» появилась в декабрьском, то есть в четвертом выпуске журнала, причем так же, как «Федон», была помещена в самом начале книжки. Таким образом, читатели могли воспринимать эту статью и как своеобразное продолжение «Федона» и как комментарий к нему. Издательская статья давала ключ к пониманию «Федона», помогала выделить самое главное в содержании этого произведения. Сочинение Мендельсона можно было интерпретировать по-разному. Характерно, что издатели «Утреннего света» обратили внимание прежде всего на идею о высоком назначении человека. Непосредственным выводом из этого для Новикова и близких ему по взглядам масонов была мысль о необходимости активного служения во имя общего блага. Сознывая свое превосходство над прочими творениями, люди должны поступать «по величию своего достоинства».¹⁴ Вдумчивый читатель, вернувшись к «Федону», мог найти аналогию этой идеи в следующем отрывке: «Грозит ли тиран падением отечеству своему, угнетаемо ли правосудие, обидима ли добродетель, гонимы ли закон божий и истина, то делай употребление из жизни твоей, для которого она тебе и дана: умри, дабы через то человеческому роду сохранить дражайшие средства ко всеобщему блаженству его!».¹⁵

Жизнеописание Сократа, предпосланное «Федону», служило реальным историческим примером, как бы иллюстрирующим философский трактат Мендельсона. Сократ предстает как идеальный гражданин, который «здравие, могущество, спокойствие, тишину, наконец, и самую жизнь отдал со удовольствием для блага добрых ему».¹⁶ Идея бессмертия души, развиваемая в «Федоне», приобретает значение, чрезвычайно актуальное для Новикова и его единомышленников. Не отрешение от земной жизни, а деятельное участие в ней, сопротивление всякой несправедливости и злоупотреблению — вот принципы, которыми руководствуется Сократ: «Как скоро какое-нибудь предрассуждение или суеверие подавало способ к насилию и угнетению прав человеческих или к развращению нравов и к сему подобному, то ничто в свете не

¹² Там же, с. 285—297.

¹³ Там же, с. 293.

¹⁴ Там же, с. 296—297.

¹⁵ Там же, с. 236.

¹⁶ Там же, с. 7.

могло его удержать, не взирая на опасность и гонение, оным сопротивляться». ¹⁷

Пристальное внимание к внутреннему миру человека и его психологии, характерное для русских масонов, было связано с возникновением сентиментального направления в литературе. В этом отношении сочинение Мендельсона также представляло значительный интерес для издателей «Утреннего света». Так, в «Федоне» встречается следующее рассуждение о «приятности»: «С первого взгляда кажется, что чувствование сие совсем противное неприятности; ибо ничто не может быть человеку приятно и в то же самое время неприятно; однако ж не можно иметь одного из двух чувствий сих, не чувствуя вскоре потом и другого; кажется, будто концы их между собой связаны». ¹⁸

Подобное представление о противоречивости человеческих чувств содержится и в известной статье из «Московского ежемесячного издания» «О приятности грусти», ¹⁹ долго считавшейся оригинальным произведением А. М. Кутузова, но в действительности представляющей перевод сочинения Геллерта «Von den Annehmlichkeiten des Mißvergnügens». ²⁰

Тема времени, занявшая видное место в литературе, и особенно в поэзии русского сентиментализма, получила в «Федоне» довольно глубокое философское осмысление. Развивая идеалистическую теорию бессмертия души, Мендельсон, однако, проявил диалектический подход к проблеме времени. Среди предметов материального мира он не находил ничего, «что бы было постоянно так, чтоб после одного мгновения ока сказать можно, что оно есть еще то же». ²¹ Эта идея получила поэтическое выражение в ряде стихотворений русских авторов, в частности М. Н. Муравьева, одного из сотрудников журнала «Утренний свет».

В одном из примечаний к «Федону» Мендельсон разъяснил, как он понимает различие в интенсивности чувств: «Ежели сильные впечатления производят сильные чувствования, то и самые слабейшие совсем без действия быть не могут. Они производят чувствования, которые различаются от первых единою силою». ²² Позднее эта мысль получила дальнейшее развитие у одного из теоретиков русского сентиментализма В. С. Подшивалова. В «Отрывке о слоге» он писал: «Страсть есть сильное и постоянное впечатление чувствительности <...>; чувствование есть страсть в малом виде». ²³

¹⁷ Там же, с. 24.

¹⁸ Там же, с. 99.

¹⁹ Московское ежемесячное издание, 1781, ч. III, с. 141—153.

²⁰ Впервые на принадлежность этой статьи Геллерту указал П. Бранг. См.: Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, Bd XXX, H. 2, S. 44—57.

²¹ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 224.

²² Там же, с. 192—193.

²³ Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1794, ч. IV, с. 387.

С сочинением Мендельсона был хорошо знаком и самый крупный русский писатель сентиментального направления — Н. М. Карамзин. Отлично владея немецким языком, он мог познакомиться с ним и в подлиннике, но, кроме того, он, конечно, знал и русский перевод, напечатанный в «Утреннем свете». Достаточно сказать, что в числе первых подписчиков журнала была Настасья Ивановна Плещеева,²⁴ с которой впоследствии Карамзин был связан долголетней дружбой. В «Письмах русского путешественника» Карамзин приводит свой разговор о «Федоне» с «прагским студентом», который называет произведение Мендельсона «остроумнейшим философическим сочинением», но не принимает системы доказательств немецкого автора. В качестве ответа на сомнения студента Карамзин читает ему отрывок из письма Лафатера, касающийся проблемы бытия.²⁵

Этот факт чрезвычайно интересен, так как позволяет по-новому понять характер переписки Карамзина с швейцарским философом. Дело в том, что «Федон» возник в результате переписки Мендельсона с юношей Томасом Аббтом, который обращался к нему как к более зрелому человеку, имевшему уже репутацию мудрого философа, с вопросами о смысле и цели человеческого существования. Ответы на вопросы Аббта и составили содержание «Федона», о чем писал сам Мендельсон в предисловии к этому сочинению. Таким образом, обращение юного Карамзина к Лафатеру с аналогичными вопросами могло быть подсказано этим прецедентом. Это подтверждает и приведенный в «Письмах русского путешественника» разговор о «Федоне», в котором Карамзин использует ответы Лафатера. Именно Лафатер выступил как главный противник Мендельсона, и Карамзин, по всей очевидности, знал содержание их полемики, как показал в своих исследованиях Х. Роте.

Таким образом, напечатанный в «Утреннем свете» перевод «Федона» не прошел незамеченным, он привлек внимание русских литераторов XVIII в., по-своему воспринявших и осмысливших это произведение.

Если имя Мендельсона было широко известно не только в Германии, но и за рубежом, то имя автора «Путешествия добродетели» остается неизвестным даже современным немецким литературоведам. Перевод этого сочинения появился вначале в «Утреннем свете»,²⁶ а затем вышел отдельным изданием.²⁷

²⁴ Утренний свет, 1778, ч. II, с. III.

²⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. I. М.—Л., 1964, с. 152—153.

²⁶ Утренний свет, 1778, ч. II, с. 239—266; ч. III, с. 97—184, с. 191—263.

²⁷ Путешествие добродетели, или Странствования по свету юного китайского царевича с философом, предводительствовавшим и научившим оного, в новейшее время случившееся. Ч. I—II. М., 1782.

По инициалам переводчика А. К. исследователи с полным основанием приписывают этот перевод А. М. Кутузову.²⁸

«Путешествие добродетели» с разных сторон характеризовалось в науке. Советские ученые справедливо указывали, что здесь нашли отражение антиматериалистические воззрения. Вместе с тем, как показал И. З. Серман, в этом произведении есть много элементов, сближающих его с социальными утопиями XVIII в.²⁹

Швейцарский исследователь П. Бранг считает «Путешествие добродетели» переводом одного немецкого подражания «Сентиментальному путешествию» Стерна. Бранг находит здесь попытку передать эмоциональный стиль подлинника и полагает, что этот перевод имел «большое значение для развития „лирической прозы“ русского сентиментализма».³⁰

Между тем для анализа этого произведения могут быть полезны сведения о его авторе. «Путешествие добродетели» представляет собой перевод анонимно напечатанной в 1776 г. в Лейпциге книги «Reise der Tugend». В словаре Х. Г. Кайзера устанавливается принадлежность этого сочинения писателю Г. В. Беришу.³¹

Этот автор был, по-видимому, довольно скоро забыт соотечественниками, так как в крупнейших немецких биографических словарях нет никаких сведений о нем. Даже тщательный библиограф К. Гедке лишь упоминает имя Бериша. Однако в словаре Хамбергера и Мойзеля «Ученая Германия» приводится небольшая биографическая справка о Берише и довольно длинный список его произведений.³²

Генрих Вольфганг Бериш, или Берис, как иногда писалось его имя, родился в Наунхофе в 1744 г. Авторы словаря называют его «странствующим писателем» («ein wandernder Schriftsteller»): он был на военной службе в Польше, затем жил некоторое время в Дрездене, Вене, Магдебурге, где преподавал французский язык, с 1794 г. жил в Венгрии. Умер он в 1825 г. Перечень его сочинений, составленный в 1796 г., превышает сорок номеров, причем сюда включены только отдельные издания, а в конце его есть указание на то, что Бериш сотрудничал также в различных журналах и альманахах.

²⁸ См.: Семеновиков В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Пб., 1921, № 286.

²⁹ Серман И. З. От социально-политических утопий XVIII в. к идеям социализма в начале XIX в. — В кн.: Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969, с. 68—69.

³⁰ «... von großer Bedeutung für die Entwicklung der „lyrischen Prosa“ des russischen Sentimentalismus». — Brang P. A. M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Rußland, S. 50.

³¹ Kayser Ch. G. Vollständiges Bücher-Lexicon. 4-e Theil, M—R. Leipzig, 1834, S. 479.

³² Das gelehrte Teutschland oder Lexikon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller. Anfangen von G. Ch. Hamberger Fortgesetzt von J. G. Meusel. B. 1. Lemgo, 1796, S. 249—251.

Все эти книги выходили анонимно, и о принадлежности их Беришу известно благодаря списку, который частично был включен в изданный им «Всеобщий литературный словарь»³³ (3 части, Ганновер, 1778—1779), частично по его письменным указаниям, сделанным для издателей «Ученой Германии».

Уже самые заглавия книг Бериша могут дать представление о их литературно-философской направленности. Приведем несколько наиболее характерных: «Диалоги доброго»; «Проповеди к моим братьям»; «Золотая книга, или Мораль для сердца»; «Введение во всеобщую гармонию божественного учения всех народов и времен»; «Философия нравственного наслаждения»; «Голос религии к лучшим среди людей»³⁴ и др.

Темы сочинений этого немецкого автора были очень близки русским масонам. Неудивительно, что А. М. Кутузов обратил внимание на одно из произведений Бериша и взялся за его перевод.

«Путешествие добродетели» не очень замечательно по своим художественным достоинствам, но представляет собой значительный интерес во многих других отношениях.

При всей склонности Бериша к отвлеченному морализированию его собственный богатый жизненный опыт невольно нашел отражение в «Путешествии добродетели».

Внешним сюжетным стержнем «Путешествия» служит история любви китайского принца Тсангли к итальянке Клеменции, завершающаяся их счастливым бракосочетанием. Герои Бериша — Тсангли, его наставник и постоянный спутник Иезрад, Клеменция — все это не живые характеры, а идеальные схемы. В рассуждениях каждого персонажа постоянно слышится голос самого автора: он размышляет о религии, о философии, о политике, о науке, о литературе.

Как отмечалось уже исследователями, «Путешествие добродетели» направлено против атеизма и материализма. Однако в сочинении есть момент, указывающий на то, что автор стремится отстоять не официальную религию церкви, а «внутреннюю» религию, религию сердца, за которую ратовали масоны. С явным сочувствием Бериш пишет о жрецах Крита: «Они просвещали других, не ища быти видимыми и не имели нужды во принятии на

³³ Allgemeines Autor- und Literaturlexikon, in alphabetischer und chronischer Ordnung bis 1778. 3 Theile. Hannover, 1778—1779.

³⁴ «Dialogen der Guten» (Leipzig, 1775); «Predigten an meine Brüder» (ebd., 1775); «Das goldene Buch, oder Moral fürs Herz» (ebd., 1776); «Einleitung zur allgemeinen Harmonie der Götterlehren aller Völker und Zeiten» (ebd., 1776); «Philosophie der sittlichen Wollust» (Prag, 1777); «Die Stimme der Religion an die besten unter den Menschen» (Münster, 1779). Одна из книг Бериша («Chrysophil, oder Der Weg zum Glück». 4 Theile. Altenburg, 1777) была позднее переведена на русский язык Андреем Наумовым: Хризофил, или Путь к благополучию и открытие человеческих заблуждений в свискании оного. Ч. 1—4. М., 1769. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I. М., 1963, с. 93.

себя вида важности. Человеколюбие и патриотический дух составляли единую душу целого их ордена».³⁵

Русские масоны встретили в «Путешествии добродетели» соответствующие их взглядам высказывания о бессмертии души, о необходимости нравственного совершенствования, о всемогуществе добродетели, о веротерпимости, о пользе науки и образования. В связи с этими вопросами Бериш останавливается и на проблеме идеального государя, остро волновавшей и русских писателей XVIII в. Немецкий автор считает, что истинно великий государь «тайных наушников презирает, а защищает тех, кои именем его учиненные злоупотребления обличают явно», «что государь не может иначе учиниться великим, как быв справедливым и благотворительным».³⁶ Подобный урок царям легко мог найти применение к русской действительности и послужить упреком Екатерине, окружавшей себя далеко не самыми достойными людьми. Подобный же смысл могло иметь в книге Бериша описание «наисовершеннейшего законодательства» Англии, «где и напоследнейший из народа рассуждает, имея власть сообщать мысли свои <...>, где ученые не опасаются ни притеснения, ни изгнания; где все науки процветают и все художества награждаются, где торговля умножает дворянство».³⁷

Таким образом, перевод «Путешествия добродетели» отражал определенную оппозиционность русских масонов по отношению к правительству, хотя эта оппозиционность имела довольно ограниченный, умеренный характер. Конечно, важно при этом учесть, что среди членов новиковского кружка не было полного единства ни в философских, ни в политических, ни в литературных воззрениях. Поэтому, говоря о переводе Кутузова, следует помнить, что речь идет об *одной* из точек зрения, а не о системе масонских взглядов в целом.

Соответственно нужно относиться и к литературной ориентации Бериша. В «Путешествии добродетели» неоднократно порицаются сочинения Вольтера, Руссо, Гельвеция и других французских просветителей. Им противопоставляются правоучительные произведения Геллерта, Дора, Ричардсона, встречаются ссылки на Мармонтеля, Филдинга и др. Особенно интересно высказывание о Геллерте: «Не в тысячу ли крат драгоценнее правоучение, подобное Геллертову, нежели целые книгохранилищницы, наполненные романами».³⁸

Об уважении и интересе русских масонов к Геллерту свидетельствуют переводы из его сочинений, осуществленные А. А. Петровым и А. М. Кутузовым,³⁹ а также небольшая издательская заметка в «Утреннем свете», предвещающая перевод «Мекахефы».

³⁵ Утренний свет, 1778, ч. II, с. 250.

³⁶ Там же, ч. III, с. 215—216.

³⁷ Там же, с. 255.

³⁸ Там же, с. 199.

³⁹ Подробно о них говорится в указанной выше работе П. Бранга.

Здесь в числе писателей, имена которых упоминаются в их отечестве «с почтением и достоинством», названы «Аддисон между англичан, Геллерт и Виланд между немцами и Мармонтель между французами».⁴⁰

Перечисление этих имен в «Утреннем свете» было своеобразным ответом на письмо, подписанное псевдонимом Иаков Всегдадут, где говорилось, что истинную мудрость можно найти скорее у древних, чем у современных авторов.⁴¹ Этот же вопрос поставил и Бериш в своем сочинении, причем решил его не так, как Иаков Всегдадут. В «Путешествии добродетели» есть специальная глава, носящая заголовок «Древние и новые», в которой автор полемизирует с теми, кто предпочитает чтение древних современным писателям. Как и во многих других случаях, переводное произведение было органично включено в полемику, развернувшуюся на страницах «Утреннего света».

В рецензии на отдельное издание «Путешествия добродетели» книга получила в высшей степени благоприятный отзыв. «Предмет сего сочинения, — писал русский критик, — <...>научает каждого человека почитать и любить всемогущего творца вселенныя, поставлять добродетель единою целию путешествия своего в жизни и упражняться в оной всегда и во всяких обстоятельствах. Наставления, подаваемые помянутым философом (Иезрадом, — *Н. К.*) своему воспитаннику, и тонкие размышления сего последнего не могут не восхитить человека, одаренного чувствительностью и добротою сердца, и не исполнить душу его побуждением исторгнуть себя из владычества страстей, которому он еще подвержен. Мы признаемся, что читали сию книгу с величайшим в свете удовольствием и надеемся, что она принесет равномерно оное и всем читателям, имеющим здравый рассудок и свободные от пристрастий мысли».⁴² Рецензент рекомендует книгу людям, «одаренным чувствительностью и добротою сердца», характеризуя, таким образом, не только сочинение Бериша, но и его русских читателей, во многом уже подготовленных к восприятию произведений, проникнутых идеями сентиментализма.

Книга Бериша представляла значительный интерес для русских литераторов и с точки зрения самого жанра. Опираясь, по видимому, на свои личные впечатления, «страпствующий писатель» сумел дать общее представление о характере, обычаях и нравах некоторых народов. С сочувствием вспоминая Стерна, Бериш увлеченно говорит о пользе путешествий, которые дают возможность «рассмотреть характеристические черты всяя нации и дополнить то, что в каждом писателе кажется нам темным».⁴³

«Путешествие добродетели» было одним из интереснейших в этом жанре произведений того времени, и оно, безусловно, долж-

⁴⁰ Утренний свет, 1778, ч. IV, с. 317.

⁴¹ Там же, ч. II, с. 356—357.

⁴² Московские ведомости, 1782, 3 декабря, № 97, с. 776.

⁴³ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 238.

но было привлечь к себе внимание будущего русского путешественника — Н. М. Карамзина. Рано зародившийся интерес Карамзина к немецкой литературе значительно укрепился и вырос в период его тесного общения с членами новиковского кружка, издавателями «Утреннего света».

Не приходится сомневаться в том, что Карамзин еще до путешествия читал сочинение Бернша, переведенное Кутузовым, одним из самых уважаемых и влиятельных членов кружка московских розенкрейцеров. Можно полагать, что «Путешествие добродетели» занимало далеко не последнее место среди тех сочинений, которые отчасти предопределили маршрут и программу путешествия Карамзина по Европе. В сочинении, принадлежавшем немецкому автору, среди стран, по которым путешествуют герои, не было Германии: собственную страну писатель, вероятно, не хотел здесь описывать. Тсангли и Иезрад вначале находятся в Аравии, затем посещают Египет, Крит, Грецию. Довольно долго длится их пребывание в Италии: здесь происходит встреча с Клеменцией, здесь умирает Иезрад. Далее Тсангли вместе с Клеменцией отправляются через Швейцарию во Францию, а затем в Англию. Каждая из этих трех последних стран достаточно подробно охарактеризована, причем мнения немецкого писателя во многом находят соответствия в «Письмах русского путешественника», посетившего через несколько лет эти страны в той же последовательности.

О Швейцарии Бернш говорит с восхищением. Гостеприимство, «честность и верность», «простота невинности» здешних жителей, наконец, их благосостояние — все это дает повод к размышлениям немецкого писателя о «вольности» швейцарцев: «Вольность святая! о источник вечных благословений! какая земля без тебя богата и счастлива!». ⁴⁴ Позднее Карамзин с не меньшим воодушевлением восклицает: «Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу?». ⁴⁵

О французах Бернш пишет с некоторым скепсисом, осуждая их за «легкость в мыслях». Однако, находясь в Париже, его герой Тсангли приобретает одно ценное качество — «городскую вежливость», то есть «учится быть наилюбезнейшим собеседником». ⁴⁶ Говоря о характере француза, Карамзин в свою очередь замечает: «Ветреность, непостоянство, которые составляют порок его характера, соединяются в нем с любезными свойствами души». ⁴⁷

Отчасти совпадают мнения обоих писателей и об Англии. Бернш называет эту страну «счастливым островом», а англичан «трудолюбивейшей и богатейшей нацией», имеющей «наисовер-

⁴⁴ Там же, с. 230.

⁴⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. I, с. 214.

⁴⁶ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 234.

⁴⁷ Карамзин Н. М. Избр. соч. . . , т. I, с. 506.

шеннейшее законодательство». ⁴⁸ Для Карамзина Англия — земля, «которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы». ⁴⁹

Разумеется, при всем сходстве подобных отзывов и высказываний Бериш и Карамзин смотрели на страны Европы разными глазами и по-разному передавали свои впечатления. «Путешествие добродетели», где основное место занимали отвлеченно-моралистические рассуждения, — это скорее философский трактат, чем «путешествие»; герои Бериша — аллегорические фигуры, но не живые характеры. «Письма русского путешественника» — одно из самых замечательных художественных произведений русской литературы XVIII в. По существу это сочинения разных жанров, сочинения несоизмеримых масштабов по их историко-литературному значению.

«Письма русского путешественника» были написаны Карамзиным по личным, непосредственным впечатлениям, но нельзя забывать и того, что они были подготовлены чтением многочисленных европейских «путешествий», знакомство с которыми проявилось в «Письмах» в той или иной мере. В круг этих сочинений, указанных В. В. Сиповским, ⁵⁰ стоит включить и «Путешествие добродетели» — книгу, столь высоко оцененную русскими масонами из новиковского кружка.

Очевидно, Радищев также был одним из читателей этой книги, переведенной его близким другом и «сочувственником». Радищев, как известно, посвятил «Путешествие из Петербурга в Москву» Кутузову и здесь же полемизировал с ним по вопросам политики и религии. Возможно, что некоторым материалом для полемики Радищеву послужило произведение аналогичного жанра — философско-публицистическое «Путешествие добродетели».

Во всяком случае переводные произведения, появившиеся в журнале «Утренний свет», оказались во многих отношениях интересны для русских читателей 1780—1790-х годов и нашли своеобразное преломление в оригинальной русской литературе этого периода.

⁴⁸ Утренний свет, 1778, ч. III, с. 253—255.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Избр. соч. . . ., т. I, с. 514.

⁵⁰ См.: Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, с. 238—362.

В. Д. РАК

**ПЕРЕВОДНЫЕ АНОНИМНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В «ГОРОДСКОЙ И ДЕРЕВЕНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ»**

В журнале «Городская и деревенская библиотека» внимание исследователей привлекали главным образом лишь «Российские пословицы» — злободневные сатирические миниатюры, принадлежавшие, очевидно, перу Н. И. Новикова.¹ Особый интерес к ним вполне закономерен; но при этом не должны заслоняться другие, также весьма важные с историко-литературной точки зрения аспекты этого журнала.

Основное место в «Городской и деревенской библиотеке» занимают переводные сочинения. Объем, разумеется, не является мерилom значимости, однако несомненно, что журнал был задуман и издавался для ознакомления русских читателей с произведениями западноевропейских авторов и что при этом преследовались определенные просветительские цели. Поэтому одностороннее изучение «Российских пословиц» создает заведомо не полное представление о «Городской и деревенской библиотеке», которое, по-видимому, существенно изменится, когда будут исследованы принципы отбора в ней иностранных сочинений и зависимость этих принципов от просветительских задач Н. И. Новикова и его сотрудников в начале 80-х годов. Подобное исследование позволит также, очевидно, в чем-то уточнить характер русско-европейских литературных связей тех лет.

Большинство переводных сочинений было напечатано в «Городской и деревенской библиотеке» анонимно. В связи с этим возникает первоочередная необходимость установить их оригиналы и авторов.

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 462—483; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 405—408.

Ниже приводятся библиографические данные для сорока произведений. Для полноты картины в список включены восемь произведений, о которых сведения уже были опубликованы.²

Иностранная форма фамилии и имени, а также годы жизни указываются лишь в том случае, если автор не представлен в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (т. 1—5. М., 1962—1967).³ Если не было возможности произвести сверку перевода с предполагаемым оригиналом, около порядкового номера ставится значок *; разумеется, оправдаться могут не все предположения, хотя сомнение вызывает лишь № 30. Выходные данные оригиналов указываются по первому их изданию или в отдельных случаях по изданию, использованному для сверки текста.

Часть 1, 1782

1. Скупой, исправленный любовью. [Пер. с франц.]: Мерсье, Луи Себастьян. Рассказ «L'avare corrigé» из его сб. «Contes moraux». Paris, 1769.

2. Перечень английской книги, называемой Слабоумный вельможа. [Пер. с франц.]: Брук, Генри (Brooke, Henry, 1703—1783). Отрывки из романа «The Fool of Quality; or, the History of Henry, Earl of Moreland». Vol. 1—5. London, 1766—1770. Переведены начало гл. 1 и отрывок из гл. 4. Русский перевод совпадает с отрывком «L'extrait d'un livre anglois, intitulé: L'imbécile de qualité» в изд.: «Bibliothèque de campagne, ou les amusements du coeur et de l'esprit», t. 2, p. 2. Amsterdam—Paris, la veuve Duchesne, [177?]. Ср.: СК 5198.

3. Любовь увенчанная, или Приключения кавалера д'Аблинкурта и девицы де Сент-Симон. [Пер. с франц.]: анон. роман «Mémoires de Monsieur d'Ablincourt, et de Mademoiselle de Saint-Simon». Amsterdam—Lyon—Paris. 1769. Ср.: СК 3860.

Часть 2, 1782

4. Инеса де Кастро, португальская повесть. Пер. с франц.: Брильяк, Жан-Батист де (Brilhac, Jean-Baptiste de). «Agnes de Castro, nouvelle portugaise», par Mlle****. Amsterdam, 1688.

5. Гераклит и Демокрит путешествующие, сказка. Пер. с франц.: Брикер де Ла Димери, Никола. «Heraclite et Démocrite, voyageurs, conte», par l'auteur des «Contes philosophiques». — «Mercure de France», 1765, avril, t. 2, с. 53—64; mai, с. 54—74.

6*. Фиамис или душепереселение. Индейская сказка. [Пер. с франц.]: Мильсан, Жан-Батист-Габриэль-Мари де (Milcent, Jean-Baptiste-Gabriel-

² Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с. 94, № 172—173; Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII—начала XIX века. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 303; Раков В. Д. Испанские и псевдоиспанские повести в русских переводах XVIII века. — В кн.: Ленингр. ин-т сов. торговли им. Ф. Энгельса. Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков 13—14 июня 1968 г. [Л.], 1969, с. 79—80. Данные, установленные Ю. Д. Левиным и В. Н. Кубачевой, удалось дополнить.

³ В дальнейшем сокращенно: СК.

Marie de, 1747—1833). «Thiamis, conte indien» из его кн.: «Azor et Zimeo, conte moral, suivi de Thiamis, conte indien». Paris, 1776.

7. История Ивана де Кале. Пер. с франц.: Кастийон, Жан. «Histoire de Jean de Calais, sur de nouveau mémoires». Paris, 1770.

8. Гонимая добродетель. [Пер. с франц.]: переделка повеллы Марии де Сайас-и-Сотомайор (Maria de Zayas-y-Sotomayor) «La perseguida triunfante» из второй части ее сб. «Novelas amorosas, y exemplares» (1649). Оригиналом переведенной на русский язык переделки является предположительно повелла «La vertu persecuté» из сб. «Les nouvelles espagnoles, traduites de différens auteurs par M. D'Ussieux», t. 1—2. Madrid—Paris, 1772.

Часть 3, 1782

9. Похождение господина Маркиза де Кресси. Пер. с франц.: Риккбони, Мари Жанна Лабора де Мезьер. «Histoire de M. le Mis de Cressy», traduite de l'anglois [!] par Mme de***. Amsterdam [Paris], 1758. Оригинальное сочинение Риккбони.

10. Награжденная добродетель. Китайская повесть. Пер. с нем.: переработка оригинальной китайской повести, переведенной на франц. язык Ф.-К. Дантреколем и напечатанной под заглавием «Histoire. L'exemple suivant fait voir qu'en pratiquant la vertu, on illustre sa famille» в кн.: J.-B. Du Halde. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise <...>, t. 3. Paris, 1735. Переработана Пьером Антуаном де Ла Пласом и напечатана под заглавием «La vertu recompensée, nouvelle chinoise» в журнале «Mercure de France», 1766, mars, с. 27—54. Немецкий перевод не установлен. Другие переводы на русский язык см.: СК 1731, 2425.

Часть 4, 1782

11. Деввица, каких мало находится; или жизнь Эрнестины. Повесть каких не много бывает. Пер. с франц.: Риккбони, Мари Жанна Лабора де Мезьер. «Histoire d'Ernestine». Paris, 1765.

12*. Верные супруги. [Пер. с франц.]: повелла «Les époux fidèles» из кн. «Les nouvelles espagnoles, traduites de différens auteurs, par M. D'Ussieux», t. 1—2. Madrid—Paris, 1772. Испанский оригинал не установлен.

13. История Леоноры де Валеско, новая испанская повесть. Пер. с франц.: Гомес, Мадлена Анжелика Пуассон де. «Histoire de Léonore de Valesco. Nouvelle espagnole» из ее кн. «Les journées amusantes», t. 4. 7-me ed., rev. et corr. Amsterdam, 1744. Другой перевод: СК 1555.

14. Торжествующая добродетель, или История девицы Рансо. Пер. с франц.: вставной рассказ без заглавия из кн.: Лепренс де Бомон, Мари. «Instructions pour les jeunes dames qui entrent dans le monde et se marient». Londres, 1764 (X^e journée). Книга переиздавалась также под заглавием «Le Magasin des jeunes dames <...>».

15. Флавила, или Жалостные действия легкомыслия; английская повесть. Сочинение Иоганна Гавковорта. [Пер. с нем.]: Хоксуорт, Джон. Рассказ без заглавия из журнала «The Adventurer», 1754, Nos. 123—125, January 8, 12, 15. Немецкий перевод: «Flavilla, oder die kläglichen Wirkungen der Leichtsinigkeit. Eine Engländische Geschichte von Johann Hawkesworth» в изд. «Landbibliothek zu einem angenehmen und lehrreichen Zeitvertreibe aus verschiedenen Sprachen zusammen getragen», Bd. 15. Leipzig, 1768. Другой перевод: СК 2425.

16. Повесть о преступнице, бывшей, как то думать можно, меньше виновною пред богом, нежели пред законом. [Пер. с нем.]: «Geschichte einer Verbrecherin, die es wahrscheinlicher Weise vor Gottes Augen weit weniger war als nach den bürgerlichen Gesetzen. Schreiben eines Geistlichen an H[er]r [A.-G.] Meissner». — «Deutsche Museum», 1779, Bd. I, St. 6, Junius, с. 498—509.

17. Справедливое решение. Нравоучительная повесть. Пер. с нем.: сильно сокращенный перевод повести «Korem and Zendar: A Tartarian Tale» из анонимной кн.: «Conversations in Polite Life». London, 1755. Повесть перепечатывалась в журнале: «The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure», 1755, vol. XVI, May, с. 223—227. Немецкий перевод не установлен.

Часть 5, 1782

18. Мис Индияна Дамби, англинское сочинение. Пер. с франц.: анонимный роман «The History of Miss Indiana Danby». By a Lady. Vol. 1—4. London, 1765—1767. Французский перевод: «Histoire de Miss Indiana Danby», trad. de l'anglois par M. de L*** G*** [Nicolas de La Grange]. T. 1—2. Amsterdam—Paris, 1767. Переведены первые два тома оригинала.

Часть 6, 1783

19. Повесть о донне Марии и молодом принце Юстиниани. [Пер. с франц.]: Прево д'Экзиль, Антуан Франсуа. «Histoire de Dona Maria, et du jeune prince Justiniani». — «Le Pour et le Contre, ouvrage périodique d'un goût nouveau», 1733, t. 2, Nos. 18, 23. В переработанном виде в кн.: «Contes, aventures et faits singuliers, etc. Recueillis de M. l'abbé Prévost», t. I. Paris, 1764. Русский перевод по тексту «Contes...».

20. Острова молчания и веселья. Пер. с франц.: Брикер де Ла Димери, Никола. «L'Isle taciturne et l'isle enjouée, ou voyage du génie Alaciel dans les deux isles». Amsterdam (Paris), 1759.

21.* Надир, восточная повесть. Пер. с франц.: Готье де Мондорж, Антуан (Gautier de Montdorger, Antoine, 1700—1768). «Nadir, histoire orientale, roman moral et politique, applicable aux mœurs du jour». La Haye, 1769.

Часть 7, 1783

22. Человек, ничему не удивляющийся. [Пер. с франц.]: Брикер де Ла Димери, Никола. «L'homme qui ne s'étonne de rien. Conte». — «Mercure de France», 1772, juillet, t. I, с. 13—29.

23. Армянские князья, повесть. Пер. с франц.: Юссё, Луи д'. Повесть «Les princes d'Arménie» из его сб. «Le Décaméron françois», t. 2. Paris, 1774.

24. Мустафа и Сеангир, или Братская любовь, восточная повесть. Пер. с франц.: Ларош-Гийем, Анна де. Новелла «Roxelane sous Soliman II. Empereur des Turcs» из ее кн. «Histoire des favorites, contenant ce qui s'est passé de plus remarquable sous plusieurs règnes». Amsterdam, 1698. Другой перевод: СК 726, 3470.

25. Героида. Ариана к Тезею. [Пер. с франц.]: Газон-Дурксинье, Себастьян-Мари-Матюрен. (Gazon-Dourxigné, Sébastien-Marie-Mathurin, ум. 1784). «Ariane à Thésée, heroïde nouvelle». Paris, 1762.

Часть 8, 1784

26. Аделаида, или Торжество любви и добродетели. Пер. с франц.: анонимный роман «Adelaide, ou le triomphe de l'amour et de la vertu». Paris, 1772.

27. Несчастные приключения, или Горестная жизнь Екатерины, королевы англинской. Историческая повесть. [Пер. с франц.]: Бодо де Жюйи, Никола. «Histoire de Catherine de France, reine d'Angleterre». Lyon, 1696. Повесть неоднократно перепечатывалась в составе собрания «Bibliothèque de campagne, ou amusemens de l'esprit et du coeur».

28. Мнимая служанка. [Пер. с франц.]: переделка новеллы Марии де Сайас-и-Сотомайор (Maria de Zayas-y-Sotomayor) «Amar solo por vencer»

из второй части ее сб. «*Novelas amorosas, y exemplares*» (1649). Оригинал переведенной на русский язык переделки находится предположительно в сб. «*Les nouvelles espagnoles, traduites de différens auteurs par M. D'Ussieux*», t. 1—2. Madrid—Paris, 1772.

29. Странное, но истинное известие о Эдмунде Карле, книгопродавце в улице Флит-стрит, который из ненасытного желания к корыстолюбию познакомился с банкирами и отрекся христианского закона, приведен будучи к тому одним славным жидом, и как он был обрезан и сопричтен в веру жидовскую. [Пер. с ?]: Поп, Александр. «*A Strange but True Relation How Edmund Curl, of Fleetstreet, Stationer, out of an extraordinary Desire of Lucre, went into Change-Alley, and was converted from the Christian Religion by certain eminent Jews; and how he was circumcised and initiated into their Mysteries*». В кн.: [Swift, Jonathan and Pope, Alexander]. *Miscellanies*, vol. 3. London, 1732.

Часть 9, 1784

30.* Прогулки и любовные забавы Августа II, короля Польского, ч. 1—3. [Пер. с нем.]: Шульц, Иоахим Христиан Фридрих (Schulz, Joachim Christian Friedrich, 1762—1798). «*Liebschaften König Augusts von Polen*». Berlin, 1784. Части 1—2 являются сокращенным переводом-пересказом книги Карла Людвиг фон Пёльница «*La Saxe galante*». Amsterdam, 1734.

31. Огир Датский. Повесть, взятая из «Библиотеки немецких романов». [Пер. с нем.]: «*Ogier von Dännemark*». — «*Bibliothek der Romane*», Bd. 5. Berlin, 1780, с. 7—86. Ср. на франц. яз. в журнале: «*Bibliothèque universelle des romans*», 1778, février, с. 71—167. Пересказ рыцарского романа об Ожье-датчанине.

32. Всегда за малым преступлением следует большее. [Пер. с франц.]: переделка повеллы Марии де Сайас-и-Сотомайор (Maria de Zayas-y-Sotomayor) «*El traidor contra su sangre*» из второй части ее сб. «*Novelas amorosas, y exemplares*» (1649). Оригинал переведенной на русский язык переделки находится предположительно в сб.: «*Les nouvelles espagnoles, traduites de différens auteurs par M. D'Ussieux*», t. 1—2. Madrid—Paris, 1772.

Часть 10, 1785

33. Нравоучительные повести из записок девицы Унси: «*Contes moraux, dans le goût de ceux de Mr. Marmontel, recueillis de divers auteurs; publiés par Mademoiselle' Uncy*», t. 1—4. Amsterdam, 1763. Составительница изменила заглавия и сократила текст отдельных рассказов. Переведенные на русский язык рассказы входят в четвертый том.

а. Философ: Вольтер. «*Memnon ou la sagesse humaine*» (1749). В сб. Унси перепечатано под заглавием: «*Le sot projet d'un homme sage*». Заключительные стихотворные строки русского перевода в оригинале и перепечатке отсутствуют.

б. Любовь всегда соединяется с беспокойством: Монкриф, Франсуа Огюстен Паради де. «*Les ames rivales, histoire fabuleuse*». Londres, 1738. В сб. Унси перепечатано под заглавием: «*L'amour n'est jamais sans trouble*».

в. Он исправ: Фавар, Мари Жюстина Бенуа дю Ронсепо (Favart, Marie-Justine-Benoîte du Ronceray, 1727—1772). «*Il eut tort. Histoire vraisemblable*». — «*Mercure de France*», 1755, juillet, с. 26—33. Рассказ неоднократно перепечатывался в сборниках сочинений Клода Анри де Фюзезуазнона.

г. Нешаговая добродетель: Вилауд, Кристоф Мартин. «*Serena*» из его сб. «*Erzählungen*». Tübingen, 1752. Французский перевод: «*La vertu malheureuse. Conte poétique*». — «*Choix littéraire*», 1757, t. 12, с. 94—108.

34. Дон Лудман, испанский роман. [Пер. с нем.]: пересказ романа Херонимо де Контрераса (Jéronimo de Contreras) «*Selva de aventuras, compuesta por Hueronymo de Contreras. Va repartida en nueve libros, los quales tratan de unos estremados amores que un cavallero de Sevilla, llamada Luz*

mán tuvo con una hermosa donzella llamada Arbolea <...> Barcelona, 1565. Первоначально пересказ был напечатан под заглавием «Histoire de Don Luzman» в журнале «Bibliothèque universelle des romans», 1779, mai, с. 47—112; переведен с изменениями на нем. яз. и напечатан в «Bibliothek der Romane», Bd. 4, Berlin, 1779.

35. Заида. [Пер. с нем.]: пересказ романа Мари-Мадлен де Лафайет «Zayde, histoire espagnole», t. 1—2. Paris, 1670—1671. Первоначально пересказ был напечатан в журнале «Bibliothèque universelle des romans», 1775, novembre, с. 170—191; переведен с изменениями на нем. яз. и напечатан в «Bibliothek der Romane», Bd. 5, 1780, с. 261—288.

Часть 11, 1786

36. Приключения двух знатных жещин в письмах, писанные ими самими. Пер. с нем.: Сен-Обен (Saint-Aubin, Mme Mézières du Crest, baronne d'Andlau, marquise de). «Mémoires en forme des lettres de deux jeunes personnes de qualité», p. 1—4. La Haye, 1765. Нем. пер.: «Nachrichten von zwey jungen Frauenzimmer von Stande, in Form der Briefe verfasst». В собрании: «Unterricht und Zeitvertreib für das schöne Geschlecht in gesammelten Briefen und Erzählungen aus verschiedenen Sprachen», Bd. 3—4. Leipzig, 1765.

Часть 12, 1786

37. История Венды, королевы Польской. [Пер. с франц.]: анонимный роман «Venda, reine de Pologne. Histoire galante». La Haye [Rouen], 1705. Под заглавием «Histoire de Venda, reine de Pologne» перепечатан в собрании «Amusemens des dames, ou recueil d'histoires galantes des meilleurs auteurs de ce siècle», t. 6. La Haye, 1744, откуда переведен на русский язык. Очевидно, переводчик пользовался более поздним переизданием этого собрания.

38. Мегмет-Али, новость турецкая. [Пер. с франц.]: Ламот, Антуан Удар де. «Salned et Garaldi, nouvelle orientale» (1751). Повесть перепечатана без указания автора и под измененным заглавием «Mehomet-Ali, nouvelle turque, fragment traduit de l'arabe» в собрании «Amusemens des dames, ou recueil d'histoires galantes des meilleurs auteurs de ce siècle», t. 8. La Haye, 1763, откуда переведена на русский язык. Другой перевод: СК 3438.

39. Постоянство, торжествующее над препятствиями. [Пер. с франц.]: анонимная повесть «La constance victorieuse des obstacles» из собрания «Amusemens des dames, ou recueil d'histoires galantes des meilleurs auteurs de ce siècle», t. 8. La Haye, 1763.

40. Дворянин-слуга и барышня-крестьянка. Пер. с франц.: анонимная новелла «Le laquais gentil-homme, et la servante demoiselle» в собрании «Amusemens des dames, ou recueil d'histoires galantes des meilleurs auteurs de ce siècle», t. 7. La Haye, 1744. Очевидно, переводчик пользовался более поздним переизданием этого собрания.

И. Ф. МАРТЫНОВ, И. А. ШАНСКАЯ

ОТЗВУКИ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЕМИКИ 1750-х ГОДОВ
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГЕ
(Сборник А. А. Ржевского)

В истории отечественной словесности не раз случалось, что внешне незначительное событие, подобно камню, брошенному в воду, способно было надолго замутить чистый «кастальский ток». Таким событием, всполошившим в 1753 г. весь российский Парнас, стала «Сатира на петиметра и кокеток», принадлежавшая перу рифмотворца сумароковской школы И. П. Елагина. В накаленной атмосфере соперничества придворных партий галломанов и германофилов, в разгар борьбы трех любимцев муз — Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского — за титул первого русского стихотворца елагинские панегирики Сумарокову и язвительные выпады против Ломоносова и его сиятельного покровителя Шувалова вызвали бурю.¹ Правда, это была буря «в стакане воды», и все-таки поэтические баталии 1750-х годов несомненно имели общественный резонанс и оказали определенное влияние на формирование русской сатиры и литературной критики.

Сатирические послания участников полемики, выполнив свою основную задачу как можно более уязвить противника, на этом, как правило, и заканчивали свой жизненный цикл. С годами страсти улеглись, и ничто, казалось, не напоминало о былых сражениях. Литературные журналы — эти надежные хранители преданий старины — возникли в России позднее, да и к тому же, по мнению современников, едва ли уместно было придавать «тиснению» пасквильные стишки, полные личных выпадов, а иногда и просто оскорбительные. Поэтому всеми имеющимися в нашем распоряжении сведениями о литературно-общественной полемике 1750-х годов мы обязаны тем усердным читателям, которые, со-

¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936, с. 113—146.

бирая по листочку сатирические «эфмериды»,² составляли из них целые рукописные антологии.

Более ста лет назад А. И. Артемьевым и Н. Н. Буличем была введена в научный оборот первая из таких антологий — рукописный сборник «Разные стиходействия», хранящийся в библиотеке Казанского университета.³ Известие об этом сборнике привлекло внимание тогдашних историков русской словесности, и многие из них — С. П. Шевырев, Н. С. Тихоцрахов, Л. Н. Майков, А. А. Куник⁴ и другие — заказали себе его копии. По одной из таких копий А. Н. Афанасьев и опубликовал в 1859 г. основной корпус материалов, собранных неизвестным любителем литературы елизаветинского времени.⁵ Публикация Афанасьева и майковская копия долгое время служили единственным источником для всех исследователей литературной борьбы 1750-х годов (П. Н. Беркова, Л. Б. Модзалевского и др.), и только в 1964 г. И. З. Серману удалось обнаружить в Отделе рукописей ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 977) новый сборник, близкий по составу казанскому, изучение которого существенно обогатило репертуар полемических произведений, а также позволило внести исправления в уже опубликованные материалы.⁶ Отметив большую, чем в «Разных стиходействиях», полноту и лучшую сохранность текстов этого сборника, Серман датировал его началом 1760-х годов, хотя, судя по филиграням,⁷ он вполне может быть отнесен к гораздо более раннему периоду, т. е. к самому разгару полемики.

Интересные материалы, позволяющие атрибутировать некоторые анонимные полемические произведения и уточнить их тексты, сохранились в архиве историка Г.-Ф. Миллера. Обзор миллеровских списков и публикация двух лирических стихотворений И. С. Баркова, предпринятые Г. Н. Моисеевой, внесли новые коррективы в наши представления о ходе полемики и ее участ-

² См., например, один из таких листков с копией «Сатиры на петиметра и кокеток» И. П. Елагина (бумага фабричной выработки 1752 г.) в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР (далее: ИРЛИ), РИ (коллекция литературных рукописей БАН), оп. 1, № 110.

³ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени..., с. 115, 305—306.

⁴ Копия А. А. Куника более позднего времени хранится в ИРЛИ (РИ, оп. 1, № 635).

⁵ Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 449—476; № 17, стб. 513—528.

⁶ Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года. — Русская литература, 1964, № 1, с. 99—104.

⁷ Филигрань: «Pro Patria» с буквами «WEM» и королевским шифром «GR». Сходный знак см. под № 255 (1752 г.) в альбоме С. А. Клепикова и М. В. Кукушкиной «Филигрань „Pro Patria“ на бумаге русского и иностранного происхождения». — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1965.

никах.⁸ Итак, к настоящему моменту известны три рукописных сборника сатирических стихов и посланий в прозе 1750—1760-х годов: Казанский, Селифонтовский (ИРЛИ) и Миллеровский.⁹ Это, конечно, очень мало, особенно если учесть, что битва на Парнасе чуть ли не десятилетие привлекала к себе внимание всего образованного русского общества. Недавняя находка в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР (далее: ОРРК БАН) нового сборника, составленного современником (а может быть, и участником) полемики — А. А. Ржевским, — лишней раз свидетельствует о том, что круг активных участников и заинтересованных наблюдателей литературных сражений был довольно широк.

Алексей Андреевич Ржевский (1737—1804) оставил заметный след в истории русской словесности XVIII в. Автор философских притч, торжественных од и любовных элегий, драматург, активный сотрудник чуть ли не всех петербургских и московских журналов начала 1760-х годов, он принадлежал к младшему поколению поэтов сумароковской школы. Подобно другим юншам его круга (М. М. Хераскову, Н. А. Бекетову, Н. Е. Муравьеву и др.), Ржевский видел в занятиях поэзией приятное и полезное средство заполнить «досужные» часы. Фортуна была удивительно благосклонна к этому блестящему гвардейскому офицеру. В 30 лет он стал депутатом Комиссии о сочинении нового Уложения от города Воротынска Московской губернии, спустя четыре года — вице-директором Петербургской Академии наук, затем — президентом Медицинской коллегии, действительным тайным советником, сенатором, камергером. В эпоху, когда стремительные взлеты «калифов на час» обычно завершались столь же стремительными падениями, служебная карьера Ржевского складывалась на удивление всем ровно и безоблачно. К сожалению, биографические сведения об этом незаурядном человеке, дошедшие до нас, крайне неполны. Тем большего внимания исследователей заслуживает сборник, а точнее — конвюлют, составленный Ржевским в 1771 г.¹⁰ из тринадцати рукопи-

⁸ Моисеева Г. Н. К истории литературно-общественной полемики XVIII века. — В кн.: Искусство слова. Сборник в честь 80-летия члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Д. Благого. М., 1973, с. 56—64.

⁹ Достоверно известен составитель только одного (Миллеровского) сборника. Предположение А. И. Артемьева о том, что «Разные стиходействия» были собраны известным казанским библиофилом XVIII в. В. И. Полянским, представляется нам неубедительным. Библиотеку Полянского передали в дар Казанской гимназии его наследники в 1798 г. (см.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России, ч. 2. СПб., 1912, с. 29), а сборник сатиры был приобретен университетом «от г-жи надворной советницы Актовой в С.-Петербурге» значительно позднее (см.: Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 449).

¹⁰ Год составления конвюлюта указан на его форзаце. Картонный переплет, оклеенный пестрой обойной бумагой, характерен для середины XVIII в. На листах у переплета филигрань (буквы «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках), соответствующая № 151 (1765—1776 гг.) в аль-

сей и десяти печатных брошюр (ОРРК БАН, 12.4.28). О принадлежности конволюута Ржевскому свидетельствуют владельческая запись на его форзаце и помета на титульном листе («А. А. Ржевскому» — л. 82) оды А. Протопопова по случаю дня рождения Екатерины II (М., 1768). Рукописи и брошюры переплетены без всякой системы. По-видимому, их владелец собрал здесь воедино скопившиеся за много лет в его архиве материалы, связанные с памятными ему событиями в политической и литературной жизни страны. Больше тридцати лет стоял этот сборник на полке петербургской библиотеки Ржевского, пока не перешел после смерти его составителя к известному коллекционеру А. И. Сулакадзеву (см. его пометы на л. 1 и 97 об.). Дальнейшая судьба этого уникального комплекса исторических и историко-литературных материалов до их поступления в 1933 г. в ОРРК БАН неизвестна. Судя по следам сырости на листах и деформированному переплету, сборнику Ржевского довелось за свою двухсотлетнюю историю побывать во всяких «переделках».

Характер исторических документов, включенных в конволюут, легко объясним, если сопоставить их с известными фактами биографии его владельца. Деятельный участник работ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, Ржевский бережно собирал в наизидание потомству протокольные записи важнейших выступлений на первых, торжественных заседаниях русского законодательного собрания. Среди них мы находим известные ранее по другим печатным источникам две речи председателя (маршала) Комиссии А. И. Бибикова (л. 52—52 об. и 55—55 об.), тронную речь Екатерины II по случаю поднесения ей представителями всех сословий России титула «Великой, Премудрой и Матери Отечества» (л. 55 об.—56),¹¹ а также неопубликованное «напутственное» слово к депутатам Комиссии, произнесенное повгородским митрополитом Димитрием (Д. А. Сеченовым) перед присягой в кремлевском Успенском соборе 30 июля 1767 г. (л. 60—61), и полный текст его речи на заседании 7 августа того же года, из которой напечатаны только отдельные выдержки (л. 53).¹² К материалам Комиссии примыкает по своему характеру рукописная копия письма Фридриха II от 26 ноября 1767 г. к Екатерине II (на французском языке, л. 57—58). Сообщая о получении экземпляра Наказа, составленного ею для будущих сочинителей проекта нового Уложения, прусский король выражал восхищение государственной мудростью «Северной

боме С. А. Клепикова «Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв.» (М., 1959); далее: Клепиков

¹¹ См.: Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. СПб., 1817, с. 86—91, 95—98, 99; Сборник Русского Исторического общества, т. 4. СПб., 1869, с. 56—58, 63—65.

¹² Сборник Русского Исторического общества, т. 4, с. 59—60.

Семирамиды». ¹³ Половина похвальных од, собранных Ржевским, также посвящена прославлению Екатерины II — законодательницы (л. 66—81, 86—91).

Переходя непосредственно к литературным материалам, собранным Ржевским, следует упомянуть две брошюры: «Оду на великолепный каррусель, представленный в Санктпетербурге 1766 года» В. П. Петрова (М., печ. при имп. Моск. ун-те, 1766) и «Стихи на бракосочетание его высокородию Никите Иакинфовичу Демидову» Федора Юдина (М., печ. при имп. Моск. ун-те, 1768). Обе они могут быть по праву названы первоклассными библиографическими униками. В рукописи осталась дошедшая до наших дней лишь благодаря Ржевскому анонимная пьеса «Езда к теплицам» (л. 15—30) ¹⁴ — классическая итальянская комедия с плутоватым слугой, ученым доктором и братьями-соперниками, узнающими друг друга после долгой разлуки. Не менее любопытен листок с малограмотным прозаическим переводом песни известного итальянского лирического поэта XVIII в. П. А. Д. Метастазियो «Истинная вольность» (л. 54). Из авторской приписки мы узнаем время и место появления в свет этого листка, а также источник, которым пользовался переводчик: «Переведена сия ода с французского <...> ис книги: *Rétorique françoise à l'usage des jeunes demoiselles* ¹⁵ в Питербурге на дворе <...> Долгорукова на Миллионной улице, 1760 году августа 10 числа». К сожалению, та же рука, что написала эти строки, впоследствии стерла имена переводчика и его домохозяина. В зрелые годы людям свойственно стыдиться своих наивных юношеских опытов в стихах и прозе. Песня Метастазियो, приведенная в качестве образца «умеренного или среднего слога» во французской риторике Г. А. Гайара, издавна была известна в России, и, как выясняется, на ней пробовало свои силы не одно поколение русских литераторов. В конце XVIII в. стихи о неверной Нисе привлекли внимание Ю. А. Нелединского-Мелецкого, и он напечатал в пятой книжке «Московского журнала» (1792, январь, с. 5—9) их вольное переложение. Пять лет спустя оно вошло в первый русский перевод риторики Гайара. ¹⁶ Приведем в качестве примера первый абзац (из 13; с сохранением орфографии подлин-

¹³ Русский перевод письма Фридриха II впервые был напечатан в 22-м листе части I «Живописца». См.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 359—360.

¹⁴ Написана на бумаге с филигранью 1748 г.

¹⁵ См.: Gaillard G. A. *Essai de rhétorique françoise a l'usage des jeunes demoiselles*. . . Имеются три парижских издания 1746, 1748 и 1752 гг.

¹⁶ См.: Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесныя науки. . . СПб., 1797, с. 168—171. О популярности этого стихотворения свидетельствуют его многочисленные списки в рукописных сборниках стихов конца XVIII—начала XIX в. См., например, один из таких списков в сборнике 1810-х годов (ОРРК БАН, Собр. Музея Приенисейского края, № 61, л. 65).

ника) прозаического перевода песни Метастазии параллельно с первой строфой стихотворного переложения Неледипского-Мелецкого:

Истинная волнасть

Благодарствую, Ниса, твоим обманам, я аживаю, Боги наконец сжалились на да мною безщасным, душа моя чувствует себя вышедшею из оков, волнасть ныне мая истенна.

Ниса

Наконец твои обманы,
Нрав притворной, Ниса, твой,
Излечили сердца раны,
Возвратили мне покой.

Стихотворная полемика 1760-х годов представлена в сборнике Ржевского печатной брошюрой (л. 62—63) и современным списком (л. 2) двух элегий А. П. Сумарокова «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» (СПб., 1768) и «Все меры превзошла теперь моя досада...» (на представление в Московском театре 30 января 1770 г. трагедии «Синав и Трувор»),¹⁷ в которых опальный драматург гневно ополчался на своих гонителей, а также листком (л. 59)¹⁸ с сатирой Ф. А. Эмипа на Сумарокова, известной ранее по Казанскому сборнику,¹⁹ и анонимными «Одой» и «Надгробной надписью». До наших дней не сохранилось автографов сумароковских элегий. Тем более интересен список одной из них («Все меры превзошла теперь моя досада...»), судя по нашим наблюдениям, более исправный, чем тот, по которому ее впервые опубликовал Н. И. Новиков.²⁰ В нашем распоряжении, к сожалению, нет достаточных данных для атрибуции авторов и адресатов сатирической «Оды» и «Надгробной надписи». Напомним только, что «безбожником-ханжой», «лжесвятым» и «лжепророком» Ломоносов и его единомышленники называли Тредиаковского, против своей воли вовлеченного в полемику вокруг «Гимна бороде»,²¹ а «Надгробная надпись» развивает (либо пародирует?) злую шутку, положенную в основу известной эпиграммы Сумарокова на Марпазова (естественная смерть спасает от петли достойного повешения клеветника):²²

¹⁷ Бумага с филигранью (буквы «ВФ» и «СТ» в волнистых прямоугольниках), соответствующей № 151 (1765—1776 гг.) у Клепикова. Элегия была впервые напечатана Н. И. Новиковым в полном собрании сочинений А. П. Сумарокова (ч. IX, М., 1784, с. 93).

¹⁸ На бумаге филигрань 1766 г.

¹⁹ См.: Библиографические записки, 1859, № 17, стб. 516—517.

²⁰ Ср., например, строки 26—27 в списке Ржевского («...о вы, кропящие Петрополь невки волны, *сего ль для Петр при них храм музам основал...*») со строкой 27 во всех изданиях этой элегии, начиная с новиковского («...*сего ли для, ах, Петр, храм музам основал...*»).

²¹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени..., с. 225.

²² Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957, с. 258.

Прегнусный харя чорт, желая быть пригожим,
 Надев на лоб клабук, рабом хотел быть божьим,
 Он думал, что сей цвет к лицу ему пристал, —
 Нарочно — рожей чорт в том платье гаже стал...
 И ты, чтоб меньше твой дух злобным казался,
 З духовными теперь особами спознался,
 Но прав твой явен всем, хоть в церкви будешь жить,
 Безчестности своей и тем не можешь скрыть,
 Хоть казанья творишь, но труд твой весь бесплоден, —
 Чтоб честным быть, к тому нимало ты не сроден.

Надгробная надпись

Великой в сем рифмач опочивает гробе,
 С которым никому нельзя сравниться в злобе,
 Всемирный клеветник, безбожник, подл и бешен,
 Ах, смерть взяла того, кто должен быть повешен.

Самой ценной находкой среди материалов, механически соединенных Ржевским в «аморфный» конволют, несомненно следует признать рукописную антологию сатирических посланий участников литературно-общественной полемики 1752—1753 годов. Эта тетрадь — ровесница первых сражений на российском Парнасе²³ значительно отличается по составу от всех известных сборников (Казанского, Селифонтовского и Миллеровского) аналогичной тематики. Здесь мы находим ряд полемических произведений, нигде более не встречающихся; многие ранее опубликованные произведения представлены в сборнике Ржевского авторитетными и полными списками, что позволяет внести в их тексты существенные исправления. Выступления отдельных участников полемики собраны в тетради в хронологической последовательности. Такое расположение значительно облегчает задачу исследователей, помогая уточнить основной круг вопросов, ставших предметом жарких споров, а также позиции представителей различных точек зрения, наметившихся в ходе полемики.

Список знаменитой сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», открывающий тетрадь (л. 5—6), изобилует многочисленными разночтениями и дополнениями к опубликованному А. Н. Афанасьевым тексту. Чаще всего это отдельные слова и фразы, пропущенные либо искаженные до полной утраты смысла составителем Казанского сборника: «...и самый глухой полк кокеток лишь прельщает...» (в строке 30 публикации: «...немый и глухой полк...»); «...меж пудренными тут летая облаками...» (в строке 53: «...меж пудренными тут лента волосами...»); «...чем Фракса гордого он в Риме победил...» (в строке 148 публикации подчеркнутое слово пропущено). Строфа 132 («...кото-

²³ Бумага с филигранями (ярославский герб с буквами «ЯМЗ» большого формата и буквы «ГУВР» и «ФСМП» малого формата), соответствующими № 761 и 218 (1751—1754 гг.) у Клепикова.

рые Даржанс для бедности писал...») читается здесь так же, как и в Селифонтовском сборнике, по которому ее впервые точно воспроизвел И. З. Серман.²⁴ Однако некоторые разночтения возвращают отдельным строкам эмоциональную и полемическую окраску, утраченную в публикации А. Н. Афанасьева. Так, перемена одного слова в реплике петиметра (строка 52) — «ужесть как мила» вместо «радость как мила» — имеет существенное смысловое значение. Не случайно именно этой типично «модной» фразой — «Ужесть как мила» — Н. И. Новиков охарактеризовал (и назвал) одну из своих «героинь» в листе шестом «Трутня» за 1770 г.²⁵ Еще показательнее полемическое уточнение в строке 89: «...или как наш Пиндар, вписав в свой стих Россию...» (вместо безличного: «поэт»). Если в смягченном варианте Казанского сборника намек на «российского Пиндара» — Ломоносова поняли только немногие знатоки поэзии, то упоминание имени великого греческого одописца предельно конкретизировало мишень сатирических стрел гонителя «петиметров и кокеток».

Сатира Елагина была встречена на российском Парнасе «в штыки». Слишком многие его обитатели, одни справедливо, другие из присущей поэтам мнительности, почувствовали себя оскорбленными и жаждали отмщения. Первым вступил в бой Ломоносов. Его письмо к И. И. Шувалову широко распространялось в списках наряду со стихотворными сатирами. Текст этого письма, опубликованный в академическом полном собрании сочинений Ломоносова по дефектной копии,²⁶ нуждается в серьезных уточнениях. Первые из них внес И. З. Серман по Селифонтовскому сборнику.²⁷ В списке Ржевского (л. 7) встречаются и другие разночтения. Так, говоря о возможности будущего столкновения Сумарокова с Елагиным, Ломоносов намекал на какие-то ранее бывшие между ними конфликты («...опять до войны дойдет...» — вместо: «...у них до войны дойдет...»); слово «наперсник» расшифровывалось в его письме как «любовный», а не «любимый прислужник»; еще в двух случаях верное прочтение отдельных слов помогает восстановить их смысл, искаженный в первой публикации письма: «...он пишется защитником веры, но правой или нет, о том можно сомневаться...» (вместо: «...но право или нет...») и «...хочет муз отдать в послушание А. П., или, по его мнению или бесстыдному льщению, уже отдал...» (вместо бессмысленного: «мщению»).

Следующая за письмом Ломоносова сатира «Защитение петиметра» (л. 8—9) вводит в круг участников полемики новое лицо — видного русского историографа и литератора XVIII сто-

²⁴ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 101

²⁵ Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 201.

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, с. 493—494.

²⁷ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 г., с. 101

летия князя М. М. Щербатова (1733—1790).²⁸ Двадцатилетний юноша вступил в спор с редкостным тактом и сдержанностью, которых так не хватало многим более зрелым противникам Елагина. Осудив пристрастность и развязный тон автора сатиры «На петиметра и кокеток», открывшего рифмованную пальбу «из пушек по воробьям», Щербатов решительно выступил против избранного Елагиным способа борьбы с литературными и политическими противниками. Признание за сатирой большого общественного значения не должно было, по его мнению, вести к смешению сатиры с пасквилем. Цель литературы — в ее служении обществу, в исправлении пороков людей, а не в мелочном сведении личных счетов. Тот же, кто не понимает этой истины, обречен на позор и унижение. Многие участники полемики, как мы увидим ниже, разделяли эту точку зрения Щербатова.²⁹ А теперь познакомимся с текстом его сатиры:

Похвал, о Елагин, достоин ты не ложно,
Любителям наук тебя хвалить всем должно,
Хоть песнями понынь еще ты процветал,
Но и в них ты свой ум довольно показал.
Ты страсть любовную толь в них изображаешь,
Что кто их станет петь, к слезам тех принуждаешь,
И тем понынь любви поетом у всех слыш,
Зачем, скажи, ты слог сатир ныне прельстил?
Зачем на безвняной порок глас возвышаешь,
Петиметров ныне в своих стихах ругаешь?
Зачем из всех страстей сие ругать избрал,
И на безвредную другим лишь ты напал?
Молчишь про те, кои велик всем вред наносят,
И равно мщения людей и неба просят!
Праведно за сие всем ненавидим стал,
И брань на ся навлек вместо прежних похвал,
И все ныне люди мнят, о Елагин, о тебе,
Что ты тщился отмстить учиненну злость себе,
Не музой наставлен сии стихи ты пел,
Но в злобе ты равной как Фурия кипел.
Но чем бы сия страсть руганию достойна,
Прежде всего, мнится, то рассмотреть пристойна:
Всяк щоголь лишь мыслит, как бы себя убрать,
Как бы уборами красы себе придать,
О всем же протчем он никак не помышляет,
Имение свое в младых днях проживает,
Пред зеркалом чуть что не целой день сидит,
Об уборах мысля, часто всю ночь не спит.
Но ум мой еще в том смеху не обретает:
Небо разны дары на смертных изливает.

²⁸ Подписана: «Делал к^нязь» М. Щербатой». Эта сатира осталась неизвестной авторам новейших работ о Щербатове-поэте. См.: Щербатов М. М. Незданные сочинения. Вступ. статья П. Г. Любомирова. М., 1935; Рустам-Заде З. П. М. М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1968.

²⁹ См., например, сатиру напольного поручика Брандта в кн.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени... , с. 143—146.

Иной над книгами день и ночь все сидит,
Другой же с трубою в nocturne время бдит,
Смотрит на планеты и цифрами толкует,
Чудно составление Вселенной испытует;
Многие ж мнимым златом vsue прельстятся,
В химии трудятся, оное наитить лъстятся,
Или к механике любовь зелну имеют,
Или над стихами часто vsue потеют —
Итак, всякой к тому особливо рожден,
И веселится тем, во что он упражнен,
Так равно и петиметр только в одно то тщится,
К чему определен судьбиною родиться.
Убором он своим меня не огорчит,
Нрав его веселой всех людей веселит,
Есть ли досада в том, себя кто одевает,
Хоть ежедневно он обнову надевает?
Никаво другова он тем вить не вредит,
Коль свое имение в наряды истощит,
Однако и о том, сколь та ни щитаю,
Еще я никаво понынь не обретаю,
Кто б в одни уборы именье промотал
И без других страстей от них нищим стал.
Лишь видом он своим весь взор мой привлекает
И не меньше того веселостию прельщает,
Всегда весел и смел, в компании смешон,
Но не для того, чтоб всем глуп казался он.
Умом лишь он своим беседу утешает,
И для того смешон, что смешным быть желает,
Но часто то бывает, коль случай то велит,
Что постоянно речь и цоголь говорит,
И в ней, наоборот-то, разумен быть зрится,
Коль незнающему он прежде смешон мнится.
Так больших пороков не нахожу я в нем,
Разве последовать намь отцу смертным всем:
Ходить нагим, как он, иль листья сплетая,
Свой стыд чтился прикрыть, иных одежд не зная,
Но я тому потом творец наш показал,
Чтоб кожей зверей он тело прикрывал,
И с того времени, одежды пременяя
С климатом разных мест иль с вкусом соглашая,
Иной народ себе власам расти давал,
Другой же, чтоб брить их, в закон себе щитал,
Многие же себя коротко одевали,
И у нас в старину азиями в моде стали,
Но как стал наш народ от суровств отвращен,
Комерцией со всей Европой соощен,
Тогда отцы наши их моды пернимали,
А азиаци правы з брадами покидали.
А ты разве хочешь опять возобновить,
И давно умершу браду нам воскресить,
И вместо б кафтанов азиями надевали?
Поверь, мой друг, ты мне, твои труды пропали:
К старинным убором ты не можешь прельстить,
Но сам, коли хочешь в азиях ты ходить,
Тебе, поверь, скажу, никто не запрещает,
Но так же по тебе никто не подражает,
Но коль боишься ты смешну всем людям быть,
То лутче для тебя, нежелъ злодеем слыть.
Но что в твоём письме еще я ненавижу:
Что боле злости, нежелъ разума вижу.

Подумай ты сам, как можно с умом своим сказать,
 Будто бы петиметр не знал себя убрать.
 Во всем жоликера совету вопрошает,
 Будто бы без него как нарядитца не знает.
 Желею о тебе, что как ты ослеплен,
 Со злобы не видишь, как вдруг стал отдален
 От того, описать что столь ты долго тщился —
 Из щоголя мужик деревенской родился.
 Знатно стихов к своим мыслям ты не прибрал,
 Не то, что ты хотел, по что мог, то писал.
 Признайся без сердца в незнании твоём —
 Ей-то лутче, мнится мне в слабом уме моем.
 Чтoб выразить кому в стихах мысль не умеет,
 Нежели почту толь слабую имеет.
 Итак, мое письмо ташеря окончаю,
 Лишь при конце тебя еще я вспоминаю,
 Чтoб впредь ты никаво толь злобно не ругал,
 И коль страстен писать, о чем другом писал.
 Чтo в себе имеешь — в других людях не брани,
 По одной наслышке ты Расина не хвали,
 Равно смешно мнится творцов немцов ругать,
 Как, не разумея, французских похвалять.
 Прогнавши злобу всю нань, подумай о тебе,
 И пороки свои изотчи ты сам в себе,
 А сколь можно б было тебя ими ругать,
 Ежели б противу тебя кто стал писать.
 Ныне же, коль можно, в вине своей признайся,
 Лутчими стихами отправится старайся,
 Иди, те поля прекрасны похваляй,
 Иль чрез трагедию к слезам нас принуждай,
 Коль дух в тебе царящ и мысль имеешь смелу,
 Возьми звучну трубу и следуй Гомеру,
 Славные героев дела нам воспевай,
 Но сатиры ты впредь отнюдь не начинай,
 Всегда вредно тому, коль кто других ругает —
 Всяк автора бранит, хотя ее читает,
 А ты начатком довольно показал,
 Чтo ни к ней ты рожден, хоть сколько б не писал.

. Внимание исследователей полемических сборников неизменно привлекала фигура одного из «героев» елагинской сатиры — таинственного красавца «М...», предмета воздыханий всех петербургских щеголих и зависти петиметров. Высказывались разные предположения по поводу того, кто мог скрываться под этой маской. П. Н. Берков попытался путем сложных логических выкладок отождествить «М...» с «героем» сумароковской эпиграммы Марназовым, а последнего, усматривая в «Марназове» искаженную переписчиком аллегорическую фамилию «Маркизов», — с сиятельным покровителем Ломоносова И. И. Шуваловым.³⁰ Более аргументированной представляется нам гипотеза И. З. Сермана, напомнившего историкам русской литературы XVIII в. о кумире модных салонов Петербурга 1750-х годов — заезжем французском авантюристе Фужере де Монбрене.³¹ Однако еще один «М...» —

³⁰ См.: Там же, с. 307.

³¹ См.: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 104.

преподаватель Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, автор многих популярных в публике «стихотворений разного рода, а особливо песен»³² Николай Ерофеевич Муравьев — почему-то остался вне поля их зрения. В то же время несколько сатир из Казанского сборника³³ прямо указывают на Муравьева как на одного из самых активных участников стихотворной полемики. Характерно, что объектом насмешек стали «хвалы невежеству» и «советы влюбленным» помешавшемуся от страсти механика. Итак, какой бы «М...» ни был в действительности мишенью для сатирических стрел Елагина, Муравьев принял оскорбление на свой счет и тут же взялся за перо. В сборнике Ржевского сохранилось анонимное «Письмо к Бекетову» (л. 9 об. — 10). Его автор, начав свое сатирическое послание с осмеяния ученых педантов (чем не хвала невежеству?) и туманных намеков на неудачи Елагина в амурных делах (они встречаются и в других сатирах), завершил письмо теми самыми «советами влюбленным», которые сделали Муравьева посмешищем читающей публики:

Скажи, Бекетов, тот не прямо ль веселится,
 Кто в усерди учен, не вовсе в том трудится,
 Кто чтению любит книг, не может быть без них,
 Сидит и с книгою и у друзей своих,
 Веселости и труд день прямо разделяет,
 В труде острит свой ум и сам чюство услаждает?
 Мне кажется, сто крат счесливей он тово,
 Акроме кто наук не молвит ничево,
 Кто целой день и ночь над книгой провождает
 И в постех о творцах старинных разсуждает
 И, если слово в них приятное найдет,
 Тогда он дурачество безделице почтет.
 Ученой думает: меня то не прельщает,
 Что знает и другой. Пуцай мой смысл летает,
 Авось-либо сыщу, чево еще не знал —
 Не умеи, которой так во свете славеи стал.
 В том надобно, чтоб ум теперь мой упражнялся,
 Чтоб я ево затмил, а сам бы прославлялся.
 В разуме просвещен трудами и наукой —
 Хоть будешь счастлив в том, но дни проводишь скукой,
 И прямо будешь ли ты оным веселиться,
 Что славеи днесь, научен, тово ему не снится.
 Что в том, что запершиись луч солнца разделил,
 Согласие цветов прехитро съединил?
 Он умер нам — и все драгия умирают —
 Что пользы, что ево здесь много прославляют,
 Не может славы звук прервать се крепки сон,
 Хоть во ученой он написан лексикон!
 Одно тщеславие ту мысль лишь в нем раждало,
 Великим что назвал его в потомстве свет,

³² Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. 2. М., 1845, с. 92.

³³ Библиографические записки, 1859, № 17, стб. 524—525. См. также школярскую сатиру на Муравьева в рукописном сборнике нач. 1760-х гг., составленном М. Ревякиным (ОРРК БАН, Тек. пост., № 640, л. 23 об.).

Хотя в том величестве нималой пользы нет:
 Чем славится педант — придворной то ругает,
 Чем гордится он — то тотчас пересмекает.
 Спроси у обоих, чем в свете есть покой?
 Один почтет латынь — веселости другой,
 Один за надобности убор почитает
 И мнит, что всех девиц висками он прельщает,
 Другой старается доводы приискать,
 В котором бы образе оному представлять
 И фолиантов, что со тщанием разгибает,
 Чего ж он ищет в них — и сам не помнит.
 Бездушны секретарь велик тем хочет быть,
 Что мог бездельствами ково он обольстит,
 Себя он мнит в труде, не любит стихотворства
 И думает, что есть праздности лишь свойства,
 Когда тяжбу дворян неправо прекратит,
 Оправит виноватого, себя обогатит,
 Тогда поетом вам он в мыслях не смеется,
 Пускай меня бранят — ко мне богатство льется,
 Что выслужат стишком, когда у них спросить,
 Так скажут не на что им и свечи купить, —
 Но я тебе, дружек, богатство уступаю,
 И в бедности стихи всему предпочитаю,
 Довольно и тово, что итти я могу
 Бездельства уличать и что пишу — не лгу,
 Поеты весело в них время провождают,
 Разумныя стихи чтецов увеселяют,
 В них больше сладости находят и забав,
 Как дело слушаая, кто виновен в нем или прав.
 Скажи, Бекетов, мне: не разное ль всех мнение —
 Всяк хвалит, в чем ево есть малое умение.
 Открытели всех тайн прещедра естества,
 Почтенны разумом от Вышня существа,
 Те люди, коих все учеными считают,
 Безсмертия себе различно достигают:
 Один старается другога свергнуть честь,
 Но лишни выдумая дырфь,³⁴ сколько бы ни есть, —
 Но кто мне изъяснит, чтоб в свете обходиться
 Не так приятно им, как с книгою возиться;
 Как до потопа Ной и где тогда он жил,
 Как Соломона храм в евреях создан был,
 Как слово разобрать на надписех в торийной,
 В короткой ли была одежде или длинной
 Люкреция тогда, как смерть себе дала,
 У Брут во оны час, ко измене привела, —
 Что нам до тово ль, педант, — скажут то ж, —
 Когда все разбирать — наружу выдет ложь.
 Но те еще и всех несноснее мне мнятся,
 Которыя весь век в одном лишь том трудятся
 И мнят велики быть, пороча всех дела,
 И в сердце говорят: чтоб пропасть всех взела!
 Которы письменных не знаючи пороков,
 Болтают напрямик: велик наш Сумароков!
 Спросили б у меня, — невежда говорит, —
 Я б верно доказал, что свет сей неправо мнит.
 Какой ето писец, которой пишет ясна, —

³⁴ Так в тексте.

Не то в стихах есть нежно и прекрасно,
На то, чтобы хвалить верхи рифейских гор...

35

А как ты станешь о страсти ей говорить,
Романически речь свою не тщишь плодить,
Не занимай ты слов плачевных у Расина, —
Любви не вспалит трагедия едина, —
Разумно говори и не рабей тогда,
Возможно угодить и шуткой иногда,
Всех больше жалких слов и слезного притворства, —
В речах с любовницей не пада стихотворства.
Венерин сын и слез, и мальчик молодой —
Он хочет, чтоб ему безумием и игрой
На свете угождали. Он тихих проклинаят,
Сам дерзок, он иском и дерзким помогает.
Как оказано тебе союзом — свой заключаай
И в молчаливости ево ты сохраняй.
Нет в свете ничево несчастне сей напасти,
Проведают о ком, что он в любовной страсти,
И станет пальцами показывать ево,
Приметь, сколь он смешон у общества всево,
Подобен он тому, что год лежал <в> чехотке,
Как с пальцами рыбак плывет без ветра в лотке,
Стушаньем тихим он подходит к красоте
И хочет рассказать любовны речи те,
Которые она и так давно уж знает,
Которые уже и вид ево являет,
Изрядное весьма есть правило влюбляться,
Быть можно влюбленну, не пада лишь казатца,
Довольно знает та, кому то должна знать,
Сердечны оны боль почто всем объявлять,
Еще и для того долг есть остерегатца,
Пронырливой не мог соперник чтоб дознатца.
Обычей истребил, что было в старину,
И что любовницам считалась в вину:
Когда увидев он в беседе другую,
Не стал краснеть, бледнеть в неверность бы презлую,
Ему пришлося, то прошло,
И обхождение иное уж нашло.
Уверить чем свою любезную возможно?
Имей лишь верный дух — уверишь тем неложно.
Случаетца и то: в цвету любви прямой
Что подозрением разрушитца покой,
Пустою ревностью кровь жарка возгоритца,
Блажен тот, кто тогда возможет победитца,
И все, что кажетца, на свой не возьмет щот,
Блажен и треблажен из рода смертных тот.
Почто выведовать то, что нам неприятно,
Все кажутца дела в страдаших превратно,
То думай: ты ей мил, она мила тебе,
Сей мыслью истребляй всю ревность ты в себе,
Которой паче всех мученьев па свете,
Не слушай в том друзей, будь сам с собой в совете.
Скажи таперь, мой друг, не правду ль я писал?
Мне кажитца, что я довольно уж сказал,
Когда ж ты знаешь, что еще сему подобно,
Скажи мне — соглашусь с тобой я незлобно.

³⁵ В тексте пропущена строчка.

Обращение Муравьева за поддержкой к Бекетову было явно не случайным. Фаворит императрицы Елизаветы Петровны, блестящий гвардейский офицер и талантливый лирический поэт Никита Афанасьевич Бекетов (1729—1794) по праву считался эталоном истинного петиметра. По всей России ходили слухи о его баснословно дорогих и экстравагантных нарядах. Не менее широкой известностью пользовались любовные похождения этого редкостного красавца, щедрого кутилы и галантного остроуслова. Сатира Елагина едва ли всерьез задела Бекетова, человека добродушного и веселого. Однако простой долг вежливости требовал ответить на муравьевское послание. Только так можно объяснить, на наш взгляд, появление среди полемических материалов, собранных Ржевским, неожиданных на первый взгляд стихов «Правила как любиться без печали. Письмо приятелю» (л. 11 об.—12):

Коль в свете счастливим хочешь быть,
Старайся ты скарей любезной объявить
И страсть свою и все, что сердце ощущает,
А как ты изъяснишь то, чем твой дух страдает,
Ответа ты ее неправдой не считай,
Сумнением своим драгой не раздражай,
Сумнение тщетное злу скуку причиняет,
Мучение родит, отчаяния терзает,
А то отчаяние, терпение прервав,
Лишает, наконец, изысканных забав.
Когда с обеих стран страсть нежна изъяснитца,
То должно обоим отнюдь того храниться,
Чтоб новой сей любви никто не мог узнать,
Кто может тайною любовью пылать, —
В прямиой тот роскоши, в веселье пребывает,
Молчание сердца в любви услаждает,
Они промеж собой любви питая страсть,
И счастье свое и всю свою напасть,
И мысли тайныя друг з другом разделяют,
Тем к вечному они союзу притекают,
И, естли их судьба на время разлучит,
Разлука любовь их больше укрепит,
Лишь только верен будь, в разлуке пребывая,
Люби, хоть нет в глазах, но в мыслях воображая
Сурова кто в тебе — предстань о той вздыхать,
И злым мученьем приятства обретать,
Томитца страстью злой — то было в древни веки,
Тех нет теперь времен, не те и человеки.
Пременою такой блаженны мы таперь,
Я истинно не лгу, поверь мне в том, поверь!
Суровости девиц нам смерть не приключают,
Старинной тот обряд днесь люди забывают,
То было в старину, что жизнью не брегли,
Когда возлюбленной смягчити не могли,
Отчаявшись склонить любовницу упорну,
Скоту подобясь в дурачестве бесловну,
Рыдавши многи дни, иль ядом иль мечем
Лишили живота себя в цвету своем.
Почто пред красотой такой вздыхать и рватца,
Которая пред тобой изволит извинятца,
Незнанием слов твоих, незнанием любви,

В чьей склонность родилась к тебе уже крови,
Да долго и сама не будет притворятца
И гордою к тебе не станет та казатца.

Ответ на послание к Бекетову ярко свидетельствует о том, сколь чужды были поэтам «страсти нежной» «больные» вопросы современной литературной и общественной жизни, вокруг которых разгорелись самые жаркие сражения. Здоровый гедонизм «баловней судьбы» быстро погасил вспыхнувшую в их сердцах неприязнь к возмутителю спокойствия — Елагину.

Первая волна антиелагинских сатир пошла на убыль, однако его принципиальные противники не считали спор законченным. Новый импульс полемике придала стихотворная эпиграмма Ломоносова «На Балабана», в которой подверглись осмеянию моралистические потуги Елагина. Ее список из сборника Ржевского (л. 11) содержит отдельные разночтения с черновым подлинником,³⁶ позволяющие видеть в нем доработанный автором или переписчиком вариант первоначального текста. Елагин не остался в долгу. Об этом свидетельствует его «Письмо к Сумарокову», полное злобных насмешек над Ломоносовым. Авторские примечания к этой эпистоле, сохранившиеся только в списке Ржевского (л. 11—11 об.), подчинены той же цели — как можно большее уязвить ненавистного противника:

«Парнат — гора в гряде, о которой баснословят, будто Аполлон с музами на оной обитали.

Мельпомена — муза трагическая.

„Семира“ — трагедия господина Сумарокова, еще не напечатанная.

„Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен“, см.: Мальгерб — французский лирик, Пиндар — греческий стихотворец.

„Я не чтуса знать его“ — значит, что я не жалею, что, не зная по-французски, Мальгерба не читал, если он таков, как наш одический поэт».

С каждым днем полемика приобретала все более скандальный оттенок. В отрывке из анонимного сатирического стихотворения, направленного, по-видимому, тоже против Ломоносова («О громко <...> каков ужасен мор! Как тучи с тучами гром з громом ударяет, и воздух, закипев, моря и понт терзает...») — л. 12—12 об.), наиболее употребительными словами были: «дурак», «дурачество», «посмешище». Антиломоносовская кампания достигла своего апогея в эпиграмме неизвестной «сочувственницы» Елагина «На Теллюя». А. Н. Афанасьев опубликовал смягченный переписчиком вариант этого грязного пасквиля.³⁷ Список Ржевского донес до нас утраченные в Казанском сборнике внешне незначительные текстуральные разночтения, характеризующие не только личные, но и социальные симпатии и антипатии автора эпиграммы. Так, замена

³⁶ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8, с. 540.

³⁷ Библиографические записки, 1859, № 15, стб. 456.

всего лишь одного слова в строке: «... огромного враля, *крестьянина* халуя...» (вместо нейтрального: «...и *глупого*») — достаточно показательна. Одно дело — видеть в человеке те или иные недостатки и пороки, и совсем другое — объяснять их его социальным происхождением. Именно эта антидемократическая позиция литераторов елагинского лагеря, отравленных сословной спесью, серьезно обострила обстановку на российском Парнасе. Поэтому очередной защитник Елагина в стихах на его «епистоле» (л. 12 об.—13) старался уже сохранять максимально бесстрастный и спокойный тон.³⁸ И все-таки даже сравнительно невинная попытка оправдать «гонителя петиметров» вызвала новый взрыв возмущения. Тетрадь полемических материалов, включенная в сборник Ржевского, завершается двумя стихотворными откликами на «похвальное слово» Елагину (л. 13 об. и 14). Оба автора скептически встретили панегирики бездарному сатирику. Однако если один из них ограничился обычными пасмешками над несчастным Балабаном, то второй³⁹ решительно осудил всех участников полемики, позорящих достоинство русского литератора:

* * *

Защитник истины, гонитель новых мод,
 Сатирик наш преслабый, в стихах твоих мал плод,
 Ругаешь ты в сатире безвредну людям страсть,
 Не знаю лишь тебе творцом быть кто дал власть,
 Ахоту тебе кто к поэзи влил,
 Не чаю <кто сих врак слетать ты научил?
 Он, хвальной наш творец преславныя Семиры,
 А ты, о глупой зделатель смешныя нам сатиры,
 Скажи, где научился вздор рифмой украшать
 И красны каблучки за важность почитать?
 Парнасовым богатством Феб, слышу, не ссужал,
 Он сказывает, там ты сроду не бывал,
 Как вижу, не учась, сатириком ты стал.
 Жаль, друг мой, мне пора, изгрыс что без успеха,
 Но вместо похвала дастал довольно смеха,
 И платье что бесплодно марал ты табаком,
 И в критиках изрядным описан дураком.

Трезвые голоса звучали все громче, боевой пыл участников полемики угасал, и вскоре жаркие схватки вокруг «Сатиры на петиметра и кокеток» отошли в область предания. Внимание нового поколения составителей и читателей русской рукописной книги привлекали иные темы и иные герои. Страницы их «заветных» тетрадей заполнялись выписками из новинок сатирических

³⁸ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени., с 139—140.

³⁹ Опубликовано по другому списку в кн.: Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972, с. 391—392.

журналов,⁴⁰ вольнодумными посланиями Фонвизина,⁴¹ фривольно-пародийными творениями Баркова,⁴² и если время от времени сюда случайно попадали отдельные «реликты» бурного 1753 г.,⁴³ в них видели всего лишь литературные курьезы, печальные памятники эпидемии «бешенства», внезапно охватившей российский Парнас и так же внезапно прекратившейся. В то же время было бы в корне неверным представлять себе литературно-общественную полемику 1750-х годов как явление эпизодическое, случайное, не имевшее далеко идущих последствий. Прежде всего она послужила для русских литераторов серьезным уроком «хорошего тона». Не случайно много лет спустя любой спор между питомцами российских муз начинался с взаимных заверений в отсутствии личных мотивов и обещаний соблюдать в полемике неукоснительно правила «благопристойности и благонравия».⁴⁴ Переболев детской болезнью «пасквилянтства», русская сатира обрела достойное место в ряду боевых публицистических жанров отечественной словесности. Новый «гонитель петиметров» — Новиков — вкладывал в свои филиппики против изнеженных дворянских «трутней» совсем иное социальное содержание, чем его предшественник Елагин. Систематическое изучение всего комплекса ранее известных и вновь открытых материалов полемики 1750-х годов несомненно поможет более четко определить их место в литературном процессе, более полно выявить их роль в формировании этических и эстетических норм поведения литератора.

⁴⁰ См., например, выписки из сатирических «ведомостей», печатавшихся в «Трутне», и подражания им в сборнике 1770-х годов (ОР ГПБ, XIV.Q.104, л. 22 об. и др.).

⁴¹ См., например, в сборнике начала 1780-х годов (ОР ГПБ, XVII.Q.92, л. 33—35) список фонвизинского «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке».

⁴² См., например, в сборнике И. С. Баркова «Девичья игрушка» трагедию и оды, пародирующие «высокий штиль» поэтов сумароковской школы (ОР ГПБ, XIV.Q.14; Отдел рукописной и редкой книги Научной библиотеки Казанского университета, № 2383).

⁴³ См. об одном из них: Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года, с. 99.

⁴⁴ См., например, предисловие Н. И. Новикова к «Санктпетербургским ученым ведомостям на 1777 год» (№ 1, с. 5).

Г. Н. МОИСЕЕВА

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. НОВИКОВА

Приступив к изданию древнерусских литературных, исторических и документальных памятников, Н. И. Новиков, несомненно, располагал сведениями о рукописях, которые он предполагал публиковать в «Древней российской вивлиофике». Очевидно, что это многотомное издание, включившее разнохарактерные материалы, должно было быть, хотя в самых общих чертах, продумано задолго до того, когда в январе 1773 г. вышел из печати его первый том.

Издатель передовых остропублицистических журналов «Трутенъ» и «Живописецъ», Н. И. Новиков лично сам не занимался историческими трудами. Естественно поэтому, что при издании памятников посредствующим звеном должны были быть люди, связанные с Новиковым личными или деловыми контактами, которые в то же время были хранителями, собирателями или исследователями рукописного наследия Древней Руси.

Обзор археографической деятельности Новикова мы начинаем поэтому с выяснения круга лиц, давших возможность ознакомиться с древними памятниками. О некоторых из них Новиков сообщил сведения сам, о других мы сделали вывод на основе анализа печатных работ Новикова.

В 1773 г. одновременно с выходом первого тома «Древней российской вивлиофики» Новиков выпустил книгу под названием «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города, и на каком оные расстоянии». В предисловии к этой книге Новиков подробно рассказал о приемах своей работы по подготовке издания.

Первый список «Древней российской гидрографии» был получен Новиковым «от коллежского ассесора Петра Кирилловича Хлебникова». Новиков «нашел его (список, — Г. М.) весьма достойным напечатания, как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов,

урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находя-щихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг кроме церковных, да и то будто только служебных». ¹ Не ограничиваясь списком Хлебникова, Новиков «старался отыскивать другие, и нашел в Библиотеке Императорской Академии наук два списка, один старинным, а другой новым письмом писанные». Также были им получены три списка из Москвы, в числе их «список со списка, находящегося в Патриаршей ризнице».

В предисловии к «Древней российской гидрографии» Новиков объяснил и принцип отбора списка, по которому была произведена публикация: «Прочитав все списки, нашел я, что полученный мною от г. Хлебникова список старее всех и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности». ²

Итак, приступая к изданию древнерусского памятника, Новиков, как это видно из его «Предисловия от издателя», получал известия о рукописных списках, хранящихся в государственных и частных собраниях. Затем он сверял все списки и выбирал для публикации тот, который представлялся наиболее древним («старее всех»). При наличии нескольких списков «описки и погрешности» основного списка исправлялись.

Кто же были те люди, при помощи которых Новиков осуществлял свою археографическую деятельность?

В 1772 г. в Петербурге вышла из печати книга «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков». Этот труд Новикова позволяет представить степень его осведомленности о рукописном наследии, хранящемся в Библиотеке Петербургской академии наук, и сделать вывод о возможном знакомстве его с А. И. Богдановым, тридцать лет (с 1736 по 1766 г.) прослужившим в этой Библиотеке и прекрасно знавшим ее рукописные и книжные фонды.

Как установлено советскими исследователями, ³ А. И. Богданов был составителем первого печатного описания русских рукописей и книг, хранившихся в Академической библиотеке —

¹ Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города, и на каком оныя расстоянии. СПб., 1773, с. 5 (Предисловие от издателя).

² Там же, с. 5 об. (Разрядка наша, — Г. М.)

³ Петров В. А. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. М.—Л., 1956, с. 235—252; Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М.—Л., 1958, с. 89—101.

так называемого «Камерного каталога», изданного в Петербурге в 1742 г.

В печатном «Камерном каталоге» книги и рукописи описаны по их расположению в комнате («камере», отсюда — «Камерный каталог») и по размерам: «в десть», «в полдесть», «в четверть десть». Рукописи размещены по отделам: «Разделение I. Книги рукописные церковные», «Разделение II. Книги гражданские рукописные различного содержания», «Разделение III. Книги рукописные до российской истории подлежащие».

«Камерный каталог» давал достаточно полное описание книг и рукописей, хранившихся в Библиотеке Петербургской академии наук, но представлял известную трудность для воссоздания репертуара книг и рукописей определенного автора. Чтобы составить представление о книгах и рукописях одного писателя, было необходимо прочесть подряд весь «Камерный каталог», так как алфавитный указатель, помещенный в конце его, был очень не полон.

Н. И. Новиков, несомненно, внимательно изучил «Камерный каталог». Но кроме «Каталога» в его распоряжении находился рукописный труд «Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов, которыми ныне весь свет пишет и ими всякое книжное сочинение составляется купно же при том со внесением истории и о наших российских азбучных словах. Описание, сочиненное чрез Андрея Богданова. В Санкт-Петербурге 1755 года».

В 1757 г. эта работа была предложена А. И. Богдановым для публикации, но после отрицательного отзыва В. К. Тредиаковского, поддержанного Г. Ф. Миллером,⁴ отослана в Историческое собрание. Между тем «Краткое ведение» Богданова представляет собой известный интерес для истории книговедения. Особое значение имеют ее IV и V части — «Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы, и к тому следующее известие» (ч. IV); «Обстоятельное ведение в России печатание книг типографским искусством» (ч. V).⁵

«Краткое ведение» явилось одним из непосредственных источников «Опыта исторического словаря» Н. И. Новикова, особенно в части, касающейся известий о рукописях, хранящихся в императорской библиотеке.

Приведем некоторые примеры.

⁴ В Архиве АН СССР сохранилось «Мнение о книге Андрея Богданова» В. К. Тредиаковского и Г. Ф. Миллера (Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 220, л. 445—449). См.: Моисеева Г. Н. Об Андрее Богданове, первом русском книговеде. — В кн.: Сборник статей и материалов по книговедению, т. III. Л., 1973, с. 273—298.

⁵ Впервые опубликовано в Приложении к книге И. Н. Кобленца «Андрей Иванович Богданов», с. 153—176. При дальнейшем цитировании страницы указываются в тексте.

А. И. Богданов. Краткое ведение о авторах российских, кто какия на российском языке издавал книги и разные переводы. 1755.

8. Адриана, святейшего патриарха, книга разных его сочинительных грамат.

2) Книга Щит веры против раскольников.

3) О целости домов божиих и прочия духовные правила (с. 155).

6. Иоакима, святейшаго патриарха, книга Увет духовный.

2) Слово благодарственное ко господу богу о избавлении церкви от злых наветников. 1684.

3) Слово на Никиту Пустосвята. 1684.

4) Книга извещение чудес о сложении трех первых перстов. 1677.

5) Книга Икона, написание всех его патриаршеских грамат (с. 155).

Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

Адриан, Патриарх Московский и всея России. Из сочинений его остались известные две только рукописные книги: первая Щит веры, содержащая в себе разные нравоучительные рассуждения, возражения против еретиков и другие наставления; вторая содержит в себе грамоты, или послания сего патриарха, в разные времена писанные, и указы духовные. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 2—3).

Иоаким, Патриарх Московский и всея России, сочинил книгу Увет духовный, которая и напечатана в Москве 1682 года; также остались из сочинений его рукописными две книги: 1) Остец, или собрание духовещаний 1668 года, 2) Икона, содержащая в себе все грамоты и разные послания сего Патриарха. Обе сии книги хранятся в Императорской библиотеке (с. 72).

Очевидно, что А. И. Богданов в «Кратком ведении» более полно представил репертуар рукописной книги, так как в эту работу он включил сведения о книгах, поступивших в Академическую библиотеку значительно позднее выхода из печати «Камерного каталога» (1742). В качестве примера можно привести известие о «Книге о скудости и богатстве» Ивана Посошкова, переписанной «при Академии наук» в 1756 г. с книги, принадлежавшей М. В. Ломоносову. Об этом сохранилась запись на последнем листе списка, сделанная рукою А. И. Богданова.⁶

В «Кратком ведении» А. И. Богданов написал только об одном сочинении Ивана Посошкова — «Книге о скудости и богатстве». Позднее в Академическую библиотеку поступило еще одно сочинение И. Посошкова — «Проект о школах для обучения юношества» из книг «бывшего обер-прокурора Я. Г. Левонидова».⁷ Но Н. И. Новиков, пользовавшийся «Кратким ведением»

⁶ БАН. 16.3.15.

⁷ БАН. 1.5.57. В Библиотеке АН СССР имеется второй экземпляр рукописи «Проекта о школах для обучения юношества» (БАН. 17.16.31). По мнению О. П. Лихачевой, специально занимавшейся изучением обоих списков, второй список является копией с копии, списанной с книги Я. Г. Левонидова, с некоторыми поправками, внесенными в явно ошибочные чтения первой копии. Я. Г. Левонидов умер в 1756 г., следовательно, его рукописи поступили в Академию наук позднее этого года.

А. И. Богданова, поместил в «Опыте исторического словаря о российских писателях» известие только об одном произведении И. Посошкова:

4. Посошкова Ивана Книга о скудости и богатстве. 1724 (с. 160).

Посошков, Иван. Из сочинений его осталась одна только книга: О Скудости и Богатстве, хранящаяся рукописною в Императорской библиотеке (с. 172).

Показав, что Н. И. Новиков использовал для составления «Опыта исторического словаря» рукописное сочинение А. И. Богданова «Краткое ведение о авторах российских», мы тем самым не исключаем обращения Н. И. Новикова к печатному «Камерному каталогу».

В первых выпусках «Древней российской вивлиофики» были опубликованы рукописи, хранившиеся в Библиотеке Петербургской академии наук, сведения о которых Н. И. Новиков мог почерпнуть в «Камерном каталоге».

Рукопись под заглавием «Ведение о строении первом в России карабле, именуемом Орел, каков построен во дни великого государя царя и великого князя Алексия Михайловича»⁸ числится в «Камерном каталоге» в «Разделении II. Книги гражданские рукописные различного содержания» под № 16 «в полдесть».⁹

По своему происхождению рукопись связана с библиотекой Петра I.¹⁰ Как указано в самом сочинении, это отрывок из книги Иоанна Стрюса «Вояж в Москву и Персиду и в прочия страны», изданной в Лионе в 1684 г. Новиков опубликовал «Ведение о строении первого в России корабля, именуемого Орел...» в 1-м январском выпуске «Древней российской вивлиофики» за 1773 г.¹¹ Еще раз «Ведение о строении первого в России корабля» было напечатано в 3-й части второго издания «Древней российской вивлиофики» за 1788 г.

Под № 2 в «Разделении II» «Камерного каталога» в числе книг «в четверть десть» названа «Книга Урядник, или Новое уложение и устройство чину сокольничья при державе царя Алексия Михайловича».

«Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» также была дважды издана Новиковым: в ч. 1, июнь 1773 г. первого издания «Древней российской вивлиофики» и в ч. 3 за 1788 г. второго издания.

⁸ Рукопись сохранилась: БАН. 1.4.16.

⁹ Российские печатные книги, находящиеся в императорской библиотеке. Камера W. Шкап 1, 2, 3. СПб., 1742, с. 72—73.

¹⁰ См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. М.—Л., 1956, с. 73.

¹¹ Древняя российская вивлиофика, вып. I, январь 1773 г. СПб., с. 40—58. (Далее сокращенно — ДРВ).

По рукописям Академической библиотеки в «Древней российской вивлиофике» были опубликованы «Грамота государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, писанная к Ягану королю свейскому в 7080 (1572) год»,¹² «Перевод с шертных грамоты, какову дал Мурат Гирей хан посланникам стольнику Василью Тяткину, да дьяку Никите Зотову»¹³ и сочинение монаха Александро-Невского монастыря Бурхарда-Адама (Никодима) Селлия «Зерцало историческое государей российских»,¹⁴ переведенное с латинского языка на русский архиепископом Амвросием. Им же написана и краткая биография Селлия.

Значительную роль в археографической работе Н. И. Новикова играл его творческий контакт с историком М. М. Щербатовым. Нам неизвестно, когда началось их знакомство. Но можно полагать, что в 1766 г. они знали друг друга по совместной работе в Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, созванной Екатериной II. Русская императрица поддерживала интерес М. М. Щербатова к социально-политической истории древнейшего периода и выразила пожелание видеть написанную им «Российскую историю». В 1767 г. Екатерина II «соизволила разрешить» Щербатову «из собранных книгохранилищ Патриаршей и Типографской <...> потребные книги брать». В январе 1770 г. почти накануне выхода I тома «Истории российской от древнейших времен» Щербатов получил письменный указ Екатерины II о праве пользоваться документами Московского архива Коллегии иностранных дел, где хранились духовные и договорные грамоты князей начиная с середины XIII в. и памятники дипломатических сношений России с иностранными державами. До этого разрешения Екатерины II такие документальные источники были недоступны историкам: обнародование этих материалов рассматривалось как разглашение государственной тайны.

В 1770 г. для М. М. Щербатова были сняты копии с 218 номеров грамот великих князей, хранящихся в архиве Коллегии иностранных дел. В предисловии к III тому «Истории российской» Щербатов сообщил об этих источниках, полученных им через Г. Ф. Миллера: «... древнейшие из оных суть грамоты новгородские, которые начинаются с 1240 года при княжении великого князя Ярослава Всеволодовича; грамоты же московских великих князей начинаются со времен великого князя Иоанна Даниловича, еще прежде возшествия его на престол великого княжения,

¹² ДРВ, ч. I, с. 52—58. Рукопись сохранилась: БАН. 32.4.29.

¹³ ДРВ, ч. I, с. 59—65. Рукопись не сохранилась.

¹⁴ В настоящее время в Отделе рукописей БАН АН СССР не имеется рукописи сочинения Селлия о родословии российский государей, равно как и его перевода на немецкий язык «Летописца российского с 860 по 1462 год», о котором упоминается в доношении И. Тауберта (Архив АН СССР, ф. 3, оп. I, № 93, л. 192). Новейшее исследование об Адаме Селлии написано П. Н. Берковым, см.: Берков П. Н. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.). — Вестн. Ленингр. ун-та. Серия истории, языка и литературы, 1966, № 20, вып. 4, с. 98—109.

т. е. до 1328 года. Многие из сих грамот писаны на пергаменте, а большая часть на бумаге, без подписания тех, которые оные заключали, но с приложением их печатей; а на иных токмо, яко духовного посредника приложено подписание, тогда бывшего митрополита российского». ¹⁵

В конце 1772 г. Щербатов запросил копии дипломатических документов и статейных списков посольств, но ему удалось получить сами оригиналы посольских списков при условии их возвращения после использования. Щербатов имел в своем распоряжении «разные посольские дела с дворами Цесарским, Аглинским, Дацким, Шведским, Польским, Прусским, с Греческими духовными особами, с Турецким, Крымским, Нагайским и Персидским». ¹⁶

С получением копий из московского архива Коллегии иностранных дел, по-видимому, происходили какие-то затруднения, и в 1775 г. Щербатов добился от Екатерины нового указа о праве пользоваться «на дому подлинными актами архива».

Как можно видеть из анализа опубликованных в «Древней российской вивлиофике» документальных памятников, хранившихся в московских «книгохранилищах» (Патриаршей библиотеке, архиве Коллегии иностранных дел, в московских соборах и церквях и в частных собраниях), Новиков начинал подготовку издания по копиям, но при окончательной доработке текста обращался к подлинным рукописям. Счастлирое стечение обстоятельств — в Эрмитажном собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранились копии московских рукописей, ¹⁷ присланных Щербатову, — позволило прийти к этому выводу.

Анализ приемов передачи текста, выбора списков и комментирования древнерусских памятников, изданных в «Древней российской вивлиофике», не является предметом настоящей статьи: этому посвящены другие мои работы. ¹⁸ Задача настоящей статьи — рассмотрение источников археографических разысканий Н. И. Новикова. Поэтому важным представляется выяснить, какие рукописи из каких «книгохранилищ» и при посредничестве кого получал Новиков для издания.

С мартовского выпуска 1-й части «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. Новиков начал публиковать материалы Патриаршей (Синодальной) библиотеки по спискам, полученным Щербатовым из Москвы. Благодаря Щербатову Новиков смог

¹⁵ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен, т. III. СПб., 1774. Предисловие, с. 10.

¹⁶ Там же, Предисловие, с. 11.

¹⁷ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.

¹⁸ См.: Моисеева Г. Н. 1) Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 276—293; 2) Пергаменный Синодик Государственного исторического музея в издании Н. И. Новикова. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 100—108.

за короткий промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников, имеющих важное значение для судеб русской культуры конца XVIII—начала XIX в. По спискам Патриаршей (Синодальной) библиотеки Новиковым были изданы следующие памятники: Синодик XV в. с вставками и исправлениями XVI и XVII вв., Устав патриарха Иоакима, Собрание жалованных грамот, касающихся города Полоцка, Духовные патриарха Адриана и патриарха Иоакима, Житие боярина Ртищева, Путешествие митрополита Исидора на Флорентийский собор, Сказание действенных чинов церкви Успения богородицы, Чин пещного действия, Изложение патриаршее о обряде в Вербную неделю, Церемониал при погребении царевича Алексея Алексеевича, Сказание како состави Кирилл Философ азбуку, Чин бываемый как государю служить, Записки некоторым обрядам, бывшим между государем и патриархом, Ярлыки, сиречь жалованные грамоты, иже давали первые цари ординские и сущие по них вси святейшим преосвященным митрополитам Киевским и всея России, легость церковным домом и людем православным.

Начиная с июльского выпуска 2-й части за 1773 г. Новиков приступил к публикации договорных и духовных грамот великих и удельных князей XIII—XV вв. по копиям списков Московского архива Коллегии иностранных дел. Из этого же архива были получены и многочисленные «Посольские дела».

Большое участие в археографической деятельности Новикова принимал историк Г. Ф. Миллер, уехавший в марте 1765 г. из Петербурга в Москву и занимавший с 1766 г. должность директора Московского архива Коллегии иностранных дел. Помимо копий, присланных Щербатову (неоднократно выправленных рукою Г. Ф. Миллера), Г. Ф. Миллер снабжал Новикова разнообразными материалами. Так, при посредстве Миллера в «Древней российской вивлиофике» были напечатаны драматические произведения XVII—начала XVIII в.: «Комедия, притча о блудном сыне» и «Комедия о Навуходоносоре» С. Полоцкого, комедия «Ужасная измена сластолюбивого жития», комедия «Навуходоносор, Мемухан, Моав» (эта пьеса более известна под названием «Юдифь», данным Н. С. Тихонравовым). Миллером же были даны и другие памятники: Известие об Антоне Поссевино, Грамота Д. М. Пожарского митрополиту Казанскому Ефрему, Грамота от российских бояр к Якову Мирку, Грамота Ивана IV, Сказка о Стеньке Разине.

Сохранилась собственноручная «Записка для припоминания для написания в письме к г. Миллеру», в которой Новиков просит Миллера дать ему:

1. Копии с грамот.
2. — с трактатов.
3. — с посольских наказов и описаний посольств.
4. — с церемониалов в Архиве находящихся и других

достопамятных вещей, по рассмотрению г. Миллера, к печатанию годных». ¹⁹

Екатерина II, показывая «благоволение» к публикации древнерусских литературных и исторических памятников, не препятствовала передаче Щербатовым Новикову копий, полученных из московских собраний, и дала для «Древней российской вивлиофики» некоторые материалы из своей библиотеки. Первая часть «Древней российской вивлиофики» за 1773 г. открывалась публикацией «Описания брачного сочетания государя царя и великого князя Михаила Феодоровича лета 7134 (1626 г.)», полученного из «комнатной библиотеки ея высочества». В XVIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики» было напечатано «Краткое топографическое описание Синбирской губернии, составленное советником Маленицким». Из переписки Новикова с секретарем Екатерины II Г. В. Козицким от 30 октября 1773 г. видно, что императрица обещала дать для издания в «Древней российской вивлиофике» «известия о родах княжеских и дворянских» для «Собрания полной книги родословной». ²⁰ Но так как подобные материалы, опубликованные в «Вивлиофике», получены от других лиц, можно думать, что Екатерина II по каким-то причинам изменила свое первоначальное решение.

Н. И. Новиков получал рукописи от уже упоминавшегося выше П. К. Хлебникова, славившегося замечательным собранием древностей.

Квартирмейстер лейб-гвардии Измайловского полка Василий Петрович Ознобишин отдал Новикову для публикации шесть подлинных грамот 1486—1539 гг.

Протоиерей Успенского собора Александр Егорович Левшин снабдил Новикова рукописным «Уставом московских патриархов», напечатанным в X выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики», а Василий Алексеевич Левшин — «Грамотой о избрании на царство царевичей Петра Алексеевича и Иоанна Алексеевича», опубликованной в XI выпуске 2-го издания.

Из личного собрания М. М. Щербатова было получено «Родословие Щербатовых, Мосальских, Солнцевых, Одоевских, Шаховских», опубликованное в VIII выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Интерес Новикова к подлинным родословным известиям дал ему возможность напечатать «Список наказа о фамилии князей Волхонских», лично принадлежащий князю Павлу Михайловичу Волхонскому.

Из собрания графов Шереметьевых (от Владимира Федоровича Шереметьева) был получен «Послужной список старинных

¹⁹ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. IV. М., 1862, с. 42.

²⁰ Там же, с. 43.

бойр», опубликованный в XX выпуске 2-го издания «Древней российской вивлиофики».

Из собрания протоиерея Петра Алексеевича Алексеева получен рукописный «Чин поставления на царство Феодора Алексеевича» (вып. VII 2-го изд.).

Из «книгохранительницы князя Сергея Дмитриевича Кантемира» получена «Грамота в Путивль из Ярославля от Д. М. Пожарского» (II вып. 1-го изд.) и рукописи Д. Кантемира.

Антоний, архиепископ Архангелогородский и Холмогорский, «сообщил» Новикову «Летописец Двинской», опубликованный в XVIII вып. 2-го изд.

Н. Н. Бантыш-Каменский, принимавший самое деятельное участие в правке копий с грамот Московского архива Коллегии иностранных дел и этим оказавший большую помощь изданию «Древней российской вивлиофики», передал Новикову для публикации большое количество ценных грамот и бумаг, найденных им в библиотеке Иосифова монастыря (XIV вып. 2-го изд.).

Из личного собрания самого Новикова в «Древней российской вивлиофике» были опубликованы следующие памятники: Путешествие Федора Исааковича Байкова в Китай (IV вып. 2-го изд.), Статейный список посольства Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию (VIII вып. 1-го изд.; IX вып. 1-го изд.; IV вып. 2-го изд.), Наказ до градского благочиния и Наказ Андрею Новикову о бытности его в Свяжске (VII вып. 1-го изд., XIX вып. 2-го изд.).

В 1775 г. Н. И. Новиков представил Екатерине II через ее секретаря Г. В. Козицкого «Объявление» о новом подготавливаемом им издании — «Сокровище российских древностей».²¹ В настоящее время С. Р. Долговой найден сигнальный экземпляр первого выпуска «Сокровища российских древностей», в котором было помещено описание Архангельского, Успенского и Благовещенского соборов московского кремля — «всех достопамятностей, в оном находящихся». Описание было составлено московским архиепископом Амвросием (Андреем Зертис-Каменским) и подготовлено к печати Н. Н. Бантышем-Каменским.²² Однако издание это не было осуществлено. С. Р. Долгова полагает, что причиной этого могли быть обстоятельства, связанные с восстанием Пугачева. Это весьма вероятно, так как в 1775 г. прервалось и 1-е издание «Древней российской вивлиофики».

Не следует думать, что в настоящее время мы располагаем сведениями о всех источниках археографической деятельности Н. И. Новикова. В 1-м издании «Древней российской вивлиофики» Новиков чрезвычайно редко снабжал публикацию памятника «известиями» о месте его хранения или принадлежности.

²¹ Там же, с. 45—47.

²² Долгова С. Р. «Продолжать печатанием запрещено». Неосуществленное издание Н. И. Новикова. — Литературная газета, 1973, № 9, 28 февраля.

1-е издание «Древней российской вивлиофики» прервалось в 1775 г. на X выпуске; 2-е издание выходило с 1788 по 1791 г. В промежутках между обоими изданиями (с марта по август 1777 г.) Новиков выпустил 22 номера «Санкт-Петербургских ученых ведомостей», целью которых, как полагал издатель, было «уведомление о напечатанных книгах с присовокуплением критических оных рассмотрений».

27 января 1777 г. в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» была опубликована анонимная рецензия на «Древнюю российскую вивлиофику». П. Н. Берков предполагает, что автором ее мог быть сам Н. И. Новиков.²³

В отзыве об издании говорилось о его полезности для «Истории российской» и высказывался ряд пожеланий, реализация которых, по мысли автора статьи, должна была содействовать лучшему изданию отечественных древностей. Автор предлагал, «чтобы приложены были ко всякой части алфавитные росписи находящимися во оной части материями <...>, чтобы сколько возможно делаемы были примечания на темные и невразумительные места и слова <...>, чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо, или поправляемо не было, но печатано было бы точно так, как обретается в подлиннике <...>, чтобы означено было точно, откуда получен список, где находится подлинник, и каким почерком писан, старинным или новым».²⁴

В этой рецепции указывалось в ряде случаев, из каких источников черпал рукописи Новиков для 1-го издания «Древней российской вивлиофики». Во 2-м издании Новиков чаще снабжал публикацию кратким указанием на место хранения источника (например, «Сия пиеса взята в Патриаршей книгохранительнице», «Статья сия взята из Императорской библиотеки при Академии наук»). Но вместе с тем Новиков почти никогда не указывал номеров, под которыми числились рукописи в государственных книгохранилищах. А если даже и называл номера, как например при публикации Синодика: «Синодик, или Поминанье, подлинное писано на пергамене старинным почерком и хранится в Книгохранительнице Патриаршей под номером 465 рукописных Российских книг»,²⁵ — то разыскать рукопись под этим шифром в настоящее время не представляется возможным, так как в течение XIX—XX вв. несколько раз происходила перешифровка рукописных собраний.

Поэтому для установления источников публикаций приходилось всякий раз производить исследование для каждого отдель-

²³ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 394.

²⁴ Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год Н. И. Новикова. Изд. 2-е, А. Н. Неустроева. СПб., 1873, с. 27—28.

²⁵ ДРВ, вып. VIII. Изд. 1-е. СПб., 1775, с. 125; вып. VI. Изд. 2-е. М., 1788, с. 506.

ного памятника, то есть изучать все списки произведения, хранившиеся в данном собрании (если место хранения было названо Новиковым), сверять их с публикацией в «Древней российской вивлиофике» и по совокупности отдельных наблюдений над текстом (учитывая при этом историю данного собрания) устанавливать, какая именно рукопись была издана Новиковым. Без решения этой задачи невозможно ставить проблемы анализа текстологических приемов Новикова — проблемы, имеющей важное значение для понимания места «Древней российской вивлиофики» в истории книговедения второй половины XVIII в.

* * *

Издание «Древней российской вивлиофики» оказало громадное влияние на судьбу русской культуры конца XVIII—начала XIX в.²⁶ Это было первое издание литературных, исторических и документальных памятников.

Размах археографической деятельности Н. И. Новикова, осуществившего в небольшой промежуток (с 1773 по 1791 г.) два издания «Древней российской вивлиофики», огромен. Новиков впервые привлек к изданию большое количество неизданных и неизвестных рукописей и ввел в науку пласт новых материалов. В этом он видел не только «ученый труд», необходимый для будущих исследователей «русских древностей», но и высокий патриотический долг.

Новиков не скрывал своего замысла и в «Предисловии» к 1-му выпуску «Древностей российской вивлиофики» ясно определял направленность своего издания: «Не все у нас еще, слава богу, заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев, и с восхищением познают великость духа укращенного простотою».²⁷ Обращаясь к «любителям российских древностей», Новиков сообщал, что его издательская деятельность направлена для «удовольствия и познания», и предупреждал: «Не зриай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество, они и самые добродетели предков наших пересмежают и презирают».²⁸

Н. И. Новиков был не только талантливым издателем, но и хорошим организатором. Задумав публикацию корпуса древнерусских литературных и исторических памятников, он сумел сплотить вокруг этого большого дела ученых, энтузиастов, хранителей и собирателей «русских древностей». В процессе подго-

²⁶ См.: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974, с. 295—319.

²⁷ ДРВ, вып. I, январь 1773 г. СПб., с. 2 (Предисловие).

²⁸ Там же.

товки издания под влиянием Новикова формировались их взгляды, вырабатывались приемы издания и комментирования памятников. Из молодого окружения Новикова вышли выдающиеся археографы конца XVIII—начала XIX в., хранители и знатоки древнерусской литературы Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, причастные к первому изданию «Слова о полку Игореве», и автор «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, оказавший большое влияние на формирование исторических взглядов Пушкина.

М. И. МЕДОВОЙ

«NN ИНОСТРАНЕЦ» И «ВСЕЗНАЮЩИЙ»

В феврале 1780 г. в журнале Н. И. Новикова и М. М. Хераскова «Утренний свет» было опубликовано письмо к издателям, подписанное псевдонимом «NN иностранец» и направленное против некоего «Всезнающего». Этот документ, до сих пор не привлекавший внимания исследователей, дает представление о полемике наиболее крупных масонов. Есть основания предполагать, что под именем «Всезнающий» скрыт Н. И. Новиков.

«Понеже вы, как уже мне известно, примерами доказали истинную вашу к отечеству и ко всем людям любовь <...>, то обращаюсь я к вам, имея желание сообщить некоторые мои мысли публике жаждущей истины»,¹ — так признанием заслуг издателей журнала мотивирует автор обращение с письмом, посвященным главным образом масонским спорам. Обнаружив при встрече «в одном собрании» разногласия со «Всезнающим», «NN иностранец» счел нужным сделать содержание спора достоянием читателей. Более того, формулируя спорные моменты, автор и в письме требует от «Всезнающего» признания правильности своих суждений. История масонства («Где пачинается наша история?»), огонь как стихия, употреблением которой человек «бывает всему творец», таинства древних — вот те положения, по которым четко обозначились разногласия. Стремясь разоблачить «Всезнающего», человека, несомненно, известного, «NN иностранец» указал приметы, по которым читатель должен был узнать подлинную фамилию его противника: самый подбор отличительных признаков свидетельствует о том, что спор, разгоревшийся по поводу книги «Крата репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов», вышел за пределы узко масонской проблематики, что и делает письмо «К издателям „Утреннего света“» интересным для нас.

Что же дает возможность видеть во «Всезнающем» Новикова? В письме, затронувшем вопрос об исторических взглядах и значе-

¹ Утренний свет, 1780, ч. VIII, с. 176.

нии достижений науки, автор, приведя слова, характеризующие позицию «Всезнающего», далее заявляет: «Остановитесь, господин Всезнающий, не спеши: мне кажется, что есть нечто, которое называется Ученою историею, а сия в вашем словаре может быть не находится, или по нещастию, оного вы не нашли». ² Итак, «Всезнающий» — автор словаря, в котором нет «ученой истории». Если принять во внимание контекст письма, то следует предположить, что в словаре никак не проявилось масонское предположение об историческом процессе. «NN иностранец» в другом месте письма упрекает «Всезнающего» за то, что он «с великою гордостью» говорит об образе правления, законах, но не знает, где история берет начало. Обнаруживая характерный для масонов интерес к Египту, автор письма утверждает, что «Всезнающий» не знает, «откуда происходит сие могущественное государство». ³ За этим, казалось бы, углубленным интересом к древней истории отчетливо обнаруживается различное восприятие современности «Всезнающим» и «NN иностранцем». Стремясь показать неосведомленность своего противника в вопросах, связанных с орденомской обрядностью и происхождением орденового учения, автор письма тем самым ставит под сомнение и его концепцию современной истории. Книга «Крата репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов» по своему содержанию враждебна просветительской мысли, одним из проявлений которой, как представляется, был интересующий нас словарь.

Текст письма дает возможность уточнить, о каком словаре идет речь. Утверждая, что в древности «школы философов каждому были открыты», «NN иностранец», обращаясь к «Всезнающему», заявляет: «Вам также ясно, сколь много превосходят оные совершеннейших писателей наших от Вас прославляемых и просвещенных времен». ⁴ Таким образом, не вызывает сомнения, что это был словарь писателей.

Можно с уверенностью утверждать, что под автором словаря не подразумевался масон А. А. Волков, который напечатал в 1768 г. в Лейпциге «Известие о некоторых русских писателях...». В этом можно не сомневаться хотя бы потому, что «Известие...» было издано анонимно и до установления авторства Волкова называлось еще семь других имен. Зато заглавие труда Н. И. Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) содержит в себе оба указанных признака: это и словарь писателей, и определенная концепция русской истории. Могла бы, пожалуй, вызвать сомнение фраза о «прославляемых и просвещенных временах», невольно заставляющая вспомнить В. Г. Рубана, льстиво восхвалявшего российские порядки. С именем же Новикова связываются факты и легенды, рассказываю-

² Там же.

³ Там же, с. 180.

⁴ Там же, с. 179.

щие о его враждебном отношении к режиму Екатерины II. Однако В. Г. Рубан не был автором подобного словаря; а Новиков, несмотря на свойственное ему критическое отношение к действительности, гордился достижениями России. «Опыт исторического словаря о российских писателях» попадал под определение, данное «NN иностранцем». Из предисловия Новикова выяснилось, что «наступило то время, в которое неусыпным попечением наша императрица исправляются погрешности предков наших», что Россия «вступила на такой степень величества, что все иностранные народы счастию ее завиствуют и удивляются». ⁵ Развертывая в словаре мысль об историческом развитии русской литературы, Новиков особенно подчеркивал успехи просвещения: «...погруженная прежде в невежество Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются». ⁶

Естественно, что автор письма стремился отобрать наиболее существенную примету для обозначения своего противника. Такой приметой для Новикова, несомненно, могло стать указание на причастность к словарю, чего не мог не учитывать человек, специально интересовавшийся, как это явствует из первых строчек письма, деятельностью издателей «Утреннего света». Чтобы читатель вспомнил Новикова, нужно было лишь упомянуть словарь. До «NN иностранца» этим обстоятельством воспользовались В. Петров (послание 1772 г. «К ... из Лондона») ⁷ и Ф. Козельский (ода «О любви к отечеству»). ⁸

Намеки автора письма могли, следовательно, получить только одно истолкование: «Всезнающий» — это Новиков. Таким образом, сопоставление приведенных выше деталей позволяет рассматривать письмо «К издателям „Утреннего света“» как документ, направленный против Новикова.

Теперь следует выяснить, кто же был противником Новикова, автором письма, скрывшим себя под псевдонимом «NN иностранец». Судя по тексту письма, это весьма авторитетный в масонстве человек. Он принадлежит к числу тех лиц, о которых Новиков-«Всезнающий» говорил, что они «насилъно хотят вкоренить публике через изображение древних таинств, что будто бы и они имеют таинства». ⁹ Для нас особый интерес представляет желание «NN иностранца» впредь «сообщать малые сочинения» по вопросам, затронутым в письме (по всей видимости, о таинствах древних). Думается, что это замечание дает ключ к раскрытию псевдонима: вполне естественно ожидать, что «NN ино-

⁵ Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 277.

⁶ Там же.

⁷ См.: Поэты XVIII века, т. I. Л., 1958, с. 383.

⁸ См.: Сочинения Ф. Козельского. СПб., 1778, ч. I, с. 151.

⁹ Утренний свет, 1780, ч. VIII, с. 176.

странец» каким-либо путем осуществил свое намерение. Однако статей такого содержания в «Утреннем свете», неожиданно закрытом в августе 1780 г., не появилось. Зато в 1784 г. в переводе И. П. Тургенева вышла книга «Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков», по своей проблематике близкая письму «К издателям „Утреннего света“». Книга была издана анонимно, ее автором, как было установлено, являлся И. А. Штарк.¹⁰ Самый тон предпосланного «Апологии» предупреждения напоминает тон самоуверенного и властного автора письма. В «Утреннем свете» «NN иностранец» сообщал, что подавил своей ученостью «Всезнающего», а из предупреждения читатель узнавал, что автор книги «в ордене занимает знатное место и при том ученый человек».¹¹ В обоих случаях подчеркивается осведомленность автора в масонских делах. Неудивительно, что мы не найдем прямых параллелей в письме и книге; важнее то, что ход мысли и установочные моменты в них едины. Примечательно, что и в письме и в «Апологии» автор подкрепляет свое мнение ссылкой на авторитет греков и римлян. Это обращение к прошлому является в обоих случаях важным концепционным моментом. «NN иностранец» противопоставлял в письме «чернь» народу Греции и Рима, стремясь доказать Новикову-«Всезнающему», что «метафизическое или богословское познание» не было в древнем мире «от многолюдства скрыто».¹² Этим автор письма обосновывал свой взгляд на исторический процесс, согласно которому древность была временем высокого развития духовной культуры. Сопоставление двух исторических этапов сказалось и в «Апологии». Автор этой книги ставит мистерии выше рассуждений просветительской философии о бессмертии души и о среднем состоянии, с удовольствием рассказывая о том, что «большая часть посвященных в сии таинства была из простого народа».¹³

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 1785 г. вновь появилась книга И. А. Штарка «О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов» — так называлась она в переводе А. Петрова. Появление этой книги не только свидетельствует о большом значении поднятых философских проблем, в первую очередь проблемы соотношения разумного и чувственного начал, но и показывает, что Штарк был по вопросу о таинствах древних наиболее крупным авторитетом для русских масонов. Напомню, что знатоком мистерий был и «NN иностранец». Несмотря на близость к Новикову А. Петрова, и в его переводе прозвучала отчетливая у Штарка неприязнь к тем «новейшим писателям, которые хотят мистерии древних народов вывести из времен

¹⁰ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 3. М., 1966, с. 387.

¹¹ Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков. М., 1784, Предупреждение.

¹² Утренний свет, 1780, ч. VIII, с. 177.

¹³ Апология, или Защищение ордена вольных каменщиков, с. 168.

дикости».¹⁴ Такую точку зрения, как видно из письма «К издателям „Утреннего света“», разделял «Всезнающий», противопоставлявший современность тому времени, когда весь «человеческий род находился в невежестве».¹⁵ Все эти факты позволяют высказать предположение, что автором письма был И. А. Штарк.

И. А. Штарк — действительно иностранец. Думается, что он умышленно не ограничился столь распространенным псевдонимом «NN», чтобы подчеркнуть, что критика Новикова-«Всезнающего» исходит не от русских масонов.

Трудно усмотреть в псевдониме «NN иностранец» мистификацию: ведь автора письма знали те, кто присутствовал при его споре с «Всезнающим». Несомненно и то, что автор письма недавно приехал в Россию. Об этом свидетельствует даже обращение к издателям: «..уже мне известно...». Но считать его русским подданным, долгое время жившим за границей, нельзя: тогда для подписи «NN иностранец» нужна была бы определенная репутация, а это в свою очередь делало бы непонятными слова о затруднительности для автора письма вступать в свет («большие общества»). Сам факт опубликования письма в журнале, одним из издателей которого был Новиков, свидетельствует о большой силе и авторитете «NN иностранца» в масонстве. Видимо, «большие общества» были недоступны для автора письма как из-за кратковременности пребывания в России, так и из-за нежелания афишировать его. В короткий срок так остро включиться в общественную жизнь мог лишь человек, посвятивший всего себя масонству и сравнительно хорошо знавший Россию. Именно таким человеком был И. А. Штарк.

Судьба Иоганна Августа Штарка (1741—1816), профессора богословия, человека, склонного к авантюризму, была связана с Россией. С 1763 по 1765 г. он был преподавателем St. Petersburg в Петербурге; потом, перейдя в Париже в католичество, он вновь в 1768 г. приехал в Петербург, стремясь упрочить позиции немецких масонов в России.¹⁶ В 1777—1781 гг. Штарк, уделявший большое внимание восстановлению духовного рыцарства, жил в Митаве, и, по свидетельству Ф. Шлоссера, именно в интересующее нас время, «около 1781 года <...> повсюду сильно жаловались на иезуитизм Штарка и влияние розенкрейцеров».¹⁷

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что именно в Митаву, а не прямо в Берлин к Вёлльнеру и Тедену, за письмами, которые определили дальнейшую судьбу русского ма-

¹⁴ О древних мистериях или таинствах, бывших у всех народов. М., 1784, с. 168.

¹⁵ Утренний свет, 1780, ч. VIII, с. 178.

¹⁶ См.: Финдель И. История франкмасонства, т. I. СПб., 1872, с. 260.

¹⁷ Шлоссер Ф. К. История XVIII столетия и XIX до падения французской империи, т. III. СПб., 1868, с. 210. Может быть, с повывсившейся активностью немецкого масонства связано издание брошюры Екатерины II «Тайна противонелепого общества» и закрытие «Утреннего света»?

сонства, выехали в июле 1781 г. Татищев и Шварц. Поездка эта была предпринята по инициативе Шварца, который, по свидетельству Новикова, был знаком с одним из старших курляндских масонов.¹⁸ Может быть, этим знакомым и был Штарк? Показания Новикова недостаточно точны, чтобы по ним можно было достоверно решить этот вопрос. «Фамилии его не помню», — говорил Новиков, имея, по всей видимости, достаточно оснований для того, чтобы отстраниться на следствии от этого агента немецких масонов. Но, по его словам, знакомый Шварца был мастером логи и «префектом, помнится, капитуля». ¹⁹ Может быть, приором капитула? Тогда это несомненно Штарк. Так или иначе, но указание на руководящую роль этого человека в капитуле клерикалов очень важно, ведь капитул — любимое детище Штарка. И именно к той орденской системе, которую пропагандировал Штарк, в тайне от Новикова стремились Шварц и его единомышленники.

Известно, что результаты поездки вызвали недовольство Новикова. Это казалось странным, поскольку он сам стал розенкрейцером. Если же считать, что в 1780 г. ему пришлось столкнуться со Штарком, который затем выступил с письмом «К издателям „Утреннего света“», то недовольство становится вполне объяснимым. Спор с автором письма не мог не показать Новикову глубоких идейных расхождений, которые существовали между ним и руководителями ордена розенкрейцеров.

Высказанные соображения подкрепляют предположение о том, что автором письма «К издателям „Утреннего света“» был И. А. Штарк. Пропагандист наиболее реакционных воззрений, Штарк увидел в Новикове серьезного идеологического противника, с деятельностью которого нельзя было не считаться. Poleмика, перенесенная на страницы журнала «Утренний свет», тем и интересна для нас, что дает возможность очертить своеобразное место Н. И. Новикова в масонстве.

¹⁸ Лонгинов М. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, Приложение, с. 079.

¹⁹ Там же. По своему значению слова «префект» (начальник) и «приор» (первый) скорее всего равнозначны.

В. А. ЗАПАДОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ОДА Г. Р. ДЕРЖАВИНА

«Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779) — одно из ярчайших доказательств вступления Г. Р. Державина на новый путь в поэзии. Известно, однако, что «Стихи» — второе произведение, посвященное Державиным великому князю Александру Павловичу, родившемуся в 1777 г. В объяснениях на свои стихотворения поэт указывал: «Сие аллегорическое сочинение относится ко дню рождения государя императора Александра Павловича, случившегося декабря 12 дня, в котором солнце оборачивается на весну. Хотя на тот случай была сочинена автором ода и в 1777 г., т. е. в самый год рождения его величества; но как в не соответственном дару автора вкусе, а в Ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным, то та ода в сочинениях его и не напечатана, а сия написана после, года три спустя...».¹

Вполне естественно возникает вопрос, была ли ода 1777 г. опубликована в свое время. В исследованиях о творчестве Державина можно найти только отрицательный ответ. Так, например, А. В. Западов писал: «Ода в свое время не увидела света, а два года спустя Державин ее забраковал <...> Мы не знаем, как выглядел первый вариант стихов, <...> написанный в 1777 г., он не сохранился».² Несколько иное освещение творческой истории «Стихов» 1779 г. содержится в работах Д. Д. Благого: «Державин начал было это стихотворение еще в 1777 г., причем стал писать его в обычной манере ломоносовской торжественной оды, взлетая „в вершины звезд“. Но вскоре он отказался от этого, уничтожил сделанное и два года спустя написал стихи совсем в другом роде».³

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. III. СПб., 1866, с. 712. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Гр.» и указанием тома и страниц.

² Западов А. В. Мастерство Державина. М., 1958, с. 34—35.

³ Благой Д. Д. Державин. М., 1944, с. 34—35; то же см.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 391.

Предположения советских исследователей о судьбе оды 1777 г. опираются на комментарий Я. К. Грота к «Стихам на рождение в Севере»: «На это событие он тогда же сочинил оду в Ломоносовском вкусе; но, находя, что она не соответствует его собственному дарованию, он ее уничтожил и потом написал эти стихи».⁴ Из следующей за этими словами ссылки видно, что они — пересказ соответствующего места «Объяснений» Державина, приведенного выше.

Но при сопоставлении державинских слов с их позднейшими интерпретациями нельзя не обратить внимания на существенное расхождение: поэт говорит о том, почему ода не включена в собрание его сочинений; исследователи же утверждают, что ода не только вообще не печаталась, но и была уничтожена автором.

Явное расхождение между словами Державина и их истолкованием у Грота заставило предпринять поиски. В рукописях поэта текста оды найти не удалось, но все же в примечаниях к второму изданию стихотворений Державина в Большой серии «Библиотеки поэта» я ограничился цитатой из «Объяснений», избегая всяких уточнений.⁵ А когда книга была уже подписана к печати, я обнаружил прямое свидетельство о публикации оды: в одной из державинских рукописей 1800-х годов, недостаточно внимательно изученных Я. К. Гротом и позднейшими исследователями, находится указание, что «Ода на рождение ныне царствующего императора» 1777 г. «тогда ж была напечатана и утратилась».⁶

Среди многих од на тот же случай у Сопикова указана одна анонимная (№ 7162), экземпляр которой имеется в ГПБ (начало: «В одежду светлу облекися»). Издание выпущено, по-видимому, типографией Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Однако анализ текста этой оды показал, что ее атрибутировать Державину трудно по причине полного отсутствия каких-либо точек соприкосновения с его творчеством. Тем не менее разыскания следовало продолжить, так как выяснилось, что еще в 1778 г. Г. Л. Х. Бакмейстер зарегистрировал появление не одной, а двух анонимных од на русском языке, посвященных Александру Павловичу.⁷

Полученные таким образом данные взаимно дополняли друг друга. Бакмейстер указывал на существование анонимной оды, которая осталась неизвестной всем позднейшим библиографам начиная с Сопикова. Державин засвидетельствовал, что аналогичная ода была написана им и напечатана. Очевидно, Бакмейстер и Державин имели в виду одно и то же анонимное издание.

⁴ Сочинения Державина..., т. I, с. 82.

⁵ См.: Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 369.

⁶ ИРЛИ, Рукописный отдел, Архив Я. К. Грота, № 15 883 ХСVIII б 2, л. 3.

⁷ Vasmeister H. L. Ch. — Russische Bibliothek, Bd V, 1778, S. 216—217.

Направление дальнейших поисков подсказывалось издательскими связями поэта: в 1770-х годах он обычно печатался в типографии Академии наук.

В Архиве Академии наук и были обнаружены сведения о второй анонимной оде на рождение Александра, притом довольно интригующие. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, прислало в Академию текст оды и деньги с просьбой «столько экземпляров, сколько за десять рублей можно, напечатать».⁸ Случай сам по себе уникальный, ибо документы свидетельствуют, что при анонимности издания канцелярии Академии или фактору типографии всегда был известен автор, по крайней мере издатель, оплачивавший расходы.

30 декабря 1777 г. канцелярия Академии наук дала соответствующее распоряжение фактору. Из архивной записи удалось определить даже первую строку оды: «Какие животворны звуки». Но стихотворения с таким началом не значилось в каталогах крупнейших книгохранилищ — ГПБ, БАН, ГБЛ. Только после выхода в свет 2-го тома «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» стало ясным: единственный зарегистрированный экземпляр оды хранится в библиотеке МГУ (см. аннотацию к № 4878).

Попытка выписать это издание по межбиблиотечному абонементу, предпринятая через БАН, оказалась неудачной, но к неожиданному результату привел просмотр изданий XVIII в. В самой БАН оказался второй экземпляр разыскиваемой оды, входящий в конволют, по каким-то причинам составителями «Сводного каталога» не учтенный.⁹ Это совершенно очевидно еще и потому, что на экземпляре «Изображения Фелицы» дарственная надпись Державина Н. А. Молчанову, составителю конволюта, а по данным «Сводного каталога», автограф поэта имеется только на аналогичном экземпляре ГБЛ (см. аннотацию к № 1773).

Полное название издания — «Ода на всерадостное рождение е. и. в. великого князя Александра Павловича. Сочинена 1777 года в декабре месяце. В Санктпетербурге при Имп. Академии наук». На титульном листе автограф владельца экземпляра Николая Молчанова.

Авторство Державина проясняет вопрос о причине анонимности издания. С августа 1777 г. поэт служил в Сенате, генерал-прокурор которого, князь А. А. Вяземский, по словам Державина, «не любил стихотворства», да и вообще писателей «почитал неспособными и ленивыми заниматься своею должностью», т. е. службой (Гр., III, 602).

Спустя три года Державин написал в стихотворении «На Новый год»:

⁸ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 619, л. 81.

⁹ БАН, Отдел редкой книги, № 431/9.

От должности в часы свободны
Пою моих я радость дней —

(Гр., I, 119)

и, будучи уже автором знаменитой «Фелицы», в 1783 г. вновь подчеркнул:

Когда от бремя дел случится,
И мне свободный час иметь,
Я праздности оставлю узы,

· · · · ·
Тогда ко мне придут музы.

(Гр., I, 155—156)

Строки эти неоднократно привлекали внимание критиков и литературоведов — от Белинского до наших современников — и служили поводом для заключений о пренебрежении Державина к поэзии, о недооценке им роли поэта и т. п.

С другой стороны, Н. А. Добролюбов, обративший внимание на анонимность ранних державинских публикаций, решил, что поэт предоставлял читателям «узнавать ех ungue leonem» («льва по когтям»)¹⁰.

Но причина была гораздо более прозаичной. В примечаниях к цитированным строкам стихотворения «На Новый год» Державин указал: «Сим выражением автор оправдывает себя пред начальником своим, князем Вяземским, давая знать, что стихотворством занимается в свободные часы от должности» (Гр., III, 616). В примечании к «Благодарности Фелице» — еще яснее: «Мысль сия относится к тому, что кн. Вяземский не любил стихотворства и весьма на тех нападал, кто в оном упражнялся, а особливо на авторов, говоря: что когда им заниматься делами, когда у них рифмы на уме; и вообще он думал, что стихотворцы неспособны к делам» (Гр., III, 602).

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с оправданием чиновника перед грозным генерал-прокурором, или иначе — с отношением к поэзии князя А. А. Вяземского, но отнюдь не самого Державина. Если же должен был оправдываться автор «Фелицы», — и это, как известно, не помогло ему, — то автору оды 1777 г. пришлось скрывать свое имя даже от канцелярии Академии наук и от типографии.

Свидетельства Державина и Бакмейстера, тщательно засекреченная анонимность издания, соотносящаяся с определенными обстоятельствами биографии поэта, — все внешние факты подводят к заключению, что ода, открывающаяся стихом «Какие животворны звуки», принадлежит именно Державину. С еще большей определенностью об этом говорит анализ содержания оды, ее образной системы и рифмовки. В 19—23-й строфах заключен мотив, который в развернутом виде ляжет в основу

¹⁰ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в шести томах, т. 1. [М.], 1934, с. 40.

сюжета «Стихов на рождение в Севере». Однако в связи с проблемой атрибуции особенно существенными представляются три обстоятельства.

1. Рассматриваемая ода содержит огромное количество ломоносовских «штампов», реминисценций и прямых заимствований из од Ломоносова.¹¹

Открывается ода распространенным вариантом вопросительного зачина: ср. у Ломоносова с. 82, 201, 394 и мн. др.; а также у Тредиаковского начало гданьской оды. Стихи 5—7 первой строфы «александровской оды» ср.: Ломоносов, с. 18; еще ближе — 3—6 стихи гданьской оды Тредиаковского (оба предшественника Державина в свою очередь обращались к Буало).

Вторая строфа оды начинается с двух традиционных образов. Первый из них —

Веселый исполин, главою
Коснувшись облакам, шумит —

близок к стихам Ломоносова:

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный Исполин.

(с. 91)

Следующий далее образ

Звучащая своей трубою
Российска слава говорит —

один из самых характерных для русской одической поэзии образов-формул (впервые — у Тредиаковского в гданьской оде; у Ломоносова — с. 83, 202, 557, особенно 559 и др.; в разных вариантах встречается в большинстве од 1777 г., посвященных Александру).

В строфе 7 пророчество:

Грядут к нам мужеством Самсоны,
Умом премудры Соломоны,
Давыды кроткою душой —

интонационно и стилистически воспроизводит известное пророчество ломоносовской оды 1747 г.:

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов... —

(с. 206)

¹¹ Для краткости далее указываю страницы по изд.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М.—Л., 1959.

тогда как круг имен собственных — эпонимов моральных качеств — тот же, что в оде Ломоносова Петру III:

Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают.

(с. 759)

«Портрет» персонифицированной России в 10-й строфе сходен с аналогичной конструкцией в ломоносовской оде 1748 г. (с. 221—222).

Ср. еще:

Какое предлежит сомненью
Носить тебе его венец?
Отколь твое происхожденье?
Кто мать тебе и кто отец?

Кто ты? Минерва или Диана?
Кто мать тебе и кто отец?
Богиней в свете быть избрана,
Достойная носить венец!

(с. 744)

Где взглянет — тут цветы
пестреют...

Вокруг тебя цветы пестреют...
(с. 196)

Ефир, земля и понт смеется... Гласит ефир, земля и воды...

(с. 139)

Число примеров можно значительно увеличить.

2. Атрибутируемая ода отличается от всех других «александровских» од 1777 г. живописностью, картинностью и особенно обилием цветочных эпитетов, красок и «ювелирных материалов» (выражение А. А. Морозова¹²). Оды М. Хераскова, В. Майкова, Ф. Козельского, Н. Леонтьева, Н. Перепечина, П. Терликова, М. Гумилевского и др., посвященные рождению Александра, почти совершенно «бесцветны» в буквальном смысле слова (т. е. лишены каких бы то ни было красок).

Единичные внешние цветочные эпитеты у В. Петрова:

Из врат лазоревого неба,
Куда не всходят кони Феба...
Но в честь кому древа зелены
И лавр и пальмы стали в ряд...—

лишь подчеркивают общую бескрасочность и отсутствие элементарного навыка у поэтов эпохи в использовании цвета, полный автоматизм в применении готовых формул («древа зелены и (!!!) лавр и пальмы»).

На этом фоне атрибутируемая ода представляет единственное исключение. Особенно показательны в данном отношении строфы 5, 8—9, конец 27-й—28-я; но отдельные «краски» и «картины» рассыпаны по всей оде.

¹² См.: Ломоносов М. В. Избр. произв. М.—Л., 1965, с. 36.

По аллегорическому характеру условных «пейзажей» и «портрета», по спектру красок и отбору «ювелирных материалов» названные строфы как будто традиционны. Дело, однако, заключается в том, что такого обилия красок в одном произведении нет вообще ни у самого Ломоносова,¹³ ни у его современников (кроме, может быть, И. Голеневского) и последователей.

3. От всех других «александровских» од анонимная ода «Какие животворны звуки» отличается в отношении рифмовки: здесь десять пар неточных рифм. Усечения в их типологической функции сигнала высокого жанра, «штиля» (*рожденный—все-ленны, языки—великий*) совмещаются с ассонансами, употребляемыми в том же значении (*хлебороден—способен, вертоград—смарagd, безбедных—черных, гром—холм, свирепство—бедство, ентарьной—коральной*), усеченным ассонансом (*пространны—лучезарный*), различными дублетными точными и вольными рифмами (например, *душой—драгой, душой—мой, венцем—лицем, едем—днем, луг—дух, тех—бег, дух—внук* и др.).¹⁴ Из точных рифм следует отметить редкую для стихов XVIII в. рифму *Александра—Саламандра*, которая вновь возникнет в стихах Державина 1800-х годов.

Таковы три главные особенности образной системы и «содержательной формы», которые представляются наиболее важными при атрибуции произведения.

Если вспомнить указание Державина, что его ода 1777 г. была сочинена «в Ломоносовском вкусе» и что живописность, картинность, особенно красочность, с одной стороны, и неточная рифмовка, с другой, являются своего рода «особыми приметам» державинского художественного метода и стиха, — придется признать, что и с точки зрения «содержательной формы» рассматриваемую анонимную оду 1777 г. мог написать только Державин.

¹³ С ломоносовским переводом оды Фенелона и стихами из рукописи «Риторики» 1744 г., где «краски» и «драгоценности» даны наиболее обильно, Державин знаком не был.

¹⁴ Об особенностях рифмовки XVIII в. вообще и Державина в частности подробнее см.: Западов В. А. Г. Р. Державин и русская рифма XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969, с. 54—91.

М. В. ВИДНЕС, В. П. СТЕПАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ ОДА М. Д. ЧУЛКОВА

За два года до смерти М. Д. Чулков подвел итоги своей литературной работы, не столько для себя, сколько для потомства. С этой целью в особом «Известии», напечатанном при своих «Записках экономических, для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику» (М., 1790), он исправил помещенную в «Опыте словаря» Н. И. Новикова статью о себе и привел список своих сочинений, не только напечатанных или рукописных, но даже и незавершенных. Храпящаяся в Университетской библиотеке г. Хельсинки и до сих пор остававшаяся неизвестной «Ода его императорскому высочеству наследному государю цесаревичу Павлу Петровичу на Новый год, которую приносит всеподданнейший раб Михайло Чулков 1768 года января в 1 день» показывается, что эта автобиблиография при всей мелочности указаний не является полной.

Появление данного рукописного текста в более чем скромном собрании русских рукописей Хельсинкского университета связано с историей его библиотеки. После пожара 1827 г. в Або (Турку), когда единственный в то время в Финляндии Абовский университет был переведен в новую столицу, Гельсингфорс, и переименован в Александровский, его библиотека начала комплектоваться практически заново. В основу ее легли как дублиеты библиотек русских учебных заведений, так и многочисленные пожертвования. Из последних самым ценным и значительным по размеру было собрание книг из библиотеки великого князя Константина Павловича, переведенное в Гельсингфорс в феврале 1833 г. Основу этой библиотеки, как известно, составляла библиотека Павла I, полученная сыном его по завещанию.¹ После смерти Константина в 1831 г. остатки библиотеки, к тому времени

¹ Наиболее полные данные об этой библиотеке и ее судьбе см. в кн.: Мухин С. А. Судьба одной библиотеки. С предисл. В. К. Лукомского. М., 1929, 61 с. Уточнения в кн.: Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки М. В. Ломоносова. Л., 1975.

сильно разрозненной, достались в свою очередь его внебрачному сыну от Жозефины Фридерикс (впоследствии Вейсс) — флигель-адъютанту, ротмистру Павлу Константиновичу Александрову (1808—1857). Он также сильно сократил библиотеку, пожертвовав около 3 тысяч томов в Юрьевский (Тарту) и 24 тысячи томов в Александровский (Хельсинки) университеты.

Ода Чулкова (шифр Sl. Ms.-K-18) написана на 8 листах голландской бумаги, формата 31×20 см, с водяным знаком «Pro patria» по лигатуре VDL (т. е. Ван-Дер-Лей); на другой половине листа буквы G. R. под короной. В свое время ода была переплетена, но переплет XVIII в. не сохранился. От него остался лишь розовый шнур, скреплявший рукопись. Судя по золотому обрезу бумаги и каллиграфическому парадному почерку, это подносный экземпляр. Почерк столь каллиграфичен, что трудно сказать определенно, принадлежит ли он самому Чулкову. Как показывают несомненно принадлежащие его руке документы, он владел подобным почерком канцелярского типа. Несмотря на старательность исполнения или именно вследствие этой старательности в рукопись вкралось несколько ошибок. В 4-й строфе, стих 5-й в слове «лет» не выписано ъ, и оно читается как «льт»; 8-й стих 7-й строфы написан по стертой записи; нарушен размер 5-го стиха 12-й строфы (слово «спасен» не повторено); в строфе 14-й стих 7-й допущена ошибка в слове «благоденство» (написано «бладенство»); подтерта описка в 9-м стихе 16-й строфы. Такое количество ошибок слишком велико для стихотворения в 180 стихов и свидетельствует о недостаточном профессионализме человека, перебелившего рукопись.

В библиотеке университета Хельсинки имеются еще два экземпляра подобных произведений, поднесенных Павлу Петровичу: «Песнь на рождение великого князя Константина Павловича» (1779) кн. Федора Голицына² и «Ода», посвященная ему же Акимом Павловским. Содержание всех трех рукописей и их оформление (две последние сохранили бледно-зеленый сафьяновый переплет XVIII в.) не оставляют сомнения, что до нас дошли остатки рукописных сочинений из библиотеки Павла I.³

Хронологически ода Чулкова относится к последнему времени его пребывания при дворе в числе ливрейных служителей. Он определился сюда простым лакеем в феврале 1765 г. (об этом можно судить по его жалованью в 40 рублей годовых)⁴ и,

² Известен Федор Николаевич Голицын, сотрудник «Академических известий» и «Опыта трудов Вольного российского собрания при Московском университете», изданий, связанных с Академией наук.

³ О том, что в библиотеке Павловского дворца сохранялись поднесенные писателями произведения, свидетельствуют разыскания С. М. Бабинцева. См. его заметку «В поисках „Клеопатры“». — Русская литература, 1969, № 3, с. 114—116.

⁴ Дело о его определении, по копии П. К. Симони, опубликовано в книге В. Шкловского «Чулков и Левшин» (Л., 1933), правда, не вполне точно.

по-видимому, оставался в этой должности еще в феврале 1766 г.⁵ Затем он получил повышение и стал камер-лакеем. В феврале 1767 г. в официальном отношении Академической типографии его именовали придворным квартирмейстером, а из письма той же типографии об истребовании с Чулкова денег за печатание «Мифологического лексикона» явствует, что 13 сентября 1767 г. адресат находился в Москве.⁶ Если точность указаний о должности Чулкова при дворе вообще может быть подвергнута сомнению, так как вряд ли кто-либо, кроме администрации Придворной конторы, придавал значение разнице между лакеем и камер-лакеем, то звание квартирмейстера сомнений не вызывает. Это подтверждается решением Герольдмейстерской конторы от 23 апреля 1770 г. в связи с поступлением Чулкова в Сенат «О бытии уволенному от двора квартирмейстеру Михайле Чулкову у дел в Сенатской канцелярии с переименованием в чин коллежского регистратора».⁷ По новому придворному штату 1768—1769 гг. квартирмейстер считался в чине подпоручика;⁸ так что в Сенат Чулков поступил с чином меньшим, чем полученный при отставке; чин коллежского секретаря он получил только в 1773 г. Появление квартирмейстера Чулкова в Москве в 1767 г. объясняется совершенно просто. Летом, 30 июля, открывалась Комиссия по составлению Нового уложения, и двор заранее, еще весной, переехал в Москву. Это был первый этап намеченного до заседаний Комиссии путешествия императрицы и наследника по Волге. Но в начале апреля Павел тяжело заболел⁹ и не участвовал в казанской поездке, которую Екатерина совершила одна. В Петербург двор возвратился только в феврале 1768 г.

Таким образом, ода была написана и поднесена Чулковым в Москве, и это прослеживается в ее тексте.

Новый год приветствует прежде всего Москва, «град священный» (строфы 1, 4); она же «простирает руки», в то время как Нева, т. е. Санкт-Петербург, лишь «внемлет звук» похвал правнуку Петра I; Москва «превышает» в этот день весельем все остальные области России (строфа 10). Намерение автора своим песнопением «отгнать печалей тусклу тень» является явным намеком на минувшую болезнь Павла. Стихи «Любовию к тебе горя, Послушные тебе моря Насытятся хотят днесь славы» обращены к нему как к номинальному генерал-адмиралу русского флота. Не забывает Чулков и о самом важном событии года — «Наказе», когда говорит о том, что Екатерина II, «Прияв

⁵ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря русских писателей эпохи Екатерины II. (На основании документов Архива Конференции Академии наук). СПб., 1914, с. 132.

⁶ Там же, с. 133.

⁷ ЦГАДА, ф. 286, д. 561, л. 105.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 469, оп. 14, д. 10, л. 6 об.

⁹ Шильдер Н. К. Император Павел I. СПб., 1901, с. 68.

из рук творца устав, Дает закон свободных прав» (строфа 13), и называет новый 1768 г. началом нового века (строфа 2). В 13-й строфе оды слышатся отзвуки официальной фразеологии заседаний Комиссии нового уложения: «Сих дел величества и славы, Что нынъ Его и наша мать старалась в подданных начать, Чтоб нам явити благоденство»¹⁰ и отчетливо выражается надежда, что Павел будет достойным преемником правления, основанного на подобных принципах.

Хотя конкретные упоминания и присутствуют в оде Чулкова, уяснить, связаны ли они с какой-нибудь политической концепцией, очевидно, можно, только рассматривая их значение в художественной системе оды.

Ода, собственно, не относится к разряду похвальных. Она поднесена, но не посвящена Павлу Петровичу. Впоследствии, например, у Державина стихотворения «на новый год» приняли более личный характер, хотя и сохранили одическую приподнятость. Но Ломоносов уже в оде на 1761 год совместил эту тему с темой восшествия на престол нового монарха, а оду на 1764 год прямо посвятил Екатерине II. Чулков пишет произведение такого же синтетического жанра, но наполненное похвалами в равной мере и Павлу и Екатерине. Любопытно, что назревавший между сыном и матерью конфликт, несмотря на то что к 1767 г. окончательно определились расхождения между нею и Паниным по вопросу о престолонаследии, не нашел отражения у Чулкова. Впрочем, намеки на это не проникали и в современную печатную литературу, по крайней мере их нет в адресованных Павлу стихах 1762—1767 гг.¹¹ В многочисленных одах, посвященных Екатерине, о Павле говорится как о естественном наследнике царствующей матери, не более. Чулков следует этой традиции, хотя и пытается дать ей свою интерпретацию. Если Екатерина, само олицетворение мудрости, приводит в порядок дела государственные, то Павел будет ее грозной десницей, посвятив себя военной деятельности. Бряд ли в подобном разделении сфер влияния между реально царствующей государыней и имеющим право на престол сыном можно видеть отражение тщательно вынашивавшихся Паниными планов.

Все остальные современные аллюзии оды, так же как и поэтические приемы, находятся в прямой зависимости от одической традиции. Десятистишная строфа с рифмовкой а В а В/сс Д е е Д,

¹⁰ См. хотя бы выдержки из выступлений при открытии Комиссии, приведенные С. М. Соловьевым в его «Истории» (т. 27, гл. II) и предложение о поднесении Екатерине титула «Премудрой и Великой матери отечества».

¹¹ В указателе Неустроева не зафиксировано ни одного произведения за это время. Отдельно были изданы по данным «Сводного каталога» оды и стихи И. Ф. Богдановича (1762), В. Д. Санковского (1762, 1763), М. М. Хераскова (1763) и две анонимные оды от имени семинарии Троице-Сергиевой лавры (1763, 1767).

которая применена в оде,¹² восходит к типу, введенному Ломоносовым, в произведениях которого и обнаруживается ряд одических формул, послуживших Чулкову образцом. Зачин представляет довольно неудачное развитие начальных строк оды «На взятие Хотина» (1739): «Восторг внезапный ум пленил, Ведет на верьх горы высокой», варьировавшихся и у самого Ломоносова, например, в одах 1742-го («Красуйся, дух мой восхищенный...») или 1746 годов. Заключение очень напоминает ломоносовские строки, итожившие восхваление Елизаветы Петровны в оде 1748 г.: «Похвал пучина отворилась, Смущенна мысль остановилась И слов к тому недостает!». Пример наиболее полно развитой прозопопеи — волны, несущиеся, чтобы узреть Павла, — также имеет аналог у Ломоносова. В оде 1742 г. на приезд из Голштинии Петра Федоровича «веселый шум народа» сравнивается с «гласом многих вод».¹³ Образ был повторен поэтом в оде 1762 г. на восшествие Екатерины II, где изображается всеобщая радость в Петербурге: «Несчетно множество народу Гремящу представляет воду, Что глас возносит к небесам». Чулков развивает тот же образ, но центральным членом описания делает морскую стихию; волны выступают в роли подданных русского генерал-адмирала.

Картина восходящего солнца, начинающегося дня, обычная и для од Ломоносова, стала к 1760-м годам поэтическим шаблоном и встречается в большом количестве произведений. Например, в оде, поднесенной Екатерине от семинарии Троице-Сергиевой лавры (1767), она приобретает такой вид: «Уже пребыстрой Фебов конь С багряностию вдруг своею, Из челюстей своих огонь Метая и гордясь зарею, Течет к нам ныне от востока». В отличие от похвальной оды в стихах на повый год аллегорическое появление Феба подчеркивает движение времени. Эта функция усилена в оде Сумарокова от 1 января 1763 г.: «Из моря, ото дна глубока Выходит из далеких вод, Сияя, солнце от востока И начинает новый год». Сумароков затем переходит к уподоблению природного явления переменам в России, которые принес год прошедший, говоря о том, что Екатерина «сняла с России бедства тень». Заявлением о наступлении «пового века» копчает вторую строфу и Чулков.

Остановимся еще на нескольких сопоставлениях сочинения Чулкова с одической поэзией 1760-х годов. Основные ее мотивы,

¹² Пользуемся схемой, предложенной К. Ф. Тарановским в статье «Из истории русского стиха XVIII века. (Одическая строфа Ав Ав ИСС ЕЕ в поэзии Ломоносова)». — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966, с. 106.

¹³ Данное сравнение анализируется И. З. Серманом в контексте выражений идеи «радости». См. его статью «Ломоносов в работе над текстом „Собрания разных сочинений в стихах и прозе“ 1751 года». — В кн.: Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.—Л., 1965, с. 130.

как уже отмечалось в литературе, были сформулированы в одах 1762 г.,¹⁴ и самым устойчивым было заявление, что, восходя на престол, Екатерина «спасала» страну и народ: у Ломоносова это выражено стихами «Вышний, крепкою десницею Богиню нам подав царицей, От гибели невинных спас» (ср. в оде 1746 г.: «спасенный Север»), у А. Нартова (1762) — «спасительный день», «Екатерина нас спасла»; у А. Сумарокова (28 июня 1762) — «нас злоба поглотить хотела»; у Ржевского (июль 1762) — «мы погибали»; у М. Хераскова (1762) — «Когда спасала нас и узы развязала». Чулков говорит о «спасенном северном народе», о «спасенной России», которая «видит свет по темной ночи».

В одах М. Хераскова (22 августа 1767) и В. Петрова (1767) затрагивался весьма злободневный вопрос о результатах широко развернувшегося при Екатерине привлечения иностранных колонистов. «Се жители пределов разных В одеждах к нам разнообразных С единодушием текут, Щедротами обворожены», — писал Херасков. Еще более приукрашивал положение дел В. Петров, говоря о пришельцах, «прикрытых орлими крылами»: «Блажен тот, кто под росским небом Свое дыхание влечет». Уже в предшествующем году выявилась финансовая несостоятельность колонизационных проектов, и в начале 1767 г. выход поселенцев был временно прекращен. Чулков также упоминает о «притекших с дальних стран», но в более нейтральном тоне.

Характерной особенностью одической поэзии 1760-х годов являются частые декларации об отказе от «витийства», мало соответствовавшие реальной практике. Не затрагивая существа поэтики, они сами были поэтическим приемом, долженствовавшим подчеркнуть искренность выраженных мыслей и чувства. Такие заявления мы встречаем у А. Ржевского (июль 1762), у Л. Сичкарева (1763). Отказ Чулкова уподоблять Павла Ахиллу и вспоминать древнюю мифологию сопоставим с этим чисто внешне: на самом деле он является лишь риторической формой отрицательного сравнения. Прямое обращение к содержанию «Илиады», но без неудачной персонификации Трои, встречается в оде Л. Сичкарева 1765 г.: «О вы, в которых те герои Стихах носилась до небес, Что жили в славной басньми Трое, Иль коих произвел Зевес ... Спешите на брега днесь Невски». Не новым является и применение Чулковым в оде заимствованной из «Псалтыри» мысли об «избранном роде царей». У того же Л. Сичкарева в оде 1763 г. она излагается со ссылкой на источник: «О, ты! коль целым правишь светом И выше звезд имеешь трон, Давиду клялся ты обетом Спасать хранящих твой закон».

Мы попытались показать, как близко перекликается ода Чулкова с современными ей произведениями этого жанра. При этом были опущены столь общие места, как восхваление «золо-

¹⁴ Чернов С. Н. М. В. Ломоносов в одах 1762 года. — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1935, с. 133—180.

того века», Россия, цветущая подобно «райскому крину» в «эдемском саду», постоянные параллели между Екатериной и Павлом, с одной стороны, и Петром I — с другой; призывы к Павлу быть достойным своей матери, и проч. Большое количество примеров понадобилось потому, что анализ в общем очень устойчивых приемов и формул одической поэзии еще не сделан. В жанре со стабильной образной системой повторения были неизбежны. Неоригинальность Чулкова выражается не столько в повторении уже известного, сколько в том, что у него прием утрачивает внутреннее содержание. В устах сторонников переворота 1762 г. мысль о Екатерине II как спасительнице отечества получала глубокое значение и последовательно обосновывалась. Столь же серьезно звучала шедшая от Ломоносова тема Петра. Даже попытка представить Екатерину защитницей русского православия от посягательства иноземцев при Петре III являлась важным пунктом политической программы для Ломоносова в 1762 г.¹⁵ Комиссия 1767 г. также вызвала ряд программных выступлений русских поэтов. У Чулкова ни одна тема не развивается последовательно и самостоятельно, все они даны в общем перечне.

Более поздние опыты Чулкова в высоком роде поэзии неизвестны. Вряд ли они и были. К 1769 г. относятся насмешки над одами в его первом журнале «И то и сьо». Самые резкие из них находятся в «Плачевном падении стихотворцев», сатирической поэме в бурлескном стиле. Однако не меньшего внимания заслуживают в этом отношении и появившиеся в более ранних номерах «Стихи на качели». Здесь дважды пародируется одический стиль, с которым, как мы теперь знаем, Чулков был знаком на собственном опыте. В связи с этой маленькой бытовой зарисовкой пасхального гулянья Б. В. Томашевский писал: «Она полна намеков на литературные факты. Намеки эти были и в свое время туманными. Теперь многие из них вскрыть невозможно». Главными объектами нападок Чулкова он же называет В. Майкова и В. Петрова,¹⁶ тем более что и они сами считали Чулкова своим неприятелем. Но метод цитатных сближений при устойчивых литературных приемах, как мы видели на примере од, не всегда дает достоверные результаты. Как отметил сам Б. В. Томашевский, несмотря на близость стиха «Нептун из проруби выходит гогольком» к тексту «Елисея», его нельзя считать намеком на Майкова, так как поэма была начата лишь год спустя. В жаркой полемике 1769 г. как личный выпад могли быть восприняты и высказывания общего характера. Так, например, не исключено, что «Стихи на качели» в целом рассматривались как бурлескная пародия на скандально известную «Оду на карусель» (1766) В. Петрова, а строки «И громко и умно да возвещает миру. Что солнце из шаров горящих состоит» и последующие могли напом-

¹⁵ См. там же, с. 171, 174.

¹⁶ Ирон-комическая поэма. Л., 1933, с. 712.

нить современникам натурфилософскую лирику Ломоносова. По-видимому, у Чулкова соседствуют сатира личная и сатира общежанровая. Вопрос о жанре имел для него важное значение, так как Чулков здесь обосновывал свой выбор стиля и тематики: ¹⁷ вряд ли случайно, что «Стихи на качели» были опубликованы ранее остальных его поэм. В первой их части Чулков перечисляет и достаточно подробно характеризует несколько основных литературных жанров: оды; бурлескная поэма; песни, элегия, эклога (т. е. лирика). Это те жанры, в которых автор потерпел неудачу и от которых он отказывается. Биографические факты позволяют считать, что в данном случае это не чисто условный прием.

О своем не вполне удачном опыте оды Чулков искренне мог сказать, что «сил во мне к тому нисколько не достало». Видимо, у него были и попытки бурлеска. Известно, что в 1774 г. он напечатал (издание не обнаружено) сатирическую (по терминологии XVIII в. — бурлескную) поэму в 9 песнях «Самозванец Гришка Отрепьев». В списке его печатных сочинений упомянуто переложение в стихи «писем Петрарка к любовнице его Лоре». Именно такое издание вышло в свет под именем Александра Тинькова в качестве переводчика (СПб., 1765). С именем того же А. Тинькова и в том же году были изданы «Разные забавные и любовные Овидиевы сочинения в стихах» (СПб., 1768). Чулков же в «Стихах на качели» отмечает литературное несовершенство выполненных им переводов любовных стихов (а не «Превращений») Овидия. Скорее всего, в обоих случаях Чулков выступал в роли сотрудника человека, более состоятельного, чем он сам. Теперь в стихах, как и ранее в прозе, он вступал на путь бытописания с экзотическим фольклорным уклоном. Новонайденная ода подтверждает, что интересы Чулкова эволюционировали, и уже в 1769 г. он отвергал ранние свои опыты.

Повлияло ли как-нибудь на судьбу Чулкова, придворного служителя, поднесение оды высочайшей особе? Сохранились воспоминания его правнучки, написанные по просьбе П. К. Симиони в начале XX в.¹⁸ К этому времени приобретенные прадедом имения были уже проданы, архив и библиотека исчезли еще раньше из-за небрежения наследников. Изустное семейное предание причесано в духе романов о екатерининском веке. Мемуаристка не знает о службе Чулкова лакеем и уверена, что он был в числе придворных, чуть ли не доверенным лицом при императрице, ее любимцем. Она свидетельствует, что он был пожалован брильянтовым перстнем, табакеркою (тоже с брильянтами) и таким ин-

¹⁷ На связь Чулкова с борьбой вокруг проблем жанра в 1760—1764 годы указывает Г. П. Макогоненко в своей книге «От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма» (М., 1969, с. 145). Вместе с тем, кажется, нет достаточных оснований считать выступления Чулкова пародией на прои-комическую поэму.

¹⁸ ГПБ, ф. 696, № 103, л. 5—10.

тимным подарком, как полдюжины фуляровых платков. Может быть, конечно, со скидкой на степень фантазии семьи дворян из солдатских детей, здесь и отразились воспоминания о каком-то одновременном пожаловании Чулкову, об интересе императрицы к служителю, причастному литературе. Ведь в это же время другой квартирмейстер, Василий Трутовский, занимал неофициальную должность камер-гуслиста ее величества. Но документированные литературные связи Чулкова с двором начинаются позднее. Печататься на счет Кабинета он начал только с середины 1770-х годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
НАСЛЕДНОМУ ГОСУДАРУ ЦЕСАРЕВИЧУ ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ
НА НОВЫЙ ГОД, КОТОРУЮ ПРИНОСИТ
ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЧУЛКОВ
1768 ГОДА ЯНВАРЯ В 1 ДЕНЬ

Взносись на верх Парнасских гор,
Красуясь, дух мой восхищенный,
Чрез степь и дол прости свой взор,
В страну любви и в град священный;
Уже храм славы пред тобой
Отверст божественной рукой.
Устрой священным тоном лиру,
Отгнав печалей тусклу тень,
Воспой благословенный день,
Явись великолепен миру.

Уже на огненных волнах
Из недр восточных пучины
Явился в ясных небесах
Открывтель Росския судьбины.
Блеснул пресветлым Феб венцем;
Взносясь, торжественным лицом
В полночный край с небес взирает,
Спасенный северный народ
Встречает счастья новый год,
И век он новый начинает.

Незнаемы нам бремена,
Что многих в мире тяготили,
Едемски всходят семена,
Что здесь щедроты насадили.
Среди пресчастливых судьбин
Россия так, как райский крин,
Превысит счастьем державы.
Златой течет у нас пынь век,
Правдив здесь будет человек
Всегда способен вышней славы.

Уже в Ефире слышен глас,
Колеблет воздух гром ужасный
И, что в восторг приводит нас,
Там слышен песней лик прекрасный.

Москва, подняв из лет главу,
Взнесла народную молву;
Слова и мысль у всех едина;
Гласят: «Отверста к счастью дверь;
Стократ мы счастливы теперь:
Здесь царствует Екатерина».

Земное в мире божество,
Цари окрестных стран и дальних
Хранит вас вышше существо
От всяких случаев печальных.
Пред богом вы избранный род,
И вам вручен под власть народ.
Устав всевышнего храните,
Да будет вам всегда хвала;
В пример великие дела
Екатерины возьмите.

Счастлив стократно человек,
Кто слышит о делах подробно,
Блажен, кто с дальних стран притек
И видит оные удобно;
Блаженней странник всякий днесь,
Которой век проводит здесь:
Здесь ангел мира на престоле,
Прибежище и всем покров.
О Россы! кто из вас таков
Дерзнет желати счастья боле?

Но что за звук пронзает слух
И с шумом выше гор стремится,
Бодрит во мне веселый дух?
Восторг в груди моей теснится.
Се слышу глас от дальних стран,
Где обнял землю Окиян,
Валы в Балтийский понт стремятся,
Бегут, гордясь седым хребтом,
Трясут, как горы, там верхом
И влагой, как огнем, дымятся.

Ударившись о брег крутой,
На коем град Петров поставлен,
Жилище Истины святой,
Где Росс от пагубы избавлен.
Взбегают на бугры и бор
Дабы узреть похвал собор,
Тебя, наследника державы;
Любовию к тебе горя,
Послушные тебе моря
Насытиться хотят днесь славы.

Когда от сих блаженных мест
В концы вселенныя стремилась
Со звуком слава, выше звезд,
И выше молний возносилась
Твою премудрость возвещать
И свету ясно показать,
Что Павел разумом сияет;
В тебе душевны красоты,
Премудрости источник ты
Во всем нас опыт уверяет.

Тогда различных стран народ,
Древа и горы восклицали,
Ефир, земля, собранье вод
Хвалу владыке воссылали,
Что он умножил чудеса;
Склонив зиждитель небеса,
Твое благословил начало;
Мы зрим уже в России свет,
Тобой победы он внесет,
Нам солнце правды воссияло.

Нева с восторгом внемлет звук,
Москва уж руки простирает,
Что гром Петров готовит внук
И с ним противных покарает.
Сии дары тебе даны,
Кичливые прейдешь страны,
Рассыплешь вредны россам стены,
И где ни будет дуть Борей,
Мы тамо узрим твой трофей,
Омытый током Ипокрены.

В тебе предвидим страх врагов,
В тебе предвидим дух военный;
Ты будешь подданных покров
Тобою будем мы спасенны.
Представив прадедов дела,
От коих в свет произвела
Тебя всецедрая судьбина,
Нельзя, чтоб сей священный дом
Для дерзкой злобы не был гром;
Разит, защита нам едина.

Спасенная Россия, ты
Взведи на небо ныне очи;
Забудь минувши суеты,
Ты видишь свет по темной ночи.
Прошел, «прошел» твой бывший стон,
Ликует Волга, Днепр и Дон;
Нева с весельем протекает,
Ключи, озера и моря
Шумят, сей радостью горя,
Москва в сей день их превышает.

Тебе всевышним ныне дана
Премудрая императрица;
На трон монарший взведена
С ней купно сильная десница;
Господь ея устами рек:
«Да будет здесь счастливый век!»
Она здесь оный созидает,
Прияв из рук Творца устав,
Дает закон свободных прав
И власть любовью утверждает.

Наследник многих здесь корон,
Всея окрестныя державы,
Когда, взмужав, взойдет на трон
Сих дел величества и славы,
Что ныне его и наша мать

Старалась в подданных начать,
Чтоб нам явити благоденство,
То он ко славе ей и нам,
В угодность щедрым небесам
Исполнит оных совершенство.

А ты, зиждитель всех веков,
Источник возраста и время,
Воззри с небесных к нам кругов,
Благослови Петрово племя.
Ты наш спаситель искони;
Венчай нам времени начало,
Его средину и конец,
И нашу искренность сердец,
Чтоб с нею счастье протекало.

Услышь молитву нас, рабов;
Тебя, о боже, призываем
Под твой всеильный мы покров
С единой мыслью прибегаем;
Продли создатель Павлов век,
Как может больше человек
Достигнуть поздних лет седины;
Подай нам радость и покой,
Чтоб нами он владел с тобой
И с именем Екатерины.

Прости мне лживых басней мать,
Мечем поверженная Троя,
Что я не тщился показать
С Егидом русского ироя;
И Марсов здесь кровавый меч,
Которой хочет он извлечь,
Беллоной к гневу устремленный;
В сей песни мною был презрен
И тот бессмертный, что пронзен
Стрелою в пяту, изумленный.

Без сих надутых он похвал,
Велик и тела красотою;
Таланты многие снискал;
Велик прекрасною душою,
Летами отрок, царь умом,
Геройский дух я вижу в нем,
И храбрость в нем Петру подобна.
Похвал пучина предо мной,
В которых товет разум мой,
И мысль исчислить не удобна.

Дж. ГАРРАРД

«РУССКИЙ СКАРРОН» (М. Д. ЧУЛКОВ)

Выражение «русский Скаррон» прежде всего вызывает в памяти имя Ивана Баркова. Вспоминается, например, карамзинский перечень русских писателей от Бояна до Михайлы Попова — «Пантеон российских авторов», где Карамзин писал, что Барков «есть русский Скаррон и любил одни карикатуры».¹ Совсем недавно Г. П. Макогоненко доказал, что когда Василий Майков обращается к «возлюбленному Скаррону» в первой песне поэмы «Елисей, или Раздраженный Вах», он в действительности имеет в виду Баркова и откликается на некоторые из его стихотворений.² Однако существует иной и более подходящий претендент на титул «русского Скаррона»: Михаил Дмитриевич Чулков. Как в прозаических, так и в стихотворных произведениях Чулкова мы находим следы чтения произведений Скаррона, примеры его прямого влияния. Существуют также черты сходства между творчеством и мировоззрением обоих писателей, которые зависят не столько от хорошего знакомства Чулкова с тем, что Скаррон писал более чем столетием раньше, но, как кажется, представляют естественный результат подобия общественной обстановки, в которой жили писатели, и особенно тождества процессов развития прозаических жанров во Франции на протяжении первой половины XVII в. и в России во второй половине XVIII в.³

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч. в двух томах, т. II. Л., 1964, с. 167. Замечание Карамзина вряд ли можно считать исчерпывающей характеристикой творчества Баркова; несправедлива она и по отношению к Скаррону, и влиянию, которое он оказал на русскую литературу XVIII в.

² Макогоненко Г. П. Враг парнасских уз. — Русская литература, 1964, № 4, с. 136—148. См. также критические замечания А. В. Западова во вступительной статье к изданию: Майков Василий. Избр. соч. М.—Л., 1966, с. 37—38.

³ Кажется, первым, кто отметил сходный характер творчества Скаррона и Чулкова, был Виктор Шкловский. См. его книгу «Чулков и Левшин» (Л., 1933, с. 109).

Мы не в состоянии узнать, предполагал ли Барков, что о нем будут упоминать как о «русском Скарроне», но Чулков, кажется, приветствовал это прозвище и, если можно доверять эпиграмме, которая была направлена против Чулкова его литературным врагом Федором Эмином, действительно считал себя писателем в духе Скаррона. Эпиграмма, напечатанная в журнале Новикова «Трутень», имеет форму «задачи» и «решения». Эмин задает в ней вопрос:

Кто в сказках написал сорок нам да ворон
И вздумал о себе, что будто он Скаррон,
Умен или дурак? ⁴

Эмин здесь имеет в виду прозаическое произведение Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», третья и четвертая части которого были опубликованы в предшествующем, 1768 г.⁵

«Пересмешник» действительно содержит ряд повестей, которые напоминают прозу Скаррона, особенно его «Комический роман» (1650—1657).⁶ Те части «Пересмешника», которые мы имеем в виду, включают вступительные главы, рассказанные от лица Ладона и предназначенные «обрамлять» сборник повестей в целом, а также и те новеллы, которые рассказывает молодой монах в основном тексте произведения. Следует, кстати, напомнить, что вводный рассказ и повествование монаха занимают лишь около трети всей книги. Остальные две трети рассказываются от лица Ладона и восходят к традиции французского романсе, авантюрного романа, жанра, к которому относится большинство оригинальных беллетристических произведений Федора Эмина.

«Комический роман» Скаррона был переведен Василием Тепловым с немецкого текста в 1763 г., и нет сомнения, что Чулков читал это произведение.⁷ Пародийные упоминания классической мифологии, которые встречаются в романе Скаррона и которые были отличительной чертой его стиля, по-видимому, поразили воображение Чулкова. «Комический роман» открывается следующими известными строками: «Le soleil avoit achevé plus de la moitié de sa course et son char, ayant attrappé le penchant du monde, rouloit plus viste qu'il ne vouloit. Si ses chevaux eussent voulu pro-

⁴ Трутень, 1769, л. 14, 28 июля. Эта эпиграмма была ответом на выпад Чулкова в журнале «И то и сьо» как против журнала Эмина («Адская почта»), так и против журнала Новикова. Она перепечатана Б. Томашевским в «Ирои-комической поэме» (Л., 1933, с. 717—718).

⁵ Пересмешник, или Славенские сказки, ч. 1—4. СПб., 1766—1768; пятая часть появилась при третьем, проверенном и исправленном издании (М., 1789). Несколько отрывков из «Пересмешника» перепечатаны в сборнике: Русская проза XVIII века, т. I. М.—Л., 1950, с. 89—156.

⁶ Я пользовался текстом издания: S c a r r o n Paul. Le Romant Comique. Texte établi et présenté par Henri Benac. 2 vol. Paris, 1951.

⁷ С к а р р о н П. Шутливая повесть, ч. I—II. СПб., 1763. Экземпляр этой редкой книги имеется в Библиотеке Конгресса (Вашингтон).

fiter de la pente du chemin, ils eussent achevé ce qui restoit du jour en moins d'un demy-quart d'heure; Mais au lieu de tirer de toute leur force, ils ne s'amusoient qu'à faire des courbettes, respirant un air marin qui les faisoit hannir et les advertissoit que la mer estoit proche, où l'on dit que leur Maistre se couche toutes les nuits. Pour parler plus humainement et plus intelligiblement, il estoit entre cinq et six quand une charette entra dans les Halles du Mans».⁸

Имеется по крайней мере два прямых отзвука этого отрывка во вступительной части «Пересмешника»: «Солнце уже начинало дремать, кони его гораздо выбились из сил и захотели кушать, тогда и у нас в доме приказывали накрывать на стол», и в главе девятой (продолжение рассказа монаха о его собственных приключениях), которая начинается следующим образом: «Солнцевы кони перебежали уже восточные ветры, которые вышли с ними в одно время и из одного места, а наши вывезли нас из лесу».⁹ Цель обоих авторов — высмеять использование классической мифологии неоклассиками и, как правило, пространные описания закатов и восходов солнца, которые позволяли себе их современники как во Франции, так и в России. Скаррон несомненно пародирует прециозные романы (*romans précieux*) таких авторов, как сочинительница «Великого Кира» Мадлен де Скюдери, в то время как Чулков обычно нацеливает свою сатиру на произведения Федора Эмина. Однако у Чулкова в данном случае ощущается также элемент автопародии, ибо в рассказы Ладона он включал те же самые перифрастические описания утренней и вечерней зари, которые он пародирует во вступительных главах и рассказах монаха.

Независимо от того, справедливо или нет предположение, что Майков, когда он обращался к «возлюбленному Скаррону», имел в виду Баркова, важно не упускать из виду, что он мог воспользоваться именем Скаррона лишь по той причине, что оно было хорошо знакомо его читателям и не требовало никаких пояснений. Более того, упоминая Скаррона, он мог сразу же показать, что намерен писать поэму в совершенно определенном жанре, в жанре бурлеска. Это должно напомнить нам, что значение Скаррона для русской литературы XVIII в. ни в коем случае не ограничивалось его воздействием на творчество какого-то отдельного писателя, будь то Барков, Чулков или кто-либо другой.

⁸ Scarron Paul. *Le Romant Comique*, vol. 1, p. 95. В переводе Теплова этот отрывок выглядит таким образом: «Солнце совершило более половины своего пути, и колесница онаго, до ската мира уже достигшая, бежала скорее, нежели как ей хотелось. Когда бы кони его возжелали пользоваться покатостью дороги, то бы перебежали остатки дня менее как в четверть часа. Но они, вместо того чтоб надрываться, забавлялися токмо ляганием, обоняя морской воздух к ржанию их побуждающей, и напоминающей, что пучина, в которой Феб, как сказывают, каждую ночь покоится, отстоит в малом отдалении. По людски и внятно говоря, был шестой час, как на Манской рынок приехала телега».

⁹ Русская проза XVIII века, т. I, с. 106, 117.

Поэмы Скаррона «Тифон» и «Вергилий наизнанку» были широко известными в Европе образцами «низкого» бурлеска; в этой разновидности жанра античные герои и их подвиги описывались в нарочито грубом и сниженном стиле.¹⁰ Подобный низкий род поэм возмущал Буало, и своей собственной поэмой «Налой» он ввел в литературу род «высокого» бурлеска или, как он называл его, «ирои-комическую поэму» (*Poëme héroï-comique*). В предисловии к «Налой» Буало объяснил, что он пытался изобразить низких героев и низкие события высоким слогом. Несмотря на терминологическую путаницу, влияние Буало было таким сильным, что «высокий» бурлеск, или ирои-комическую поэму, стали предпочитать «низкому» бурлеску как во Франции, так и в Англии. В России, однако, А. П. Сумароков, главный приверженец литературной теории Буало, проявил в данном случае известную самостоятельность. В своей основной теоретической декларации 1748 г. («Эпистоле о стихотворстве») он решился одобрить оба вида бурлеска, и «высокий» и «низкий». Здесь Сумароков приводит несколько примеров травестирования и вслед за ними поясняет: «Стихи, владеючи высокими делами, В сем складе пишутся пренизкими словами». Дав несколько примеров ирои-комического стиля, он вновь поясняет: «В сем складе надобно, чтоб Муза подала, Высокие слова на низкие дела».¹¹ Сумароков не считал, что из двух видов бурлеска должен быть предпочтен какой-то один. И все же первая опубликованная в России бурлескная поэма принадлежала к «высокому» виду бурлеска, в защиту которого выступал Буало. Это была ирои-комическая поэма Майкова «Игрок ломбера», которая появилась в 1763 г.

Без сомнения, Чулков знал и «Эпистолу» Сумарокова и ирои-комическую поэму Майкова. В собственных поэмах, которые были впервые напечатаны в журнале «И то и сьо» 1769 г., Чулков равно использует и «высокий» и «низкий» бурлеск, в то время как в его прозе черты «высокого» бурлеска определенно преобладают. Комический эффект бурлеска обоих типов основывался на несоответствии между содержанием и языком, и именно это комическое несоответствие стало основополагающей чертой стиля прозы Чулкова.

Бурлеск используется Чулковым на протяжении всей вводной части и в историях, рассказываемых монахом, но чаще всего он применяет его в самой длинной из повестей монаха, «Сказке о рождении тафтяной мушки», к сожалению никогда не переиздававшейся. Действие этой повести, которая начинается в середине третьей части «Пересмешника» и завершается в пятой, скорее всего происходит в том же месте и в то же время, что и действие

¹⁰ О роли Скаррона в становлении бурлеска см.: Morillot Paul. *Scarron et le genre burlesque*. Paris, 1888; Bar Francis. *Le Genre Burlesque en France au XVIII-e siècle*. Paris, 1960.

¹¹ Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957, с. 123.

историй, которые рассказывает Ладон, так как мы встречаем здесь тот же самый город Винету и те же славянские языческие храмы. Как явствует из заглавия, цель повести — рассказать о том, как была придумана искусственная родинка, «мушка», вернее, одна из ее разновидностей, изготовлявшаяся из тафты.

Самые очевидные примеры бурлеска встречаются в авторских пояснениях, таких, например, как наименование слуги, несущего записку, «Меркурием».¹² Чулков очень любит употреблять имя бога Меркурия для таких целей. Временами к неуместному бурлескному противопоставлению он присоединяет оксюморон, например когда он рекомендует читателю купца-рогоносца как «седого и беззубого Меркурия».¹³ В этой же самой повести о тафтяной мушке, которую рассказывает монах, встречаем и более развернутый образец бурлеска. Во время своих походов молодой студент Неох случайно натывается на покинутую крестьянскую избу. Он входит в нее и засыпает на полотах, расположенных под самым потолком. Его будят голоса оживленно разговаривающих мужчины и женщины. Когда он пытается передвинуться, чтобы увидеть, кто они такие, то падает, увлекая за собой доски. Рассказчик при этом добавляет: «Разрушение Троянской стены столько стуку не наделало, сколько причинили грому сии полати. Несчастливый Вулкан, которого бросил Юпитер с неба на остров, переломил себе ногу; а наш Вулкан, упавши с полатей на пол, остался цел, только повредил несколько затылок, от чего в ушах у него звенело, а из глаз скакали искры».¹⁴ Это насмешливое описание весьма пегероического и даже фарсового происшествия в терминах высокой античной мифологии является хорошей иллюстрацией прои-комического стиля.

В связи с использованием Чулковым «высокого» бурлеска особенно любопытно то, что это создавало благоприятные возможности для введения в литературу «низких» героев и «низких» происшествий, которые считались таковыми, даже если это делалось в комической форме. Для развития художественной прозы, несомненно, было важно, что делалась попытка порвать с традицией авантюрного романа, с его невероятными приключениями и схематичной, поверхностной обрисовкой героев, разделенных на положительных и отрицательных.

¹² Пересмешник, ч. III. М., 1789, с. 168. Посыльный назван — «наследник покойного Меркурия, а именно скороход».

¹³ Пересмешник, ч. IV, с. 238.

¹⁴ Там же, с. 192. Специфическое использование образа «стены Трои» в «высоком» бурлеске предложил еще Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве». Кстати, можно отметить, что в XVIII в. большинство русских читателей имело представление о Троянской войне не по Гомеру, а по Гвидо де Колумно, «История о разорении Трои» которого, относящаяся к XIII в., неоднократно издавалась по-русски в первой половине XVIII в. Это произведение упоминается Чулковым в первых главах «Пересмешника». Сама «История» Гвидо де Колумно является прозаическим пересказом «*Roman de Troie*» Бенуа де Сен-Мора.

Когда речь идет об использовании Чулковым бурлескного стиля, можно, конечно, возразить, что имеется мало прямых доказательств влияния именно Скаррона, поскольку его имя вообще ассоциировалось с понятием бурлеска в европейской литературе и сам бурлескный стиль просто носился в воздухе. Однако некоторые другие черты повествовательной техники Чулкова несомненно также заимствованы из «Комического романа». Вот несколько примеров прямых текстуальных отражений французского романа в «Пересмешнике».

В конце первой главы рассказчик, Ладон, говорит о своих героях: «Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы».¹⁵ Сходство между этим замечанием и концовкой главы, открывающей роман Скаррона, очевидно. В «Комическом романе» задают корм лошадям, которые тащат повозку с комическими актерами и их пожитками, а автор замечает: «Cependant que ses bestes mangerent, l'Auteur se reposa quelque temps et se mit à senger à ce qu'il droit dans le second Chapitre».¹⁶ Названия отдельных глав вступительной части «Пересмешника», часто намеренно иронические, дают дополнительные доказательства влияния Скаррона. Например, десятая глава имеет название «Ежели кто прочтет, тот и без надписи узнает ее содержание». В романе Скаррона одиннадцатая глава идет под титулом: «Qui contient ce que vous verrez, si vous prenez la peine de le lire».¹⁷ Как бы для того, чтобы подчеркнуть, что он читал «Комический роман», Чулков называет одного из персонажей вступительной части, Балабана, «внуком новопреставленного скарронова комедианта Злобина».¹⁸ Имя Злобин — это калька от *La Rancune*, имени одного из главных героев «Комического романа».

Такие авторские отступления в повествовании усиливают снижающую иронию, которая является одной из определяющих особенностей вступительной части «Пересмешника» и повестей, рассказанных монахом в основном тексте. Они являются примерами того, что называют приемом *self-conscious narrator* (ирония автора по отношению к собственному повествованию).¹⁹ При таком риторическом способе повествования рассказчик (иногда сам автор, в других случаях литературный герой) не пытается отстраниться от действия и не делает вида, что его рассказ является

¹⁵ Русская проза XVIII века, т. I, с. 96.

¹⁶ Scarron Paul. *Le Roman Comique*, vol. 1, p. 95. Приводим этот отрывок в переводе В. Теплова по изданию 1763 г.: «... он дал своей скотине досыта наесться. Сие предложение принял он (извозчик) с охотою, и между тем как скот насыщался, поотдохнул немного писатель повести и начал размышлять, что б ему объявить во второй главе».

¹⁷ В. Теплов это заглавие перевел так: «Содержание которой усмотрят, когда не поскучат прочитать».

¹⁸ Русская проза XVIII века, т. I, с. 127.

¹⁹ О риторической манере повествования в европейской беллетристике см. блестящую работу: Booth Wayne S. *The Retic of Fiction*. Chicago, 1961.

чем-то, кроме его собственного вымысла: он просто рассказывает историю. Этот повествовательный прием представлял особый интерес для некоторых из русских формалистов, которые рассматривали его как «обнажение приема».²⁰ Из произведений как Скаррона, так и Чулкова можно привести много примеров таких отступлений self-conscious narrators. Во вступительной части «Пересмешника» Ладон иронически заявляет, что ему известно, как покорить молодую девицу (в данном случае Аленопу), потому что он читал романы, которые «глупых людей исправляют и делают дураками».²¹ Ухаживая за Аленопой, он на коленях произносит страстное объяснение в любви, но чувствует себя все время крайне стесненно, так как он попал коленом на камешек. Затем, когда его мольбы производят свое действие, он признается читателю, что составил свою тираду из отрывков романов и трагедий и что на самом деле считает ее всю страшной чепухой.

Хотя подобные отступления у Чулкова часто не сводятся в систему, этот последний пример, возможно, показывает, что их главной функцией были сатира и пародия. И, кажется, здесь, так же как и в своих бурлесках, Чулков смеется над романами Эмина. Он, по-видимому, уже ощущал, что герои романов Эмина держатся слишком серьезно и ведут себя неестественно. Как уже упоминалось выше, Чулков и Эмин были литературными врагами, и Эмин был главной мишенью бурлескной поэмы Чулкова «Плачевное падение стихотворцев», которая появилась в «И то и сьо» в 1769 г. Эмин, должно быть, почувствовал в «Пересмешнике» пародию на свои собственные произведения и поэтому ввернул шутку, на которую мы сослались в начале статьи, насчет того, что Чулков — русский преемник Скаррона.

Вышеупомянутые примеры бурлескного стиля и применения приема self-conscious narrator не исчерпывают параллелей между Чулковым и Скарроном. Пародийное посвящение Чулкова к короткому, незавершенному роману «Пригожая повариха», как уже отмечал В. Шкловский, основано на подобном посвящении к «Комическому роману».²² Кроме того, один из героев романа Скаррона, Раготен, личность смешная, человек низкорослый, отвратительный поэт, который влюбляется в молодую девушку, по-видимому, послужил образцом для ряда подобных характеров в произведениях Чулкова. Например, Куромша, управитель Владимиры, в «Сказке о рождении тафтяной мушки» также очень маленького роста и пишет унылые элегии к пятнадцатилетней девице. А во втором сатирическом журнале Чулкова «Парнасский

²⁰ См., например, статью В. Шкловского «Пародийный роман. „Триграм Шенди“ Стерна» в его книге «О теории прозы» (М.—Л., 1925, с. 139—161). Также см.: Erlich Victor. Russian Formalism: History Doctrine. S'Gravenhage, 1955 (2-d edition: 1965).

²¹ Русская проза XVIII века, т. I, с. 102.

²² Шкловский В. Чулков и Левшин, с. 114.

щепетильник» встречается история о низкорослом поэте, который докучает молодой женщине, в два раза его выше и в два раза его умнее.²³

Данная статья, конечно, не ставит целью доказать, что произведения Чулкова могут быть объяснены и поняты единственно с точки зрения их зависимости от произведений Скаррона. Не столь важен сам факт заимствования одного писателя у другого, сколько причины, определяющие его, а также сходство общественной обстановки, в которой жили и работали Чулков и Скаррон. Надеемся, что даже при таком отрывочном и неполном обращении к этой теме, каким было наше, сказано достаточно, чтобы показать, что и Чулков и Скаррон, хотя и разделенные столетием, действовали во вполне сходных условиях, на которые они откликались почти одинаково. Оба пытались ниспровергнуть иерархические жанровые представления неоклассиков и оба писали в «антироманическом» духе, пытаясь низвести художественную прозу на землю и ввести некоторые основные моменты современной действительности в литературу своего времени.

(Перевод В. П. Степанова)

²³ Весьма возможно, однако, что Чулков столь часто обращался к этому типу героя, потому что его литературный сотрудник, Михаил Попов, также был очень маленького роста. О самом Чулкове известно, что он был выше среднего роста.

Е. Б. БЕШЕНКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ ФЕДОРА ЭМИНА

*Памяти
Александра Иоакимовича
Лященко*

«Все попытки установить подлинную биографию Федора Эмина были безуспешны; он создал о себе столько легенд, так запутал вопрос о своем происхождении, что отличить выдумку от правды крайне затруднительно».¹ За четверть века, минувшие с тех пор, как были опубликованы эти строки лучшего знатока и интерпретатора творчества Эмина, мало что изменилось. Биография одного из любопытнейших литературных деятелей русского XVIII в. остается столь же запутанной, как и прежде, а это существенно сказывается на возможности правильного истолкования его сочинений.

В этой статье предпринимается еще одна попытка выяснить действительную историю жизни Ф. А. Эмина на основании документов, рассеянных по различным архивам Москвы и Ленинграда.

І. До приезда в Петербург

«Самый любопытнейший из романов Эмина есть собственная жизнь его».

(Н. М. Карамзин)

Существует четыре варианта биографии Эмина, которые мы рассмотрим в хронологической последовательности их появления на свет.

Первый из них был опубликован Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях».² Здесь со слов

¹ Гуковский Г. А. Эмин. — В кн.: История русской литературы, т. IV, ч. II. М.—Л., 1947, с. 256.

² Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 253—258.

Эмина рассказывалось, что он родился около 1735 г. от небогатых родителей в Польше или пограничном с нею русском городе. Один иезуит обучил его латинскому языку и другим «употребительным в их школах наукам», а затем взял с собой в путешествие. Странствуя по различным государствам Европы и Азии, они прибыли в Турцию, где случилось с ними какое-то «приключение», о котором Эмин «объявлять не хотел». Из-за этого приключения взят он был под стражу; чтобы избежать «вечной неволи», принял мусульманство и несколько лет прослужил янычаром. Однако он не оставлял надежды вернуться на родину и однажды, познакомившись по случаю с капитаном английского корабля, упросил взять его с собой. Так Эмин оказался в Лондоне, и здесь, намереваясь «принять природную свою христианскую веру», обратился он к русскому посланнику кн. А. М. Голицыну, в 1758 г. принял крещение, а в 1761-м приехал в Петербург.

Другая версия, по словам ее издателя, С. Л. Копнина, также записана со слов Эмина и опубликована впервые как приложение к религиозно-правоучительному его трактату «Путь ко спасению».³ Она повествует, что Эмин родился в 1735 г. в небольшом венгерском городке Липпе на самой турецкой границе. Отец его был венгр, а мать полька. Он обучался в иезуитском училище, где «острою ума и успехами» привлек к себе внимание учителей. Один из них, отправляясь миссионером в Азию, взял его с собой. Дальнейшее нам уже знакомо.

В Англии, живя в Лондоне, Эмин старался изведать все христианские религии. «Найдя греко-российскую справедливее прочих», он явился к А. М. Голицыну, в домашней церкви которого и был окрещен. Вскоре после крещения приехал в Петербург.

В 1784 г. первый издатель «Пути ко спасению», С. Л. Копнин, передал оригинал и право на издание М. К. Овчинникову,⁴ который также не преминул внести свою лепту в биографию Эмина. Он опубликовал рассказ некоего «достойного веры» человека, утверждавшего, что знал Эмина еще в детстве и учился с ним в Киевской академии латинскому языку, грамматике, риторике, философии и богословию. По словам этого человека, Эмин был родом или из России, или из польского местечка, расположенного неподалеку от Киева. Жил он в бурсе, но, имея склонность к странствованиям, удалился из Киева, и «слышно было», что он находился в Константинополе.⁵

Таковы были опыты изложения биографии Эмина до выхода в свет «Словаря светских писателей» Е. Болховитинова. Здесь,

³ Путь ко спасению, или Разныя набожныя размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть богословия. Сочиненный покойным кабинета ее имп. величества переводчиком, титулярным советником Феодором Александровичем Эминым. СПб., 1781.

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. III. М., 1966, с. 437.

⁵ Путь ко спасению... СПб., 1784, с. 15—16 (пенум.).

кроме известных трех вариантов, был помещен еще один, разительно отличавшийся от остальных.⁶ Это было прошение Эмина о принятии его на русскую службу, представленное Коллегии иностранных дел в мае 1761 г.⁷

Эмин рассказал здесь, что он родился в Константинополе и происходит от разбогатевших в Турции выходцев из Польши. Отец его был «губернатор Лепанта», а мать — невольница-христианка. В семье Эмин выучил польский и латинский языки, а затем был отправлен в Венецию для обучения итальянскому. По возвращении он узнал, что отец смещен и отправлен в ссылку. Был устроен побег, и они нашли приют у старого знакомого отца — алжирского бей. Здесь Эмин принял участие в алжиротунисской войне, конвоировал попавшего в плен сына бей Туниса и получил за это звание «кавалерийского полковника». Счастье, однако, было недолгим. Вскоре после окончания войны его отец, назначенный «губернатором Константинской и Бижийской провинции», умер от ран, Эмин был вынужден возвратиться в Константинополь, а оттуда, дав матери обещание принять христианство, отправился в Европу торговать пряностями. В пути на корабль напали «морские салетинские разбойники». Эмин попал в плен, но вскоре сумел бежать на случайно подвернувшейся лошади в португальскую крепость, объявил здесь о своем желании креститься и был отправлен в Лиссабон.

Здесь по личному распоряжению короля он обучается догматам христианской религии под руководством самого кардинала. Тем не менее вскоре Эмин убедился, что православие более ему по сердцу, нежели католичество, и, несмотря на уговоры короля, отказался от крещения в Португалии и отбыл в Англию. В Лондоне он сразу же явился к русскому посланнику, принял крещение и отбыл в Россию.

Собрав варианты биографии Эмина, Болховитинов отказался тем не менее сделать какое-либо определенное заключение об их достоверности. «Из всех сих разноречивых сказаний, — резюмировал он, — чему верить — неизвестно».⁸

Первая попытка анализа вариантов биографии Эмина была предпринята в 1873 г. М. Н. Лонгиновым. Сопоставив тексты, он пришел к выводу, что «все четыре повести о жизни Эмина не имеют никакого биографического значения и, конечно, ни одна из них не достоверна».⁹ «Из всей этой путаницы, — писал далее М. Н. Лонгинов, — можно сделать лишь следующие заключения:

⁶ Друг просвещения, 1806, № 9, с. 200—203.

⁷ Видимо, было сообщено Болховитинову Н. Н. Бантышом-Каменским.

⁸ Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей... М., 1845, с. 220.

⁹ Лонгинов М. Н. Федор Александрович Эмин. — Русская старина, 1873, № 7, с. 616.

а) родители Эмина были, вероятно, не русские; б) родился он не в России; в) исповедания был не православного; г) успел как-то приобрести разные познания и выучиться где-то разным языкам, обладая хорошими способностями; д) он много странствовал по разным государствам; е) с ним где-то случилось какое-то приключение, вероятно весьма его компрометировавшее, и можно полагать, что это-то и было причиной первоначальной запутанности и разноречивости показаний о самом себе Ф. Эмина, желавшего скрыть нити, которые могли довести до каких-либо не делавших ему чести деяний».¹⁰

Неопределенность и проблематичность этих заключений М. Н. Лонгинова была слишком очевидной, чтобы не вызвать нареканий у последующих исследователей. Наиболее отчетливо они сформулированы у А. И. Лященко еще в курсовой работе о романах Эмина. «Выводы [Лонгинова], — писал он, — слишком ничтожны и неопределенны для того, чтобы ограничиться ими».¹¹ В связи с этим Лященко сделал попытку описать биографию Эмина, стараясь при этом определить значение каждого из вариантов и выяснить общее в них, что «подтверждается местами из сочинений Эмина, заключающих в себе немало биографических данных и могущих дать довольно полную характеристику автора».¹² Однако, несмотря на оптимистичность прогнозов, результаты анализа вариантов мало чем отличались от выводов Лонгинова. Единственным существенным отличием было признание польского или южнорусского происхождения Эмина, подтверждавшееся наличием в его сочинениях большого числа слов и выражений польского или украинского происхождения¹³ и свидетельством А. Л. Шлецера о плохом знакомстве Эмина с турецким языком.¹⁴

Этот вывод А. И. Лященко, совпавший со словами «очевидца», учившегося с Эминым в Киевской духовной академии, повлиял на всех последующих исследователей. В середине 30-х годов его

¹⁰ Там же, с. 616—617.

¹¹ Лященко А. И. Ф. Эмин и его литературная деятельность. — Архив Академии наук (далее сокращенно — ААН), ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 19. Это исследование было начато еще на 3-м курсе историко-филологического факультета Петербургского университета в семинаре А. Н. Незеленова (там же, оп. 2, ед. хр. 514, л. 3), дополнялось и перерабатывалось в дальнейшем, однако было опубликовано лишь в незначительной своей части: (А-А-А [Лященко А. И.]. Материалы для биографии Ф. А. Эмина. — Библиограф, 1892, № 8—9, с. 320—322; Лященко А. И. Публицистический элемент в романах Эмина. СПб., 1898; А. Л-ко [Лященко А. И.] Эмин. — В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауз—Ефрон, т. 80, с. 763—764).

¹² ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 19.

¹³ Там же, л. 24—24 об.

¹⁴ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлещера, им самим описанная. СПб., 1875, с. 161.

поддержал Г. А. Гуковский,¹⁵ а ныне он безраздельно господствует в научной литературе.¹⁶

Между тем рассмотрение аргументации А. И. Ляценко показывает, что пока не существует веских аргументов для предпочтения какого-либо из вариантов. Они останутся равнодоверенными или равнонедоверенными до тех пор, пока не будут привлечены какие-то дополнительные свидетельства.

Если же мы обратимся к архивным документам, сохранившимся в достаточном количестве, то должны будем констатировать, что существующая точка зрения нуждается в решительном пересмотре. Дело в том, что Эмин представил в Коллегию иностранных дел не только излагавшееся уже прошение о приеме его на русскую службу, но и несколько документов, подтверждавших справедливость содержащихся в нем фантастических с виду деталей. Среди этих документов обращает на себя внимание паспорт, выданный 19 ноября 1760 г. в Лиссабоне.

Некий «барон Дешиус», советник при «статской канцелярии», сообщает здесь, что из города Марзаган на корабле «Гварда Коста» приехал «Магомет Эмин, турецкаго закона дворенин константинопольский». Эмин представил в «статскую канцелярию» паспорта, по переводе которых стало известно, что он сын генерала «именем Гуссейн бека». Достоверность этого факта подтвердили «многие знатные персоны», а также выкупленный из плена капитан шведского корабля, «который его, Магомета, привез на своем корабле с четырнадцати кантарами разных сортов прених кореньев, ему принадлежащих, и с многими деньгами, с которыми он взят был от саятинских морских разбойников».¹⁷

Кардинал-ректор Кременто Роиз де Карвалло в аттестате, выданном 18 ноября 1760 г., засвидетельствовал, что действительно Магомет Эмин был обучен по приказанию короля и, не желая принять христианство в Португалии, испросил разрешение на отъезд во Францию.¹⁸ Разрешение было дано, и 20 ноября 1760 г. Эмин получил паспорт от французского консула в Португалии,¹⁹ но неожиданно изменил первоначальное намерение. 25 ноября он получает паспорт от английского консула,²⁰ 12 февраля прибывает в Лондон,²¹ а 26 февраля 1761 г. иерей русской посольской церкви

¹⁵ Г-ий [Гуковский Г. А.]. Эмин. — В кн.: Энци. словарь «Гранат», т. 53, стб. 668.

¹⁶ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960, с. 376; Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965, с. 105.

¹⁷ Архив внешней политики России (далее сокращенно — АВПР), ф. Спешения с Турцией, 1761 г., оп. 8/1, ед. хр. 7 (Дело по просьбе выехавшего из Константинополя турчанина Федора Емина (Еминовского) в российскую службу по познанию его многих языков), л. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 5 об.—6.

²⁰ Там же, л. 13.

²¹ Там же, л. 13 об.

в Лондоне обратил Эмина в православную веру.²² 11 апреля он получил паспорт от А. М. Голицына и на английском корабле «Пропспект» отправился в Россию.²³

Кроме паспортов, для подтверждения подлинности своей биографии Эмин написал несколько писем в Константинополь и в Смирну к родственникам и людям хорошо его знавшим.²⁴

Первое из них было адресовано в Константинополь к матери его Рукье Ладен: «Почтеннейшая много милостивейшая, дражайшая моя матушка! При отдании Вам с покорностью моего низжайшаго поклона и вопрося о Вашем благополучном пребывании, любезные Ваши руки целую. Ежели же обо мне, рабе Вашем, изволите спросить, и я, благодаря Бога, Вашими святыми молитвами по ныне нахожусь в добром здравии, а притом по повелению Вашему в желаемое нами место я прибыл и, жизнь свою в радостях препровождая, уповаю на вышняго Творца, что в государственную службу вступить надеюсь, в чем достоин явлюсь. О чем вот узнав, прошу милостивым Вашим призрением и материнскими своими молитвами нас не лишить. В протчем государям моим братцам и сестрицам свой низжайший поклон отдаю и желаю ведать о их благополучном пребывании. А когда Вы письмо вознамеритесь написать, то через подателя сего легко переслать можете».²⁵

Другие три письма были адресованы родственнице, Эмине Ладен, в Константинополь и в Смирну к «Гасану и Мегмету агам» по прозвищу «Мелементам». У писем стояла подпись «Магомет али Алжирской».

Для большей же уверенности у всех нужно было спрашивать: «Помянутой Мегмет али какой был природы, физиономии, какой знак он имел на руке, что ему случилось с Ибрагимом в Смирне и почему он знаком алжирскому дею».²⁶

Как видим, в документах, представленных Эминым в Коллегию иностранных дел, получают убедительное подтверждение основные эпизоды его фантастической биографии. Проверка этих сведений, предпринятая Коллегией, не внесла никаких коррективов. Русский посланник в Турции А. М. Обресков сообщил, что мать Эмина умерла несколько месяцев тому назад, а от дальнейших справок он отказался, опасаясь привлечь внимание.²⁷

Подтверждаются и другие, доступные проверке эпизоды этой удивительной жизни. Известен в литературе правитель Константины Гуссейн бей — голубой глаз (a l'oeil bleu), который был главнокомандующим алжирских войск во время алжиро-тунис-

²² Там же, л. 14.

²³ Там же.

²⁴ Там же, л. 2—2 об., 16—16 об.

²⁵ Там же, л. 2—2 об.

²⁶ Там же, л. 17—17 об.

²⁷ Там же, оп. 89/1, ед. хр. 3, л. 137 об.—138.

ской войны 1756 г.²⁸ Вполне естественны и сообщаемые Эминым сведения об учебе в Италии, поскольку итальянский язык был обязательным элементом в программе обучения знати Леванта до середины XVIII в.²⁹ Наконец, в формулярном списке сына Эмина, Николая, сказано, что он происходит от «иностраных» родителей.³⁰

Все это показывает, что «фантастический» вариант биографии Эмина, которому никогда не придавалось серьезного значения, гораздо более достоверен, нежели остальные, более прозаические версии. Но, чтобы окончательно убедиться в этом, необходимо выяснить мотивы, вследствие которых они появились на свет.

Решение этого вопроса непосредственно связано с обстоятельствами петербургской жизни Эмина и литературной судьбой его сочинений.

II. В Петербурге

В мае 1761 г. уроженец Константинополя, растерявший бывшее свое благополучие, доезжает до Петербурга на деньги, занятые у английских купцов.³¹ Он мог, пожалуй, вместе с Северином Потоцким сказать: «Теперь единственная пора, что человек с именем может все приобрести при русском дворе. Еду за всем!».³² Но петербургская жизнь явилась для Эмина далеко не такой лучезарной, какой могла ему показаться в Лондоне. Подав прошение о принятии его в российское подданство и службу, он в ожидании решения перебивается случайными заработками, получая пособие в 50 рублей на год, определенное для приезжих иностранцев.³³

Спустя два месяца, не получив никакого ответа, он подает челобитную канцлеру М. И. Воронцову, где говорит, что уже третий месяц живет «собственным иждивением, лишь надеясь на будущее»,³⁴ и не догадывается, по-видимому, что причиной задержки явилась собственная его биография. Фантастические обстоятельства жизни Эмина показались М. И. Воронцову слишком уж подозрительными, и, несмотря на представленные документы, не смотря на заверения Эмина о том, что «несправедливо было по-

²⁸ Vayssettes E. Histoire de Constantine sous les Beys depuis l'invasion turque jusqu'à l'occupation française (1537—1837). Alger—Paris, 1869, p. 168; Mohamed Seghir ben Youssef. Chronique tunisienne. Tunis, 1900, p. 397; Plantet E. Correspondance des beys de Tunis et des consuls de France avec la cour (1577—1830), t. II. Paris, 1894, p. 498.

²⁹ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 83. О жизни поляков в Турции см.: Reychman J. Zycie polskie w Stambule w XVIII wieku. Warszawa, 1959.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, ед. хр. 2565, формулярный список № 6.

³¹ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2 об.

³² См.: Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1898, с. 126.

³³ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2 об.

³⁴ Там же, л. 3.

думать, что разных держав посланники, а именно французский, английский, португальский и русский», могли его рекомендовать, не зная о его происхождении,³⁵ А. М. Обрескову был послан приказ узнать «о предъявлениях Эмина и о родственниках его в Константинополе находящихся».³⁶ После же ответа Обрескова, посоветовавшего держать Эмина подальше от турецких дел и выразившего сомнение в полезности «выходцев и разкащиков» подобного толка,³⁷ карьера Эмина в Коллегии была предрешена. Несмотря на то что 11 июля 1761 г. его все же принимают на службу,³⁸ ему не удастся в дальнейшем, даже после многочисленных прошений,³⁹ подняться по служебной лестнице выше звания переводчика «поруческого чина» до самого своего ухода из Коллегии в 1763 г.⁴⁰

Не получив ожидаемых чинов и денег, Эмин тем не менее старался поддержать репутацию сына алжирского вельможи. С восхитительной откровенностью рассказывает об этом в одном из его романов: «Место, при котором я находился, было весьма знатное; и как при оном месте находящиеся люди были почти все

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 3 об.

³⁷ «Мать вышедца турченина, в Лондоне греко-российской закон приняшаго, о коем в канцелярской цидуле Государственной коллегии иностранных дел от 12 минушпаго июля упоминаетца, по разведованию слышно пред несколькими месяцами умерла; потому письмо его у меня находитца, да и протчия к свойственникам и знакомцам его доставить воздержался, не видя никакой нужды для него в подобной переписке, когда он христианский закон принял и по смерти его в Империи вашей остатца намерен. А к тому же оная переписка могла бы возбудить любопытство знать, где он находитца, и по открытии настоять и меня беспокоивать о освобождении его. Какого же он состояния, то я с точностию ничего сказать не могу, но сколько экспериенция показывает, в подобных выходцах и разкащиках весьма редко прок бывает. Почему, когда ваше императорское величество всемилостивейше повелеть соизволите в высочайшую вашу службу принять, по малой мере сколько мне слабейше кажетца, надлежит держать его в совершенном отдалении не токмо от всяких дел до здешней державы касающихся, но и от границ, и всякое письменное сношение воспретить и воспрепятствовать» (АВНР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 89/1, ед. хр. 3, л. 137 об.—138. Ср.: Арзуманова М. А. Новое об Эмине. — Русская литература, 1961, № 1, с. 183).

³⁸ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2.

³⁹ В 1762 г. он подает челобитную на имя Петра III, где просит дать ему чин капитана-поручика и 400 рублей в год, а иначе «турецкий народ», узнав, в каком бедственном положении находится их полковник, утратит свое «доброхотство к обращению», вместо того чтобы «спешить» к православной вере и российской службе (Арзуманова М. А. Новое об Эмине, с. 182). 11 июля 1763 г. Эмин снова сообщил Коллегии, что он изучил русский язык, «сколько силам и возможности было сходственно», и просил или определить ему жалованье в 400 рублей, или уволить его, чтобы он смог подыскать себе подходящее место (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).

⁴⁰ Эмин был уволен из Коллегии в конце июля 1763 г. с обычным аттестатом, где говорилось, что он «при помянутой Коллегии поступал добропорядочно» (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).

знатной породы и великолепно одевались, то я, видя отменную некоторых вельмож ко мне милость и надеясь от них вспоможения, вошел в немалые долги и наделал на себя платья, чтоб честолюбию моих повелителей удовольствовать».⁴¹

Однако надежды на «вспоможение» оказались тщетными, и Эмин должен был сам заботиться о своем благополучии. Одолеваемый кредиторами,⁴² он одновременно со службой в Коллегии иностранных дел устраивается преподавателем итальянского языка в Сухопутный шляхетный кадетский корпус и в Академию художеств,⁴³ а затем начинает зарабатывать на жизнь литературным трудом. «Жалованье, которое я получал, — писал он впоследствии, — больше раздражяло, нежели утолить могло мой голод; тогда я, не зная каким образом прмыслить себе кусок хлеба, начал упражняться в сочинениях».⁴⁴

⁴¹ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла... СПб., 1763, с. 213.

⁴² По умению занимать деньги Эмин фигура примечательная. В сентябре 1763 г. был опротестован вексель, выданный им «торговому иноземцу» Иоганну Готлибу Цизмеру на 100 рублей (ЦГАДА, ф. 1239, ед. хр. 52038, л. 28, 48); в феврале—марте 1764 г. сразу семь векселей: от петербургского купца Федора Кружевникова на 120 и 106 руб., галицкого купца Алексея Галушина на 125 руб., петербургского купца Ивана Андреева сына Одноушевского на 130 руб., нерехотского купца Михаила Пастухова на 104 руб. 73 коп., солигаличского купца Якима Серебрякова на 26 руб. 70 коп., «галанского» купца Андрея Андреева сына Будышки на 172 руб. 46 коп. (там же, л. 21 об. и 46 об.); в сентябре 1764 г. от приказчика обер-директора Саввы Яковлева Василия Дружинина на 27 руб. (л. 23) и петербургского купца Ивана Большого Пикина на 43 руб. (л. 24); в августе 1765 г. от обер-директора Михайлы Яковлева на 240 руб. (л. 55); в ноябре 1766 г. от петербургского купца Андрея Гаврилова сына Гвоскова на 100 руб. (л. 58). Донесения о взыскании с Эмина долгов см. также: ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 36, ед. хр. 100, л. 30; ед. хр. 102, л. 48 об., 107.

⁴³ Имеющиеся свидетельства ограничивают пребывание Эмина в Сухопутном кадетском корпусе 1762—началом 1764 г. 12 августа 1762 г. для него выписывали «грамматику итальянскую с французским» и «лексикон с французского на итальянский» (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, ед. хр. 3172, л. 49); 5 октября он требовал для кадетов бумагу (ед. хр. 3173), 16 декабря — «грамматик российских с итальянским 40» (ед. хр. 3175, л. 1). 6 февраля 1763 г. И. И. Шувалов по представлению Ф. Эпинуса распорядился за «прилежность» Эмина и «успехи в его обучении» прибавить к его жалованью 50 рублей (ед. хр. 3200, л. 3—3 об.). 28 января 1764 г. вместо Эмина преподавателем итальянского языка был взят Венедикт Майер (ед. хр. 3185, л. 26). В Академии художеств Эмин начинает служить в 1763 г. (Серман И. З. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 208. Еще в октябре 1762 г. учителем итальянского языка значился Иван Тихомиров: ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 5, л. 71), упоминается в списках преподавателей 26 апреля 1763 г. (ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 9, л. 26), а первого мая был уволен, поскольку множество дел по Коллегии не позволяло ему «посещать классы» (Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. СПб., 1904, с. 463).

⁴⁴ Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла..., с. 213. Имущественные дела Эмина несколько поправились после того, как в конце 1763 г. он определился переводчиком в Кабинет императрицы («у переводу случающихся по Кабинету текущих дел и книг». ЦГАДА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 47, ч. V, л. 230) и не только стал сочинять по должности, не только издавал свои

Так Эмин приходит в русскую литературу. На этом новом для себя поприще он проявляет невиданную для тогдашних русских писателей активность, поразившую и современников, и последующих исследователей его творчества. За семь лет (1763—1770) он издал 19 томов сочинений и переводов, а в конце жизни достиг такой литературной известности, что смог продать петербургскому купцу С. Л. Копнину даже ненаписанные свои произведения.⁴⁵

Так в изнурительной борьбе за существование, в напряженной литературной работе прошли для Эмина недолгие годы его петербургской жизни. Он испробовал самые разнообразные способы «пропитания», и среди них не последнее место занимала спекуляция собственной биографией. Рассказанная вначале в петербургских салонах при большом стечении слушателей и в интимном кругу, она начинает затем распространяться через посредство печатного станка.

Первый роман Эмин написал о самом себе.

6 июня 1763 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «Продается книга Миромандово похождение, часть первая, в которой сочинитель описывает разные свои приключения и многих азиатских и американских земель обыкновения».⁴⁶ Здесь в «Мирамонде» нашла полное свое отражение и обросла фантастическими подробностями турецко-алжирская биография Эмина. Он и дальше почти в каждом из своих сочинений не забывал упомянуть о «неудачной Фортуне» и многолетних странствиях, обыкновениях Востока и турецких родственниках. Эти рассказы находили благодарных читателей и позволяли Эмину собирать свою жатву вплоть до 1768 г., когда грянула русско-турецкая война. В новой обстановке турецкое происхождение вряд ли могло способствовать служебному благополучию Эмина, и он, сменивший уже однажды религию и неоднократно варьировавший в зависимости от конъюнктуры политические свои взгляды,⁴⁷ принес на

книги на казенный счет, но и сумел испросить у Екатерины II под залог будущих сочинений 2500 рублей на уплату долгов (Арзуманова М. А. Новое об Эмине, с. 182; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 351, л. 367—367 об.).

⁴⁵ ААН, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 143, л. 2—3. («Дело о продаже купцу С. Л. Копнину сочинений покойного кабинетского переводчика Федора Эмина»). Получив в залог более 8000 рублей, Эмин так и не смог исполнить обещанного. 16 апреля 1770 г., видимо не выдержав напряженного литературного труда и подорвав здоровье, он умер «от болезни точно не известной» 35 лет от роду (Бешенковски й Е. Б. Историкографическая судьба «Российской истории» Ф. А. Эмина. — В кн.: История и историки. М., 1973, с. 283).

⁴⁶ Объявление было написано самим Эминым (ААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 672, л. 37 об.).

⁴⁷ Едва перейдя под покровительство Г. Г. Орлова и поступив при его посредстве на службу в Кабинет императрицы, Эмин в последней части «Похождений Мирамонда» выступил с критикой Шуваловых; вскоре после этого в сатире «Сон» высмеял бывших своих покровителей из Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Наконец, в 1765 г. Эмин, в начале своей петербургской карьеры ратовавший за иностранцев и говоривший об их

этот раз в жертву собственную биографию.

По «совету» одного из своих покровителей Эмин написал и издал в 1769 г. «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», сочинение откровенно антитурецкое, в котором Эмин заявил о своей политической лояльности. Именно здесь он впервые упомянул в печати о том, что вступил «по нужде» в янычары.⁴⁸

Этот факт, не имеющий соответствия в «турецкой» версии происхождения Эмина, поскольку сын «губернатора Лепанта» не мог служить в янычарах, упоминается в рассказах Новикова и С. Л. Копнина, и нам предстоит теперь выяснить, какой же из них отражает в большей степени новое «изустное сказание» Эмина.

При сопоставлении первого и второго вариантов биографии Эмина обнаруживается их очевидное сходство.

1-й вариант

Эмин Федор Александрович родился около 1735 года в Польше или пограничном с Польшей российском городе от небогатых родителей, которых и лишился он в младенчестве. По случаю попал он в руки к одному иезуиту, который обучил его латинскому языку и другим употребительным в их школах наукам. Путешествуя с ним по разным европейским и азиатским государствам, прибыл он, наконец, в турецкую землю, где было с ним приключение, о котором он не объявлял, но в результате которого был взят под стражу и ради избавления от вечной неволи, вынужден был принять магометанство. Затем, не имея другого пропитания, вступил он в турецкую службу и был несколько лет янычаром. Ведя жизнь против своего желания, искал он всегда способа уехать в Европу. По случаю познакомился с капитаном английского корабля и упросил увезти с собой. Капитан согласился, и Эмин попадает в Лондон. Здесь он живет некоторое время под именем Мехмета Эмина, затем, намереваясь принять природную свою христианскую веру,

2-й вариант

Федор Александрович Эмин родился в 1735 году в небольшом венгерском городке Липпе на самой турецкой границе. Отец его был венгерец, а мать — полька. В 1737 году попал он вместе с матерью в плен к туркам, однако мать сумела воспитать его в католичестве. По окончании войны возвратился в отечество и отдан был на обучение в иезуитское училище, где остротою ума и успехами привлек внимание учителей. Один из них даже содержал его на своем иждивении и, отправляясь в Азию в должности миссионера, взял его с собой. Путешествуя по разным европейским и азиатским странам, прибыли они в Турцию, где было у него некое приключение, о существовании которого никому не хотел он объявлять. Будучи взят под стражу, расстался он со своим миссионером и для избавления от вечной неволи вынужден был принять магометанство. Не имея другого пропитания, пошел он на турецкую службу и несколько лет прослужил в янычарах, потом ушел на английском судне в Англию и, живя в Лондоне под

полезности для России, обрушился с критикой на М. Ф. Каменского за умеренное восхваление прусских военных маневров. Это неизвестное ранее сочинение Эмина было опубликовано Л. Н. Майковым как анонимное (Майков Л. Н. М. Ф. Каменский у Фридриха II. — Русский архив. 1873, № 7, с. 198—213). Приписано Эмину в одном из сборников Н. С. Тихонравова (ГБЛ, ф. 299, ед. хр. 24, л. 205 об.—208 об.).

⁴⁸ Краткое описание Оттоманской Порты. СПб., 1769, с. 47.

является к русскому министру в Лондоне, где по желанию его в 1758 году был окрещен. В 1761 году приехал в Петербург.

именем Магомета Эмина, старался изведать все христианские религии. Найдя греко-российскую справедливее прочих, явился к российскому посланнику князю Голицыну, в домашней церкви которого при обращении в веру был переименован Федором. Восприемником был сам посланник. Наконец, из Лондона приехал он в Петербург.

Обилие текстуальных и фактических совпадений исключает независимое происхождение вариантов. Начиная со слов «путешествуя по различным европейским и азиатским государствам», они практически идентичны друг другу и избытуют текстуальными связями. Очевидно, что С. Л. Копнин воспользовался для составления биографии новиковским текстом, существенно видоизменив лишь его начало. Так и возникли два варианта происхождения Эмина, по одному из которых он родился в России или в Польше, а по другому — в венгерском городке Липше. Но, как уже было выяснено, Эмин довольно поздно отказался от турецкого происхождения. С 1769 г., когда появляются первые следы переделки биографии, до апреля 1770 г., когда он покончил счеты с жизнью, прошло чуть больше года. Крайне сомнительно, чтобы за столь короткий срок и без особых на то оснований Эмин сочинил две различные версии своего происхождения. К тому же он не мог не догадываться, какую бурю насмешек вызовет у его литературных врагов отказ от турецкого происхождения. Едва только Эмин объявил, что он не турок и, следовательно, все его рассказы, которыми он в течение 7 лет занимал читателей и петербургское общество, не что иное, как плод его фантазии, в литературе и в сатирических журналах появилось множество язвительных пасмешек над пезадачливым сыном алжирского бея. Теперь Эмину уже не верили ни его друзья, ни его многочисленные враги, начавшие гадать, каково же действительное происхождение бывшего «полковника кавалерии». Одна из этих версий, живо напоминающая новиковскую, принадлежит давнему недругу Эмина М. Д. Чулкову, который предположил, что Эмин «в пезедомой стране в Хохландии родился».⁴⁹ Причем по контексту видно, что основанием для этого суждения Чулкова явилось не какое-то новое «сказание» Эмина, а лексика его сочинений. Турецкие «обыкновения» описаны в ранних романах Эмина таким русско-польским языком, что нетрудно было прийти к выводу о его польском и украинском происхождении. О концептуальном характере этой версии биографии Эмина говорит и тот факт, что сам он публично отказался в «Адской почте» от украинского происхождения.⁵⁰

⁴⁹ Чулков М. Д. Плачевное падение российских стихотворцев. СПб., 1769.

⁵⁰ Адская почта. СПб., 1769, с. 234.

Совокупность изложенных фактов приводит нас к выводу, что начальная часть рассказа Новикова, по-видимому, не восходит к Эмину, а является домыслом автора «Исторического словаря о российских писателях».⁵¹

При составлении второго варианта биографии С. Л. Копнин воспользовался, по-видимому, семейными «преданиями»⁵² или собственными воспоминаниями о рассказах Эмина, нехитрым образом дополнив ими сведения Новикова. В этой новой версии, приложенной к религиозно-нравоучительному трактату Эмина, появляются уже явные элементы жития, сведения о том, как он долго раздумывал, какую же религию ему избрать, и остановился в конце концов на православии, подробные обстоятельства крещения и пр.

Но, видимо, слишком невероятным показалось читателям «Пути ко спасению», чтобы недавний выкрест с успехом исполнил роль православного проповедника и стал автором книги, выдержавшей в XVIII—XX вв. несколько десятков изданий. Это противоречие окончательно снято в третьем варианте биографии Эмина, к которому сам он, по-видимому, не имеет никакого отношения. Создатель этой очевидной выдумки почерпнул у Новикова сведения о происхождении Эмина, затем переделал иезуитское училище второго варианта в Киевскую духовную академию, и Эмин предстал перед читателями «Пути ко спасению» православным от рождения.

Так сын алжирского бея окончательно акклиматизировался в России, оставив рассказами о своей удивительной жизни, противоречивыми и талантливыми своими произведениями заметный след не только в сознании современников, но и в истории русской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПРОШЕНИЕ ЭМИНА О ПРИЕМЕ ЕГО НА РУССКУЮ СЛУЖБУ

«Serenissima Potentissima e grande Imperatrice
Sourana Clementissima

Il mio Avo, oriundo di Polonia, essendo in servizio della Maestà Cesarea Luogotenente capitano nella cavalleria destinata ai confini verso la Turchia per un accidente passò in Zvornik, capitale della Provincia di Bosnia, dove

⁵¹ Сомнительно, чтобы в рассказе Эмина была столь неясная фраза: «...родился в Польше или пограничном с Польшей российском городе».

⁵² С. Л. Копнин был знаком с Эмином и с его женой Ульяной. По-видимому, от нее он и получил оригинал «Пути ко спасению» (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. III, с. 436). Фамилии жены Эмина остается пока неизвестной. Из формулярного списка сына его, Николая, видно лишь, что он происходит из «иностранных и российской императорской службы штаб-офицерских детей» (ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, ед. хр. 2565, формулярный список № 6). Внучка Эмина, Вера Николаевна, вышла замуж за Я. И. Ростовцева (см.: Румель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, с. 337).

essendo perseguitato fù constreto d'abbracciar la setta Mahometana per timore della vita, e fù impiegato in servizio del Governator di sopradetta Provincia, il quale vedendo la sua abilità lo creò suo Luogotenente Generale e gli diedde il modo di comprar una Baronìa con alcuni feudi; in quel tempo egli sposò la figlia del Giudice della detta Provincia dalla quale nascendo il mio padre fù educato nella mede[si]ma Corte. Dopo la morte del Basha mio padre andò in Constantinopoli per aver il governo di Bosnia e frà tanto comprò una schiava christiana dalla quale naqui io; et essendogli stato recusato il governo di Bosnia fù obbligato d'accettar il governo di Lepanto per dove essendo stato spedito, lasciò la mia madre meco a Constantinopoli, e dopo cinque anni mandò a prenderci appresso di se, ove io per il spacio di dieci anni fui ammaestrato nella lingua Latina e Polaca le quali lui possedeva a sufficienza, dopo me mandò a Venecia per imparar la lingua Italiana; e al mio ritorno lo trovai per accuse deposto del suo governo et inseguito essiliato nell'isola di Mettellina nell'archipelago di dove dopo tre anni avendo trovato il modo di sortire andò in Algeri et essendo conosciuto al Rè fù creato dal mede[si]mo Governatore delle due Provincie Constantina e Bigie. Quando poi dopo qualche tempo s'allumò la guerra fra Algeri e Tunisi allora il mio padre fù destinato Saraschere o sia Generalissimo delle truppe del suo Rè che mandava contro Tunisi nella quale spedizione ebbe la Fortuna, non solam[ente] di conquistar tutto il regno ma altresì di prender captivo il proprio figlio del sconfitto Rè, il quale con molte altre Spoglie fù consegnato a me ch'ero in seguito del mio padre per condurlo in Algeri, il quale avendo io condotto fui del Rè creato colonello della cavalleria; poi quando il mio padre morì d'una ingangrenata ferita, io prendendo il mio congedo tornai a Constantinopoli appresso la mia madre, colla quale restando qualche tempo, gli comunicai l'intencione ch'avevo preso di passare in Europa per abbracciar la Religione Christiana alla quale essa m'aveva instruito dalla mia fanciullezza, e così per evitar ogni sospetto andai di là a Smirna e comprando Droghe per la somma di tre milla cechini m'imbarcai sopra un Bastimento Svedese per andar a Gibilterra ma per mia disgracia fui per viaggio preso d'un Corsaro Salatino e condotto a Zummura, piazza del Regno di Marocco dal governatore della quale domandai come Mahometano la restitucione delli miei effetti ma in vece di ciò: supponendo esso ch'io fossi il Capitano dalla Bandera volle arrestarmi e insidiar la mia vita, il che io vedendo mi buttai sopra un Cavallo che per mia buona sorte era attaccato alla porta del detto governatore e presi il cammino della fortezza portoghese Marsagam, distante cinque miglia da Zummura, et arrivai a salvamento, e fui immediatam[ente] condotto al governatore della detta fortezza, e come Turcho ero in procinto di perder la libertà m'avendogli esposto ch'andavo in Christianità per abbracciar la Religione mi spedì in Lisbona dove la sua Maestà Portoghese ch'ha per costume dar audienza à gli stranieri mi fece venire in sua presenza, e informandosi della mia intencione, comando al cardinal Carvallo acciò m'instruisca alli dogmi della religione apresso il quale restai per il spacio di molti mesi, e fui non solam[ente] instruito alli dogmi della religione m'altresì imparai la lingua portoghese e inglese che communem[ente] ivi si parla, dopo di ch'avendo io conosciuto la differenza che v'è fra il Rito Romano e Greco e per altro ansioso di venire in Russia e abbracciar la fede Ortodoxa mi presentai novam[ente] al Rè e supplicai d'aver la permissione di partir per Francia e con tutto esser della sua Religione con tutto ciò ch'il detto sovrano s'offrì d'esser il mio padre del Battesimo se o volessi vedendomi fermo nel mio proponimento mi diedde la permissione di partire e imbarcandomi sopra un Vascello inglese venni in Londra e il mede[si]mo giorno mi presentai all'ambasciator di Codesta Corte Imperiale, e fui Battesato dal mede[si]mo, e dopo qualche tempo fui spedito d'esso qui sopra una nave inglese munito da varij passaporti et attestati, i quali tutti ho presentato al Collego degli affari Straneri.

Supplìco adunque umilissimam[ente] Vostra Imperiale Maestà in considerazione del mio zelo per la Religione Ortodoxa e del mio fervore col quale ho ricorso al glorioso Impero di Vostra Maestà aver compassione d'un forestol

siccome possedo la lingua Turcha e passabilmente la Latina, Italiana, Polaca, Inglese e Portuguese supplico la Clemenza di Vostra Maestà impiegarmi al servizio di Vostra Maestà ovunque sarò guidicato degno di poter servir Vostra Sacra Imperial Maestà assegnandomi un proporcionato salario col quale potessi mantenermi decentemente.

Di Vostra Maestà Imperiale umilis[si]mo,
devotis[si]mo, obediētis[si]mo servo Theodoro Eminowski.

(АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 7/1, ед. хр. 7, л. 11—13. Автограф).

«Всепресветлейшая державнейшая великая императрица
государыня всемилостивейшая.

Дед мой, родом поляк, обрета́лся в службе его цесарскаго величества поручиком от кавалерии при определенных в пограничных с турками местах полков, откуда по причине некотораго приключения, в столичной Бошняцкой провинции город Зверник перешел; и, будучи в гонении, принужден для спасения своей жизни магометанской закон принять, вследствие чего тамошней губернатор, узнав не в продолжительное время его искусство, в генералис адъютанты к себе принял и дал ему способ маетность тамо купить и жениться главнаго судьи тамошней провинции на дочери, от которой родился отец мой и его воспитание имел при дворе упомянутаго генерал губернатора. После же смерти его отец мой, поехав в Константинополь, домогался Бошняцкое губернаторство себе достать и женился на купленной им от христианскаго закона невольнице, от которой родился я, нижайший.

По прошествии же несколько время видя отец мой, что Бошняцкаго губернаторства себе достать не может, приужден [был] удовольствоваться данным ему от Порты Лепанским губернаторством. Куда отправясь, оставил меня с матерью в Константинополе, и спустя пять лет меня к себе взял и довольно им знаемым латынским и польским языкам чрез десять лет обучал, а потом отправил меня на обучение италянскаго языка в Венецию. И по возвращении моему оттуда, застал я отца моего, лишешнаго губернаторскаго по клеветам чина и в архипелаге в Метелинской остров в ссылку тогда сосланнаго. Откуда, нашед по прошествии трех лет способ себя спасти, в Алжир поехал, и по знакомству с тамошним владельцем в губернаторы Константинской и Бижийской провинции им пожалован, а когда потом между Алжир и Тунезей война началась, тогда отец мой сержанкером или главнокомандующим над определенным против Тунезя государя своего войском назначен. В которой экспедиции оный отец мой щастием своим не токмо всю вышеписанную Тунезскую область завладел, но и сына побежденнаго владельца в полон взял и онаго со многими иными, в добычу полученными знаками к алжирскому владельцу чрез меня отправил. Котораго я приведя ко двору вышеписаннаго владельца, полковником в кавалерии за то от него пожалован.

По прошествии же некотораго времени отец мой, в столичной алжирской город приехав, от полученных при баталии ран умер, а я, нижайший, увольнение от реченнаго владельца взяв, в Константинополь возвратился. И прибыв к матери моей [при которой оставался некоторое время] о принятом мною намерении объявил, что я желаю в свропейские край поехать и воспринять христианской закон, к которому она в моем малолетстве меня наставляла.

И для избежания всякаго подозрения отправился я из Константинополя в Змирне и тамо, купя товару на три тысячи червонных, на шведское судно грузил и в Жибралтар отправился, но нещастием морскими салетинскими разбойниками оное судно [было] взято и в Мароцкой город Дзумуре привезен. Где я о возвращении помянутых моих товаров у тамошняго губернатора, яко магометан у его единозаконников, хотя и про-

сил, однако вместо того, сомневаясь он, что я не хозяин тех товаров, но только защитник того судна, хотел меня арестовать и животом вовсе лишит. Что я видя, бросился на привязанную щастием моим в воротах того губернатора лошадь и в разстоянии от того места в пяти верстах состоящаго португальскаго города Марзагам спасся и к тамошнему губернатору немедленно представлен, которой хотел меня яко турченина невольником учинить, но я ему объявил, что я в христианскую область для воспрятия закона следовал. И тако он в Лизбон меня отправил, где его португальское величество, обыкновение имея всех чужестранцов в аудиенцию свою доставлять, приказал меня к себе допустить, и, уведомясь о моем намерении, кардиналу своему Карвалу велел христианских меня догмат обучать.

При котором кардинале я несколько месяцев быв, не токмо христианских обрядов, но и португальскаго и англискаго языков, кои там обыкновенно говорятся, обучен. Чрез что, узнав я имеющихся между греческим и латинским законом разности, а притом алчно желая в Россию приехать и православной закон воспринять, к королю паки явился и просил, чтоб дозволено было мне во Францию ехать. И, хотя его величество обещался крестным отгом быть, ежели [бы] я в его закон креститься хотел, однако видя непоколебимость моего намерения, дозволил мне ехать. И [я], на англиское судно убравшись, в Лондон отправился, куда прибыв, в той же самой день к министру здешняго императорскаго двора явился и чрез него святое крещение воспринял, и на англиском судне сюда от него потом отправлен. И, прибыв, имеющихся при мне разные документы в Государственную коллегию иностранных дел подал.

Того ради вашего императорскаго величества раболепно прошу в разсуждении усердия моего к православному закону и ревности, с какою я к славной вашего императорскаго величества империи прибежал, милосердие над бедным чужестранцом показать и по посредственному моему знанию турецкаго, италиянскаго, аглицкаго, латынскаго, португальскаго и польскаго языков в службу вашего императорскаго величества меня принять и определить к чему достоин явлюсь, произведя мне сходное жалованье, которым бы я мог без нужды себя содержать и вашему императорскому величеству служить.

Вашего императорскаго величества нижайший,
преданнейший и покорнейший слуга
Феодор Еминовский».

(АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 7/1, ед. хр. 7, л. 7—9 об. — в деле перевод предпослан оригиналу. За сверку итальянскаго текста и перевода, а также за ряд ценных замечаний приношу благодарность Н. В. Котрелеву).

II. ПРОШЕНИЕ ЭМИНА О ВЫДАЧЕ ЕМУ ЗАИМООБРАЗНО 1500 РУБЛЕЙ НА УПЛАТУ ДОЛГОВ И ЗАВЕРШЕНИЕ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ»

[1768 г. до июня]

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всероссийская государыня всемилостивейшая.

Бьет челом кабинетной переводчик Федор Эмин, а о чем тому следуют пункты:

1

В 1763 году принят я в кабинет вашего величества переводчиком на место переводчика капитанскаго рангу Савидкого тогда, когда еще никого из переводчиков при кабинете не было, и на первый случай опре-

делено мне 400 рублей жалованья на год. После меня взят Федор Ушаков из сержантов кадетских, которой неограниченным вашего величества милосердием давно уже кабинетным секретарем пожалован. Борис Салтыков и Владимир Лукин, оба из армейских поручиков, также штатские чины давно получили, а я, не хотя утруждать прозьбами монархию, на пользу отечества безпрестанно трудящуюся, по ныне при прежнем нахожусь чине, хотя я всеми мерами старался усердием моим с протчими равняться. Я же с немалой моею семьею не могши себя содержать определенным мне на первой случай жалованьем, вошел в долг и оный сочинением и переведением некоторых книг сколько возможно уплачивать старался, так что уплатил уже больше 800 рублей долгу, в которой я вошел, строя дом, которой мне стал с лишком в две тысячи рублей. Но как ныне я желаю исполнить волю вашего величества, принялся к сочинению Российской Истории уже тому другой год и еще по крайней мере лет через четыре сей мой труд продолжится, потому что оная книга будет состоять в 10 немалых томах, следовательно меньше трудных книг мне сочинять и чрез то иметь обыкновенный свой доход будет невозможно, то ваше величество всепокорнейше прошу о пожаловании меня чином и жалованием тем, которое Федор Ушаков при кабинете вашего величества, будучи произведен в секретари, получал. Сие вашего величества милосердие будет мне укреплением в сем моем весьма полезном труде, котораго уже два тома с дозволения целаго академического собрания напечатаны.

2

Тако же, всемилостивейшая государыня, всепокорнейше прошу кабинету вашего величества повелеть выдать мне заимообразно денег полторы тысячи рублей на оплату долгов и на протчия потребности, ибо я купил больше, нежели на 200 рублей книг, из российской истории потребных, да и ныне разныя записки покупать стараюсь, плачу оных переписчикам и двум корректорам по 50 рублей в треть, не могши без них обойтись.

Профессор Шлецер, обязавшийся пятый уже тому год сочинять российскую историю, которой и начала еще нет, получая довольное жалованье, имеет трех при Академии на жалованье вашего величества помощников, а я, будучи принужден один из множественных авторов собирать разныя о России описания и замечать все страницы, на которых оныя изображены, потом повонапечатанныя листы с оными сличать, нет ли и в числе страниц ошибок, не мог того миновать, что бы не нанять двух корректоров для смотра за такими мелкостями, весьма много времени занимающими.

Я и прежде из кабинета вашего величества взял тысячу рублей на четыре года, и в три года уплатил уже 800 рублей, и ныне всеподданнейше прошу всемилостивейше повелеть мне выдать полторы тысячи па пять лет и вычитать оную сумму по 300 рублей в год из моего жалованья. А после окончания сего моего труда, предаюсь великому вашего величества милосердию.

Всемилоствейшая государыня, ваше императорское величество всеподданнейше прошу о сем моем прошении милостивейше учинить разрешение.

Сию челобитну писал я, Федор Эмин, и руку приложил».

(ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 351, л. 367—367 об. Автограф).

III. ДОГОВОР С С. Л. КОПНИНЫМ

«1768-го года июля дня в Санктпетербурхе я, нижеподписавшийся, заключил сей договор с санктпетербургским купцом Сергеем Леонтьевым сыном Копниным в нижеследующем:

Г-с, продал я ему, Кошнину, нижеписанныя сочиняемая мною книги, первую Российской Истории пять томов, ис коих первых четырех томов по две тысячи экземпляров, а пятого тома весь выход, то есть две тысячи двести экземпляров ценою за каждый напечатанный кроме переплету экземпляр по шестьдесят по две с половиною копейки. А всего за вышеозначенное число десять тысяч двести экземпляров, шесть тысяч триста сорок пять рублей. О печатании коих старание иметь мне, нижеподписавшемуся, своим коштом, а как оные отпечатаны и совсем готовы будут, то ему, Кошнину, все упомянутое число экземпляров без всякой остановки, которая от меня зависеть может, я отдать должен; вторую — переводимых мною Польской истории пять же томов, каждого тома по тысяче по двести, итого шесть тысяч экземпляров ценою за каждый без переплету по пятьдесят по две с половиною копейки, итого три тысячи сто пятьдесят рублей, котору б также на мой кошот от напечатания очистить и ему, Кошнину, отдать долже; третью — сочиненныя мною четыре части, каждой части по тысяче по четыреста, а всех пять тысяч шесть сот экземпляров по договорной цене за тысячу триста шестьдесят рублей, ис котораго числа следует ему, Кошнину, за напечатание оных заплатить в Академию шесть сот рублей, а достальныя семь сот шестьдесят рублей надлежит от него, Кошнина, мне; всего по договорной цене за упомянутое число экземпляров означенных трех книг следует получить от него, Кошнина, денег десять тысяч двести восемьдесят пять рублей, в которую сумму по нынешнее число получено мною от него, Кошнина, наперед денег восемь тысяч рублей. А в то восьмитысячное число отдано от меня ему, Кошнину, вышеобъявленных книг по предписанной договорной цене, а имянно: Российской истории первого и второго тома четыре тысячи экземпляров на две тысячи пятьсот рублей, Письма Эрнеста и Доравры все четыре части пять тысяч шесть сот экземпляров, за исключением денег, подлежащих к плате в Академию как вышеозначено за напечатание оных на семь сот шестьдесят рублей; всего в получение от меня им, Кошниним, показанных по цене на четыре тысячи пятьсот дватцать рублей. А затем в зачет в последующие Российской и Польской истории достальных трех томов осталось за мною его, Кошнина, денег вперед три тысячи четыреста восемьдесят рублей, которые деньги не инако ему получать как следующими Российской истории тремя, а Польской тремя же томами. Да при отдаче ему, Кошнину, от меня Российской истории третьего тома получить мне от него, Кошнина, пятьдесят рублей, четвертаго — двести пятьдесят рублей, а при отдаче пятого тома — пятьсот рублей. Да с будущаго июля получать мне от него, Кошнина, на каждой месяц по пятидесяти рублей в первых или в последних числах мне потребны будут. Да на мой щот платить ему, Кошнину, за пару лошадей для езды моей, и сверх того по получении от меня пятого отпечатаннаго Российской истории тома, снять имеющихся на мне разных людей долгов не более двух тысяч рублей емуж, Кошнину, на себя. А что за мною его, Кошнина, по расчоту денег останется, то к платежу следует при начале печатания шестаго тома. В то время ему ли отдавать мне последния Российской истории томы или за собою оставлять, по рассмотрении с обеих сторон обстоятельств, новый договор учинен будет.

Сей договор обе стороны свято и ненарушимо наблюдать должны. На подлинном подписано: К сему договору в уверении, что онаго все пункты ни под каким видом нарушить я не должен, руку прилагаю. Ея величества кабинета переводчик Ф. Эмин.

А с моей стороны те пункты, которые до меня принадлежат в сем контракте, что наблюдать должен, подписуюсь. Санктпетербургской купец Сергей Кошин».

(ААН, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 143, л. 2—3. Писарская копия).

Л. М. ПАСТУШЕНКО

ПИСЬМА М. М. ХЕРАСКОВА К Г.-Ф. МИЛЛЕРУ (1756—1764)

В ЦГАДА в знаменитых «портфелях» Миллера хранится более тридцати писем Хераскова к последнему. Письма эти охватывают почти десятилетний период (1756—1764). Вероятно, переписка продолжалась вплоть до переезда Миллера в Москву в 1765 г. В печати отсутствуют следы литературных и личных отношений писателя и ученого. А между тем письма позволяют глубже проникнуть в круг исторических, деловых, литературных интересов Хераскова. Письма свидетельствуют о том, что драматурга связывал с историографом и общий интерес к прошлому России. Так, Херасков помогает Миллеру в собирании материала для «Российской истории», которую Миллер начал печатать еще в 1732 г. и возобновил в 1758 г. К этому времени и относятся разыскания Херасковым надписей на гробе древних российских князей по просьбе Миллера (см. письмо 4). В портфеле под № 736, озаглавленном «Ученая российская история», где бумаги датированы 1758—1759 гг., находятся родословные таблицы и древа князей Возницыных, Волконских, Порховских, Кропоткиных, Лобановых.¹ Вероятно, над выяснением одной из этих родословных и бился Херасков в 1758 г., когда писал Миллеру: «О надписях крайнее старание имею, только великие препятствия нахожу: гроб сих князей за решетками так от древности зачернился, что с трудом разобрать их можно». Позднее, в 1764 г., Херасков интересуется, «не вышла ли из печати Российская история господина Ломоносова, или скоро ли выйдет», и тогда же просит Миллера прислать ему Несторову летопись.

Шесть писем посвящены делу по продаже первой трагедии Хераскова «Венецианская монахиня». Из писем видно, что Миллер принимал самое горячее участие в литературных делах Хераскова и сам занимался распространением «Венецианской монахини» в Петербурге. Есть в портфеле и письма, характеризующие

¹ ЦГАДА, ф. 199, портфель 736, ед. хр. 9.

Хераскова как деятеля Московского университета, проявляющего крайнюю заботу о его делах. Видно, как ответственно относится он к порученному ему в 1756 г. надзору за типографией и просит Миллера «выписать или сыскать приказать в Петербурге книг о всей типографии пространно».

К сожалению, нам не удалось сделать фотоконии со всех писем Хераскова к Миллеру, и потому ниже печатаются только четырнадцать писем, отобранных автором. За пределами публикации остаются в основном деловые письма, касающиеся устройства типографии, просьб о присылке речей, регламентов, программ Академии, а также письма поздравительные.

Публикуемые письма находятся во втором портфеле Миллера (ЦГАДА, ф. 199, № 546, ч. 2, д. 4). Собранные историографом материалы расположены в портфеле без соблюдения алфавита и хронологии, и между письмами Хераскова встречаются и деловые бумаги самого Миллера, и письма от других лиц. Поэтому нумерация листов довольно беспорядочна. Все письма написаны Херасковым на русском языке.

1

Высокоблагородный господин профессор,
государь мой.

С крайним удовольствием получа ваш ответ, при котором регламент Академии послан,¹ извиняю себя, что так замешкал засвидетельствовать вам свою благодарность за честь, которую вы своей учтивой со мной перепиской оказать изволите. Члены университета приказали вам от себя вас усердно благодарить за ваше всех нас спихождение, ведая, сколь ваша услуга всегда нам полезна быть может. Что вы меня упрекаете? что я перестал сотрудником быть ваших Ежемесячных сочинений,² будто б мои сочинения вам нужны были. То я в том могу признаться, что мои недосуги общие и собственные, много меня от того удерживают. Впрочем, я вижу, что ежемесячные книги и без моих сочинений так же полны, как всегда они были. Где такие люди трудятся, как вы и прочие ваши сочлены, там весьма можно обойтись без наших сочинений (что я вам безо всякой лести говорю).

Вы меня крайне одолжите, если по обещаию вашему сообщите мне последние речи, в Академии говоренные,³ которых я еще не читал. В ожидании чего остаюсь вашего высокоблагородия всеусердный и всенослушный слуга М. Херасков.*

17 $\frac{12}{2}$ 56 Москва.

Прошу меня уведомить, будут ли тот год Ежемесячные сочинения продаваться или нет.

2

Ваше приятное письмо чрез господина Роста¹ я получил, за которое, как и за присланный листок о лекциях Академии² сердечно благодарствую. Мне очень стыдно, государь мой, что я данных мне вами комиссий исправить не могу, тому причина, что г. Денисьева³ нет в Москве, а здесь сын

* В дальнейшем опускаются однотипные обращения и подписи Хераскова.

его, который без отца ничего сделать не может, а г. Панина я никогда и нигде не вижу. При первом свидании ему поговорю, а первый, как скоро в Москвѣ будет, все в вашу пользу сделать не оставлю. Прошу, если можно, выписать или сыскать приказать в Петербурге книг о всей типографии пространно. В надежде остаюсь ваш моего государя всепокорный слуга.

17 $\frac{6}{27}$ 57 Москва.

3

Нижайше благодарю за присланные программы, я сам равномерно вам тем же отслужить не оставлю; что же о книгах до типографского художества касающихся писать изволите, я не меньше благодарность свою засвидетельствовать должен, что столько труда для меня принимаете, но если то исторические только книги, то мне большой нужды в них нет, ибо в нашей библиотеке таких найти можно. Рекомендую себя в вашу дружбу, остаюсь со всегдашним почтением ваш всепокорный слуга.

1757 года октября 15 дня в Москве.

4

За ваше приятнейшее письмо и за приобщенную при нем эпиграмму нижайше благодарствую, она весьма остро и язвительно написана, видно, что ее делал не великий приятель сочинений г. Ломоносова. Но как стихотворцы издревле друг о другу хорошо говорить и писать, может быть и думать, не любят, то неудивительно, что и его ода маленькую атаку претерпела, а достойна того или нет, решить не мое дело.¹

О надписях крайнее старание имею, только великие препятствия нахожу: гроб сих князей за решетками так от древности зачернился, что с трудом разобрать их можно, со временем думаю до конца допишу может.

Ваш покорный и верный слуга.

17 $\frac{1}{22}$ 58 Москва.

P. S. Прошу не забыть о старой моей просьбе о книге Маркиза г. Елагина.²

5

Я крайне благодарствую за присланные от вас Академические речи,¹ так равномерно служить вам тем же буду; прошу, если одолжить хотите, выискать новую оперу господина Сумарокова,² которая недавно в Петергофе представлена. Надеюсь, что вы просьбе моей сообразовали и оную пришлете, остаюсь ваш государя моего покорный слуга.

17 $\frac{10}{6}$ 58 Москва.

6

Monsieur! Имею честь сообщить вам мою трагедию,¹ которую прошу принять в знак обязанностей, которые всегда к вам имею. Не позволите ли, государь мой, несколько экземпляров прислать к вам для продажи тамо; если на себя сию комиссию принять изволите, прошу меня ответом удостоить, а я за великое себе одолжение почту, ежели на то согласны. Ваш государя моего покорнейший слуга.

17 $\frac{10}{12}$ 58 Москва.

7

Нижайше благодарствую за ваше старание, которое о моей трагедии принимать изволите. Я на будущей почте к вам перешлю и впредь по несколько экземпляров пересылать буду через студента Ильина,¹ а цена бу-

дет по здешней, т. е. 60 копеек экземпляр. Рад буду стараться равно отслужить вам. Ваш государя моего покорнейший слуга.

17 $\frac{12}{7}$ 58 Москва.

8

По обнадеживанию вашему, чтоб принять сто экземпляров моей трагедии для продажи в С. П., при сем оные посылаю, и если позволите оказать мне сие благодеяние, прошу приказать их против здешней цены продавать по шестидесяти копеек, как я и прежде писал к вам. Оные изволите получить от господина студента Ильина. Ваш государя моего всепокорный слуга.

17 $\frac{10}{10}$ 58 Москва.

9

Нижайше благодарствую за ваше старание о моей трагедии и весьма изрядно, чтоб по продаже оных книг, деньги здесь принять мне приказано было. Поздравляю равномерно и вас с наступившим новым годом и желаю оной проводить с благополучием. Ваш покорнейший слуга.

17 $\frac{1}{4}$ 59.

10

За проданные трагедии деньги, если еще они не отданы, покорно прошу приказать их отдать книгосодержателю Веверу,¹ который к вам с письмом моим явится. Впрочем, прошу сделать одолжение из тех же денег, приказать купить новую книгу Дело между бездельем² и прислать ко мне; простите меня, что я такими комиссиями утруждаю вас. Я с всегдашним моим почтением пребываю. Ваш государя моего покорнейший слуга.

17 $\frac{7}{15}$ 59.

11

Трагедии, которые от меня в Санктпетербург для продажи посланы, не сомневаюсь, чтоб по вашей ко мне благосклонности, они в хорошие руки отданы не были; — однако, не имея поныне никакого известия, продано ли что-нибудь или нет, покорно прошу, справясь, меня уведомить, а я с моей стороны равным образом отслужить вам не оставлю. Ваш государя моего покорнейший слуга.

17 $\frac{7}{23}$ 59.

12

Скорый мой отъезд из Петербурга¹ был причиною моей вины перед вами, что с вами не мог проститься; не почтите сие забвением моей должности в дружбе. Истинно, государь мой, замешательные случаи тому виновны. Я знаю, как важно почитать цену такого друга и ученого человека, как вы есть. Ваши труды довольно доказали, что прямой сын российского

отечества не может к вам не иметь почета, чем преисполнен есть ваш государя моего верный и покорный слуга.

17 $\frac{5}{6}$ 61.

13

Ваше приятное письмо и при нем речи к великому удовольствию моему получили. За поздравление меня с переменою¹ покорно благодарствую. Вы ничем так не одолжите меня как пересылкою всего того, что в Академии печатается или печатано будет; я с моей стороны здешними изданиями служить буду и на сих днях некоторые свои сочинения пришлю к вам. Прошу вас продолжать ко мне вашу дружбу и приятную со мной переписку. Ваш государя моего покорнейший слуга.

17 $\frac{7}{28}$ 63 Москва.

14

За пересылку книг покорно благодарствую, по вашему желанию сто экземпляров од моих при сем посылаю¹ и журнал октября месяца.² Если вам известно, прошу меня уведомить, не вышла ли из печати Российская история господина Ломоносова, или скоро ли выйдет.³ Есмь ваш милостивого государя моего всецокорный слуга.

17 $\frac{1}{3}$ 64 Москва.

Крайне меня одолжите, если ссудите меня на время напечатанным в Академии наук летописцем Несторовым (преподобного), о котором я слышал, что вы его имеете, прочитав, с благодарностию возвращу оной. Есмь ваш государя моего всецокорный слуга.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Письмо 1

¹ Регламент Академии наук должен был служить образцом для учебного регламента Московского университета, решение о составлении которого было принято 23 октября 1756 г. на университетской конференции (см.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века, т. I. М., 1960, с. 28).

² Херасков сотрудничал в «Ежемесячных сочинениях» начиная с 1755 г.

³ Вероятно, Херасков имеет в виду «Речи, говоренные в публичном собрании Академии наук на торжественнейший день тезоименитства августейшей Елисаветы» 6 сентября 1755 г. В издании помещена речь профессора астрономии А. Н. Грипева и ответ на нее профессора Брауна.

Письмо 2

¹ Рост Иван Акимович (Иоган Иоахим Юлий) (1726—1791), профессор прикладной математики, механики и физики, лектор английского языка. Приглашен в Московский университет в 1757 г. Читал различные курсы прикладной математики и механики.

² В Академии наук печатались объявления о лекциях, читанных там. По всей видимости, этот листок нужен был Хераскову как образец, так как начиная именно с 1757 г. Московский университет печатает свои объ-

явления о публичных лекциях. В 1757 г. напечатано: «Объявление, какие лекции и в которые дни и часы читаны быть имеют в Императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года». М., 1757.

³ Денисьев — неустановленное лицо.

Письмо 4

¹ Видимо, речь идет о сатирической «Эпистоле от водки и сивухи к Ломоносову» неизвестного автора, датированной исследователями 1750-ми годами. Херасков, говоря о новой оде Ломоносова, мог иметь в виду только оду 1757 г., посвященную дню рождения Анны Петровны, так как в 1755 г. и 1756 г. у Ломоносова од не было (см.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1959, с. 632—639). В стихотворной полемике 50-х годов появляются две сатиры на Ломоносова: назвавшая выше эпистола и сатира Тредиаковского «Цыганосов, когда с кастильских вод проситися» на «Гимн бороде». В письме же с совершенной очевидностью говорится об эпиграмме именно на оду, каковой и является «Эпистола»: «и разбирая вздор твоих сумбурных од...» (см.: Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972, с. 399—400). Если наши предположения верны, то «Эпистолу» можно датировать 1757 г. на основании письма Хераскова.

² Имеется в виду книга «Приключения маркиза Г..., или Жизнь благородного человека, оставшего свет», переведенная И. Елагиным. Часть 3 была напечатана в 1757 г.

Письмо 5

¹ Имсеются в виду речь И. Г. Бока на день коронации Елизаветы Петровны, изданная в 1758 г. сначала Академией наук, а затем, вероятно по получении ее от Миллера, и Московским университетом в том же 1758 г., и «Речь о восхождении паров» Котельникова, сказанная тогда же 6 сентября 1758 г.

² «Новая опера г. Сумарокова» «Альцеста» напечатана в 1759 г., но, как можно судить из письма Хераскова, поставлена в 1758 г.

Письмо 6

¹ Речь идет о трагедии Хераскова «Венецианская монахиня» (1758).

Письмо 7

¹ Ильин Матвей Алексеевич — один из первых студентов Московского университета, а затем протоколист и секретарь Шувалова, по делам службы часто бывавший в Петербурге.

Письмо 10

¹ Вевер Христиан Людвиг (ум. не позднее 1781) — университетский книгопродавец и комиссионер книжной лавки.

² «Дело между бездельем» — речь идет о первом печатном сборнике русских романсов на слова русских авторов: «Между делом безделье, или Собрание разных песен с приложенными тонами на три голоса». В сборнике напечатаны ноты. Музыка Г. Н. Теплова. Первое издание появилось в 1759 г.

Письмо 12

¹ В марте—апреле 1761 г. Херасков ездил в Петербург по поводу возобновления Российского театра в Москве (см.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века, т. I. М., 1960, с. 191—212).

Письмо 13

¹ В 1763 г. Херасков назначен директором Университета.

Письмо 14

¹ Речь идет, вероятно, о сборнике «Новых од» Хераскова, вышедшем в 1762 г.

² Имеется в виду октябрьский номер журнала «Свободные часы» за 1763 г.

³ «Древняя российская история» Ломоносова полностью была напечатана впервые лишь в 1766 г.

В. П. СТЕПАНОВ

НОВИКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ
(Биографические уточнения)

1

О Владимире Игнатьевиче Лукине, одном из самых деятельных литераторов 1760-х годов, известно не слишком много. Наиболее обстоятельными работами, посвященными ему, продолжают оставаться написанная сто лет назад работа А. Н. Пыпина и монография П. Н. Беркова, поневоле ограниченная рамками научно-популярного жанра.¹ Между тем Лукин заслуживает большего внимания, чем ему уделяется в современной науке. Его литературно-полемическая деятельность и даже биография переплетаются с судьбами писателей 1760-х годов, не говоря уже о значении творчества Лукина для становления национальной драматургии.

Частная жизнь Лукина в значительной мере всегда восстанавливалась по косвенным источникам. Картина враждебного отношения к Лукину современных литераторов, например, обычно воссоздается на основании сатиры молодого Княжнина «Бой стихотворцев», полемических статей в «Трутне», по письмам и мемуарам Фонвизина.

Литературную деятельность Лукин начинал вместе с Фонвизиним. Биографам Фонвизина известно архивное дело о его переходе на службу в канцелярию И. П. Елагина.² Фактически он «обретался» при ней с 7 октября 1763 г., продолжая числиться переводчиком Коллегии иностранных дел. Официально он был зачислен в штат Кабинета одновременно с Лукиным. 3 декабря 1764 г. Екатериной II в Царском Селе был подписан составленный Елагиним доклад о производстве чиновника «штата» К. Г. Разумов-

¹ Исследование Пыпина помещено в качестве вступительной статьи при издании «Сочинения и переводы В. И. Лукина и Е. Б. Ельчанинова» (СПб., 1868); здесь же напечатаны документы о Лукине, собранные П. А. Ефремовым; см. также: Берков П. Н. В. И. Лукин. М.—Л., 1950 (Русские драматурги. Научно-популярные очерки).

² Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, с. 293.

ского В. И. Лукина в кабинет-секретари, а Фонвизина — в титулярные советники с жалованьем обоим из Кабинета по 500 рублей в год. Из списков Коллегии иностранных дел Фонвизин был выключен 8 декабря того же года.³ Это произошло после первых театральных успехов Лукина и Фонвизина в связи с представлением «Ревнивого, из заблуждения выведенного» и «Кориона». Елагин чисто бюрократически объединял под своей рукой людей близких литературных взглядов.

Единство елагинского кружка было недолгим. Дальнейшие пути независимого дворянина Фонвизина и служилого литератора Лукина и в литературе и в жизни оказались глубоко различными.

В третий год службы у Елагина Лукин подал прошение на высочайшее имя. «Службу мою, всемилостивейшая государыня, — писал он, — продолжал я пятнадцать лет; и быв подпоручиком, служил в трех походах в прусскую войну с должным усердием.⁴ И наконец настоящий мой чин получа и чтя его великою для себя милостию, вечно и с сердечным желанием продолжал бы я службу мою, но непредвидимый для меня гибельный случай лишает сего удовольствия. В три года каждую зиму случившиеся одипакие болезни учинили меня к трудам, с должностию моею сопряженным, вовсе неудобным». В связи с этим Лукин просил «об увольнении от службы; не вечно, но для пользования моего от болезни, со всемилостивейшим в чужие края на два года увольнением, в такое место, куда мне лейб-медик Круз непременно ехать для моего спасения советует; и с пожалованием мне, как ничего неимущему, и еще по малополучаемому жалованью и долги нажившему, из высочайшей щедрости на время моего в чужих краях пребывания, как на пропитание, так и на проезд». Он заверял также, что поездка будет небесполезной и для его служебных запятий: «А остальное время моего в чужих краях бытия употребится на приобретение познания в языках чужестранных, а паче в том, что мою к службе способность умножить может». В заключение проситель дипломатично намекал, что его просьба не вызывает возражения со стороны непосредственного пачальства: «А что я действительно болен, свидетельствуюсь в том моим начальником».

Елагин действительно сделал все возможное, чтобы устроить дела своего подопечного. Разрешение на поездку, выдача жалованья и паспортов были оформлены за неделю со 2 по 8 февраля. По первоначальному проекту Лукин должен был получить жалованье в зачет 1767 г. и полностью за следующий год. Елагин обратился к А. В. Олсуфьеву с личным письмом о Лукине (8 февраля), чтобы ему, так как он едет «не только на год, но и

³ ЦГАДА, ф. 11, д. 1015, л. 7—14.

⁴ Ср. его аттестат в «Сочинениях и переводах» (с. 512), где значится, что он прибыл в Пруссию в 1760 г.

больше», годовой начет был произведен с 1 марта, не считая двух заслуженных месяцев. В деле сохранился и черновик официального письма от 7 февраля о выдаче Лукину полутора сотен червонцев из кабинетских сумм. Возможно, эти деньги шли в дополнение к жалованью. Лукин уехал вскоре, и уехал не один. Вместе с ним ехал Алексей Попов, один из первых русских актеров, игравший еще в ярославской труппе Волковых. «По высочайшему ея императорского величества повелению, — писал Елагин А. И. Голицыну 3 февраля, — отправляются от меня в чужие края бывший при мне Кабинета секретарь Владимир Лукин и российского театра актер Алексей Попов; а как им для проезду и пробытия в чужих краях потребны паспорта, то я ваше сиятельство покорнейше прошу каждому из них особый паспорт не задержав ко мне прислать, ибо я их непродолжительно по высочайшему повелению отправить должен». Одновременно был выдан паспорт и определенному «к навыванию делам Придворной конторы» В. Дарагану.⁵ Документы о заграничном путешествии Лукина и актера Попова заставляют вновь вспомнить о предположении П. П. Пекарского, что Лукин сам был автором «пролукински» ориентированного, по мнению исследователей, «Известия о русских писателях» 1768 г., получившего в литературе название «немецкого» или «лейпцигского». Эта точка зрения забыта, хотя ее придерживался ряд серьезных ученых. По крайней мере в последних работах о биографических словарях XVIII в. имя Лукина дается в общем перечне отвергнутых кандидатур.⁶

В официальных бумагах ничего не говорится о каких-либо конфиденциальных поручениях Лукину во время его заграничного вояжа. Но вскоре по возвращении он получил повышение в чине. 18 декабря 1769 г. Елагин запросил А. А. Вяземского о деле по производству своего кабинет-секретаря, который при нем «по довольному немецкого и французского языков знанию переводы и переписку иностранную отправляет», в надворные советники и 11 января 1770 г. получил ответ, что Сенат решил этот вопрос положительно еще 18 декабря истекшего года.⁷

Второе прошение Лукина относится ко времени его службы в Главной дворцовой канцелярии и рисует как круг его занятий, так и материальное положение. «Службу мою продолжал я, все-

⁵ ЦГАДА, ф. 10, д. 505, л. 84—91.

⁶ Энергично отстаивал авторство Лукина Б. В. Томашевский (Ироикомиическая поэма. Л., 1933, с. 705—706; здесь же литература вопроса). В 1951 г. он вновь аргументировал свое мнение на обсуждении рукописи «История русской комедии XVIII века» П. Н. Беркова в Пушкинском Доме. См. также статьи: Мартынов И. Ф. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века. — Русская литература, 1968, № 3, с. 184—191; Динерштейн Е. А. Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор. — В кн.: Журналистика и литература. М., 1972, с. 72—87.

⁷ ЦГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 55, л. 231—232.

подданнейший, 28 лет беспорочно. Быв в армии, выслужил четыре похода в войске в Пруссии находившемся. По окончании той войны удостоился я в числе Кабинета вашего императорского величества секретарей препроводить десять лет, а ныне пятый уже год служу в Главной дворцовой канцелярии. Находясь еще в Кабинете имел я всеподданнейшее счастье быть от вашего императорского величества избран к посылке в чужие края в 1771 году, в которой пробыл близ году и исправил все порученное с должной ревностью и успехом». Сейчас, как он пишет, «не только должность прилежного судьи, но часто по трудным делам должность секретаря, а по окладным, как по нужнейшим сего места, должность камерира несу с удовольствием, и могу в том надеяться на свидетельство господина Елагина<...> Со стороны чинув я, всеподданнейший, доволен, но со стороны пропитания ощущаю ежегодно большую нужду, а на старость лет себе и возрастающим двум дочерям вижу самую плачевную дорогу<...> Я получаю жалованья 750 рублей, а в статусе дворцовом положен статский советник с жалованьем по тысяче рублей, по оному нет уже 4 года». Прошение (автограф) не датировано, но на деле есть приписка, что в 1782 г. Лукин был пожалован статским советником и, таким образом, должно быть, получил просимое место.⁸ Особенно важна здесь ссылка на то, что 1771 г. Лукин провёл в Европе, с деловыми поручениями. Именно летом 1771 г. в Ливорно вышел французский перевод «Лейпцигского известия» с рядом вполне сознательных изменений и уточнений текста, которые можно считать авторскими.⁹

Отец Лукина был придворным лакеем, и его сын не смог попасть в государственное учебное заведение. Предположение П. Н. Беркова, что некоторые места в «Щепетильнике» автобиографичны,¹⁰ находит документальное подтверждение в третьем прошении Лукина. 11 июля 1773 г. он получил в аренду участок екатерингофских дач для постройки дома. Но так как по бедности не возвел там никакого строения, то теперь, в середине 1776 г., просил отдать участок в вечное владение без выплаты аренды и какую-либо сумму на постройку. Он ссылался на то, что не имеет ни крепостных, ни собственного дома,¹¹ никогда не просил пожалований и не утруждал бы императрицу, «если бы не сущая бедность, не умножающиеся лета, и не дети, требующие воспитания». Среди прочего он указывает, что «знание четырех языков и понятие о науках» было приобретено им самим, «без всякия казенныя <...> издержки», и выражает сожаление, что

⁸ ЦГАДА, ф. 10, д. 620, л. 86—86 об.

⁹ Анализ изменений делался неоднократно; указание на литературу см. в статье И. Ф. Мартынова (см. выше, примеч. 6).

¹⁰ Берков П. Н. В. И. Лукин, с. 7—8.

¹¹ Старый дом Лукин вынужден был продать в августе 1774 г. (Вернадский Г. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 22).

«25 летняя служба не подала» ему «никогда способа показать во всей силе своего усердия».¹² Решения по просьбе в деле нет.

Таким образом, усердная служба не принесла Лукину состояния. Шутки сатирических журналов, и прежде всего «Трутня», над богатством Лукина имели для современников более оскорбительный характер, чем мы можем предположить.¹³ Это были насмешки над человеком, безуспешно пытавшимся службой и трудами создать себе положение.

В литературе, посвященной сатирическим журналам 1769—1772 гг., утвердилось мнение, что Екатерина покровительствовала Лукину именно как писателю.¹⁴ Подчеркнем, что в своих прошениях драматург ни разу не ссылается ни на литературную деятельность, ни на театральные успехи. Любопытная подробность. В прошении 1776 г. Лукин употребляет выражение: «...учините меня, бедного чужестранца». Возможно, этой фразой в стиле старых челобитных проситель просто хотел подчеркнуть крайнюю бедственность своего положения. Но в свое время П. Н. Берков очень убедительно обосновал предположение, что псевдоним «Ибрагим Курмамет» во «Всеякой всячине» принадлежал Лукину.¹⁵ Не связан ли этот татарский псевдоним с нерусским прошлым родителей Лукина?

2

Первая и единственная попытка установить биографию Ивана Кондратьевича Голеневского была сделана Р. М. Тонковой на основании его «доношений», обнаруженных в Архиве Академии наук.¹⁶ Прошение Голеневского об отставке, сохранившееся в фондах ЦГАДА, позволяет уточнить некоторые остававшиеся неясными обстоятельства жизни этого поэта и переводчика — его национальность, сословное положение, время приезда в Петербург.

Документ не датирован, но находится среди прошений 1770 г. В связи с одой Голеневского к А. Г. Разумовскому Р. М. Тонкова высказывала предположение, не был ли он товарищем будущих фаворитов по придворному хору. Прошением это не подтверждается. Голеневский сообщает о себе, что прибыл в Петербург в 1744 г., т. е. через два года после елизаветинского переворота, будучи взят в певчие (надо разуметь — придворные) из студентов.

¹² ЦГАДА, ф. 10, д. 620, л. 140—141.

¹³ Например, стихотворная сказка А. О. Аблесимова «Игрок, сделавшийся писцом» (Трутень, 1769, л. 11).

¹⁴ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 281.

¹⁵ Там же, с. 238—239.

¹⁶ Тонкова Р. М. Из материалов Архива Академии наук по литературе и журналистике XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 398—409. В статье Е. Карповой «И. К. Голеневский — поэт ломоносовской школы середины XVIII века» (Учен. зап. Лeningr. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1971, т. 414, с. 52—54) использованы эти же сведения.

Значит, он начинал учиться в Киевской духовной академии и, подобно многим приезжавшим в Петербург малороссам, мог быть привечен Разумовскими. Между тем не обязательно, что он был по национальности украинцем, так как упоминает, что имеет польский аттестат на дворянство. Голеневский прослужил певчим 26 лет, одновременно также «упражняясь и в сочинении од, кои подносил ея императорскому величеству». Жалованье он получал ко времени подачи прошения очень небольшое, всего 70 рублей, и просил уволить его за старостью с чином мундшпенка.¹⁷ Решение в бумагах отсутствует, но, судя по данным Тонковой, отставку Голеневский получил.

3

Михаил Иванович Попов, неутомимый переводчик, поэт и драматург, начал литературное поприще при поддержке Новикова, который в 1766 г. напечатал его первую книгу — «Две повести: Аристоневы приключения и Рождение людей Промифеевых» (переводы романов Фенелона и Менье де Керлоу).¹⁸ Близкие отношения с Новиковым Попов сохранял всю жизнь. Он был сотрудником «Трутня», а затем делал переводы для «Типографической компании». Однако издателем его книг был не один Новиков.

Основной труд Попова — собрание его сочинений «Досуги» вышел, как это указано на титульном листе, «на счет Кабинета» Екатерины II. В бумагах Козицкого, бывшего посредником между императрицей и многими современными писателями, имеется переписка об издании этой книги. Попов подал прошение на высочайшее имя, суть которого Козицкий резюмировал в следующих словах: «Как ваше императорское величество дозволили уже некоторые его переводы на счет кабинетский напечатать, то всеподданнейше просит приказать и сочинения его на оный же счет напечатать». Между тем библиографии не указывают переводов Попова, вышедших на казенный счет. Возможно, имелся в виду «Освобожденный Иерусалим» Тассо (1772), изданный Собранием, старающимся о переводе иностранных книг; не исключено, что речь шла о каких-то изданиях без имени переводчика.

Разрешение было получено 20 июня 1772 г. По-видимому, состав сборника прошел как бы предварительную цензуру, ибо уже извещенный о благоприятном исходе дела Попов, посылая часть перебеленных для типографии рукописей, к своему письму от 22 июня приложил роспись сочинений и переводов, «которые соблаговолили указать напечатать». Из контекста не удастся выяснить, кто знакомился с проспектом книги и кто «соблагово-

¹⁷ ЦГАДА, ф. 10, д. 584, л. 321.

¹⁸ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с 55—56, 101—103.

лил» его утвердить в окончательном виде,— Козицкий или сама Екатерина. Автор просил напечатать полный завод издания, т. е. 1200 экземпляров, и парадных — 10 экземпляров на александровской бумаге и 40 на любской.

В тот же день Козицкий переслал первую часть «Досугов» А. А. Вяземскому. В сопроводительной записке Попов назван «регистратором». Дело завершается второй (недатированной) запиской Попова, в которой он сообщает, что представил второй том сборника.¹⁹ Даты переписки позволяют считать, что книга вышла в свет в конце 1772 или в самом начале 1773 г.

4

Цепзурная история самого замечательного журнала Новикова «Живописец» издавна привлекала внимание исследователей. Методом косвенных, часто весьма остроумных сопоставлений и толкований была установлена зависимость между содержанием отдельных номеров и неперIODичностью их выхода в свет.²⁰ Все это важно и для изучения общественной позиции Новикова, и для понимания литературной полемики, которая велась «Живописцем». Однако взаимоотношения издателя с правительством не были просты и прямолинейны.

Новиков начал «Живописец» завуалированным посвящением императрице как автору комедии «О время!». Неудивительно поэтому, что вскоре он счел нужным поднести ей первые номера своего нового журнала. В бумагах Козицкого, приготовленных для доклада, имеется запись об этом: «Николай Новиков всеподданнейше подносит вашему императорскому величеству издаваемые им листы». Это произошло или 31 июля 1772 г., или несколько ранее, так как в этот же день Козицкий написал кабинет-секретарю А. В. Олсуфьеву письмо следующего содержания: «Ея императорское величество изволило высочайше указать мне отписать к Вам, чтобы Вы господину Новикову, который принесет к Вам сие письмо, приказали выдать двести рублей. Я исполняю повеленное». При письме сохранилась записка от того же 31 июля, рукой Козицкого, с надписью «копия». Она обращена непосредственно к Новикову: «Приложенное письмо отнесите сами, по надписи, кому оное надлежит; оно послужит к облегчению трудов ваших в издаваемых вами листах». Не исключено, что текст записки воспроизводит словесное распоряжение Екатерины.²¹

Издание «Живописца» началось в апреле 1772 г. К концу июля Новиков мог поднести более десяти листов журнала. Трудно пред-

¹⁹ ЦГАДА, ф. 10, д. 589, л. 450—454.

²⁰ Из последних работ этому вопросу посвящена статья В. В. Пухова «К истории издания „Живописца“ Новикова» (Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1967, т. 321, с. 259—263).

²¹ ЦГАДА, ф. 10, д. 590, л. 50—51.

положить, что эти номера были для Екатерины еще не читанной новинкой. Выражая благожелательное отношение к издателю, она была, должно быть, удовлетворена и направлением его издания.

Это заставляет отнестись более осторожно к поискам выпадов личного характера в адрес императрицы со стороны Новикова, по крайней мере в первых листах журнала. Если бы они были, то вряд ли бы августейшая читательница их не заметила.

Следует также напомнить, что в 5-м листе «Живописца» был напечатан известный «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». Обещанное издателем продолжение долго не появлялось. Только в 13-м листе Новиков поместил статью «Англиская прогулка», где устами своего собеседника (и, заметим, единомышленника) объяснился с читателем по поводу смысла «Отрывка», толков вокруг него и намекнул на причины, по которым остановилась публикация. Продолжение (по некоторым соображениям переработанное и смягченное)²² появилось сразу же вслед. Оно было одновременно и окончанием, так как предполагавшееся описание поездки в деревню Благополучную никогда не было напечатано. И обещание издателя и особенно текст «Англиской прогулки» давали умеренное толкование отрывка: Новиков ссылаясь на факт существования дурных помещиков и обещал поговорить об образцовых. Невозможно предположить, что собеседник Новикова в «Прогулке», «почтенный человек, который превосходителство поставляет не в пышности названия, но в доброте сердца», фигура полностью вымысленная. Среди влиятельных лиц в Петербурге Новиков имел не только противников, но и защитников, хотя первые, судя по купюрам в тексте той же «Прогулки», были много сильнее и решительнее. В подобной ситуации награда императрицы была для Новикова важна как полугласная моральная поддержка. Чем она была на самом деле — оплатой уже проявленной умеренности или авансом на ближайшее будущее в счет удобного Екатерине направления журнала, этот вопрос невозможно решить без дополнительных сведений. Не исключено, что и в этом случае мы встречаемся с попыткой воздействовать мирно на неугомонного журналиста, которого в конце концов пришлось все же признать неисправимым фанатиком.

Журнальная критика дурных помещиков, так же как и теория «виноватого приказчика» в комической опере, не могла вызвать раздражения в императрице. На нее необузданный произвол русского дворянства тоже производил удручающее впечатление, и она не без основания считала, что благородное сословие рубит опору, на которой держится внутреннее спокойствие государства. Екатерина предвидела пугачевщину, а впоследствии боялась ее повторения. Понимание ситуации слышится в ее записке к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, человеку, облеченному

²² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 206, 283.

личным доверием, в связи с обсуждением закона о наказаниях крепостным. Здесь прямо говорится, что «генерального освобождения несносного и жестокого ига (от крепостной зависимости,— В. С.) не воспоследует». Но вместе с тем автору ее ясно, что «положение помещичьих крестьян таково критическое, что кроме тишины и человеколюбивыми учреждениями ничего избежать не можно... Ибо если бы мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то и против воли нашей сами оную возьмут рано или поздно». «Небезнуждно,— добавляла Екатерина,— чтоб не я одна сие только чувствовала, но и другие оглянулись в своих предубеждениях».²³

Точно так же как издателями писем Новикова к Козицкому по непонятным причинам опущено приведенное выше письмо Козицкого, не была ими отмечена и собственноручная записка Новикова, датированная 1 января 1774 г. Она свидетельствует о получении им от Козицкого пожалованных императрицей 200 голландских червопцев.²⁴ В это время из периодических изданий Новикова выходит только «Древняя российская вивлиофика». Тот факт, что Екатерина субсидировала это дорогостоящее и пользовавшееся ничтожным спросом издание, известен. 3 ноября 1773 г., сразу после разрешения использовать для публикации материалы Московского архива, Новиков получил тысячу рублей из кабинетских сумм.²⁵ Еще один крупный взнос спустя всего два месяца свидетельствует, что Екатерина склонна была видеть в «Вивлиофике» своего рода научно-исторический официоз. Основанием для отнесения денег именно к историческому журналу Новикова, а не к какому-либо другому из его изданий, служит тот факт, что напечатанные к 1774 г. книги «Офицерские упражнения» и «Путешествия Белевы»²⁶ по недостатку средств до 1777 г. оставались невыкупленными Новиковым из типографии Академии наук.²⁷

²³ Оснадацатый век, т. 3. М., 1869, с. 390—391. Письмо предположительно датировано осенью 1775 г.

²⁴ ЦГАДА, ф. 10, д. 593, л. 12.

²⁵ Летописи русской литературы и древности, 1862, т. IV, отд. III, с. 44

²⁶ Новиков упоминает их в письме Козицкому от 22 июля 1774 г. как уже переплетаемые (там же, с. 45).

²⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. 1. М., 1962, № 464, 8604.

М. Л. СМУСИНА

**ТРАГЕДИЯ А. А. РЖЕВСКОГО «ПОДЛОЖНЫЙ СМЕРДИЙ»
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА 1770-х ГОДОВ**

В 1769 г. была представлена на сцене императорского театра трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий». Документальных свидетельств о ее постановке, исполнении ролей, общественном резонансе найти пока не удалось. Более того, даже в «Полном собрании всех российских театральных сочинений» текста трагедии нет. Он был опубликован только в 1956 г. П. Н. Берковым в сборнике «Театральное наследство» и то не по авторской рукописи, а по копии, содержащей большое количество ошибок.¹

На фоне этого всеобщего молчания (или умолчания) неожиданно звучит отзыв о трагедии Н. И. Новикова: «Сия трагедия сочинителю делает честь: она сочинена в правилах театра, завязка и продолжение расположены очень хорошо, характеры выдержаны сильно, <...> а правоучение у места, хорошо и приятно, и, наконец, трагедия сия почитается в числе лучших в Российском театре, а сочинитель ее хорошим стихотворцем и заслуживает великую похвалу».²

Можно предположить, что столь «великая похвала» трагедии, которая ни в каких больше источниках не упоминается, связана не только с ее художественными достоинствами, хоть речь идет прежде всего о них, но и с причинами иного порядка, скорее всего общественно-политическими, о которых Новиков прямо говорить не мог.

Чтобы разобраться в этом, надо установить место и значение трагедии «Подложный Смердий» как в творческой эволюции самого Алексея Ржевского, так и в общественно-политической борьбе тех лет.

¹ Хранится в Отделе рукописей ГПБ, шифр F.XIV.28.

² Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. — Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 344.

Активная литературная деятельность Ржевского приходится на 1760—1763 годы. В 1759 г. он публикует в сумароковской «Трудолюбивой пчеле» и в «Ежемесячных сочинениях» первые свои стихотворения. Затем он заполняет своими произведениями номера «Полезного увеселения». В 1763 г. Ржевский регулярно печатается в «Свободных часах». Оба последних журнала ориентировались на Екатерину, и естественно, что некоторые их сотрудники, в том числе Ржевский, были и участниками переворота.

1763-й год — последний год активной деятельности Ржевского в литературе. С закрытием «Свободных часов» поэт все больше и больше превращается в правительственного деятеля. Литературные занятия как вид общественной деятельности сначала отходят у Ржевского на второй план, а потом, после 1769 г., почти совсем прекращаются.

Вероятно, в 1765 г. он сочинил не дошедшую до нас трагедию „Прелеста“, содержание которой взято из истории Киева; пьеса эта, однако же, несмотря на несколько хороших мест, не удержалась на нашем театре, ибо мы нынче становимся уже разборчивые и не довольствуемся всяким представлением».³

Неудача с трагедией скорее всего была для Ржевского неожиданной и заставила всерьез задуматься об особенностях драматического жанра.

Помимо чисто литературных, были и причины, связанные с общественной жизнью страны, которые также определили появление нового типа трагедии.

С 31 июля 1767 г. по 12 января 1769 г. работала Комиссия по составлению проекта нового Уложения. Как известно, никаких конкретных действительных результатов работа ее не принесла. Но роль Комиссии в становлении общественного мнения, в развитии самосознания русского общества трудно переоценить. Одним из наиболее острых оказался вопрос о дворянстве и правах благородных, непосредственно, хоть и завуалированно смыкавшийся с вопросом о форме государственного правления.

Представители старинных аристократических фамилий — Щербатов, Нарышкины, Чаадаев, Голицын, Ржевский и другие — требовали, чтобы дворянство имело против прочих родов преимущество и чтобы дослужившихся в военной службе до штаб- и обер-офицерских рангов дворянами не признавать. По сути дела, это была вновь вспыхнувшая борьба с петровской «табелью о рангах», отчаянная борьба породы с побеждающим ее чином. Пункт о правах и преимуществах дворянства стоял первым в наказе московского дворянства депутату П. И. Панину (среди подписавшихся Н. Панин, Г. и М. Щербатовы, А. и В. Нарышкины, А. Ржевский), в наказе князю Б. В. Голицыну от дворян Калуж-

³ Известие о некоторых русских писателях см. в кн.: *Материалы для истории русской литературы*. Изд. П. А. Ефремов. СПб., 1867, с. 138.

ского и Медынского уездов, в наказе дворян Кашинского, Ростовского уездов и, наконец, в самом напыщенном и сословном наказе — от дворян Ярославского уезда князю М. М. Щербатову.

Яростная, может быть именно в силу своей обреченности, борьба вспыхнула вокруг «проекта правам благородных». В числе ее активнейших участников все те же Щербатов, Нарышкин, Ржевский.⁴

Уже расцветавший фаворитизм, ставка на мелкое и среднее дворянство совершенно не устраивали представителей родовой аристократии, в свое время «подсадивших» Екатерину на русский престол.

К концу 1760-х гг. относится активизация дворянской оппозиции. Поводом оказалось приближение совершеннолетия Павла (1772 г.). Снова всплывает на поверхность панинский проект, ведется активная переписка Н. И. Панина с цесаревичем по вопросам государственного устройства.⁵ Параллельно этому тема незаконного захвата государственной власти становится основной темой многих произведений искусства и публицистики.

В 1769 г. появилась трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий», в центре которой оказалась борьба с незаконным владыкой.⁶

В 1771 г. был поставлен «Димитрий Самозванец», и вскоре за ним последовала «Краткая Московская летопись» того же А. П. Сумарокова.

Тогда же, в начале 70-х годов, создается княжпинская «Ольга», трагедия с такими прямыми намеками на отношения между Екатериной II и Павлом, что постановка ее оказалась невозможной.

Примыкает по проблематике к этому циклу произведений и трагедия М. М. Хераскова «Борислав» (1772), хотя позиция ее автора и должна быть оговорена особо.

И, наконец, последним аккордом стала вышедшая в 1774 г. «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М. М. Щербатова, написанная по заданию императрицы и неожиданно для заказчицы обернувшаяся не против ее противников, которых Екатерина, вероятно, хотела побить их же оружием, а против нее

⁴ См.: Обзор занятий Большого собрания с 7 апреля по 9 сентября 1768 г. — В кн.: Сборник русского исторического общества, т. 32. СПб., 1871.

⁵ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 224.

⁶ И. З. Серман датирует создание трагедии 1767—1768 гг. и далее пишет, что «проблематика трагедии, по-видимому, отражала политическую борьбу начала 1760-х годов и могла восприниматься Екатериной только положительно» (Поэты XVIII века, т. 1. Л., 1972, с. 192). Но, судя по отзыву Н. И. Новикова, трагедия была воспринята положительно не только Екатериной; предположение же о том, что в 1769 г. у зрителей пользуется успехом политическая трагедия, бьющая по давно уже не существующему противнику (Петру III), кажется маловероятным.

самой.⁷ В этой книге содержалась не только подробнейшая история самозванцев, занимавших русский трон, не только детальный анализ и характеристика ситуации, в которой возможен незаконный захват власти, но и обоснование столь пристального интереса к теме: «Можно сказать, что хотя пауки, просвещение и самый закон многое, кажется, в наших правах переменяли, но внутренность человека есть всегда одинакова, и каковы зрим мы приключения в древних народах, то не должно удивляться, если видим и в нынешних».⁸

Итак, в произведениях разных жанров с различных точек зрения исследуется одна и та же историческая ситуация: захват власти незаконным государем, его правление и борьба с ним — ситуация явно аналогичная сложившейся в то время в России. Современники не могли говорить впрямую — это было слишком опасно (достаточно вспомнить дело Я. Б. Княжнина 1773 г.⁹) да и не нужно: читатели и зрители были достаточно искушены, чтобы понимать аллюзии; не все, конечно, читатели, но именно те, на которых рассчитывали авторы пьес и книг, — просвещенные дворяне, аристократы.

Эти читатели почти наверняка были знакомы и с «Переводами из Энциклопедии», вышедшими в 1767 г. Интересно, что вольтеровскую статью об истории переводил именно Ржевский. С учетом того, что все переводчики выбирали близкие им «материи», нетрудно видеть, что появление в 1769 г. трагедии Ржевского было не случайным.

Стоит внимательно приглядеться и к тому, что прежде всего увидел в истории русский переводчик Вольтера:¹⁰ «История нас пользует тем, что какой ни есть служащий человек или гражданин, читая ее, может сравнивать законы и нравы со своими», — вот идейная предпосылка бесчисленных «исторических» произведений XVIII в. Чрезвычайно интересно в этом плане последующее рассуждение — о подлинности истории: «Всякая подлинность, не имеющая математического доказательства, не иное что, как чрезвычайно вероятная вещь. Исторические подлинности все таковы суть». Характерно, что в основу своей трагедии Ржевский положил самый сомнительный, по мнению Вольтера, эпизод Геродотовой истории: «История Кира вся обезображена баснословными преданиями». Именно из истории Кира взял Ржевский сюжет для своей трагедии.

⁷ См.: Князь М. М. Щербатов. О себе. — Неизд. соч. М., 1935, с. 112—113, 205. Именно этим обстоятельством можно объяснить, почему князь Щербатов был обойден при производстве в чины в сентябре 1777 г., что вызвало у него резкую вспышку недовольства и послужило причиной написания записки «О себе».

⁸ Князь М. М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, с. 5.

⁹ См. об этом: Кулакова Л. И. Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина. — В кн.: Княгинин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961, с. 10, 41.

¹⁰ Переводы из Энциклопедии, ч. I—III. М., 1767, с. 9—17.

Персидский престол после смерти царя Камвиза занял мидянин, выдающий себя за царя Смердия. Настоящий Смердий убит по приказу Камвиза, но о его смерти в Персии знает только один человек, его убийца — вельможа Приккасп. Лжесмердий силой и хитростью женится на дочери вельможи Отана, Федине, которая тайно любит находящегося в отъезде Дария. Внезапно возвращающийся Дарий обвиняет вельмож в измене родине, раскрывает им тайну Лжесмердия. Тут же во всем признается не выдержавший бремени тайного преступления Приккасп. Вспыхивает дворцовое восстание. Смердий пытается спасти себя ценой жизни Федины, но Дарий убивает его и становится царем Персии.

Прямых исторических совпадений с ситуацией 1769—1772 годов в сюжете нет, но, как писал еще П. Н. Берков: «В трагедии классицизма существенным было не полное совпадение реальной истории с сюжетом произведения, а наличие известной близости ситуаций, их общей направленности, важна была возможность сопоставлений и проведения аналогий».¹¹

Судя по всему, Ржевский был знаком с Геродотом не непосредственно, а через перевод Андрея Нартова, вышедший в 1763 г.¹² Чрезвычайно интересными для выявления смысла трагедии и взглядов ее автора оказываются отступления Ржевского от истории Геродота—Нартова.

Исторический Лжесмердий — вполне положительная личность. В свое правление «оказывал он подданным разные милости, так что о нем после смерти все жители Азии, выключая персов, сожалели».¹³ Дарий же — личность, вызывающая гораздо менее однозначную оценку. Кроме всего прочего, персидский престол он захватывает *хитростью*.

Ржевский снимает этот не устраивающий его мотив. Его Смердий — негодяй, не наделенный ни одной положительной чертой. Он низок во всем, в том числе в любви. Даже его ближайший наперсник, мидянин-вохв Патизив обращается к нему с такими словами:

Того ли, государь, того ль я ожидал,
Чтобы ты в слабостях единых утопал,
И, разум погружая в единой гнусной страсти,
Не чувствовал совсем утех монаршей власти.

(д. I, явл. 6)

Зато Дарий превращается в рыцаря без страха и упрека, аристократа, достойного этого звания. И престол он занимает по праву, по решению Совета высших вельмож, как освободитель страны от тирана-мидянина.

¹¹ Берков П. Н. Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий». — В кн.: Театральное наследство. М., 1956, с. 142.

¹² Повествование Иродота Аликарпасского. Перевел Андрей Нартов. СПб., 1763, т. 1, с. 332—348.

¹³ Там же, с. 338.

Несомненно, такая переакцентировка связана с общественно-политическими взглядами А. Ржевского. Еще во время работы Комиссии он находился в ее правом крыле, был активным участником аристократического блока. Постепенно он еще более «правеет» и уже в 1769 г., т. е. в предположительное время написания трагедии, стоит на позициях, чрезвычайно близких щербатовским.

Щербатов — идеолог, он создает и обосновывает теорию; Ржевский-художник облакает те же идеи в плоть и кровь образной системы произведения, делает явью, хотя бы эстетической, реализует таким образом. В его трагедии союз дворян-заговорщиков существует, они производят дворцовый переворот. Небезынтересна та характеристика, которую в трагедии дает этому союзу Патив — всемогущий временщик, наместник Смердиев:

Вельможи меж собой съезжаются всеместно
И некий умысел скрывают безызвестно,
Имеют тайный съезд, имеют тайну речь;
Не должно, государь, сего нам пренебречь.
В народные сердца коль злоба вкоренится,
От искры сей пожар всегда воспламенится.

(д. I, явл. 6)

Небезынтересно сравнить эти слова с монологом Вандора из второго действия херасковского «Борислава». Разница авторских позиций видна достаточно ясно, но почти дословное повторение образа скорей всего не случайно:

Не власть мы видим здесь, на сердце носим камень,
Но искра тлеется и скоро вспыхнет пламень.
Простите, небеса, мне мысль и хитрость ту,
Котору щастием общенародным чту.¹⁴

Происходит перестановка сил в дворянской оппозиции. Если на первом ее этапе, предшествующем екатерининскому перевороту, Сумароков был выразителем идей панинской группировки, одним из ее идеологов и глашатаев, а Херасков — издателем их «центрального органа», то на втором этапе старые связи распадаются, и сумароковские идеи, как и взгляды Хераскова (с другой стороны), оказываются противоположны идеям и взглядам панинцев. Так, для Сумарокова важно не происхождение государя, а его нравственный облик, моральное право на власть:

Когда тебя судьба на трон такой взвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты злонаравно,
Димитрий ты, иль нет, сие народу равно!

(«Димитрий Самозванец», д. I, явл. 3)

¹⁴ Борислав. Трагедия Михаила Хераскова. — Российский феатр, 1786, ч. IV, с. 184.

То же в «Краткой Московской летописи»: «И хотя все почитали его подлинным Дмитрием, но государем, недостойным престола».

Аристократу Ржевскому совершенно не безразлично происхождение правителя. Он потому и чернит Смердия вопреки историческим фактам, что пишет о *подложном* Смердии, и именно в происхождении видит причину недостойного поведения волхв-мидянина на персидском троне. Причем для большинства героев трагедии ужас и трагизм не столько в том, что страна оказалась под властью злодея и тирана, сколько в том, что тиран — мидянин-волхв, т. е. человек, по роду своему недостойный занимать престол. Наиболее выразительна в этом отношении реплика Аспафина:

Друзья, какой позор, что днесь на Киров трон
Взошел мидянин-волхв и нами правит он.

(д. II, явл. 7)

Вероятно, именно с эволюцией общественно-политических взглядов Ржевского связан еще один мотив трагедии. Поэту надо как-то объяснить перемены в общественной атмосфере — появляется монолог Отана, в котором сравнивается Смердий до вступления на трон (подлинный Смердий) с нынешним правителем:

От самых детских лет я зрел и знал его,
Но ныне уж не зрю в нем Смердия того,
Вся Персия тому, весь двор и я свидетель,
Сколь он отечество любил и добродетель,
Сколь сердце тихое и душу он имел,
И в свете никого он огорчать не смел.
Написано всегда в его очах то было,
Что сердце кроткое ему ни говорило.
Был снисходителен ко всем своим рабам.
И не был мстителен и самым он врагам.
Всегда он был готов несчастным в защищенье.
В содеянном добре имел он утешенье,
Достойный был он сын великого отца.
Но днесь уж он не тот, кроме лишь лица.

(д. II, явл. 3)

Если вспомнить, что писал тот же Ржевский и его ближайшие друзья в 1762 г., то монолог, написанный в 1769, приобретает еще большую выразительность и вполне определенную политическую окраску.

Весьма выразительно и другое. У Геродота—Нартова после гибели подложного Смердия идет чрезвычайно интересный спор Отана с Дарием о способе правления. Обсуждаются сравнительные достоинства и недостатки демократии, олигархии и монархии. Но, вопреки очевидному эффекту, Ржевский как бы выносит спор за скобки трагедии, не показывая его на сцене. Это, конечно, имеет причину театральную: «Подложный Смердий» — трагедия

не разговоров, как это было до нее, но действий. Возможны и другие причины отказа от эффектного хода: весьма вероятно, что Ржевский понимал бесплодность таких дискуссий на сцене.

Трагедия была рассчитана на «своих» зрителей, хорошо знакомых с общественной ситуацией и достаточно культурных, чтобы знать исторические источники идущей перед ними пьесы. Спор, таким образом, переносится в зал, зрителя толкают на размышление, якобы не желая навязывать ему точку зрения автора. Но то, что в трагедии престол *законно* занимает Дарий, сторонник монархического правления, который к тому же оказывается вполне положительным героем, характерно.

До сих пор речь шла о произведении как о *политической* трагедии, ибо, как справедливо писал еще Скабичевский: «Развитие драмы обусловлено духом свободной общественности».¹⁵

Но, без сомнения, «Подложный Смердий» представляет интерес не только как страница в истории русской общественной борьбы, но и как произведение литературное, драматическое.

Очевидно, что если художник создает политическую *трагедию*, для этого должны быть не только общественно-исторические, но и эстетические предпосылки.

С чем же связано то, что в момент острейшей политической борьбы на передний план вышла именно трагедия? Вероятно, истоки надо искать в театральности эпохи. Частые дворцовые перевороты, обставлявшиеся порой с пышностью вполне театральной (достаточно вспомнить хотя бы знаменитый въезд Екатерины в столицу на белом коне, с обнаженным мечом), балы, карнавалы, а рядом тайные заговоры и политические убийства — все это явно просилось на сцену. Неслыханная до XVIII в. насыщенность жизни активным действием неизбежно вызвала к жизни самый действенный из видов литературы — драму. Не случайна поэтому распространенность и популярность любительских театров. Не случайно заинтересованное участие самых высокопоставленных особ в деятельности профессиональных театров.

Театр — детище революционных эпох, эпох общественных сдвигов и потрясений. Именно в такие эпохи происходят резкие скачки в драматическом и сценическом искусствах, именно в такие эпохи театр выходит на первый план, подчиняя, втягивая в силовое поле своего воздействия другие виды литературы и искусства.

Так и в 60—70-е годы XVIII в. поэзия и проза испытывали сильнейшее влияние театра и в свою очередь определяли пути его дальнейшего развития.

Нельзя не увидеть, что особенности драматургии Алексея Ржевского подготовлены его поэтическим творчеством, и прежде

¹⁵ Скабичевский А. Драма в Европе и у нас. — Отечественные записки, 1873, № 3, с. 44.

всего его элегиями. Элегии Ржевского своеобразно драматизированы: это монологи, в которых намеренно присутствуют паузы, явно предназначенные для движения, жеста. Пейзаж, часто входящий в эти элегии, приобретает значение декорации, причем декорация эта находится, как правило, в сложных контрапунктических отношениях с происходящими на ее фоне событиями.

От таких элегий оставался только шаг до произведений открыто драматических.

Г. А. Гуковский писал, что «классическая трагедия — не драма действия, а драма разговоров; поэта классика интересует не факт, а анализ, непосредственно формулируемый в слове».¹⁶

В данном случае мы имеем дело с переходом драмы действий, которыми чрезвычайно насыщен «Подложный Смердий», в драму состояний. Это, кстати, еще один аргумент в пользу концепции Л. И. Кулаковой, которая неоднократно говорила о психологизме как сильнейшей стороне русской классицистической трагедии.

Психологизм «Подложного Смердия» тоже восходит к лирике Ржевского, к той сложнейшей борьбе противоречивых чувств, которая отразилась в его элегиях. Здесь мы имеем дело не только с борьбой различных чувств, но и с двойственностью, противоречивостью чувства.

Двойственность лежит и в основе драматического конфликта: любовная интрига сплетается с политической, и именно их взаимодействие толкает вперед действие трагедии. Кстати, «Подложный Смердий» — одна из первых, если не первая русская трагедия, в которой можно говорить о действии в прямом смысле слова.

Таким образом, мы видим, как новаторство в области поэзии привело и к новаторству в драматургии, обусловило его. Кроме того, на Ржевского-драматурга не могло не повлиять его ближайшее окружение. Он, несомненно, видел спектакли придворного театра, хорошо знал трагедии Сумарокова и Хераскова. Более того, можно предположить, что он был связан и с театром Московского университета. Многие актеры театра — будущие члены херасковского кружка, в котором активнейшее участие принимал и Алексей Ржевский.

Несомненно и то, что неуспех «Прелесты» заставил его задуматься о драматургии всерьез, искать какие-то новые пути. Ведь неудача явно была не случайной, рядом с ней — неудача «Вышеслава». Становилось очевидным, что тип драматургических произведений, представленный в ранних трагедиях Сумарокова и его последователей, изживал себя. Необходима была реформа драматического искусства. Начало ей в жанре комедии положил блистательный Фонвизин. Один из первых шагов на пути к ней в области трагедии — «Подложный Смердий» Алексея Ржевского.

¹⁶ В кн.: Классики русской драмы. Научно-популярные очерки. Л.—М., 1940, с. 16.

А. Г. КРОСС

ВАСИЛИЙ ПЕТРОВ В АНГЛИИ (1772—1774)

Судьба Василия Петровича Петрова (1736—1799) была незавидна. Сокрушительная новиковская характеристика Петрова в его «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) цитируется весьма часто, но не следует забывать и колкую и остроумную критику «Словаря» в посланиях Петрова. Отпор, который дает сам Петров Сумарокову и Эмину, тоже не лишен основательности и достоинств.

При жизни, однако, Петров имел не только противников, но и сторонников; и хотя из суждений его последних критиков слова Белинского: «Трудно вообразить себе что-нибудь жестче, грубее и напыщеннее дебетой лиры этого семинарского певца»¹ — широко известны, следует вспомнить посмертную защиту Петрова, предпринятую его современником И. И. Дмитриевым в 1820-е годы. В своих мемуарах Дмитриев рассказывает, что он, будучи молодым человеком, «находил язык Петрова тяжелым и неблагозвучным», и добавляет: «Тогда я не имел истинного понятия о сущности поэзии и заключил его в одной только чистоте слога и гармонии».² Далее он цитирует строки поэта, которого называет «столь несправедливо забытым ныне Петровым», и дает короткую, но в целом восторженную оценку его трудов в разных жанрах.³ Вскоре после окончания мемуаров Дмитриев пишет «Надпись к портрету лирика» (1826):

Потомство! вот Петров,
Счастливейший поэт времен Екатерины;
Его герои — исполины;
И сам он по уму и духу был таков.⁴

Десять лет спустя П. А. Вяземский сказал Дмитриеву о своем желании издать сочинения Петрова: «У нас его совсем не знают.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 115.

² Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1895, с. 11.

³ Там же, с. 17, 40—41.

⁴ Там же, с. 329.

Я его теперь перечитывал и обѣлся его сочными выражениями и особенно жирными рифмами».⁵ И. А. Шляпкин в 1885 г. говорил об «изысканной лести» Петрова и был уверен, что «других интересов, кроме эгоистических, у него почти не было».⁶ В своей оценке од Петрова Шляпкин также одобрительно цитировал Н. С. Селивановского, сына известного издателя С. И. Селивановского, который считал, что ода Петрова к адмиралу Мордвинову (1796) была «единственная по искренности из всех его од».⁷ Г. А. Гуковский называет позицию Петрова «бесстыдным низкопоклонством» и считает, что исключение поэм, прославляющих Орлова, из числа од, составивших первую часть собрания сочинений Петрова 1782 г., является доказательством его лицемерия.⁸ Все это было, однако, не так просто и однозначно. Не говоря уже о том, что, как мы далее увидим, связи между Петровым и Мордвиновым были особого рода — какие существуют между друзьями более или менее одинакового социального статуса: льстивое восхваление Екатерины и ее двух самых знаменитых и, позволим себе сказать это, замечательных фаворитов Орлова и Потемкина (которые все еще дожидаются объективной оценки их роли как литературных меценатов) было искренним и глубоко прочувствованным и отражало истинное уважение и благодарность, которые Петров к ним испытывал. Исключение поэм об Орлове в те времена было вполне понятным политико-тактическим поступком, и нет оснований думать, что скорбь и горе, которые Петров испытал при смерти Потемкина и Екатерины, были вызваны только страхом за свое будущее благополучие.

Хотя советские ученые (Г. А. Гуковский, Л. Г. Бараг⁹ и И. З. Серман¹⁰) по-повому проанализировали творчество Петрова, ничего существенного не было добавлено, однако, к тому, что нам уже известно о его биографии. Основным биографическим источником оставалась «Жизнь Василия Петровича Петрова», опубликованная в 1818 г. и основанная главным образом на сведениях, почерпнутых у его сына.¹¹ Несколько писем, открытых впоследствии, было опубликовано в журналах XIX столетия. Тем не менее материалов в нашем распоряжении очень мало — вследствие чего

⁵ Письма П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву. — Русский архив, 1869, № 4—5, с. 650.

⁶ Шляпкин И. А. В. П. Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II (1736—1799). — Исторический вестник, 1885, № 11, с. 384, 405.

⁷ Там же, с. 403.

⁸ Гуковский Г. А. Петров. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 354.

⁹ Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века. (Василий Петров). — Учен. зап. кафедры лит-ры и языка Минского пед. ин-та, ч. 1, 1940, с. 68—92.

¹⁰ Серман И. З. Русская поэзия второй половины XVIII века. Державин. — В кн.: История русской поэзии, т. I. Л., 1968, с. 126—128.

¹¹ Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения, ч. I, № 1, 1818, с. 116—138.

поэзия Петрова, состоящая в основном из похвальных од, кажется менее личной и автобиографической, нежели она является на самом деле.

В настоящей статье делается попытка, с помощью прежде не публиковавшихся писем, пролить свет на одну из непроясненных страниц биографии Петрова и таким образом приблизить личность поэта к его творчеству.

Как хорошо известно, Петров впервые привлек внимание Екатерины и ее вельмож своей «Одой на великолепный карусель» (1766), написанной в то время, когда он был учителем в Московской славяно-греко-латинской академии. Вызванный в 1768 г. в Петербург, Петров был назначен переводчиком кабинета ее величества и чтецом императрицы. По-видимому, Петров еще в Москве страстно желал отправиться в заграничное путешествие; в 1772 г. в конце концов ему это было императрицей разрешено, и он отправился в Англию, где ему предстояло прожить три года. По возвращении он был назначен библиотекарем императрицы и оставался при екатерининском дворе до 1780 г., после чего удалился в свое имение; зимы он до самой своей смерти проводил в Москве. Жалованье сохранялось за ним и в отставке, и он продолжал писать оды на всякие события общественного или военного значения.

Годы, проведенные Петровым в Англии, были, по-видимому, важным и интересным временем его жизни; однако до сих пор все комментарии по этому периоду носили самый поверхностный и умозрительный характер. Здесь опять источником сведений для литературоведов явились записки Язона Петрова (1818). Я. Петров писал: «При отправлении в 1772 году Силова в Англию <Екатерина> благоволила послать и Петрова, определя ему достаточное содержание. Здесь, скоро обучась английскому языку, он перевел поэму Мильтона: Потерянный рай. Здесь сочинил он многие шуточные и поучительные письма и снискал дружбу ученых британцев, которые тогда сняли портрет его. Из Англии отправился он в 1774 году с Дюшессою Кингстонскою во Францию, откуда вскоре возвратился чрез Италию и Германию в отечество, как говорил он, из дальнего похода не ранен и не бранен».¹² После опубликованных в 1858 г. двух писем к Екатерине от Петрова (24 августа 1774) и Силова (5 сентября 1774),¹³ ничего нового не появлялось в печати до самого 1885 г., когда вышла статья Шляпкина «по новым данным». Шляпкин цитирует новые письма Петрова и Силова к Екатерине и идет, не всегда удачно, по материалам Язона Петрова. Шляпкин пишет: «В Англии он переводил „Потерянный рай“ Милтона, „О должностях“ Томаса, изучил Аддисона и писал оды»,¹⁴ — не учитывая того факта, что Антуан То-

¹² Там же, с. 129.

¹³ Библиографические записки, 1858, т. I, № 17, с. 528—530.

¹⁴ Шляпкин И. А. В. П. Петров... , с. 391.

ма был французом и что переложение Петровым его оды «Devoirs de la société» было напечатано в «Ни то, ни се» в 1769 г.; кроме того, он ошибочно принял слова Петрова «твой Аддисон» в первом послании «Галактиону Ивановичу Силову» за выражение любви самого Петрова к английскому моралисту.¹⁵ Далее Шляпкин замечает: «Английское влияние сильно отразилось на нашем поэте», и цитирует интересное, но ничем не подтвержденное высказывание современника Петрова М. Н. Муравьева: «Заметно, по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии».¹⁶

Другие ученые в свою очередь сочли эти данные достоверными и тоже размышляли о степени английских влияний. Гуковский пишет: «Пребывание в Англии оставило свой след, правда, незначительный, и в его творчестве. Впрочем, он вовсе не воспринял новых веяний современной ему английской поэзии и пытался подражать устаревшему для 1770-х годов поэту английского классицизма А. Попу».¹⁷ Бараг и Серман не столь категоричны. Бараг пишет: «Несомненно влияние, оказанное на Петрова сенсуалистической философией Локка, с сочинениями которого он, вероятно, познакомился в Англии в 1772—1774 гг. Это влияние сказывается, например, в посланиях к Силову».¹⁸

И. З. Серман замечает: «Петров провел время в Англии с большой пользой для себя. Он основательно изучил английский язык, заинтересовался английской поэзией, напечатал в 1777 году прозаический перевод трех песней поэмы Мильтона „Потерянный рай“. В Лондоне Петров продолжал внимательно следить за политическими и литературными событиями в России и откликался в своих стихах на все, что его так или иначе задевало».¹⁹

В общем, все, что было известно о пребывании Петрова в Англии, сводится к рассказу его сына, нескольким письмам Петрова и его товарища Силова да нескольким поэтическим произведениям, бесспорно написанным в Лондоне, как-то: послания «Галактиону Ивановичу Силову» («Счастливое дитя незнатного отца» и «Так, Силов! рассвело, воспрянем ото сна»), «Григорию Григорьевичу Орлову» («Усердный своего отечества любитель»), «К.... из воинского стана под Дунаем», «К.... из Лондона», «К Екатерине Второй» («Прости, Монархиня, я в мыслях потерялся») и «Поэма на победу российского воинства».

Были еще в статьях Язона Петрова и Шляпкина беглые упоминания о двух людях — англичанине и русском, которых Петров знал в Лондоне. Имеется еще интересное упоминание о герцо-

¹⁵ Бараг повторяет эти ошибки, см.: Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии..., с. 84.

¹⁶ Муравьев М. Н. Соч., т. II. СПб., 1847, с. 379.

¹⁷ Гуковский Г. А. Петров, с. 355.

¹⁸ Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии..., с. 79.

¹⁹ См.: Поэты XVIII века, т. I. Л., 1972 (Библиотека поэта, Большая серия), с. 321.

гине Кингстонской, с которой, как предполагалось, Петров и Силов ездили во Францию перед возвращением в Россию, и о не названном посольском священнике в сентябрьском письме Силова к Екатерине 1774 г.; священник этот — тот самый Самборский, которого позднее Петров упоминает в письме 1797 г.²⁰

Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815) был, пожалуй, одной из главных фигур русской общины в Лондоне в конце 60-х и в 70-е годы XVIII в. Сын украинского священника, он обучался в Харьковской духовной академии, откуда прибыл в Лондон, чтобы служить в посольской церкви и одновременно изучать английские методы сельского хозяйства. После возвращения священника отца Ефрема Дьяковского в 1768 г. в Россию Самборский стал настоятелем и был им до 1779 г., когда Екатерина отозвала его на родину с целью создания в России школы практического сельского хозяйства. Этот проект был осуществлен только при Павле; Екатерина отправила Самборского сопровождать цесаревича Павла с супругой в их путешествии по Европе; затем он был назначен законоучителем к великим князьям Александру и Константину, а с 1788 г. служил первым протоиереем в церкви св. Софии близ Царского Села. Вспоминая лондонские годы, Самборский в письме 1804 г. писал: «По совершении священной должности в храме, все прочее время употреблял я для приобретения не собственной пользы, а блага общего — успехов российских художников, кораблестроителей, мореходцев, земледельцев, пользуясь всеми возможными случаями и способами».²¹ Именно попечению Самборского были поручены в 1772 г. Петров и Силов; уважение и любовь, которые он им внушил, видны из письма Силова Екатерине: «Еще осмеливаюсь одобрить нашего здешнего священника, которому я имею великие обязательства и который своей добродетелью и ревностью к России всеми любим и почитаем».²² Чувства, которые Петров питал к Самборскому, он выразил в пяти письмах, которые написал ему в период 1774—1779 гг. Эти письма сохранились в архиве Самборского в Пушкинском Доме и ныне публикуются впервые. В этом богатом архиве содержится множество писем к Самборскому от русских, получивших от него помощь, иногда в форме быстрого выполнения их поручений из России, иногда же — прямо в Англии. На основе этих писем можно не только добавить ряд деталей к биографиям Петрова и Силова, но и представить себе в целом ту замечательную группу русских, которые находились в Лондоне в начале 70-х годов.

Первое письмо Петрова к Самборскому из Женевы, датированное 17 мая 1774 г., важно не только потому, что оно подтверждает факт знакомства Петрова с Элизабет Чедли, герцогиней Кинг-

²⁰ Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390, 402.

²¹ Русский биографический словарь. Сабанеев—Смыслов. СПб., 1904, с. 148.

²² Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390.

стонской (1720—1788), одной из наиболее экзотических личностей того времени, но и потому, что, как явствует из этого письма, существующие сведения о поездке Петрова по Европе ошибочны. Вскоре после погребения герцога Кингстонского (13 октября 1773 г.), своего второго мужа по двоемужному браку, герцогиня решила отправиться в Рим и подняться по Тибру в собственной яхте. В Риме итальянское общество оказало ей очень теплый прием. Сам папа Клемент XIV принимал ее неоднократно. Герцогиня оставалась в Италии до весны 1774 г., когда известие о том, что члены семьи Мидоус собираются оспаривать завещание герцога и предпринять судебное преследование, заставило ее возвратиться в Англию.²³ Несмотря на утверждение Петрова, что герцогиня желает вернуться «с возможной поспешностью», двигались они медленно, в значительной степени из-за болезни герцогини. Ехали они из Рима через Флоренцию, Геную, Антибы, Женеву и Париж, которого они достигли только в конце июня. В Лондон герцогиня прибыла только 9 июля; в начале августа она уже снова уехала, едва успев спастись от ареста по обвинению в двоемужестве. Петров же остался в Лондоне, встретившись со своим другом Силовым. Их письма к Екатерине датированы концом августа—началом сентября: в них выдвигаются основания для отсрочки возвращения в Россию; можно считать, что их путешествие домой через Францию и Германию началось только осенью. Поэтому представляется вероятным, что Петров прибыл в Россию только в начале 1775 г. Петров, но не Силов, ибо есть основание предполагать, что Силов скончался во время этого путешествия.

В числе восемнадцати писем Николая Семеновича Мордвинова Самборскому, посланных между 1774 и 1805 гг., есть письмо, в котором говорится о смерти Силова. Там сказано следующее: «Я без слез не могу вспомнить любезного Силова и Петрова. Боже мой, какая потеря. Никогда мы, его друзья, не будем утешены; прямо часть нашего благополучия пропала. Я на этих днях только смерть его узнал; и совсем несчастлив сделался. Раз по пяти в день не могу удержаться от слез. Вот удар первый, что сердце мое чувствует; вот горесть истинная, что я ощущаю теперь. Я так севодни тронут сим несчастием, получив от вас письмо, что распух весь от слез. А! батюшка, он умер; но мы его век не забудем; он мертв, но жив для нас; мы его будем видеть на небесах, как видели его в отдаленности на земли. С каким прискорбием обращаю [оторвано — свой взор?] я на Петрова. Какая печаль, какой удар для него. Боже мой, может ли быть что прискорбнее, как класть своими руками друга своего во гроб и зарывать землею того, к которому сердце приложено. Забудем, если можно, такое горестное и болезненное воспоминание; будемте утешаться добродетельми умер-

²³ Mavor E. The Virgin Mistress: The Life of the Duchess of Kingston London, 1964, p. 110—119.

шего друга нашего; и соединим еще ближе дружбу и привязанность нашу, по уменьшению их пространности и по драгоценности их, как мы ощущаем теперь еще больше в сем несчастном потерянии».²⁴

Письмо не датировано, однако на конверте можно различить печать 11 апреля, хотя без года. По-видимому, Мордвинов пишет Самборскому из какого-то европейского города или порта, где в течение предыдущих десяти месяцев он выполнял разные поручения; тут же он пишет, что надеется снова увидеть Самборского в Лондоне в ближайшем будущем. Мы знаем, что в сентябре 1774 г. Силов был жив и что Мордвинов, приехавший в Англию весной 1774 г., отплыл в Россию в июле 1777 г. Известно также, что летом 1775 г. сам Самборский вернулся в Россию и оказался опять в Англии только осенью 1776 г.: во втором письме Петрова от 20 октября 1776 г. из С.-Петербурга речь идет, по-видимому, о его неудавшейся попытке встретить Самборского во время его сухопутного обратного путешествия в Англию. Очевидно, смерть Силова произошла или в конце 1774 или в самом начале 1775 г., чем и объясняется тот факт, что о Силове после этого нет никаких упоминаний в письмах Петрова, Самборского, Екатерины и др.

Здесь следует прибавить еще кое-что о Силове, этом «чудесном юноше», возникшем как бы ниоткуда и вскоре исчезнувшем, очаровывавшем, по-видимому, каждого, кто его знал. Из писем Силова к Екатерине следует, что он был сиротой, но имел в Москве братьев, для которых испрашивал покровительства императрицы.²⁵ Самое раннее упоминание о Силове встречается в письме Екатерины графу Ивану Григорьевичу Чернышеву от 14 декабря 1768 г., написанном вскоре после того, как доктор Димсдэйл успешно привил императрице оспу. Она описывает свое восхищение мальчиком, Александром Дапиловым сыном Осипым, от которого ей была привита оспа, и добавляет: «Непокойный Купидон Галактион (т. е. Силов, — А. К.) с товарищами не входят с ним в сравнение» и в постскриптуме пишет: «Галактион Иванович велел спросить, скоро ли будет слоник, который вы ему обещались из Китая прислать!».²⁶ По-видимому, Силов, которому в то время было 12 или 13 лет, был пажом при дворе; лет шесть спустя Петров и другие говорят о нем как о юноше, еще не созревшем физически и духовно. Мордвинов в другом письме к Самборскому пишет о Силове: «Мой питомец»,²⁷ хотя эти слова свидетельствуют скорее о покровительственном отношении Мордвинова к молодому человеку, чем о каких-то постоянных отношениях. В Лондоне Силов изучал математику, «мою жепу», как он

²⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 18, л. 25—26.

²⁵ Шляпки И. А. В. П. Петров..., с. 390.

²⁶ Русский архив, 1871, № 9, с. 1321—1322. В публикации не указано, что имеется в виду Силов.

²⁷ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 1, л. 1—1 об.

шутливо писал Екатерине, и английский язык, которым он вскоре овладел настолько, что мог наслаждаться произведениями Аддисона. Два послания Петрова к Силову, написанные в Лондоне, из которых ясно, что Силлов, как и сам Петров, был незнатного происхождения, показывают любовь Петрова к его подопечному²⁸ (Петров по отношению к Силову усвоил себе роль наставника). Оба, и зрелый поэт (Петрову тогда пошел тридцать седьмой год), и юноша Силлов, были, по-видимому, не только хороши собой, но и очень человечески привлекательны; к тому же несомненный талант Петрова и его широкая образованность не могли не производить впечатления. Во многих письмах к Самборскому, написанных в начале 70-х годов, авторы писем передают приветы Петрову и Силову. Русский посол, А. С. Мусин-Пушкин, пишет: «Любезный друг мой Василий Петрович».²⁹ Петров, видимо, был в хороших отношениях и с другими представителями посольского персонала. В первом письме к Самборскому он вспоминает про «милого друга Ивана Татищева», а в третьем — о Михаиле Ивановиче Татищеве. Иван был переводчиком посольства; его брат занимал должность актуариуса.³⁰ Интересно отметить, что «Наказ» Екатерины, который восхвалял Петров в оде «На сочинение нового уложения», был переведен на английский язык Михайлом Татищевым.³¹ Иван Татищев был также переводчиком с французского и с английского и опубликовал в 1790 г. свой перевод «Семи речей, произнесенных в Королевской Академии» сэра Джошуа Рейнольдса (Лондон, 1778).³² Среди прочих членов посоль-

²⁸ Внимательное прочтение первого послания указывает также на неточность другого свидетельства Я. Петрова о его отце. Он пишет: «До путешествия и во время оного Петров чужд был всякой телесной недуги, так что в Англии называли его вывескою здоровья» (Труды Вольного общества... , с. 131). Сам Петров, однако, говорит:

Недвижим на одре средь тяжкого недуга,
Я томным оком зрю о мне слезяца друга.

Самборский в письме от 18 февраля 1773 г. к Я. И. Булгакову пишет, что Петров «чуть было не умер» (ГБЛ, ф. 41, Булгаковы, картон 129, ед. хр. 27, № 1, л. 1—1 об.). В письмах других корреспондентов Самборского также есть ссылки на серьезный характер болезни Петрова в 1773 г. (ИРЛИ, РО, ф. 620, ед. хр. 130, № 1, л. 1; ед. хр. 134, № 1, л. 1—1 об.). Сведения о болезни Петрова позволяют датировать послание не 1772 г., как это сделано в кн. «Поэты XVIII века» (т. I, с. 594), а 1773-м.

²⁹ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 130, № 1, л. 1.

³⁰ Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. II. Варшава, 1897, с. 335.

³¹ The Grand Instruction to the Commissioners Appointed to Frame a New Code of Laws. London, 1768. Он также издал книгу: A Description of the Manner in which the Commissioners for Establishing a New Code of Laws was Opened at Moscow on Friday the 3rd Day of August, 1767. London, [s. a.].

³² Речи, говоренные кавалером Рейнольдсом в Аглинской королевской академии художеств в Лондоне. СПб., 1790.

ства, с которыми Петров, без сомнения, познакомился, фигурирует талантливый Михаил Иванович Плещеев, который позднее, с 1775 г., начал публиковать ряд интересных переводов с английского под псевдонимом «Англоман».³³

За три года, которые Петров провел в Лондоне, там побывало еще несколько русских: одни там учились, другие приезжали как путешественники. Кроме Мордвинова, из известного мне списка в восемнадцать человек следует назвать студентов Оксфорда В. Н. Никитина и П. И. Суворова, граверов Г. И. Скородумова и Ф. С. Степанова, студента-медика в Эдинбурге А. И. Италинского и «знатных путешественников» — графа В. Г. Орлова, князя Г. П. Гагарина, барона Г. Н. Строганова, А. В. Нарышкина и Н. А. Демидова. Доказано, что Петров встречался или был известен почти всем этим лицам, представляющим тот широкий круг знакомств, который Петров имел не только в Лондоне, но и в России. Не следует забывать, что, водя дружбу со знатными, Петров сохранял дружеские отношения и с людьми более низкого общественного положения, которые нередко обращались к нему за помощью.

Из всех русских, с которыми Петров встречался в Лондоне, следует обратить особое внимание на троих; тесные отношения с ними сохранялись у Петрова и после возвращения в Россию. Двое из них — сыновья бедных священников, как и сам Петров: Василий Никитич Никитин (1737—1809) и Прохор Иванович Суворов (1750—1815) с 1766 г. учились в Оксфорде и оставались в Англии до июля 1775 г. Они могли встречаться с Петровым в Лондоне, ибо ежегодно на пасху приезжали туда исповедоваться Самборскому; но Никитин знал Петрова еще с тех времен, когда оба они были учителями в Славяно-греко-латинской академии, где Никитин преподавал древнееврейский язык, а Петров — поэтику и риторику. Никитин упоминает Петрова в письме к Самборскому из Оксфорда от 18 ноября 1773 г. и, что важнее, в более позднем письме от 27 сентября 1778 г., когда Никитин и Суворов служили учителями в Морском кадетском корпусе в Кронштадте.³⁴

Имена трех друзей знаменательным образом соединились, когда несколько лет спустя, 17 ноября 1783 г., они все были сделаны членами только что организованной Российской академии. И действительно их объединяла не только дружба, но и сходные взгляды на литературу и язык. Хотя Никитин и Суворов известны главным образом благодаря их работам в области математики, познания и интересы их были обширны и глубоки. Во множестве работ они доказывают богатство русского языка, систематически заменяя, даже в математических трудах, ипостранные слова русско-

³³ См.: Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965, с. 51—53.

³⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 104, № 3, л. 1, 4 об.

славянскими. Об их позиции всего красноречивее свидетельствует суворовское «Слово на всерадостное торжество мира между Российской империею и Оттоманскою Портою» (СПб., 1794); это же событие и сам Петров не преминул воспеть в оде. С «изысканной лелью», соперничающей с петровской не только в накале, но и в искренности, Суворов превозносит и Екатерину, и Академию, которых он видит соединенными в их преданности всему славянскому, в особенности языку.³⁵

Третий русский, о котором речь шла выше и с которым не только Петров, но и Суворов и до некоторой степени Никитин были в самых дружеских отношениях, — это Мордвинов. О том, как любил Мордвинов Петрова и Силова, уже говорилось; дружеские связи, соединявшие Мордвинова с Петровым, сохранялись всю жизнь. До сих пор петровская ода Мордвинову (1796) рассматривалась только в контексте других од, воспевающих видных людей екатерининского царствования, ее отличала разве что большая мера искренности. Пушкин в собственной оде «Мордвинову» (1827) справедливо говорит: «Не вотще Петров тебя любил».³⁶ Любовь эта была взаимна. Сам Петров говорит о близости их интересов, и ода его, вышедшая отдельным изданием в 1796 г., была панегириком другу в то время, когда в Петербурге на Мордвинова нападали и клеветали враги.³⁷ В 1797 г., когда его неприятности кончились и он был возведен в ранг адмирала, Мордвинов решил установить в городе Николаеве, где базировалось Черноморское морское управление, печатный станок, с помощью московского печатника С. И. Селивановского, которого ему рекомендовал Петров. В числе первых произведений, отпечатанных на николаевском станке, была ода Петрова на коронацию Павла — характерное для Мордвинова проявление благодарности и уважения другу.³⁸ В 1798 г. Суворов, который за три года перед тем, в 1795 г., ушел из Морского кадетского корпуса, по настоянию Мордвинова снова вернулся на службу, на этот раз в качестве профессора английского языка в штурманском училище в Николаеве. Не прошло и года после того, что Мордвинов и Суворов воссоединились, как их друг Петров скончался в Москве. Но они его не забыли, — это доказывает письмо Суворова Мордвинову 1812 г., где

³⁵ Более детальное рассмотрение взглядов Суворова и Никитина и сведения об их пребывании в Англии см.: Cross A. G. Russian Students in Eighteenth-century Oxford (1766—1775). — *Journal of European Studies*, 1975, vol. V, № 2, p. 91—110.

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. III. М., 1963, с. 16; см. также: Стенник Ю. В. Стихотворение А. С. Пушкина «Мордвинову». — *Русская литература*, 1965, № 3, с. 172—181.

³⁷ См. письма Мордвинова Самборскому 1795 г.: ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 10—11, 16—17.

³⁸ См.: Cross A. G. Printing at Nikolaev, 1798—1803. — *Transactions of the Cambridge Bibliographical Society*, 1974, vol. VI, № 3, p. 149—157.

он описывает свое посещение могилы «почтенного друга нашего Василия Петровича».³⁹

До сих пор, говоря о годах пребывания Петрова в Лондоне, мы показывали, что это время было важно потому, что здесь завязались, иногда на всю жизнь, его дружеские отношения с некоторыми русскими людьми; и, без сомнения, он проводил с русскими много времени. Однако его очень заинтересовала Англия, английская литература, английские учреждения, и он старался создать себе круг английских знакомств. Это не могло представить особых трудностей, тем более что в отце Самборском он имел друга, обладавшего множеством связей с англичанами. Большая часть знакомых Самборского нам известна, но было бы наивно думать, не имея тому доказательств, что и Петров знал их всех. Придется ограничиться теми, кого Петров называет в письмах к Самборскому, и теми, кто сам говорит о своем знакомстве с русским поэтом.

Путешествие Петрова в Италию с герцогиней Кингстонской уже было описано; ее желание выучиться с его помощью русскому языку — интересное подтверждение того, как давно она задумала поехать в Россию, чтобы увидеть свою героиню — Екатерину Великую. В августе 1777 г. в Петербурге Петров возобновил знакомство с герцогиней и, судя по письму Мордвинова к Самборскому, исполнял разные ее поручения.⁴⁰ Герцогиня прибыла в Петербург во всем великолепии, на новой роскошной яхте, в сопровождении свиты, куда входил преподобный Джон Форстер.⁴¹ Это тот самый Форстер, о котором Петров упоминает в первом и третьем письмах к Самборскому, личный капеллан герцогини и давний друг Самборского: без сомнения, Форстер же представил Петрова герцогине в Англии. Это была оригинальная личность. Россией он заинтересовался с первого же приезда, еще в елизаветинское царствование, когда он был личным капелланом графа Хиндфорда — британского представителя в С.-Петербурге с конца 1744-го и до конца 1749 г.⁴² В 60-е годы Форстер — преподаватель истории у русского дворянина по имени Арсеньев; он рассказывает ему повесть, впоследствии опубликованную в «Паблик Леджер» от 25 октября 1777 г.⁴³ В это время Форстер был в Петербурге, где он оставался до своей смерти. Он умер в июне 1781 г. в преклонном возрасте — ему было 84 года.⁴⁴ В 1720-е и 1730-е

³⁹ Архив графов Мордвиновых, т. IV. СПб., 1902, с. 277. Публикатор ошибочно полагает, что упоминаемый Петров — это художник Петров (1770—1811).

⁴⁰ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 620, ед. хр. 127, № 1, л. 1, 3 об.

⁴¹ См.: Letter from the Rev. Mr. Forster, Chaplain to the Duchess of Kingston to a Friend in England, dated Petersburg, 27th September 1777. — Gentleman's Magazine, 1778, vol. XLVIII, p. 111—112.

⁴² The Guildhall. London. British Factory in Russia Church Register, 1706—1815. Ms. 11, 192B, f. 19.

⁴³ The Diary of Syllas Neville. 1767—1788. London, 1950, p. 31, 32.

⁴⁴ The Guildhall, Ms. 11, 192B, f. 70.

годы Форстер был гувернером Эдварда Уортли Монтэгу (1713—1776), и в 1777 г., через год после смерти своего бывшего воспитанника, он не только поведал свету о его бурной юности, но и заявил о своих правах на авторство «Размышлений о возвышении и падении древних республик применительно к современному положению Великобритании», изданных в 1759 г. под именем Монтэгу.⁴⁵ Петров и Самборский были в числе тех многочисленных русских людей, которым была известна эта претензия; после смерти Форстера кипа рукописей под заголовком «Размышление о возвышении и падении древних республик и еще две рукописи, написанные мною, но напечатанные под именем Эдварда Уортли Монтэгу, эсквайра» была обнаружена членами английской семьи, которую Форстер знал много лет и которой в 60-е и 70-е годы он постоянно представлял своих русских друзей в Лондоне. Это семья Бентамов.⁴⁶

В 1768 г. Форстер представил Иеремию Бентаму и его сыновьям, Иеремию и Сэмюэлю, братьев Татищевых и Самборского, с которыми они спорили о Екатерине и в особенности о ее «Наказе». Иеремия оставил интересный рассказ о том, как Татищевы оспаривали заслуги Монтескье: «Спор шел о главных принципах, что было главной бессмыслицей: шла постоянная игра словами, которым они не могли дать определения и которым каждый приписывал другое значение, — такими как „честь“, „добродетель“, „страх“; честь, по их мнению, — любовь к своей репутации или к той власти, которой может достичь человек; добродетель — восхищение республиканским образом правления».⁴⁷ Естественно, что, когда Петров прибыл в Лондон, Форстер и Самборский должны были ввести его в бентамовскую семью. В переписке Бентамов их встречи и споры с Петровым не отражены; он упомянут впервые тогда, когда, уже вернувшись в Петербург, стал библиотекарем императрицы и, с точки зрения Бентамов, занял положение, наилучшим образом позволявшее ему передавать императрице те проекты, к которым Бентамы хотели привлечь ее внимание.⁴⁸

В третьем письме, от 21 июля 1777 г., Петров называет еще одного англичанина, у которого был столь же, если не более, широкий круг знакомств, как у Бентамов и Форстера, — Джона Парадиза. «Джон Парадиз — ученый, не написавший ни одной книги, член Королевского общества, не поставивший ни одного опыта, широко известный лингвист, не слишком хорошо говоривший

⁴⁵ Spurling Jonathan. Edward Wortley Montagu 1713—1776: The Man in the Iron Wig. London, 1954, p. 40—47, 148—149.

⁴⁶ The Works of Jeremy Bentham, edited by John Bowring, vol. X. Edinburgh, 1843, p. 67. Бентам называет Форстера «в некотором роде атеистом».

⁴⁷ The Works of Jeremy Bentham..., p. 67.

⁴⁸ The Correspondence of Jeremy Bentham, vol. 11. London, 1968, p. 115, 206.

на языке страны, в которой жил, доктор гражданского права Оксфордского университета, весьма мало знавший о праве, философ, чья домашняя жизнь была трагической ошибкой, поклонник Свободы, бывший рабом своего окружения и своей жены. Человек, рассуждавший умно и действовавший глупо или не действовавший вовсе. Человек, насчитывающий среди своих ближайших друзей многих величайших государственных деятелей Англии и Америки, знакомый, вероятно, с большим количеством интеллектуалов континентальной Европы, чем любой англичанин — его современник, и который мог предложить всем только свое широкое гостеприимство, личное обаяние и гений дружбы».⁴⁹ К этим словам его биографа остается добавить, что последние тридцать лет своей жизни он был тесно связан с русской общиной в Лондоне, благодаря тому что исповедовал православие и был задушевным другом Самборского, его преемника Якова Смирнова, а с 1785 г. — и русского посла в Англии графа Семена Ромаповича Воронцова, который искренне оплакивал его смерть в 1796 г.⁵⁰ Парадиз был тем человеком, через которого русские знакомились с выдающимися фигурами лондонского общества. Опять-таки можно только предполагать, с кем из них он мог познакомиться Петрова, но и дружбы с одним Парадизом, о котором мы знаем, было достаточно для Петрова, чтобы изучить английскую политическую и культурную обстановку во всех подробностях.

Уже говорилось о том, как русские и советские ученые оценивали влияние английской литературы на Петрова. По мнению Шляпкина, влияние это было сильным, по мнению Гуковского — незначительным. Любовь Петрова к Мильтону очевидно доказывает его переводом «Потерянного рая», и критики справедливо соотносят послания Петрова, в частности к Силову, с творчеством Александра Попа или, как предпочитает считать Бараг, — с сенсуалистскими теориями Локка. Однако Гуковскому вряд ли следовало подкреплять свое суждение об А. Попе характеристикой его как «устаревшего для 1770-х годов поэта английского классицизма». Традиция Попа и правоучительных еженедельников, связанных с именем любимого Силовым Аддисона, была сильна в Англии на всем протяжении столетия, несмотря на неизбежные новые веяния; в работах Ю. Д. Левина показано, как велик был интерес к литературе английского классицизма в России этого времени.⁵¹

⁴⁹ Shepperson A. B. John Paradise and Lucy Ludwell of London and Williamsburg. Richmond, Virginia, 1942, p. 5.

⁵⁰ См.: Struve G. John Paradise — Friend of Doctor Johnson, American Citizen and Russian «Agent». — The Virginia Magazine of History and Biography, 1949, vol. LVII, № 4, p. 355—375.

⁵¹ Левин Ю. Д. 1) Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967, с. 3—109; 2) Английская поэзия и литература русского сентиментализма. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 195—297.

Петров жил в Лондоне в то время, когда и в литературе, и в политике происходили интересные и значительные события. Сэмюэль Джонсон, близкий друг Джоа Парадиза, в начале 1770-х годов был в зените своей славы. Знаменитый «Клуб», основанный в 1764 г., оставался местом встреч выдающихся представителей литературного и культурного мира, таких как Джеймс Босвелл, сэр Джошуа Рейпольдс, Оливер Голдсмит, Эдуард Гиббон и Эдмунд Берк. Голдсмит до самой своей смерти (1774) продолжал писать стихи и прозу и, главное, завершил комедию «Она смиряется, чтобы победить» (1773); Берк издавал свои изложенные изящной прозой речи в парламенте, включая речь «Об американо-канском палогообложении» (1774); Рейпольдс читал в королевской Академии свои президентские лекции, за первый том которых, опубликованный в 1778 г., он заслужил золотую табакерку от Екатерины (перевод на русский язык Ивана Татищева). Происходили в эти годы и другие литературные события, вызывавшие в Лондоне большое волнение, которые не могли не заинтересовать Петрова. В 1774 г., через год после смерти автора, Филиппа Дормера Стэнхопа, четвертого графа Честерфилда, были опубликованы его «Письма к сыну»;⁵² в том же году Томас Уортон издал первый том своей новаторской «Истории английской поэзии». Возможно, примером тех «новых веяний современной ему английской поэзии», которых, по словам Гуковского, Петров «вовсе не воспринял», были «Поэмы Оссиана», изданные Джемсом Макферсопом (1773), и заверченный в 1774 г. «Мепестрель» Джеймса Битти, шотландского поэта и профессора нравственной философии, с которым друг Петрова, Никитин, встретился предыдущим летом в Оксфорде.⁵³

На основании поэм, написанных в лондонские годы, И. З. Серман отмечает, что Петров внимательно следил за литературными и политическими событиями в России. Сведения о них он мог получить как от русского посла, так и от путешественников, приезжающих из России. Английские газеты печатали сообщения о турецкой войне и Пугачевском восстании. К тому же всюду говорили и об английских мятежниках в Америке.

Петров жил в Лондоне в очень интересное время, и, конечно, он вернулся в Россию, не только завязав большое количество знакомств с важными и влиятельными англичанами, но и хорошо познакомившись с разными аспектами английской жизни: он полюбил английский язык, что передалось и его сыну, и навсегда сохранил интерес к английской литературе, о чем свидетельствует просьба к Самборскому купить книги (письмо

⁵² «Скотс Магазин» сообщал, что «русская императрица послала лорду Честерфилду свод законов, начертанных недавно для правительства ее империи. Этот свод напечатан на четырех разных языках и богато оформлен (Scots Magazine, 1772, vol. XXXIV, February, p. 98). См. также: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I. М., 1963, с. 334.

⁵³ James Beattie's London Diary, 1773. Aberdeen, 1946, p. 67.

от марта 1778 г.). Правда, кроме опубликования «Потерянного рая» в 1777 г., английские влияния мало ощущаются в его последующем творчестве. Однако, будучи в отставке, он занялся деятельностью, в которой сказалось впе­литературное влияние Англии. Его сын пишет: «Отдохновением от ученых занятий жертвовал он сельскому хозяйству, в усовершенствовании которого он во многом следовал англичанам, выписывал их земледельческие орудия и некоторых крестьянских детей обучал грамоте». ⁵⁴ В этом Петров был верным учеником прежде всего Самборского, который, вероятно, больше всех старался распространить новые английские сельскохозяйственные методы по всей России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА В. П. ПЕТРОВА А. А. САМБОРСКОМУ

1

Женева, 1774 мая 17

Мы выехали из Рима, чтоб с возможною поспешностию стать в Англии. Четвертый день стоим в Женеве. У Дучесы от путевого труда нога распухла. Ежели б я не пугался худых следствий от моего медления, я бы мало сожалел о ее болезни. Всего жалче мне то, что я не могу получить от вас письма, коли вы писали что-нибудь до меня касающееся в рассуждении Петербурга. Я совсем полагаюсь на вашу дружбу и благоразумие в сем случае. Я писал к вам в прошедшую почту из Рима мое о сем мнение. Вы не можете поверить, колкая скорбь и туга душе моей, что я теперь не в Англии. Мне хочется выгрузить в ваше сердце все вести, кои я по дороге собрал. Благодарение, кое вы мне оказали, пребудет у меня бессмертно. Ваши деньги были мне милые всех миллионов, кои у Могола в казне. В посланном пред сим письме к г. Силову, советовал я ему, не сказывая посланнику, отписать к М. Родиоповне,¹ что я, будучи болен, поехал с сею госпожею в Ез во Францию: но она провезла меня в Рим. Вы можете теперь прибавить, что мы уже в Женеве на возвратном пути. Мне кажется, нет преступления, что я таким случаем, т. е. желанием сей госпожи учиться по-русски, воспользовался. Но ежели Галашинька писал прежде к М. Р., что я удалился в какую-нибудь провинцию в Англии, то мы все в просаке. Молчите, ребята, все (всо) будет хорошо, как я к вам приеду. По крайней мере, я совершенно здоров и ныне как дам кому вяху, го ужу чуть будет. Аще мой увесистый кулак падет на крестец милого друга Ивана Татищева, пололам его сердечушку переломит.² Христа ради, поклонитесь ему от меня. Пожаласта, голубчики, уверьтесь, что я вас так люблю как самого себя. Мое почтение вашей сожительнице и деткам, предподобному отцу Форстеру. Галашиньку поцалуй за меня, успеху в учении и добродетели. Я, чаю, он на поларшина вырос, а мне умереть с зависти, коли он стал выше меня. Препоручая вас божию провидению есмь ваш всеусерднейший слуга В. Петров.

2

С. П-бург. Октябрь 20, 1776

Дрожайший мой батюшка. Я ездил тогда в М-гоф, но вас не застал. Вы торопились. За присылку башмаков благодарствую. Еще не заказывайте, пока я не попрошу. На зиму я снабжен. Что вы прислали за куб к г. Зава-

⁵⁴ Труды Вольного общества... с. 137.

довскому?¹ Сколько вы усердны, столько этот твой подарок нам хлопотен. Вас здесь все любят. Г. Гайнам определен.² Я ездил далее Москвы прогуливаться. Неизреченно в здравье поправился. Чего я не успею здесь вместить, Гайнам сообщит вам. На сей раз прости и продолжай любить вас от сердца почитающего Петрова.

Мое почтение вашей сожительнице, to Nancy, Sophy, Alexander and if there is any little Creature more.³

3

1777, июнь 21. С.-Пб.

Дрожайший мой батюшка! Что вы ко мне не пишете? Здоровы ли вы и ваши домочадцы? Я к вам писал и к г. Форстеру с одним Captain, да он, мошенник, видно вам не отдал и для того-то вы никак на меня имеете неудовольствие. Уверьтесь, что я вас люблю и почитаю сердечно. Благодарствую за ваши башмаки. Я вам все заплачу, чем вам ни должен. Прошу вас падеться на меня. Я вам усердствую изо всей мочи. Как вы умеете, извините меня перед господином Форстером и объявите ему мое к нему сыновнее повиновение и преданность. Поклонитесь Михаилу Ивановичу Татищеву, г. Парадизу и всем. Я есмь ваш всеусерднейший слуга В. Петров.

4

Марта, 8, 1778. С.-Пб.

Dear Sir!

Князь доволен вашим письмом. Вот вам и ответ от него.¹ Благодарствую за ваши башмаки. Однако они велики. Надобно делать по старой форме, покороче. Она есть у башмашника, да еще их у меня много. Для чего вы не пишете, сколько вам за них и за инструменты, присланные Голикову,² надобно денег. Или вы решились дарить весь свет? Пожалуй, опишите, сколько я вам должен? Я вам перешлю чрез г. Гайнама скоро на покупку мне книг, коих каталог вам здесь приобщаю.³ Где хотите, мне их ищите. Сего письмоподателя прошу, батюшка, как-нибудь пристроить. Он беден, да, кажется, к учению жарок.⁴ Гр. Я. А. Брюс вам неизреченно одолжен за призрение князька.⁵ Я вас люблю от всего сердца и уверяю вас, что за мной ваши деньги не пропадут. Пожалуста, купите мне книги. Всей вашей фамилии мое почтение, и твоим сотоварищам.⁶ Вы так их называете. Я болен уже три недели, и чрез мочь письмо к вам ковыряю. Уверьтесь, я есмь и буду ваш усерднейший слуга В. Петров.

5

С.-Пбург, 26 генваря 1779

Батюшка! можно ли, как ты меня любишь! Хотя я свой портрет прячу стыдяся, но дружбу твою ко мне живо чувствую. Вы изубычились, чтоб меня возвысить. Имейте терпение, заплачу вам протори и убытки. Что вы ко мне о своем состоянии, т. е. о жалованье, платят ли вам и вашим соученикам, не пишете? Яков А. Брюс берется обще со мною стряпать за вас до поту лица и даже до надорванья всех кишков. Он всенародно изъясняется о вас так, как вы заслуживаете. Вы мне обо всем дайте знать. Филитеру Степановичу засвидетельствуйте от меня благодарность и уверьте, что я сам собираюсь озолотить его.¹ Для бога пришлите ко мне несколько башмаков, кои б были немпожно покороче. Я здесь от русских башмаков столько мозолей натер, что вон не выхожу. На досуге когда будете, прошу заказать дорожную двуместную карету, которая бы в ходу не через чур была широка, тому мастеру, который делал карету для Duchess of Kingston. Его зовут Mg. Wright или Wight.² Карета должна от рес-

сор лежать на цепях, а не на ремнях. Мастер знает. Вы одолжите оным такого моего друга, коего я люблю так, как вы меня, и который вас любит, как я. Впрочем, на этот раз прощай. От всего сердца желая вам, матушке, детям всякого счастья, есмь ваш усерднейший слуга В. Петров.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

Письмо 1

¹ Представляется вероятным, что под именем М. Родионовна у Петрова имелась в виду Екатерина II и что он не хотел вызвать ее неудовольствие своим неофициальным путешествием с княгиней Кингстон.

² Пример «площадного языка», который иногда проникал в оды Петрова и оказывался предметом нападок его врагов. См.: Бараг Л. Г. О ломоносовской школе в русской поэзии XVIII века (Василий Петров). — Учен. зап. кафедры лит-ры и языка Минского пед. ин-та, 1940, ч. I, с. 83.

Письмо 2

¹ Граф Петр Васильевич Завадовский (1738—1812) — фаворит Екатерины II в 1776—1777 гг. Он был одним из тех многих людей, которые докучали Самборскому разными поручениями.

² Роберт Гайнэм (1737—1817) стал императорским часовым мастером в 1776 г. и долго и успешно служил в России. См.: Chenakal V. L. Watchmakers and Clockmakers in Russia 1400 to 1850. London, 1972, p. 25 (здесь же воспроизведен его портрет — с. 26); Swan H. «The Hunsams», Home on the Neva. London, 1968, p. 47—59.

³ В это время у Самборского было трое детей: Анна (род. 1770), Софья (род. 1772) и Александр (род. 1776). Второй сын, Исая, родился в 1779 г. и умер спустя четыре года.

Письмо 4

¹ Возможно, князь — Григорий Александрович Потемкин (1739—1794). Однако писем от него этого времени нет среди бумаг Самборского.

² Вероятно, Иван Иванович Голиков (1735—1801), составитель «Деяний Петра Великого».

³ К сожалению, нет сведений о том, какие книги хотел получить Петров.

⁴ Точно указать, кто имеется в виду, нельзя. Возможно, что речь идет о студенте Иване Шерлаимове, посланном Н. А. Демидовым в Лондон в 1778 г. В письме из Москвы от 16 апреля 1779 г. Демидов одобряет намерение Самборского послать Шерлаимова в Эдинбургский университет (ИРЛИ, РО, ф. 620, ед. хр. 74, № 5, л. 1, 7 об.). В письме от 26 декабря 1782 г. Шерлаимов жалуется на тот прием, который был ему оказан в Москве, и пишет, что Петров расскажет Самборскому об этом более подробно (там же, ед. хр. 169, № 1, л. 1—1 об.).

⁵ Граф Яков Александрович Брюс (1729—1791), генерал-аншеф и генерал-губернатор С.-Петербурга и Москвы. Установить, кто такой «князек», не удалось.

¹ Эти письма хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ф. 620, ед. хр. 141, № 5, л. 1—5 об.). О событиях и лицах (княгиня Кингстон, Форстер, Парадиз, Силов, братья Татищевы и т. д.), о которых говорится в статье, в примечаниях сведений не дается.

⁶ «Сотоварищами» Самборского были студенты, набранные им во время его поездки в Россию в 1775—1776 гг. для изучения английских сельскохозяйственных методов: И. М. Комов, М. Е. Ливанов, Е. Ф. Зверака, А. В. Флавицкий, А. В. Колмаков, В. П. Прокопович и Я. И. Смирнов (который сменил затем Самборского, став капелланом в Лондоне). См.: Гурьянов В. П. Иван Михайлович Комов, его жизнь и деятельность. М., 1953, с. 46—55.

П и с ь м о 5

¹ Филитер Степанович Степанов раньше был крепостным; он изучал гравировальное искусство вместе со Скородумовым под руководством Бартолоцци в Лондоне. Он женился на англичанке, художнице; у них были два сына и дочь, которые в свою очередь стали художниками. Портрет Петрова работы Степанова описан Д. А. Ровинским, см.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов, т. II. СПб., 1895, с. 971. Может быть, именно этот портрет Петрова воспроизведен в «Историческом вестнике» (1885, т. XXII, титульная страница).

² Лондонские каретные мастера Томас и Джон Райт (Wright). Самборский купил у них фаэтон для Я. И. Булгакова в 1773 г. (ГБЛ, ф. 41, картон 129, ед. хр. 27, № 5, л. I, 10 об.).

(Перевод Р. А. Зерновой)

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**О ПЕРВЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КНИГИ Л. С. МЕРСЬЕ
«МОЙ СПАЛЬНЫЙ КОЛПАК»**

Имя французского просветителя Луи Себастьяна Мерсье, сатирика и философа-республиканца, отличавшегося «большой возбужденностью в вопросах социального переустройства», для исследователей русской литературы XVIII в. связано в первую очередь с именем И. Г. Рахманинова, известного переводчика Вольтера и друга И. А. Крылова.¹ Книга Мерсье «*Mon bonnet de nuit*» в четырех томах была напечатана в 1784—1786 гг.

Ряд глав этой книги был переведен для журнала Рахманинова «Утренние часы» (1788—1789), а в 1789 г. на русском языке появилась отдельная книга «Мой спальный колпак» в переводе Рахманинова, включавшая главы из первого и второго томов книги Мерсье.

Между тем, как удалось установить, первые переводы из «Спального колпака» появились в России за два года до этого — в первом русском провинциальном журнале «Уединенный пошехонец».

Журнал издавался в Ярославле в 1786 г. Редактором издания был Василий Демьянович Санковский, в то время секретарь ярославского Приказа общественного призрения. «Разным наукам и языкам» Санковский обучался в Московском университете, закончив его в 1763 г. с золотой медалью; сотрудничал в журналах Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы», в 1764 г. издавал журнал «Доброе намерение». Санковский выступал как поэт и как переводчик.² Из сотрудников «Уединенного пошехонца», кроме Санковского и его сына Николая, известны очень немногие: архиепископ Арсений (Верецагин), М. В. Розин и И. Ф. Фортунатов — преподаватели Ярославской семинарии

¹ См.: Коплан Б. Философические письма «Почты духов» (1789). — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 384.

² Сиповский В. В. Санковский Василий Демьянович. — В кн.: Русский биографический словарь. Сабанеев—Смыслов. СПб., 1904, с. 195—197.

и студент В. Васильевский. Внимание исследователей привлекали в первую очередь те статьи, которые посвящались описанию уездов Ярославского наместничества. Собственно литературный материал журнала до сих пор почти не изучен. В «Сводном каталоге» указывается: «Среди немногочисленных переводов помещено „Географическое описание о царстве стихотворства“, напечатанное в <...> „*Vremisches Magazin*“ (в другом переводе печаталось в «Санкт-Петербургском вестнике» 1781 г.)».³

Переводы из Мерсье оставались совершенно неучтенными, так как по обычаю того времени они печатались без указания источника: не упоминалось даже о том, что это перевод с французского. Между тем в «Уединенном пошехонце» эти переводы занимают достаточно много места — в общей сложности около 90 страниц. Всего переведено двенадцать отдельных глав из книги Мерсье: восемь глав из первого тома и четыре из второго. Выбор глав часто совпадает с выбором Рахманинова, но несколько статей не находят соответствий в переведенной Рахманиновым книге.

Ярославского переводчика привлекли в первую очередь главы философско-правоучительного содержания: «Твердь», «Шар земной», «Страх божий», «Последний суд», «Действие сна», «Хозяйство», «Соп. Фортуна и слава», «Благополучие», «Странноприимство». Кроме этих статей в «Уединенном пошехонце» напечатано элегическое «Письмо Овидия, писанное им в заточении своем к приятелю», а также две главы сатирического характера: «Подушка» и «Баснь». Последнее сочинение позднее было переведено П. П. Бырдиным для журнала «Утренние часы».⁴ Речь идет здесь о двух типах художников. Подражающая природе Обезьяна вызывает всеобщее недовольство, а Лисица, умеющая каждому польстить, получает признание и успех. На портретах Лисицы «Лев, не взирая на страшную его гриву, явился в кротком и приятном виде <...>, Леопард не имел диких и кровожадных глаз. Медведь предстал петиметром. У Осла убавила она до половины ушей. Свинья также получила стройный стан».⁵ Соответствующая глава у Мерсье носит заглавие «*Les historiens. Fable*», и это же название басня сохранила в переводе П. П. Бырдина: «Историки. Баснь». Пропуск слова «историки» у ярославского переводчика объясняется, может быть, его осторожностью, стремлением сгладить резкость сатиры Мерсье.

В целом, однако, переводы глав из книги «Мой спальный колпак», появившиеся на страницах «Уединенного пошехонца», довольно близки к оригиналу. По стилю этот перевод едва ли уступает рахманиновскому, хотя несколько больше архаизирован. Вот для примера отрывок из главы «Страх божий». У Рахмани-

³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. IV, 1725—1800. М., 1966, с. 204.

⁴ Утренние часы, 1788, ч. 2, с. 159—160.

⁵ Уединенный пошехонец, 1786, февраль, с. 104—105.

пова: «Человек! помысли, что твоя глава есть во сто раз чуднее блистающего солнца, которое само себя не познает; но ты его познаешь. Оно о себе не ведает, что оно есть; а ты познаешь существо его». ⁶ У переводчика «Уединенного пошехонца»: «О человек! помысли, что глава твоя стократ более удивительна, нежели блистающее солнце, кое себя не знает, а ты оно понимать и рассуждать о нем можешь». ⁷

Возможно, что первым переводчиком книги Мерсье был сам издатель «Уединенного пошехонца» В. Д. Санковский; может быть, и кто-то другой из сотрудников. Во всяком случае интересен и важен самый факт публикации этих переводов в первом русском провинциальном журнале, на два года опередившем рахманиновский перевод.

⁶ [Мерсье]. Мой спальный колпак. Переведено с французского И. Р. [рахманиновым]. СПб., 1789, с. 119.

⁷ Уединенный пошехонец, 1786, февраль, № 2, с. 81. Ср.: «Homme! songe que ta tête est cent fois plus admirable encore que le globe du soleil; il ne se connaît pas et tu le connaît; il ne sait pas ce qu'il est et tu l'a pesé». — Mercier. Mon bonnet de nuit, t. 1. A Neuchatel, 1784, p. 70.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббт Т. 118
 Аблесимов А. О. 55, 215
 Август II, король польский 129
 Августин Блаженный 38
 Аддисон Дж. 122, 231, 232, 236, 241
 Адриан, патриарх 27, 31
 Актова 133
 Александр I, император 79, 83, 159, 160, 161, 163, 164, 233
 Александровский С. см. Серапион
 Александренко В. Н. 236
 Александров П. К. 167
 Алексеев М. П. 237
 Алексеев П. А. 33
 Алексей Алексеевич, царевич 31
 Алексей Михайлович, царь 28
 Альшиц Д. Н. 30
 Амвросий, архиепископ Московский 29, 33
 Амвросий Медиоланский 39
 Анна Петровна, вел. княжна 209
 Антоний, архиепископ Астраханский 33, 43
 Аполлос см. Байбаков А. Д.
 Апулей 78
 Аржанс Ж.-Б., де 138
 Арзуманова М. А. 58, 193, 195
 Арпдт И. 39
 Арсений, архиепископ Ростовский 43, 247
 Арсеньев, дворянин 239
 Артемьев А. И. 132, 133
 Афанасий, иеромонах 45
 Афанасьев А. Н. 132, 137, 146

 Бабищев С. М. 167
 Багрянский М. И. 48
 Баженов В. И. 47
 Байбаков А. Д. 43
 Байков Ф. И. 33
 Бакмейстер Г. Л. X. 160, 162
 Балабан см. Елагин И. П.
 Бантыш-Каменский Д. Н. 41
 Бантыш-Каменский Н. Н. 33, 36, 188

 Бараг Л. Г. 230, 232, 241, 245
 Баранская Н. В. 95
 Барков И. С. 132, 148, 178—180
 Барсков Я. Л. 71
 Барсов А. А. 22
 Бартолоцци, гравер 246
 Басов, ротмистр 74
 Башилов С. С. 5, 6, 53, 54
 Безбородко И. А. 40
 Бекетов Н. А. 133, 142, 143, 145, 146
 Беккариа Ч. 84
 Белинский В. Г. 107, 162, 229
 Бенгам И. 240
 Бенгам С. 240
 Беринг Г. В. 119—124
 Берк Э. 242
 Беркень А. 108, 110
 Берков П. Н. 8, 29, 34, 51, 53, 55, 58, 59, 88, 114, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 141, 147, 21, 213—215, 218, 220, 224
 Бецкой И. И. 194
 Бешенковский Е. Б. 166, 195
 Библиос А. И. 134
 Бибииков В. И. 58
 Билон Н. 7
 Битобе П.-Ж. 38, 40, 41
 Битти Дж. 242
 Благой Д. Д. 159, 190
 Богданов А. И. 25—28
 Богданович И. Ф. 5, 6, 69, 169
 Богданович П. И. 38, 47
 Боголюбов В. А. 42
 Бодо де Жюин П. 128
 Бок И. Г. 209
 Болховитинов Е. А. 142, 187, 188
 Бомарше П.-К. 78
 Босвелл Дж. 242
 Бозций А. М. 17, 18, 20
 Боян 178
 Бранг П. 117, 119
 Брандт Я. И. 85
 Брандт, напоольный поручик 139
 Браун И. А. 208

- Брикер де Ла Димери Н. 126, 128
 Брильяк Ж.-Б. де 126
 Брук Г. 126
 Брюс Я. А. 18, 40, 41, 44, 71, 244, 245
 Буало Н. Д. 63, 181
 Бубликов Т. С. 19, 20
 Будышка А. А. 194
 Булгаков Я. И. 236, 246
 Булич Н. Н. 132
 Бырдин П. П. 248
 Бэкон Ф. 78, 114
 Бюффон Ж. Л. 78
- Васильевский В.** 248
 Вевер Х.-Л. 207, 209
 Вейсе Х. Ф. 106
 Вейсс, Жозефина 167
 Вейтбрехт И.-Я. 39, 41
 Вёлльнер И. Х. фон 157
 Вергилий 65, 78
 Вернадский Г. В. 37, 42, 214, 222
 Веселаго Ф. Ф. 101
 Визирь Н. П. 149
 Виланд К. М. 69, 122, 129
 Возницыны, князья 204
 Волков А. А. 154
 Волков Ф. Г. 228
 Волконские, князья 204
 Волконские 32
 Волконский П. М. 32
 Вольтер 7, 40, 41, 47, 57, 64, 65, 78,
 108, 121, 129, 223, 247
 Воронцов М. И. 192
 Воронцов С. Р. 241
 Воронцовы 73
 Вуазенон К.-А. 129
 Вяземский А. А. 73, 161, 162, 213,
 217, 218
 Вяземский П. А. 229, 230
- Гавриил, митрополит Новгородский**
 43, 44
 Гагарин Г. П. 237
 Газон-Дурксишье С.-М.-М. 128
 Гайар Г. А. 135
 Гайнэм Р. 244, 245
 Галушин А. 194
 Галченков Ф. 41
 Гвидо де-Колумпо 182
 Гвосков А. Г. 194
 Гедеке К. 119
 Геллерт Хр. 117, 121, 122
 Гельвский К.-А. 121
 Геннинг Х. 41
 Геродот 223, 224, 226
 Герцен А. И. 13, 102
 Гиббон Э. 242
 Гишпиус Ф. 41, 73, 75
 Гоголь Н. В. 72
 Голдсмит О. 78, 242
- Голеневский И. К. 165, 215—216
 Голиков И. И. 244, 245
 Голицын А. И. 213
 Голицын А. М. 187, 191, 197
 Голицын Б. В. 221
 Голицын Ф. Н. 167
 Голубцов В. В. 198
 Гольберг Л. 56, 66
 Гомер 14, 182
 Гомес М.-А.-П. де 127
 Готье де Мондорж А. 128
 Грасхоф Х. 115
 Григорий, архиепископ Тавроминий-
 ский 44
 Григорьев М. 73
 Гришев А. Н. 208
 Грот К. Я. 72, 78, 160
 Гуковский Г. А. 77, 80, 104, 186,
 189, 190, 227, 230, 232, 241, 242
 Гумилевский М. см. Моисей
 Гурьянов В. П. 246
 Гусейн-Бей 191
- Даламбер Ж. Л.** 78
Дамаскин, епископ Нижегородский
 43
 Данилевский Р. Ю. 69
 Дантреколь Ф.-К. 127
 Дараган В. 213
 Даржанс см. Аржанс Ж.-Б. д'
 Дашкова Е. Р. 5, 71—73
 Демидов Н. А. 235, 245
 Демидов Н. И. 135
 Денисьев 205, 209
 Девиус, барон 190
 Дербов Л. А. 35
 Державин Г. Р. 4, 5, 9, 11, 77—86.
 159, 160, 162, 165, 169
 Дефо Д. 78, 108
 Джонсон С. 241, 242
 Дидро Д. 78
**Димитрий, митрополит Новгород-
 ский** 134
 Димсдейл Т. 235
 Динерштейн Е. А. 213
 Дионисий, тиран Сиракуз 110
 Дмитриев И. И. 39, 41, 77, 229, 230
 Добролюбов Н. А. 10, 87, 162
 Долгова С. Р. 33, 47
 Домашнев С. Г. 5, 6, 73
 Дора К.-Ж. 121
 Д. П. 56—58, 59, 60, 66
 Дружинин В. 194
 Дьяков 22
 Дьяковский Е. 233
- Евгений, митрополит см. Болхови-
 тинев Е. А.**
 Екатерина II, императрица 8—15,
 29—33, 37, 40, 42, 44, 46, 48, 50, 51,

- 53, 56, 60, 65, 69—74, 78, 79, 82—86, 110, 111, 121, 134, 149, 154, 157, 168—172, 201, 214—228, 229—236, 238—240, 242, 243, 245
- Елагин И. П. 52, 131, 132, 137—139, 142, 146, 147, 206, 209, 211—214
- Елизавета Петровна, императрица 145, 170, 208, 209
- Ельчанинов Е. Б. 211
- Еропкип П. Д. 44
- Ефрем, митрополит Казанский 31
- Ефремов П. А. 211, 221
- Жуковский В. А. 72
- Завадовский П. В. 244, 245
- Западов А. В. 37, 41, 42, 47, 61, 81, 159, 178
- Западов В. А. 39, 165
- Звєрака Е. Ф. 246
- Зельгорст, цензор 151
- Зертис-Каменский А. С. см. Амвросий
- Злоумов 58
- Зотов Н. М. 29
- Иван Алексеевич, царь 32
- Иван IV 29, 31
- Иваск У. Г. 133
- И. Л. 64—66
- Илия Минятий 45
- Ильин М. А. 206, 207, 209
- Иоаким, патриарх 27, 31
- Иоанн Давидович, князь 29
- Иоанн Златоуст 38, 39
- Иоасаф, архиепископ Тверской 43
- Иоганн (Яган), шведский король 29
- Ионин Г. Н. 85
- Иринея, цензор 43
- Исидор, митрополит 31
- Италипский А. И. 247
- Калигула 83
- Каменский М. Ф. 196
- Кампе И. Г. 104, 108, 111
- Кантемир А. Д. 10
- Кантемир Д. К. 33
- Кантемир С. Д. 33
- Карамзин Н. М. 36, 39, 41, 77, 85, 104, 115, 118, 123, 124, 178, 186
- Карвалло, Кременто Роиз де 190, 201
- Карип Ф. Г. 69
- Карл Э., английский книгопродавец 129
- Карпова Е. Е. 215
- Кастийон Ж. 127
- Кирилл Философ (Константин) 31
- Клаудий Хр. 41, 75
- Клемент XIV, папа 234
- Клепиков С. А. 132, 134, 136, 137
- Клеэн Х.-Фр. 39
- Клопшток Ф. Г. 44
- Княжнин Я. Б. 5, 11, 17, 20, 47, 83, 84, 86, 211, 222, 223, 232
- Кобленц И. Н. 25, 26
- Козельский Ф. Я. 56, 155, 164
- Козицкий Г. В. 32, 33, 52, 216—219
- Козловский Ф. А. 6
- Колмаков А. В. 246
- Колокольников В. Я. 48
- Комов И. М. 246
- Константин см. Кирилл Философ
- Константин Павлович, великий князь 166, 167, 233
- Контрерас Х. де 129
- Коплан Б. 249
- Копнин С. Л. 187, 195—198, 202, 203
- Корнель П. 78
- Корсунов А. А. 102
- Котельников С. К. 209
- Котрелев Н. В. 201
- Кропоткины, князья 204
- Кросс Э. 238
- Кружевников Ф. 194
- Круз, лейб-медик 212
- Крылов И. А. 83, 247
- Кубачева В. Н. 126
- Кукушкина М. В. 132
- Кулакова Л. И. 51, 69, 223, 228
- Кулябко Е. С. 166
- Куник А. А. 132
- Купер 114
- Курмамет, Ибрагим см. Лукин В. И.
- Кутузов А. М. 44, 48, 117, 119—121
- Ламот Удар А. де 130
- Ла Плас П. А. де 127
- Лароп-Гийем А. де 128
- Лафайет М.-М. де 130
- Лафатер И. К. 118
- Левавда И. В. 65
- Левин Ю. Д. 126, 241
- Левонидов Я. Г. 27
- Левшин А. Е. 32
- Левшин В. А. 32, 40, 41
- Лепин В. И. 10, 13
- Леонар Н. Ж. 20
- Леонтьев Н. В. 164
- Лепренс де Бомон М. 127
- Лессинг Г. Э. 78, 113
- Ливанов М. Е. 246
- Лихачева О. П. 27
- Лобановы, князья 204
- Локк Дж. 78, 232, 241
- Ломоносов М. В. 5, 6, 10, 27, 38, 62, 78, 131, 132, 136, 138, 139, 146, 159, 160, 163—165, 169—173, 204, 206, 208—210

- Лонгинов М. Н. 39, 41—43, 102, 158, 188, 189
 Лопухин И. В. 41, 44, 46, 47
 Лотман Ю. М. 37, 87, 88, 90
 Лукин В. И. 53—55, 202, 211—215
 Лукомский В. К. 166
 Львов Н. А. 20, 22
 Любомиров П. Г. 139
 Лященко А. И. 186, 189, 190

 Майер В. 194
 Майков В. И. 21, 22, 69, 70, 164, 172, 178, 180, 181
 Майков Л. Н. 132, 196
 Майков П. М. 194
 Макогоненко Г. П. 7, 12, 37, 42, 46, 49, 75, 78, 80, 94, 95, 113, 115, 125, 173, 178, 216
 Максимович Л. М. 72, 74
 Макферсон Дж. 242
 Маленицкий 32
 Малерб Ф. 146
 Малиновский А. Ф. 36
 Маркс К. 14, 15
 Мармонтель Ж. Ф. 121, 122
 Марназов 136, 141
 Мартынов И. И. 101
 Мартынов И. Ф. 213, 214
 Матвеев А. С. 82
 Мейер Ф. 41, 44, 46
 Мендельсон М. 113—118
 Мендельсон-Бартольди Ф. 113
 Мелемент Гасан-ага 191
 Мелемент Мегмет-ага 191
 Менье де Керлон А.-Г. 216
 Мерсье Л.-С. 126, 247, 248
 Мертенс П. 73
 Мегастазно М.-А.-Д. 135, 136
 Миллер Г.-Ф. 22, 26, 29, 31, 32, 132, 204—210
 Миллер К. В. 17
 Милло К. Ф. 40
 Мильсан Ж.-Б.-Г.-М. де 126
 Мильтон Дж. 78, 231, 232, 241
 Мирк Я. 31
 Михаил Федорович, царь 32
 Моисеева Г. Н. 30, 132, 133
 Моисей 43, 164
 Молчанов Н. А. 161
 Монброн Ф. де 142
 Монкриф Ф. О. П. де 129
 Монтегю Э. У. 240
 Монтегье Ш. 84, 240
 Мор Т. 111
 Мордвинов Н. С. 230, 234, 235, 237—239
 Морозов А. А. 162
 Мосальские 32
 Муравьев А. А. 19
 Муравьев М. А. 19
 Муравьев М. Н. 16—23, 117, 232
 Муравьев Н. А. 16, 19
 Муравьев Н. Е. 133, 142—145
 Муравьева А. А. 19
 Муравьева Ф. Н. 16
 Мурат Гирей 29
 Мусин-Пушкин А. И. 5, 6
 Мусин-Пушкин А. С. 246
 Мухин С. А. 166

 Нартов А. А. 171, 224, 226
 Нарышкин А. В. 221, 222, 247
 Нарышкин В. В. 221
 Наумов А. 120
 Невзоров М. И. 48
 Незнаев 55, 66
 Некрасов Н. А. 81
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 135, 136
 Нерон 83
 Неспукалов 54
 Неустроев А. Н. 34, 169
 Никитин В. Н. 237, 238, 242
 Новиков А. 33
 Новиков Н. И. 3—39, 41, 42, 46, 48—76, 79—84, 86, 88, 94, 95, 97, 103, 104, 112, 113, 115, 116, 119, 125, 138, 147, 148, 149—151, 153—156, 158, 166, 179, 186, 196—198, 216—220, 222

 Обресков А. М. 191, 193
 Овидий 173, 248
 Овчинников М. К. 41, 187
 Одноушевский И. А. 194
 Одоевские, дворяне 32
 Ознобишии В. П. 32
 Олсуфьев А. В. 73, 212, 217
 Орлов В. Г. 237
 Орлов Г. Г. 99, 195, 230, 232
 Оспян А. Д. 235
 Оссиан см. Макферсон Дж.

 Павел I 47, 79, 110, 166—185, 222, 226, 233, 238
 Павловский А. 167
 Панин Н. И. 169, 221, 222
 Панин П. И. 206, 221
 Парадиз Дж. 240—242, 244, 245
 Пастухов М. П. 194
 Пекарский П. П. 213
 Пёльниц К.-Л. фон 129
 Пено Б. Ж. 40
 Перепечин Н. И. 164
 Петр I 6, 10, 12, 25, 28, 32, 82, 83, 172
 Петр III 164, 170, 172, 193, 222
 Петрарка Фр. 173
 Петров А. А. 104, 121, 156
 Петров В. А. 25

- Петров В. П. 56, 58, 64—66, 69, 70, 135, 155, 164, 171, 172, 229—246
- Петров Я. П. 231, 232, 236
- Пигарев К. В. 211
- Пикин И. 194
- Пиндар 138, 146
- Платон, митрополит 39, 40, 43—46, 78
- Плещеев М. И. 237
- Плещеева Н. И. 118
- Подшивалов В. С. 104, 117
- Пожарский Д. М. 31, 33
- Полоцкий, Симеон 31
- Полянский В. И. 133
- Пономарев, книгоиздатель 41, 44, 46, 75
- Поп А. 129, 232, 241
- Попов А. И. 213
- Попов М. И. 49, 50, 178, 185, 216—217
- Порошин С. А. 5
- Порховские, князья 204
- Посошков И. Т. 27, 28
- Поссевино А. 31
- Потемкин Г. А. 230, 245
- Потоцкий С. 192
- Правдолюбов 55, 58, 59
- Прево д'Экзиль А.-Ф. 128
- Примечаев Е. 53
- Прозоровский А. А. 71, 149—152
- Прокопович В. П. 246
- Прокопович-Антонский А. А. 104
- Протопопов А. 134
- Прямыков Елисей 66
- Пугачев Е. И. 15, 33, 84, 85, 110, 242
- Пумпянский Л. В. 192
- Пухов В. В. 217
- Пушкин А. С. 6, 10, 36, 81, 101, 102, 238
- Пыляев М. И. 192
- Пыпин А. Н. 211
- Радищев А. Н. 5, 6, 14, 15, 47, 77, 78, 83, 94, 95, 100—103, 115, 124
- Радищев П. А. 101—103
- Разин С. Т. 31
- Разумовский А. Г. 215
- Разумовский К. Г. 211
- Райт, каретный мастер 246
- Рак В. Д. 126
- Рамзай Э.-М. 40, 45, 57
- Расин Ж. 141, 144
- Рахманинов И. Г. 47, 247—249
- Рейнольдс Дж. 236, 242
- Рейхель И.-Г. 6
- Ржевский А. А. 133—138, 142, 171, 220—228
- Ридли Дж. 40, 41
- Риккбони М.-Ж. 127
- Ричардсон С. 121
- Ровинский Д. А. 246
- Розин М. В. 247
- Рост И. А. 205, 208
- Ростовцев Я. И. 198
- Ростовцева В. Н. 198
- Роте Х. 115, 118
- Ртищев Ф. М. 31
- Рубан В. Г. 6, 53—55, 68, 154, 155
- Рукме Ладен, мать Ф. А. Эмина 191
- Руммель В. В. 198
- Руссо Ж.-Ж. 78, 121
- Рустам-Заде З. П. 139
- Рылесв Н. И. 71
- Савицкий С. 201
- Сайас-и-Сотомайор М. де 127, 128, 129
- Сакулин П. Н. 65
- Салтыков Б. М. 202
- Самборский А. А. 233—246
- Самуил, митрополит Киевский 43
- Санковский В. Д. 169, 247, 249
- Санковский Н. В. 247
- Светлов Л. Б. 37, 41, 42
- Свифт Дж. 78, 129
- Селивановский Н. С. 230
- Селивановский С. И. 230, 238
- Селлий Б.-А. 29
- Семенов-Руднев Д. Е. см. Дамаскин
- Семеновников В. П. 38, 49, 50, 59, 65, 69, 100, 119, 168
- Сен-Мартен Л. К. де 39
- Сен-Мор, Бенуа де 182
- Сен-Обен М. 130
- Серапион, митрополит 149—152
- Серебряков Е. 194
- Серман И. З. 69, 81, 119, 132, 138, 141, 148, 170, 194, 222, 230, 232, 242
- Сеченов Д. А. см. Дмитрий
- Сиверс К. Е. 58
- Силов Г. И. 231—234, 236, 238, 241, 243, 245
- Симои, епископ Рязанский 43
- Симони П. К. 168, 173
- Сиповский В. В. 247
- Сичкарев Л. И. 171
- Скабичевский А. М. 227
- Скаррон П. 178—185
- Скородумов Г. И. 237, 246
- Скюдери М. де 180
- Смирнов Я. И. 241, 246
- Смирнов-Сокольский Н. П. 69
- Смоллет Т. Дж. 78
- Снегирев И. М. 10
- Сократ 114, 116
- Соловьев С. М. 169
- Сопиков В. С. 44
- Сотицеры, дворяне 32
- Стенник Ю. В. 238

- Степанов Ф. С. 237, 244, 246
 Стерн Л. 78, 119, 122, 184
 Стриттер И. М. 22
 Строганов А. С. 58
 Строганов Г. Н. 237
 Строганова Е. П. см. Трубецкая Е. П.
 Стрюйс Я. Я. 28
 Суворов П. И. 237, 238
 Сулакадзе А. И. 134
 Сумароков А. П. 5, 8, 10, 21, 38, 53,
 54, 56, 62, 65, 70, 131, 136, 138, 143,
 146, 170, 171, 181, 182, 206, 209,
 222, 225, 228, 229
- Тарановский К. Ф. 170
 Тарханский И. 103
 Тассо Т. 216
 Татищев И. П. 236, 240, 242, 243, 245
 Татищев М. И. 236, 240, 244, 245
 Татищев П. П. 158
 Тауберт И. И. 29
 Теден И. Х. А. 157
 Тейльс А. А. 21, 45
 Теплов В. Е. 179, 180, 183
 Теплов Г. Н. 65, 209
 Терликов П. 164
 Террассон А. 7
 Теселкин И. 103
 Тишков А. В. 173
 Титов А. А. 10
 Титов И. 103
 Тихомиров И. 194
 Тихонравов Н. С. 31, 32, 50, 132
 Тома А. 231, 232
 Томашевский Б. В. 172, 179, 213
 Тонкова Р. М. 213—214
 Третьяковский В. К. 10, 26, 131,
 163, 209
 Трефурт И. 103
 Трубецкая Е. П. 58, 69
 Трубецкой Н. Н. 47
 Трубецкой П. Н. 69
 Тузов В. В. 54
 Тургенев А. М. 70—73
 Тургенев И. П. 21, 47, 103, 156
 Тяткин В. 29
- Удар де Ламот см. Ламот Удар А. де
 Унси, мадмуазель 129
 Уортон Г. 242
 Урсова Е. В. 17
 Ушаков Ф. В. 202
- Фавар М.-Ж.-Б. дю Ронсере 129
 Фалалей 53, 54
 Федор Алексеевич, царь 33
 Федосов А. И. 83
 Фенелон Фр. 57, 111, 164, 216
 Феофилакт, епископ Переяславский
 43
- Филдинг Г. 78, 121
 Филипп Македонский 110
 Финдель И. 157
 Флавицкий А. В. 246
 Фонвизин Д. И. 5—8, 11, 38, 47, 77,
 78, 80, 83, 84, 86, 148, 211, 212,
 228
 Фонвизин П. И. 6
 Форстер Дж. 239, 240, 243, 244, 245
 Фортунатов И. Ф. 247
 Франкенберг А. фон 45, 46
 Фридерикс Ж. см. Вейсс, Жозефина
 Фридрих II 134, 135, 196
- Ханыков В. В. 20, 22
 Хвостов Д. И. 20, 69
 Хемницер И. И. 5, 20
 Херасков М. М. 6, 17—22, 47, 69,
 153, 164, 169, 171, 204—210, 222,
 225, 228, 247
 Хиндфорд, граф 239
 Хлебняков П. К. 24, 25, 32
 Хоксуорт Дж. 127
 Холл Дж. 45
 Храповицкий А. В. 5, 6, 9, 11, 49, 53
- Циземер И.-Г. 194
 Циммерман И.-Г. 47
- Чаадаев 221
 Чедли Э., герцогиня Кингстонская
 231—234, 239, 243, 244
 Чемоданов И. И. 33
 Чернов С. Н. 171
 Чернышев И. Г. 235
 Чернышевский Н. Г. 10, 114
 Честерфилд Ф.-Д.-С. 242
 Чистосердов 56
 Чулков В. М. 73
 Чулков М. Д. 4, 40, 41, 49—76,
 166—185, 197
- Шаховские, дворяне 32
 Шварц И. Г. 158
 Шевырев С. П. 132
 Шекспир В. 78
 Шереметев В. Ф. 32
 Шерлапмов И. 245
 Шпльдер П. К. 168
 Шишков А. С. 110
 Шкловский В. Б. 51, 167, 178, 184
 Шлецер А.-Л. 22, 189, 202
 Шлоссер Ф. К. 157
 Шляпкин И. А. 230—233, 235, 241
 Шнор И. К. 39, 41
 Штарк И. А. 40, 156, 157
 Штранге М. М. 190
 Шувалов А. П. 53
 Шувалов И. И. 18, 131, 138, 194, 209
 Шульц И.-Х.-Ф. 129

- Щербатов Г. М. 221
Щербатов М. М. 29—32, 139, 221,
222, 223
- Эли С. 40
Эмин Н. Ф. 192, 198
Эмин Ф. А. 4, 56—62, 65, 66, 136,
179, 180, 184, 186—203, 229
Эмина В. М. см. Ростовцева В. Н.
Эмина, Ульяна 198
Энгельс Ф. 14, 15
Эпинус Ф.-У. 194
- Юдин Ф. 135
Юнг Э. 78
Юссё Луи д' 127—129
- Яковлев М. 194
Яковлев С. 194
Ярослав Всеволодович, князь 29
- Bar Francis 181
Berwin B. 113
Buoth Wayns C. 183
Chenakal V. L. 245
- Chepporson A. B. 251
Cross A. G. 248
Du Halde J.-B. 127
Erllich V. 184
Fite de la 106
Friedländer D. 111
Hamberger G. Ch. 119
Kayser Ch. G. 119
La Grange N. de la 128
Marmontel J.-F. 129
Mavor E. 244
Meissner A.-G. 127
Meusel J. G. 119
Morillot Paul 181
Plantet E. 192
Reychman J. 192
Spurling J. 240
Struve G. 241
Swan H. 245
Swift J. 129
Ussieux L. d' 127, 129
Vayssettes E. 192
Vergenne, de 71
Wright 244, 246
Youssef Mohamed Seghir ben 192

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
I	
П. Н. Берков. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н. И. Новикова	5
Л. И. Кулакова. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева . . .	16
Г. Н. Моисеева. Археографическая деятельность Н. И. Новикова	24
В. А. Западов. К истории правительственных преследований Н. И. Новикова	37
В. П. Степанов. Новиков и Чулков. (Литературные взаимоотно- щения)	49
М. В. Иванов. Державин и Новиков	77
II	
А. Г. Татаринцев. Идеино-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия в*** И*** Т***»	87
Е. П. Привалова. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума»	104
Н. Д. Кочеткова. Немецкие писатели в журнале Новикова «Утревний свет»	113
В. Д. Рак. Переводные анонимные произведения в «Городской и деревенской библиотеке»	125
И. Ф. Мартынов, И. А. Шанская. Отзвуки литературно-обще- ственной полемики 1750-х годов в русской рукописной книге. (Сборник А. А. Ржевского)	131
Г. Н. Моисеева. Дополнительные данные к обстоятельствам пре- следования Н. И. Новикова	149
М. И. Медовой. «NN иностранец» и «Всезнающий»	153
В. А. Западов. Неизвестная ода Г. Р. Державина	159
М. В. Виднес, В. П. Степанов. Неизвестная ода М. Д. Чулкова	166
Дж. Гаррард. «Русский Скаррон». (М. Д. Чулков)	178
Е. Б. Бешенковский. Жизнь Федора Эмина	186
Л. М. Пастушенко. Письма М. М. Хераскова к Г.-Ф. Миллеру (1756—1764)	204
В. П. Степанов. Новиков и его современники. (Биографические уточнения)	211
М. Л. Смусина. Трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и общественно-политическая борьба 1770-х годов	220
А. Г. Кросс. Василий Петров в Англии (1772—1774)	229
Н. Д. Кочеткова. О первых русских переводах книги Л. С. Мерсье «Мой спальный колпак»	247
Указатель имен	250